

Лариса Тимофеева

Утопия о бессмертии

Сетья

18+

Лариса Тимофеева

Утопия о бессмертии.

Книга вторая. Семья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66687646

SelfPub; 2024

Аннотация

Маленькая счастлива. Она жена и мать. А ещё она хозяйка большого дома.

Сергей заботливый супруг и любящий отец, но в нём растёт недовольство семейными хлопотами жены, он хочет большего внимания к себе, и он ревнует.

Ревность становится постоянным спутником их жизни.

Конфликт времени. Конфликт выбора. Кто виноват в том, что они никак не научатся жить одной жизнью на двоих?

Содержание

Книга вторая. Семья	4
Глава 1. Члены семьи	4
День первый	4
День второй	120
День третий	249
День четвёртый	281
День пятый	371
Глава 2. Дети	396
День первый	396
День второй	506
День третий	548
Послесловие	591

Лариса Тимофеева

Утопия о бессмертии.

Книга вторая. Семья

Книга вторая. Семья

Глава 1. Члены семьи

День первый

– Маленькая, потанцуй со мной, – улыбаясь, Серёжа протянул мне руку.

Я засмеялась – звучал мой любимый вальс. Каждый раз, когда я слышу эту музыку, я наполняюсь торжеством жизни. Опираясь на его руку, я встала из-за стола и вдруг почувствовала на затылке чей-то взгляд; я оглянулась – женщина с распущенными по плечам тёмными волосами спряталась за чьей-то спиной.

– Что ты, Девочка? Кого ищешь? – спросил Серёжа, увлекая меня за собой.

– Не знаю, кто-то смотрел.

– Маленькая, ты так хороша, что на тебя все смотрят, – горячо шепнул он, захватив губами мочку моего уха, и застонал: – ооо... соскучился...

Миновав столики, мы закружились под «Вальс цветов».

Божественные звуки взлетали, расширялись, взлетали и... взлетали; и вверх, и вширь ткали новое пространство – чарующее, волшебное, вовлекающее в себя и отгораживающее от внешнего мира. Одновременно звуки проникали внутрь, заставляя трепетать – петь каждую клеточку тела. Грудь расширялась восторгом, тело стремилось воспарить. Серёжины глаза мерцали искорками, влекли. «Люблю тебя!» – признавалась я, и мой смех вплетался в звучание пространства.

С последним аккордом Серёжа приблизил лицо, его глаза полны желанья, язык всего на мгновение проникает ко мне в рот, и этого достаточно, чтобы у меня перехватило дыхание. Я закрыла глаза и потянулась к нему, но осталась в одиночестве – он уже отстранился и склонился к моей руке. Коснувшись губами пальцев, взглянул снизу вверх насмешливым взглядом искусителя:

– Танго?

Закинув голову, я засмеялась от счастья. «Милый, ты же знаешь ответ!» Лаская взглядом, он ждёт от меня слов.

– А тема? – спрашиваю я.

– Соблазни меня, Девочка!

– Серёжка, ты повторяешься! Помнишь в Алма-Ате – вначале «Вальс цветов», потом – танго. Помнишь, ты сказал:

«Танго, как секс, отдайся мне», а потом сказал, что был не готов...

– Тогда я только догадывался о твоём умении соблазнять, и был беззащитен, сейчас я знаю, а, значит, вооружён.

Я приподняла брови: «Да?» Будучи много ниже Сергея, мне иногда удаётся взглянуть на него «сверху вниз». Он насмешливо усмехнулся...

Я решила рассказать историю пробуждения женственности.

Как и в ресторане Алма-Аты, я вышла вперёд, оставив Серёжу за спиной. Раздался первый такт мелодии. Неловкая и неумелая, я начала двигаться врозь с ритмом, делая большие паузы между движениями, словно познавая саму себя. Постепенно ускоряясь, я догоняла ритм и, наконец, совпала с ним и подчинилась – движения стали резкими, позы скульптурными, не связными между собой, как разрозненные, мелькавшие на экране кадры. Женщина узнала себя. Теперь она стремилась превратить бытие в искусство и постигала женственность. Устраняя разрывы между движениями, я постепенно заполняла каждый такт музыки собой – перетекая гибкостью рук, спины, свободной подвижностью бёдер из одного движения в другое. Тело слилось с музыкой в бесконечном волнообразном движении, демонстрируя обретенную пластичность. Взглядом, уверенной в своей власти женственности, я оглядела пространство перед собой. Теперь я

танцевала танго. Танго-призыв. Танго-ожидание. Танго-обещание.

Сидевшие за столиками и переставшие жевать, люди смотрели на меня; те, кто сидел в отдалении, вставали, перемещаясь ближе к танцполу. Мой взгляд пересёкся с взглядом тёмных, лихорадочно блестящих глаз. «Кто ты?» – мысленно спросила я, но незнакомка опять ускользнула.

Рука Серёжи легла на плечо, я на секунду замерла и стряхнула её круговым движением. Вздёрнув подбородок, хотела повернуться к нему и... не успела. Грубо схватив за плечо, он рывком развернул меня к себе. «Серёжа!?»

В его глазах не было желания, его глаза блестели гневом. Обхватив за спину, он увлёк меня в вихрь вращения; прервав кружение, отправил в одну, потом в другую сторону от себя, понуждая к движению рукой, лежавшей на моём затылке. Он повторял это снова и снова, будто забавляясь моей податливостью. Я искала его взгляда, надеясь спросить: «Серёжа, что ты делаешь?», но он смотрел сквозь меня. Мы исполняли знакомые всем движения танго – красивые, когда танцуют оба. Но в нашем дуэте танец страсти он исполнял сам, меня в танце не было – я кукла! Я подчинялась его воле, позабыв о соблазнении.

Новый вихрь кружения показался мне спасением, прижатая к его груди, я с надеждой заглянула ему в глаза и запаниковала: «Холод! Куда делось тепло из твоих глаз?»

Финал танца возвестил о триумфе Мужчины. Гордо воз-

вышаясь надо мной, Сергей поддерживал моё поникшее, безвольное тело одной рукой, вприщур рассматривая обращённое к нему лицо. Я молила о любви.

– Маленькая, ты что творишь? – тяжело дыша, спросил он.

Я выпрямилась без его помощи и парировала:

– А ты?

Люди аплодировали. На их глазах развернулась драма – осознавшая свою привлекательность женщина была низвергнута мужчиной до состояния марионетки, но люди аплодировали и улыбались. «В добрых сказках, наоборот, – тоскливо подумала я, – там куклы в лучах любви превращаются в людей!» Мне стало зябко под обнимающей мои плечи рукой.

– Ты соблазнила половину зала.

– Всего лишь половину? – вяло отозвалась я, старательно улыбаясь встречным улыбкам и склоняя голову в знак признательности за аплодисменты. – Жаль, что в этой половине не оказалось тебя.

– Маленькая, не играй со мной! – с явной угрозой в голосе остерёг Сергей.

Я ещё раз взглянула на его лицо, там по-прежнему для меня ничего не было – Сергей смотрел прямо перед собой. Мои губы уже не могли улыбаться, а мы всё шли и шли среди людей к нашему, далеко стоявшему от танцпола, столику. Наконец, шум аплодисментов остался позади. Не обращая внимания на Андрэ, в удивлении приподнявшего брови,

на принца, провожающего нас задумчивым взглядом, Серёжа провёл меня мимо нашего столика и втолкнул в комнату, арендованную для кормления детей, захлопнул за собой дверь и оперся на неё спиной. Сунув кулаки в карманы брюк, спросил:

– Тебе не понравилось наше танго?

Я механически повторила:

– Мне не понравилось наше танго.

– Почему? Ты же так задорно начала, завела весь зал.

– Ты сказал: ползала.

Он вновь сузил глаза.

– Я почему-то решил, что это я имею право на недовольство. Ты считаешь по-другому?

– Ты имеешь право на недовольство. Я соблазнила половину зала и не соблазнила тебя.

Возведя глаза к потолку, он шумно выдохнул и произнёс:

– Это тупик. Маленькая, тебе в забаву моя ревность?

– Я не думала о твоей ревности. Я танцевала. Тему предложил ты сам.

– Зачем ты соблазняла мужчин в зале?

– Я повторяю, у меня не было цели соблазнять кого-то, кроме тебя. Я точно так бы танцевала, если бы зал был пустой.

Сергей резко втянул в себя воздух и очень мягко, как несмышлёнышу, пояснил:

– Но в зале были люди, были мужчины.

– Были, – согласилась я. – Я танцую для себя, но если мой танец кому-то нравится, мне это приятно.

– Хорошо. Объясни, пожалуйста, что не понравилось тебе?

– Ты утверждал власть, используя физическое превосходство. Ты не позволил мне двигаться, ты так увлёкся, что обращался со мной, как... как с палкой!.. а ещё, я никогда не видела таких глаз у тебя, в твоих глазах я всегда находила тепло, сегодня у тебя тепла для меня не нашлось.

Наступило тягостное молчание. Размышляя и не меняя позы, Серёжа глядел перед собой. Наконец, он перевёл взгляд на меня и подтвердил:

– Да, я демонстрировал им, что ты принадлежишь мне.

– Кому? Никто из них не посягал на меня.

– Ты звала! Как охотники к добыче, они стали подбираться к тебе ближе. Я видел их глаза.

Я вздохнула.

– Серёжа, ко мне никто не подбирался. Люди хотели посмотреть танец.

Вновь повисло молчание. Я видела, что он перестал сердиться, высвободив из карманов руки, он оттолкнулся от двери и шагнул ко мне.

– Я испугал тебя. Я видел твой взгляд, когда опрокинул тебя назад.

Проведя пальцами по его щеке, я устало произнесла:

– Пойдём, наше отсутствие затянулось.

Граф и Его Высочество сделали вид, что в нашем дефиле мимо них не было ничего необычного. Как только мы сели за стол, Андрэ потребовал:

– Детка, дай мне ручку, я поцелую твои пальчики. Танцуешь обворожительно! Захватываешь зрителя целиком, равнодушных не остаётся. И сюжет танца интересный – марионетка, возомнившая себя человеком! Кому из вас пришла в голову такая идея? – задавая вопрос, он поочерёдно посмотрел на меня и на Серёжу.

Сергей усмехнулся и промолчал.

– Детка, я чего-то не понял? Ты расстроена? – забеспокоился Андрэ.

– Нет, Андрей, милый, ну что ты! – поспешила я его успокоить и улыбнулась. – Всё хорошо! А сюжет пришёл в голову как-то сам, прямо во время танца.

Его Высочество подал реплику о каких-то налогах, по-видимому, продолжая разговор, начатый в наше отсутствие, чем и отвлёк графа. Граф включился в обсуждение. Я выразила принцу признательность лёгким наклоном головы, на что он скучливо отвернулся – Его Высочество никак не желал примириться с выбором друга – женщина, на которой женился его друг, ему не нравилась.

Мне было не до его неприязни – после первых же глотков чая мои груди стали наполняться молоком.

– Серёжа, малыши проснулись, – шепнула я, – я пойду кормить в апартаменты.

Молча захватив в руку мою ладошку, Сергей поднялся вместе со мной.

– Поцелуй деток за меня, – отвлекаясь от налогов, напутствовал Андре.

– Обязательно, милый!

Выходя из лифта на своём этаже, мы увидели Настю и Стефана. Стефан нёс деток в обеих руках в сумках-переносках. Увидев нас, ни слова не говоря, развернулся и пошёл обратно в номер. Настя, оглядываясь, потянулась за ним следом.

– Лида, – удержал меня Сергей. – Прости меня, Девочка. Ты прячешься. Не убегай от меня, слышишь?

Я коснулась пальцами его щеки, погладила и попросила:

– Поцелуй меня! – и тотчас вскрикнула: – Ах! Осторожнее, милый, грудь полная.

Стефан в гостиной разговаривал по телефону, голос звучал глухо, слов я не разбирала, но было понятно, что Стефан раздражён. Я вопросительно посмотрела на Настю. Она пожала плечами и шепнула:

– С Дашей, может? Увязался за нами! Я думала, Паша останется.

Малыши проголодались – даже Катя против обыкновения сосала, не отрываясь. Макс, как всегда, ел деловито, не отвлекаясь и не останавливаясь. Пока сосёт, смотрит только на меня. Катя, та пока ест, всё вокруг осмотрит, скользит глаз-

ками, что по моему лицу, что по стенке, всё с одинаковым безразличием, но только увидит Серёжу, забывает обо всём и улыбается. Катя, вообще, улыбается только Серёже.

– Катя сегодня плакала, – вдруг сообщила Настя.

Я вновь подняла к ней лицо.

– Я не знаю почему. Во сне заплакала. Макс закричал, тоже во сне; выгибаться стал. А Катя спит и плачет. Я подумала мокрая, она же не терпит сырой подгузник. Заменяла, а она всё равно не успокаивается. Максим проснулся и тоже скривил мордашку. Стефан не дал заплакать, взял на руки, он только покряхтел. Может, животики? Стефан массаж сделал, они вроде успокоились. – Настя покачала головой, вспоминая: – Катя так горько плакала!

Мои дети почти не плачут. Максим, даже когда родился, не заплакал, а басовито запел, возвещая миру о своём приходе. Катя, бывает, плачет, но очень редко. Я закрыла глаза и прислушалась к малышам. «Неужели почувствовали? Что? Мой страх? Или Серёжа в слепой ревности худое подумал?»

Макс выпустил сосок, улыбнулся во весь ротик, загулил, выражая удовольствие.

– Наелся, маленький? Сынка мой славный!

– Давайте, Лидия Ивановна... – Настя протянула руки и забрала Максима. Приладив его к плечу, стала прогуливаться с ним по комнате. Малыш любопытными глазёнками поглядывал вокруг себя.

Катя ещё сосала, и глазки её постепенно закрывались.

«Недоспала малышка, – думала я и, как только она отпустила сосок, приподняла её головку повыше и прижалась к лобу губами. – Что же тебя напугало, девочка?» Энергия доченьки была чистой, она безмятежно спала.

Неслышно войдя в спальню, над нами склонился Стефан. Прикрыв грудь рукой, я выразила негодование мимикой, он усмехнулся, взял у меня дочь и повернулся спиной, предоставляя возможность и приводить туалет в порядок, и кипеть, сколько мне хочется.

– Вы поели? – поинтересовалась я, когда уложив спящих детей поперёк кровати, мы все трое вышли в гостиную.

– Нет, – отозвалась Настя, – хотели заказывать, а тут Катя заплакала, не до обеда стало. Сейчас закажу. Стефан, выбери, что ты будешь есть. Я себе уже выбрала.

– Мясо, – лаконично ответил Стефан.

Стефан отличался многоречием, только тогда, когда был чем-то возмущён.

– Какое мясо? – с раздражением спросила Настя. – Книжка меню перед тобой. Выбирай хоть мясо, хоть не мясо, мне название блюда скажи.

Я подошла к стационарному телефону и сняла трубку. Нажала поочерёдно две клавиши и тотчас услышала услужливый женский голос:

– Добрый день! Чем могу помочь?

– Здравствуйте. Я хочу заказать в номер обед на две персоны и перед этим хочу переговорить с кем-то, кто поможет

мне сделать выбор. – Пока меня соединяли с рестораном, я спросила у Насти: – Ты что выбрала?

Она потыкала пальцем в разные строчки меню.

– Да-да. Здравствуйте. Мой гость любит мясо. Что вы можете порекомендовать? Баранина предпочтительнее. – Я в упор смотрела на Стефана, он с мягкой усмешкой на меня. – Хорошо. Именно это блюдо я и закажу. На гарнир – овощи, слегка припущенные в масле, лучше оливковым. Да, благодарю. И порцию сделайте, пожалуйста, двойную. Нет, и мяса двойную порцию, и овощей. Благодарю.

Потом я заказала блюда, выбранные Настей, на своё усмотрение десерт и кофе. Выслушала добрые пожелания администратора кухни и повесила трубку.

– Вот! Учись, – обращаясь к Насте, Стефан назидательно выставил вверх указательный палец, – женщина всегда найдёт способ сытно и вкусно накормить мужчину. А ты – «меню на столе возьми», – передразнил он её, – так и мужа накормить не сумеешь!

– Ты мне не муж, – огрызнулась Настя.

– Стефан, почему детки плакали? – вмешалась я в их перепалку. – Что думаешь?

Ответом мне был продолжительный и внимательный взгляд. Я опустила глаза раньше, чем он произнёс:

– Кишечник не возбуждён.

– Ну хорошо, пообедайте, я пойду. – Я поднялась, и Стефан тоже поднялся с дивана. – Куда ты? Я сама дойду.

Он легко согласился:

– Дойдешь. Со мной.

В лифте, расслабленно опершись могучими плечами на стенку кабины, он не спускал с меня глаз. Я никогда не умею уйти от его вопросов, пусть даже и молчаливых. Я смело подняла взгляд.

– Стефан, не смотри на меня так. Всё в порядке. – И снова опустила глаза.

– Я вижу. – Пропустив вперёд, он шагнул за мной из лифта, схватил за руку и потащил за собой.

– Стефан! – остановила я его и выдернула из его ладони руку. – Теперь пойдём.

Я пошла вперёд, а он старательно стал приноравливаться к моему шагу.

– У Даши вчера глаза были красные. Поссорились? – спросила я.

Он промолчал, я вздохнула и извинилась.

Мы шли по залу, притягивая к себе взгляды со всех сторон. Точнее, взгляды притягивал он. Огромного роста, огромный в плечах, с лохматой шевелюрой, закрывающей пол-лица. Тёмно-карие глаза мерцают из-за густых ресниц, и взгляд их всегда неторопливо внимателен и всегда печален. Стефан никогда не беспокоится, как он выглядит. Никогда не замечает того особого внимания к себе, какое проявляют женщины к красивым и печальным мужчинам. Красавицу Дашу Стефан покорила с первого взгляда ещё тогда, в Па-

риже, в доме Андрэ. Вернее, он Дашу не покорял, она сама покорилась. Он её тогда и не заметил. Тогда он никого не замечал – жил в своём мире, состоящем из горя и боли. Боюсь, он и сейчас живёт воспоминаниями о своей первой жене.

Серёжа встал из-за стола и сделал к нам шаг навстречу. Я подняла лицо, встречая его поцелуй. Стефан стоял позади и закрывал нас от зала, но чей-то взгляд всё же проник из-за его спины. Я оглянулась.

– Что ты, Маленькая? – спросил Серёжа.

– Какая-то женщина. Не в первый раз. Чувствую взгляд, оглянусь, она прячется.

И Серёжа, и Стефан осмотрели обедающих людей.

– Нет никого, Девочка, все заняты только собой. Садись, я тебе рыбу заказал. С малышами всё в порядке?

Я взглянула на Стефана. Он усмехнулся и, поворачиваясь к выходу, пробурчал:

– Пойду, а то моя двойная порция остынет.

– Всё в порядке, Серёжа, – запоздало ответила я.

– После обеда встреча за закрытыми дверями, думаю, минут на сорок затянется. Поскучаешь? Или поешь, и я провожу тебя наверх?

– Поскучаю. Детки спят. Настя тоже приляжет. «А подвергать себя вопрошающим взглядам Стефана, я не хочу», – добавила я про себя.

– Я не позволю соскучиться! – весело встрял в наш разговор Его Высочество. – Если ты, друг мой, разрешишь по-

ухаживать за твоей женой, буду иметь честь пригласить графиню на танец. И если не оттопчу ей с первого раза ножки, дерзну пригласить и на второй, и на третий. – Принц через стол слегка поклонился мне.

Я засмеялась.

– Ах, Ваше Высочество, танец с вами это скорее честь для меня. Я, увы, не принадлежу к особам королевской крови, правда, Андрей?

Андрэ развёл руками и, шутливо сокрушаясь, покачал головой.

– Да, детка, не принадлежишь!

– Ты не пойдёшь на обсуждение? – спросил у принца Сергей, не приняв его шутливого тона.

– Я всецело тебе доверяю, мой друг! – ответил тот. – К тому же, это такая скука! Думаю, вы там и за час не управитесь! Я часок потанцую с графиней, потом минут на пятнадцать загляну разогнать вас говорунов. Ну, а если вы раньше управитесь, то и того лучше!

Его Высочество был в ударе – он успевал и есть, и пить, и развлекать нас анекдотами, а понизив голос, поведал о курьёзных происшествиях из жизни королевских особ. Обычно сдержанный в проявлении эмоций, Андрэ смеялся так же весело, как я или принц. Только Сергей не участвовал в общем веселье, был задумчив и даже подавлен.

Перед десертом я положила руку на его бедро. Он взял мою ладошку, поднёс ко рту и, целуя пальцы, впервые за всё

время обеда взглянул на меня – искристое тепло в его глаза так и не вернулось, в глазах его по-прежнему жила грусть.

– Серёжа, мне нужно тебе кое-что сказать. Лучше сейчас, чем потом.

Он несколько секунд смотрел на меня, потом встал и потянул меня за собой. Приведя в комнату для кормления, захлопнул дверь и, как и в прошлый раз, прислонился к ней спиной.

– Что, Маленькая? Что ты хотела сказать?

– Серёжа, давай забудем о том, что произошло! Ты избегаешь моего взгляда, и я всё больше чувствую себя виноватой.

– Да нет же, Девочка! – Положив руки на мои плечи, он прижался лбом к моему лбу и горячо прошептал: – Лидка, у меня перед глазами стоит твоё испуганное лицо. Я поверить не могу, что это я тебя напугал! Не могу понять, как, увидев твой страх, я не остановился? Как мог упиваться властью? Я обещал себе лелеять тебя, баловать, исполнять твои прихоти и не позволил малость – танцевать!

– Серёжа, нет! Ну что ты такое говоришь? Серёжа, послушай, я – счастливейшая из женщин! Господи! Ну что ты говоришь? Ты лучший из мужчин! Я люблю тебя! Смотри на меня, я тоскую без тепла твоего взгляда! Поцелуй меня, я скучаю по твоему желанию!

Губы Сергея сначала нежные, стали твёрже. Я услышала, как щёлкнул замок двери.

В распахнутые двери вип-зала поодиночке и по двое потянулись представители российского бизнеса. Серёжа и граф ушли в числе первых, я сидела за столом, уплетая кусок торта – нежнейший бисквит таял на языке, оставляя во рту горьковато-свежее послевкусие цитрусовой пропитки. Принц наблюдал за мной, лениво потягивая коньяк. Дождавшись, когда я сложила приборы, он сказал:

– Лидия, вы удивительная женщина! За пять минут вы повергаете мужчину в ад и ровно с такой же стремительностью возвращаете его в иллюзию рая.

Я засмеялась.

– Ваша оценка происходящего не совсем справедлива, Ваше Высочество. Когда, как вы выразились, я повергаю мужчину в ад, я и сама оказываюсь там же. Когда я возвращаю мужчину, как вы выразились, в иллюзию рая, это совсем не значит, что и я возвращаюсь в эту самую иллюзию. И позвольте вопрос, Ваше Высочество, отчего же, по-вашему, ад – это реальность, а вот рай непременно иллюзия?

Недобро прищурившись, принц предпочёл не заметить моих уточнений и не стал отвечать на мой вопрос, а продолжал нападать:

– Ваш муж, графиня, ревнив, а вы по сути своей соблазнительница. Вы сама по себе для него отрава. Когда мы с вами познакомились, вы соблазняли инстинктивно. Вы и сейчас соблазняете любым вашим жестом, действием, у вас это в

крови. За вами интересно наблюдать, но наблюдатель очень скоро становится жертвой. Полагаю, раньше вы не отдавали себе отчёта в своём воздействии на мужчин и потому искренне недоумевали, когда мужчина обнаруживал вам своё вождение. Ваша наивность делала вас ещё более желанной и... опасной. Признайтесь, вы ведь не сталкивались с отказами?

– Я не искала побед, Ваше Высочество, потому и с отказами не сталкивалась. Да и что такое отказы? Когда-то меня бросили ради другой женщины!

Принц рассмеялся.

– Бьюсь об заклад, тот мужчина до сих пор помнит вас, хоть и сбежал от вас ради собственной безопасности. – Его веселье сменилось холодностью: – Сегодня я увидел, насколько вы преуспели в искусстве обольщения, теперь вы соблазните сознательно. Если бы ваш муж не остановил вас, и вы танцевали бы своё одинокое танго ещё минут пять, мужчины в зале начали бы турнир за право обладания вами.

Принц отвернулся, предоставляя мне возможность любоваться его горбоносым профилем. Я решила, что он кончил свою обвинительную речь, и хотела ответить, что танцевала вовсе не для того, чтобы кого-то соблазнить, как принц, вновь уколов беглым взглядом, продолжал:

– Я помню, графиня, ваш арабский танец. Тогда мною владело единственное желание, всадить кинжал в печёнку моего друга. Останавливало одно – я понимал, вы соблазняя-

ете только его, весь ваш танец предназначен исключительно для моего друга. Вы сами сочились вождением и желали вы только его. – Воспоминание давалось ему трудно, но он договорил: – Я вам был не интересен, точнее, меня не было в вашем мире, я был пустое место.

Я тоже помнила тот арабский танец. Ничего непристойного – я была в брючном ансамбле – свободно облегающие брюки и блузка. Мы были в гостях у Его Высочества, в одном из отелей Парижа, ужинали, слушали арабскую музыку, дурачились – принц заявил о королевском праве освящать союз влюблённых, налил по ложке мёда на правые ладони мне и Серёже, соединил их, крепко стиснув своими руками. Мёд расплавился и потёк, и принц громогласно объявил брак угодным богам...

– К несчастью, сегодня вы соблазняли не вашего мужа, вы соблазняли других мужчин, – прервал принц мои воспоминания.

Он повернул ко мне лицо, я приняла его уничижающий взгляд и покачала головой.

– Возможно, вы правы, Ваше Высочество, возможно, мне, и в самом деле, не следует танцевать одиночные танцы. – Я обвела опустевший зал глазами и вздохнула. – Да, мне сегодня предстоит тяжёлый разговор с мужем. Я не готова к этому разговору, но говорить всё равно придётся. Вероятно, я действительно соблазняла. Не отдельных мужчин или женщин, а всех вместе. Сергей почувствовал порочность мое-

го желания, потому, как умел, так и пресёк его, а с тем и моё «танго» остановил. Я ещё не умею в этом разобраться. Вы, Ваше Высочество, наблюдательны и проницательны, и если вы поможете мне лучше узнать себя, я буду вам признательна. Я знаю, вы не любите меня, и я не предлагаю вам дружбу. Нет. – Я покачала головой. – Мои слова вам вряд ли покажутся убедительными, но я всё же скажу. Я люблю Сергея. Он главный человек в моей жизни. Говорю эти слова и не верю, что могу такое сказать. Не дети. Он. Я много знаю про себя, но ещё большего не знаю. Желание соблазнить весь мир всплыло неожиданно и из неизвестных мне подвалов подсознания, но я с этим разберусь. И Сергей сегодня познакомился с неизвестным собой. – Я усмехнулась. – Рискую показаться банальной, но повторю вслед за многими – на Земле идёт большая игра, мой принц, борются Добро и Зло. Добро и Зло борются не вне, как думают многие люди, а внутри человека – всё, что мы наблюдаем снаружи, всего лишь последствия внутренней борьбы. Борьба идёт за красоту человеческой Души, за совершенство Личности, как бы пафосно это не звучало. Борьба идёт между нашими потаёнными страхами и потребностью любить. И знаете, Ваше Высочество, я сделаю всё, чтобы победить. И на этом пути приму любую помощь, как от друзей, так и от врагов.

Я умолкла, а принц, по-видимому, утратил интерес к теме разговора, он отвёл от меня глаза и уставился в пространство за моей спиной.

Неподалёку от нас, покинутые мужчинами, дамы объединились в группку – пили вино, смеялись, то и дело громкими голосами зазывая присоединиться к своему кружку товарок, скучающих наедине с телефоном. Одна из дам была особенно активной:

– Идите сюда! Идите-идите! – настойчиво приглашала она сидевшую ко мне спиной темноволосую женщину. – Мужики ушли, так у нас своя туса! Не стесняйтесь! Да что же вы?

Дама встала, намереваясь, по-видимому, перейти к действиям – взять брюнетку за руку или ещё как выразить свою доброжелательность, но вдруг её улыбающееся лицо исказилось обидой. Вероятно, получив не совсем вежливый отпор, она беспомощно оглянулась на подруг, но те старательно отводили глаза.

«Вот тебе и Добро, и Зло, – подумала я. – Одна чрезмерно назойлива в стремлении оказать Добро, другая слишком независима или, наоборот, стеснительна, чтобы не увидеть в Добре Зла. Как почувствовать меру и не обратить Добро во Зло? Ответ я знаю, только следовать ему чрезвычайно трудно. А ответ такой – надо принимать человека таким, какой он есть, и не навязывать ему ни своего настроения, ни своего миропонимания. А вот сие возможно только при наличии внутренней свободы, ибо только внутренняя свобода освобождает от желания указывать другому, как себя вести...»

– Лидия, – прервал мой внутренний монолог принц, – вы сказали, что я вас не люблю. Это не так. Я болен вами, Ли-

дия, болен с того первого дня, как вас увидел.

После такого заявления я забыла и про дам, и про Добро со Злом. Во все глаза я уставилась на принца, а он улыбнулся и мягко произнёс:

– Я полагал, вам это известно.

Всё, что я смогла – это помотать головой из стороны в сторону.

– Наша первая встреча произошла в Париже. Помните? Вы занимались выездкой, когда мы с Сергеем пришли. Граф задержал нас в холле, и я наблюдал за вами через окно.

Ваша коса растрепалась. Опираясь на руку Стефана, вы прыгнули с коня и согнулись пополам, руками собирая волосы в пучок. Вам было всё равно, что ваши волосы стелются по земле. – Принц ласково улыбался, то ли картинке из прошлого, то ли мне, сидевшей напротив с разинутым ртом. – Я был заморожен игрой солнца на ваших волосах. Потом вы выпрямились, но я не смог, как следует, разглядеть ваше лицо – вы спешили продолжать занятия. Волосы вы собрали кое-как, но вас это совершенно не заботило, вам всего-то и нужно было, чтобы они вам не мешали. Пока вы собирали ваши волосы, я был ужален вами навсегда.

Потом я смотрел, как расцвело ваше лицо, когда вы увидели Сергея. Вы на ходу скатились с коня, абсолютно не заботясь о безопасности. Стефан хотел вас подхватить и не успел. Умный конь замер, чтобы не задеть вас. Вы ничего не замечали. Вас не озаботило и то, кто находится рядом, что о вас

подумают, как вы выглядите, вы упоённо предавались поцелуям с любимым.

Прошло уже несколько лет вашего замужества, но так вы ведёте себя и по сию пору. Вы умеете любить, но рядом с вами слишком много желающих вас мужчин. – Продолжая улыбаться, он покачал головой. – Я не враг, Лидия, я хочу быть на вашей стороне в этой, как вы выразились, «большой игре». Вы сказали, что не предлагаете мне дружбу, позвольте мне самому предложить вам дружбу и вот вам моя рука, – он встал, обогнув стол, подошёл ко мне и протянул открытую ладонь, – обопритесь на неё, если возникнет необходимость.

– О, благодарю вас, Ваше Высочество! – Тронутая его предложением, я тоже поднялась со стула и положила руку на его ладонь.

Мы стояли близко друг к другу, глаза в глаза, рука в руке. Я надеялась обрести в нём друга. Вдруг на лице его появилась усмешка, принц покачал головой и произнёс:

– Что происходит?! Я предложил дружбу женщине! Невежливо!

Мы оба рассмеялись. Он склонился к моей руке с поцелуем и после поцелуя предложил:

– Окажите мне честь, графиня, пусть тур вальса скрепит наш дружеский союз.

На танцполе, положив руку на плечо Его Высочества, я опять почувствовала сверлящий спину взгляд. Я хохотнула и не стала оглядываться. Принц удивился, но мы уже кружи-

лись в медленном вальсе, и я не стала ничего объяснять. Потом Его Высочество учил меня танцевать пасодобль, потом мы танцевали танго. Ещё один вальс. Ещё одно танго. Его Высочество любил танцевать.

– Лидия, а вы знаете, что это я склонил Сергея к занятию танцами. Именно так! И скажу, это было не просто, он сначала и слушать не хотел! – Принц вел меня к нашему столику, предложив сделать перерыв. – А вы танцуете спортивные танцы?

– Да. И люблю.

– Ах, я напрасно предложил вам перерыв, – подсадовал он, оглядываясь на танцпол. – Сейчас как раз та самая музыка. Я люблю темп, элементы акробатики в танце.

– Не напрасно, мой принц. В этом собрании я в некотором роде лицо официальное. Акробатику лучше оставим до следующего раза!

– Когда он случится этот следующий раз? – сварливо спросил он и хитро блеснул глазами. – За всё время нашего знакомства вы, графиня, удостоили меня честью танцевать с вами только однажды – на приёме в Париже. Но тогда я был официальным лицом и не мог в полной мере насладиться удовольствием.

– Ах, вы лукавите, Ваше Высочество, и даже не скрываете этого! Я танцевала с вами на нашей с Серёжей свадьбе.

Он удовлетворенно рассмеялся.

– Мне приятно, что вы запомнили. Чему вы смеялись?

– Вы о котором разе изволите вспоминать? Я с вами только и делаю, что смеюсь! – Я искоса взглянула на него и расхохоталась. – Ах, Ваше Высочество, я благодарна вам за высокий штиль общения. Я не только слог имею в виду. С вами хочется быть барышней девятнадцатого века – милой, невинной озорницей и кокеткой!

Усаживаясь за стол, я жестом позвала официанта и заказала чай.

– А смеялась я над собственной паранойей. Когда мы начали танцевать, мне в спину кто-то смотрел. Я сегодня не в первый раз ловлю на себе взгляд незнакомой дамы. Ни на вербальный, ни на визуальный контакт она не идёт – прячется за спинами, будто следит исподтишка, либо изучает.

Принц нахмурился.

– Я никого не заметил.

Он попросил описать женщину.

– И описывать нечего, я мало, что увидела. Распущенные темные волосы падают на лицо. Глаза близко посажены, кажется, тоже тёмные, живые. Очень яркая губная помада. Красная. Рост... полагаю, высокая. Она всё время глядела из-за чих-то плеч, не тянулась. Пожалуй, всё.

Принц внимательно осмотрел весь зал, прощупал взглядом кружок выпивающих дам – их количество увеличилось, дамы покраснелись и говорили одновременно – каждая хотела быть услышанной и не слушала других. Его Высочество досадливо произнёс:

– Лидия, мне придётся посетить эту чёртову, пардон, встречу, хотите, я вызову свою охрану?

– Ох, нет! Никакой охраны! Может, это жена какого-нибудь бизнесмена рассматривает мой туалет, а я придумываю невесть что. Вы идите на вашу встречу и не беспокойтесь. Я могу в комнате для кормления скрыться. Могу подняться наверх в апартаменты. Могу позвонить Стефану, и он спустится сюда. В конце концов, может быть, у неё нужда ко мне, и она ждёт, когда я окажусь одна. Ступайте. Беспокоиться не о чем – людей вокруг много и охрана отеля в зале.

Перед тем, как уйти, он вновь наклонился к моей руке и учтиво произнёс:

– Графиня, вы доставили мне огромное удовольствие. Благодарю вас.

– Ваше Высочество, мне было приятно провести с вами время. Благодарю за предложение дружбы. Мне оно дорого. Он ещё раз поцеловал мою руку и ушёл.

Я налила себе чай, глотнула пару раз и решила подняться в апартаменты. Только поднялась из-за стола, как услышала голос, раздавшийся из-за спины:

– Добрый день. Наконец-то, вы одна.

Голос был низкий, с лёгкой бархатистой хрипотцой – такой голос нравится многим мужчинам.

Я повернулась. Дама была та самая. Высокая, лет тридцати пяти – сорока.

– Здравствуйте. Вы всегда появляетесь из-за спины? –

спросила я, открыто разглядывая её. Красивая. Минимум макияжа – ярко-красная помада на губах и всё. Кожа рыхлая, сероватая, видимо, много и давно курит. Дама трянула головой, и я узнала в ней грубиянку. Я сделала приглашающий жест рукой.

– Прошу.

Она заняла стул принца. Сумку взгромоздила на стол. Я поморщилась. Она заметила и, усмехнувшись, ногой придвинула к себе соседний стул, переставила сумку на него и надолго погрузилась обеими руками в её недра. Я терпеливо ждала. Наконец, она швырнула пачку сигарет на стол и оставила сумку в покое. Зажигалку она держала в руке. Затихла, опустив глаза, будто собираясь с мыслями.

– Вы позволите? – Она бросила руку в направлении сигаретной пачки.

Я медленно покачала головой.

– Не позволю.

– Вы не очень-то доброжелательны.

Я согласилась:

– Не очень. Знаю, с кем имею дело.

Её брови взметнулись вверх, она растерялась, и я пояснила:

– На доброжелательность вы отвечаете грубостью.

Она быстро догадалась, что я имею в виду, и рассмеялась с явным облегчением:

– Ааа, вы про эту! Слишком навязчива, не люблю! Но вам-

то я ничего плохого ещё не сделала!

– Ещё? А собираетесь?

Дама отрицательно покачала головой.

– Не собираюсь. Наоборот, я хочу с вами подружиться. Поверьте, нам есть о чём поговорить. Я пришла рассказать вам кое-что интересное.

– Почему вы думаете, что мне интересна ваша информация?

Она опять покачала головой.

– Я не думаю, я знаю. Я хочу поговорить о... Сергее, – она помолчала, пытливо наблюдая за моим лицом, – как говорится, обменяться опытом. – Не увидев интереса, женщина опять потянулась к пачке сигарет. Одумалась и, откинувшись на спинку стула, продолжала: – Мы с вами в некотором роде подруги. – Она издала смешок. – Подруги одного мужчины. Я на «ты», ладно? – Выждала несколько секунд и, будто получив разрешение, продолжала на «ты»: – Если ты думаешь, что верного папика в сети поймала, нуу, типа возраст, то да сё, то вынуждена тебя огорчить. Не одна ты у него... – Женщина подалась к столу грудью. Она была без белья, и её груди свободно колыхнулись под тканью платья. – У него ещё я есть. Да-да, – покивала она головой. – А ещё наш жеребчик любит проституток. Седой весь, а всё не угомонится! Кстати, это он для тебя волосы красить стал? – быстро спросила она и, не дождавшись ответа, продолжала: – Это гиперсексуальность называется, знаешь? Типа он и рад бы с

одной, а не может. Так устроен, понимаешь? – Рука её вновь потянулась к сигаретам. – Я потому и замуж за него не пошла.

Побарабанив ногтями того же красного цвета, что и помада, по столу рядом с пачкой сигарет, она схватила её и кинула в сумку. Видимо, чтобы не искушала.

– Так что, подруга, приготовься делиться!

Дама тряхнула головой, откидывая с лица волосы. Густые и блестящие они накоротко приоткрыли её лоб, обнажили маленький шрам на правой щеке и вернулись в прежнее положение.

– Молчишь? ... Гордая? ... А я тебя сегодня зауважала. Думала, ты обморочная дурочка голубых кровей, а ты ничего! Круто ты сегодня мужиков сделала! У них же у всех, глядя на тебя, в штанах мокро и тесно стало. Я там, среди них была. Потеть стали, засопели, про баб своих забыли. Я тебе даже позавидовала. Мне наш-то, – она подмигнула, – давно танцами предлагал заняться, а я отказалась дурёха. Теперь вот увидела, какая она, власть наша женская. Спасибо. Я всё по одному их приручаю, а ты скопом! – Она вновь умолкла, разглядывая меня, и переспросила: – Ты чего молчишь-то? ... Зря ты так. Одинаковые мы с тобой. Не зря он нас выбрал. Ты вот замуж за него пошла, а я с ним давным-давно. Так давно, что пора бы и расстаться. Я уж и так, и эдак от него, а он всё расстаться не может. Не отпускает! А я куда? Он всё моё состояние в руках держит. – И вдруг, закинув

голову назад, она расхохоталась. – А он-то как заревновал! Ой, умора! Я думала, он сломает тебя прямо там... под музыку! Мне всегда нравилось, когда он ревность свою напоказ выставлял, специально провоцировала, но так, как у тебя, у меня никогда не получалось! – И она опять захохотала.

А я почему-то никак не могла вдохнуть в грудь воздух, будто кто за горло взял. Маленьким горячим молоточком в висках стучало: «Она сравнивает меня с собой! Она сравнивает меня с собой».

Оборвав смех, женщина тихо спросила:

– Ты чего покраснела? Глазищами-то как сверкаешь! Я не из пугливых... – и догадалась! – Ты думала, ты не такая?! Вот это да! Профессионалка не знала, на что способна?! – Покачав в изумлении головой, она потеряла ко мне интерес и, расслабленно откинувшись на спинку стула, заявила: – Ну, это твоё дело. Меня Карина звать, если что.

Я с трудом сглотнула отсутствующую слюну и поблагодарила:

– Благодарю, Карина. Сами того не подозревая, вы оказали мне неоценимую услугу.

– Да плевать! Если ты думаешь, что я пришла какую-то услугу тебе оказывать, ты ошибаешься. – Она вновь рванулась ко мне, припав грудью к столу. – Я за ним пришла! Он всё равно тебе сегодняшнее не простит, так что это ты мне подарок сделала. Я вообще думаю, он на тебе из-за титула твоего женился. Денег у него много, а вот благородства в

фамилии не хватает. Не зря его всё время тянет то на балы, то в какие-то клубы элитарные, то на скачки. Скукотища же! Друзей зачем-то ищет среди лордов, а они все пресные, как... Я-то знаю, что ему на самом деле нравится, он тебе про это и рассказывать не станет. Мы, знаешь, как зажигали?..

Я уже не слушала её болтовню, махнула рукой официанту и перебила хвастливый поток:

– Карина, вы что-нибудь закажите?

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы осознать вопрос.

– Кофе чёрный, без сахара, – наконец, ответила она.

– Мне, будьте добры, сок цитрусовый – грейпфрут, апельсин, лимон. Благодарю.

Пока готовили заказ, я укрощала эмоции воспоминаниями...

Серёжа бросился на зов Карины, а я вернулась домой, решив, что потеряла его навсегда. Прошло уже два месяца, как мы расстались, а он не сделал ни единой попытки связаться со мной. За это время моя жизнь вошла в колею – мы с Пашей жили на даче, по утрам он учил меня приёмам самообороны, при этом был строг и терпелив, как брат, а потом уезжал на работу, а я занималась хозяйством.

Я подвязывала подросшие кустики томатов к опорам, спешила кончить работу по утренней прохладе, и размышляла о графе. За прошедшие два месяца я ему так и не позвонила.

«Что я ему скажу? Что бы я ни сказала, Андрэ сразу поймёт причину нашего с Серёжей расставания и либо станет требовать моего возвращения в Париж, либо сам приедет сюда. Ни к тому, ни к другому я не готова. – Я разогнулась и в просторе небесной синевы увидела крупного пернатого хищника. Раскинув крылья, птица красиво парила, сокращая радиус полёта и по спирали спускаясь к земле. – Охотится! Как им живётся среди людей? – Я перешла на другой рядок посадок и дала себе обещание: – Сегодня! Сегодня же позвоню графу!»

От работы меня отвлек шум открываемых ворот. Я оглянулась и застыла – онемев, потеряв способность дышать и двигаться. Сергей взглянул на меня и отвернулся, чтобы закрыть ворота. На его плече висел портплед.

Я смотрела, как он обходит виноградную шпалеру, как приближается по изгибистым дорожкам. Не дойдя до меня пары метров, он неуверенно остановился, не решаясь взойти на грядку, посреди которой я стояла.

– Здравствуй, Лида!

Я медленно наклонила голову в приветствии, а он медленным взглядом скользнул по моему голому телу – пользуясь отсутствием Паши, ради загара я облачилась в бикини.

Так мы и стояли, глядя друг на друга. Наконец, я очнулась, заторопилась с грядки, но не к нему, а в противоположную сторону. Наклоняясь под ветками малины, обошла грядку и встретила его в дурманящем запахе расцветающих пионов,

растущих у ступенек, ведущих на следующую террасу.

– Здравствуй, Серёжа!

Щурясь от солнца, он спросил:

– Не поцелуешь?

Я покачала головой.

– Я не знаю, с чем ты приехал. Пойдём.

Поднимаясь по ступенькам, не оглядывалась, пошла впереди. Перед лестницей в дом сняла с крючка сарафан, надела на себя и только потом повернулась к нему.

– Ты... на такси?

– Нет. Бауржан привёз.

– Он ждёт?

Сергей усмехнулся и покачал головой.

– Маленькая, я без тебя не уеду. Я приехал за тобой... или к тебе, как решишь.

– Проходи, Серёжа.

Я поднялась по лестнице на несколько ступенек и остановилась – не снимая сумки с плеча, Сергей разувался на коврик перед лестницей. Его рука, такая любимая рука, лежала так близко на перилах... я отвернулась и побежала по ступенькам в дом.

Ступив в прихожую, Серёжа удивился:

– Пол тёплый.

– Да. По ночам топим пока. Днём тридцать, а ночью плюс десять. Если не топить, ванная за ночь выстывает, утром заходишь, как в погреб. Проходи в гостиную, Серёжа. Я тебя

сейчас завтраком накормлю, – пряча волнение за многословием, я двинулась на кухню, – можно было бы внизу, налетней кухне, но там солнце. Там после двух...

– Лида! – Сергей схватил меня за плечи и прижался лицом к затылку. – Лида, Девочка, ты забыла меня? Чужая... неприступная...

– Ты уехал к другой женщине, Серёжа...

– ...не могу без тебя... ни днём, ни ночью покоя нет...

Я пошевелила плечами. Он руки убрал. Не оглядываясь, я ушла на кухню. Слёзы, сбегая по щекам, капали с подбородка, оставляя на сарафане мокрые пятна.

Я поставила чугунную сковороду на огонь, тоненько нарезала ветчину, бросила на сковороду, позволила вытопиться жиру и подрумяниться кусочкам ветчины. Разбила яйца. На минутку накрыла крышкой – Серёжа любит полупропечённые яйца. Отрезала ломоть от хрустевшего под ножом вчерашней выпечки каравая и положила на тарелку. Сняла крышку со скворчащей яичницы и позвала:

– Серёжа, иди завтракать.

Сергей сменил майку на рубашку, садясь за стол, зацепился взглядом за мокрые пятна на моем сарафане и поднял на меня взгляд. Я улыбнулась и вновь защебетала:

– Приятного аппетита, Серёжа! Кофе вот только нет. Ни Паша, ни я не пьём, поэтому не покупаем. Есть квас, если хочешь, малиновый. Сама ставлю. Ну или чай... чай травяной... мята, кипрей... гвоздику добавила... – Я отрезала ку-

сок пирога и поставила перед ним на тарелке. – Вчерашний, капустный с грибами.

Умолкнув, села напротив, наблюдая за тем, как он взял вилку, нож, как отправил первый кусочек яичницы в рот, с отчаянием подумала: «Соскучилась! Как же я соскучилась, Серёжка... по рукам твоим... губам...», и торопливо опустила глаза.

– Маленькая, платочек сними.

– Ах! – Я потянула платок с головы. – Забываю.

Он жадным взором объял рассыпавшиеся волосы, я смутилась и проямлила:

– В глаза лезут, если не повязать.

Сергей резко встал и, перегнувшись через стол, взял меня за подбородок. Я подняла глаза и утонула в густой-прегустой зелени... близко, ещё ближе... губы робко прикоснулись к его горячим губам... я запоздало подумала: «Зачем?», вопрос тотчас растаял...

– Маленькая... счастье моё... одна ты у меня... одна...

– Сергей покрывал поцелуями моё лицо. Огибая стол, он неловко толкнул его, загремела посуда... – никому, никогда... слышишь? ... никому не отдам... моя ты... – и выхватил меня со стула.

Уткнувшись в колючую шею, я вдохнула его тепло и мысленно возопила: «Вот он, вот он мой дом! Зачем же убегать, если только тут мне хорошо?!»

Прижав к себе, Серёжа гладил мои волосы. Запустив паль-

цы в их гущу, сжал пальцы в кулак и потянул, понуждая меня поднять голову.

– Насмотреться на тебя... – его взгляд медленно шарил по моему лицу, и я вдыхала его дыхание, – скучал, с ума сходил, ни делом заняться, ни бездельничать... тоска, одна непроходимая тоска без тебя. Вернись ко мне, Девочка!

– Это ты убежал...

– Нет, Маленькая, не убежал – он покачал головой, – и к другой женщине не уезжал. Ты – моё счастье... жизнь моя...

Моё сознание растворилось в ощущениях – нежной ласке губ, ласковой нежности языка...

Его слова вернули в действительность:

– Первого числа у нас свадьба.

– Первого?.. – я попыталась сообразить, какое нынче число.

Он не понял моего замешательства и пояснил:

– Июня, Маленькая. Первого июня. Ты согласна... согласна стать моей женой?

– Я не отказывалась, Серёжа...

Он выдохнул, будто сбрасывая с плеч груз, и вернулся к поцелуям.

– Девочка... соскучился... ротик желанный, сладкий... – рука, забравшись под подол сарафана, огладила ягодицы, пальцы скользнули меж бёдер... – моя...

Карина болтала, по-видимому, на этом этапе «обмена

опытом» ей собеседник не требовался, трясла время от времени гривой волос, смеялась:

– ...жеребчик уж не тот! Хотя и тр***ет проституток, да... – Карина пренебрежительно махнула рукой, – больше по статусу. В их деловой среде положено, кроме жены и любовницы, девок дорогих иметь...

Я поморщилась: «Точно по Киплингу – если эта женщина и была когда-то ядовитой, она давно пережила свой яд», и вновь уставилась в точку меж её бровей...

Каким-то образом мы оказались в гостиной, на полу, на стянутом с дивана покрывале. Он теребил мочку моего уха, потом спустился пальцами по шее и попробовал добраться до груди и не смог – я слишком тесно прижималась к его телу. Он приподнялся, перевернул меня на спину и приник ртом к соску. Я чувствовала, что в нём снова растёт желание, но он вернулся в прежнее положение, и я опять прилепилась к нему.

– Соскучился, боюсь истерзать тебя. – Приподняв и пригнув ко мне голову, Сергей глубоко втянул в себя воздух и выдохнул: – Надышаться не могу... ветром пахнешь... травкой... Лидка, мне страшно – никогда, ни с кем я не терял голову до беспамятства...

Я потянулась к его губам и тем разрешила его борьбу с желанием в пользу желания...

А потом Сергей рассказал, почему так стремглав бросился

на зов Карины.

– Когда мы в Москву вернулись, я подумал, что до свадьбы надо снять с себя обязательства. Раньше, ещё в Париже, надо было заняться, а мне в голову не пришло. Закончил со счетами Галины. Подготовил портфель Карины, финансиста для неё нашёл. Всё думал, как бы с ней разговор выстроить, а тут она сама позвонила, вся в слезах, в панике; сообщила, что попала в переделку и её арестовали. Я и раньше исполнял для неё роль службы спасения.

– Спас?

– Что? ... Да. Обошлось почти без ущерба – лишили права постоянного проживания в Вене. Для меня её неприятности – удача. Ради спасения от тюрьмы, она на всё согласилась без уговоров и без истерики. – Он вздохнул. – Надо было объяснить тебе, а я решил не беспокоить, не волновать. Получилось, скрыть хотел. Я тебе позвонил, когда самолёт сел в Вена-Швехат. Ты трубку не взяла, помню, подумал: «Ну как всегда! Телефон где-то бросила, сама чем-то занялась». Позвонил вечером – то же самое. Волноваться начал на следующий день. Позвонил Павлу – телефон отключен. Позвонил Маше. Маша сообщила, что она ночевала в доме, а ты в дом ехать отказалась, а сегодня куда-то, видимо, с самого утра уехала с Павлом, потому что ни его, ни тебя в квартире нет. Через полчаса она перезвонила и сказала, что твой телефон лежит на тумбе в спальне, а рядом с ним лежат банковские карты. – Серёжа вновь вздохнул. – Я понял только

тогда, когда Маша сказала про карты. Вспомнил твой взгляд, когда усаживал тебя в машину. Маленькая, это отвратительное ощущение – ощущение полной беспомощности – мозг мечется в поисках решения, а страх нашёптывает о бесполезности любого действия.

Я протянула руку к его щеке и, накальваясь на щетину, кончиками пальцев провела по ней.

– Почему ты позвала с собой Пашу?

– Не звала. Для меня было большой неожиданностью встретить его в аэропорту. Он прилетел раньше меня. В первый момент я подумала, что это ты его отправил.

Серёжа умолк, отнял от своей щеки мою ладошку и, прижав её к губам, задумчиво протянул:

– Павел догадался, а я нет?

– Ты настроен на переживания другой женщины.

Сергей какое-то время обдумывал мои слова, покачал головой и отрезал:

– Нет! Лида, я дом закончил. Лошади из шатра на конюшню переехали. Стефан с Васей баню опробовали, говорят, хороша. – Он засмеялся. – Вася хамам не одобрил. «Самая хорошая, – говорит, – наша русская, ну и финская тоже ничего. А эта хамам! Ты, Сергей Михалыч, что ли, для форсу её выстроил?» Я говорю: «Для Маленькой. Маленькая любит хамам». Лида, Красавица тоскует. Вначале буянила, потом сникла. Я пообещал, что привезу тебя. Она ждёт. Все ждут, Лида. Граф в своём Париже места себе не находит.

Мои глаза наполнились слезами.

– Маленькая... плачешь? Прости меня, Девочка, я всегда жил один, и мне надо учиться жить в «мы». Выброси из головки других женщин! Нет никого! Одна ты у меня. Единственная! – Он покачивал меня в объятиях, ждал, пока успокоюсь. – Глупенькая, моя Маленькая! Сокровище моё!

Одно его присутствие дарило мне радость жизни. Слова исцеляли, наполняя жизнью каждую клеточку, иссушенную одиночеством.

К вечеру Сергей уехал на переговоры с мамой. Один уехал, без меня.

Вернулся поздно, мы с Пашей ждали, не ужинали. Услышав шум ворот, я слетела по лестнице навстречу и повисла у него на шее.

– Маленькая, соскучилась!

– Ты долго.

– Я гостинец привёз, Акмарал чебуреки для тебя испекла, передала с Бауржаном. Остыли вот только. А ещё мы тебе паспорт поменяем. Адильбек берётся помочь.

– Правда?

Я целовала его щёку, ожидая, когда он скажет о главном. Удерживая меня на весу, он разувался.

– Серёжа!

– Правда, Девочка! Завтра поутру поедем в серьёзное учреждение, заявим об утере паспорта, а к вечеру получим новый документ.

– Я не об этом.

– А о чём, Маленькая?

– Серёжка, не томи! Что мама сказала?

– Мама? А что мама скажет? Мама приняла от меня корзинку цветов, чаем напоила. Мы посидели, поговорили... с мамой всё хорошо, Маленькая.

– И? – я стукнула кулаком по его груди, – Серёжка!

– Нуу... мама согласилась на переезд!

– Иииии... – В вечернем прохладном воздухе мой визг разнёсся по всему ущелью. – Как тебе удалось?

– Нет-нет-нет! Вначале поцелуй меня. Три раза. За гостинiec. За паспорт. За маму. Поцелуй так, чтобы у меня дух захватило. Сможешь?

Я нащупала ногой ступеньку и встала на неё. Коснулась языком его губ...

Вначале Серёжа бросил на пол мешочек с гостинцем. Руки прижимали к себе, мяли, ласкали моё тело. Потом поцелуй перестал быть моим, его губы властно обхватили мои. А потом раздался треск разрываемой ткани.

– Серёжа... – испуганно прошептала я, – Паша...

– К чёрту Пашу... не мальчик, – прорычал он, и, как был в носках, затащил меня в подвал...

Двери вип-зала распахнулись, из них вышли несколько человек. Среди них и Серёжа. Продолжая разговор, Сергей взглянул в направлении нашего столика и... окаменел ли-

цом. Один из собеседников, стараясь привлечь к себе его внимание, похлопал его по руке. Не глядя на него, Сергей выставил перед ним ладонь в пресекающем жесте, медленно повернул голову ко мне, его застывший взгляд встретился с моими глазами. Миг, и он рванулся с места, лавируя между столиками. Принеся с собой волну воздуха и тревоги, выдохнул:

– Маленькая... – приподнял к себе моё лицо, всматриваясь, ощупывая глазами.

Я улыбнулась.

– Серёжа, всё хорошо!

С видимым облегчением он прижался губами к моему лбу, шумно втянул в себя воздух, замер на несколько секунд и выдохнул:

– Ооо, Девочка, испугался...

Я погладила его по щеке.

Он вновь взглянул мне в глаза, кивнул снизу вверх, словно подбадривая, и, выпрямляясь, повернулся к Карине. Та встретила его развязной ухмылкой на губах и настороженностью во взгляде. Не выдержав молчания, тряхнула головой, но привычный жест тоже не принёс уверенности, смыв попутно и ухмылку с её лица. Она подобралась, даже руки, доселе свободно брошенные на стол, подтянула к себе.

– Что ты здесь делаешь? – Тихий, спокойный голос Сергея выделил слово «здесь».

– Я приглашена так же, как и ты! – Огрызнулась она, вновь

тряхнув головой.

Сергей молча ждал ответа, а Карина попыталась скрыть неуверенность за... многословием. Отметив это, я усмехнулась: «И впрямь, похожи...»

– Ааа, ты спрашиваешь, что я делаю за столиком твоей...
– Она искала подходящее слово, не нашла и просто кивнула в мою сторону. – Мы познакомились. Я рассказала ей о нашей любви. Что ты так смотришь? Ты же про меня ей не сказал, вот я и решила сама представиться. А теперь вот хочу рассказать о наших маленьких шалостях. Сам-то постесняешься про такое, а ей это ой как интересно будет узнать! Садись уже! При тебе рассказывать буду, вдруг без тебя не поверит.

Сергей засмеялся:

– Детка, не вынуждай меня создавать тебе неприятности.
– Ты уже создал мне неприятности! – надула она вдруг губы. – Подсунул этого грубияна и тупицу. Он же ничего не смыслит в финансах! Он разорит меня! Почему ты сам не ведёшь мои дела? Ты же знаешь, я ничего не понимаю во всей этой чёртовой бухгалтерии, и мне нужна твоя помощь!

Капризный тон избалованной девочки плохо вязался с хрипотцой её голоса. Испытывая неловкость, я отвела от неё взгляд и увидела Андрэ. Граф только что вышел из зала и попал в плен к некому малому ростом и широкому телом господину – ухватив Андрэ за локоть, господин что-то горячо доказывал, разрубая воздух свободной рукой. Наклонив

уху к собеседнику, Андрэ блуждал взором по залу. Увидев Сергея, нашёл меня, улыбнулся и, едва заметно указав глазами на собеседника, закатил глаза. Я тоже улыбнулась. Но тут его собеседник, по-видимому, сказал нечто несуразное, граф внезапно выпрямился, решительно высвободил из захвата свою руку и, коротко кивнув головой оторопевшему господину, направился к нам. Я мысленно охнула: «Не надо, ох как не надо, чтобы граф стал свидетелем нашей разлюбленной беседы!», прикоснулась к руке Сергея и молча указала глазами на Андрэ.

Андрэ шёл свободно, ему не требуется пробивать себе дорогу или лавировать между людей – путь перед ним освобождается сам собой. словно невидимая предупреждающая волна катится впереди, а он неторопливо шагает вслед за ней, едва заметно наклоняя голову в знак признательности расступающимся людям, храня в лице доброжелательность и достоинство.

Карина тоже увидела графа, бросила капризничать и проворчала:

– Вот и высокородный папаша нарисовался. – Она бегло взглянула на меня лукавым глазом и глумливо спросила: – Может, мне заняться старикашкой? – Вновь присматриваясь к Андрэ, задумчиво протянула: – А он ничего, и не старикашка вовсе... Как прямо держится! Сколько ему? Подружками мы, графинюшка, стали... замуж за папашу выйду – породнимся! А? – Она вновь взглянула на меня и засмея-

лась. – Матушкой будешь меня называть!

Андрэ остановил солидный господин с бородой, граф взглянул на меня и развёл руками. Я с облегчением выдохнула, а Карина подытожила:

– Не дошёл папаша!

– Карина, что ты хочешь? – мягко спросил Сергей.

– Тебя я хочу, разве не понятно? Давай начнём всё сначала. Я же знаю, ты любил меня.

Обращаясь к стоявшему на ногах Сергею, Карина вынужденно высоко поднимала подбородок, плечи она развернула, и её груди – небольшие, конической формы, рельефно обозначились под тонкой тканью платья. На длинной шее волновалась, пульсировала жилка.

– Признайся, тебе эта женитьба для бизнеса важна? Можешь оставить свою жёнушку себе, я не ревнива. *Серёнька*, вспомни, как нам хорошо было!

На этот раз женщина говорила искренне и очень, очень интимно. Хрипотца обволакивала. Сергей молчал. Что было в его лице? Я и хотела, и боялась увидеть. «Что я здесь делаю? – спросила я себя и тоскливо огляделась. – Невольный свидетель любовного объяснения двоих. Тахмина сказала, судьба Сергея не я. Возможно, эта женщина и есть его судьба? И она всегда будет вмешиваться в нашу жизнь».

Ладонь Серёжи легла на мой затылок и не позволила встать. Пальцы ласково коснулись мочки уха, скользнули по шее вниз к межключичной ямке, потом поднялись к подборо-

родку, приласкали. Ладонь вернулась на затылок – тёплая, успокаивающая.

Карина заморожено следила за движениями его руки, а когда он положил руку мне на затылок, подняла взгляд на меня. Лицо её вновь разительно изменилось – она... оскалилась. Именно так! оскалилась – обнажила мелкие острые зубки и прохрипела:

– Всё молчишь?! Высокомерная сучка...

– Карина... – предостерег Сергей, и я вздрогнула от тона его голоса...

– Не пугай! – крикнула Карина. Странно, но её крик не привлёк внимания окружающих. – Давай! Вызывай охрану! Посмотрим, хватит ли у тебя смелости! Ты всегда был труслив, всегда боялся скандала.

Красивая женщина на глазах стала уродливой – черты потерялись, в хриплом крике на лице остался только рот – оскаленный, с поплывшей по губам помадой, запачкавшей и верхние резцы. Вместе с криком из её рта вылетали остатки слюны, в уголках губ запекалась пена.

Я рванулась со стула и упала обратно, прошептав одними губами:

– Стефан!

Как гора, возвышаясь над окружающими, Стефан нёс детей на кормление. Рядышком семенила Настя.

– Давай! Попробуй выгнать меня!

– Маленькая... – Серёжа наклонился, с новой тревогой

всматриваясь в меня.

– Серёжа, убери её. Дети!

– Я расскажу, какой ты! О! Тут всем будет интересно послушать!

– Прости меня, Девочка! – Не отвлекаясь на вопли Карины, Сергей взглянул в сторону Стефана и приказал мне: – Отправляйся с детьми в комнату!

Понимая, что что-то происходит и ускользает от её внимания, Карина заткнулась, оглянулась туда, куда до этого смотрел Серёжа, и уставилась на замедляющего шаг Стефана. Стефан даже не заметил её, зато Настя повернулась к ней всем корпусом и растопырила руки так, будто думала закрыть ими детей. Я поднялась со стула и обыденно произнесла:

– Настя, Стефан, несите детей в комнату.

Стефан тотчас двинулся к комнате для кормления, и тут Карина присвистнула и изумлённым шёпотом воскликнула:

– Так вы с выводком?!

Будто споткнувшись об её слова, Стефан остановился и стал медленно к ней поворачиваться.

– Быстро же вы щенков успели нарожать! – продолжала удивляться она. – Или графини, как кошки, дважды в год рожают?

– Настя, унеси детей, – мягко приказал Серёжа.

Не спуская глаз с Карины, Стефан подал сумки с детьми Насте и глухо буркнул:

– Иди.

Настя опрометью бросилась прочь. Серёжа проводил её взглядом и тем же мягким тоном повторил мне:

– Лида, иди к детям.

Карина развязно захихикала.

– Делишь жёнушку с этим лохматым медве... – и не договорила.

Сергей шагнул и выдернул её из-за стола. Лицо женщины исказилось, взгляд испуганно заметался по лицу Серёжи, и вдруг глаза и вовсе округлились ужасом. Между нею и Сергеем стремительно вклинился Его Высочество, восклицая:

– Карина, крошка, что ты здесь делаешь?!

– Добрый вечер, – следом раздался вежливый голос Андрэ.

Никто из нас не заметил, как он и принц подошли к нам. Глядя на слившуюся в объятии троицу, граф спросил:

– Детка, что происходит?

– Ааа... – не нашлась я с ответом.

– Ваше Сиятельство, – упредил меня принц, оглянувшись с виноватой улыбкой, – приношу глубочайшие извинения. Не усмотрел. Подружку пригласил, пардон, дама не из высшего общества. Друг мой, благодарю. – Последнюю фразу он сказал Сергею, решительно беря Карину за плечо.

Мужчины несколько секунд смотрели в глаза друг другу, и Серёжа отступил.

– Ещё раз приношу извинения, – принц вновь оглянулся к

графу и учтиво склонил голову, – граф... графиня. Пойдём, крошка. Выпила? Пойдём, не будем никому портить вечер.

Непонятно почему потерявшая способность говорить, Карина делала попытки отлепить от себя его пальцы, но пальцы Его Высочества только беспощаднее впивались в её плоть.

– Ну-ну, крошка, не надо сцен, – со смешком урезонил он, за лёгкостью его тона звучала неприкрытая угроза, – ты же знаешь, я этого не люблю. Пойдём, я провожу тебя к твоему суженому.

Принц потащил её от нас, не забыв прихватить и её сумку. Карина бросила на Серёжу умоляющий взгляд, но Сергей на неё уже не смотрел.

Сбросив оцепенение, я шагнула к графу и подставила ему лоб для поцелуя.

– Пойду кормить. Андрей, милый, закажи мне чаю, пожалуйста.

Скрывшись из глаз, у дверей нужной мне комнаты я прижалась к стене спиной и закрыла глаза, вызывая могущественную энергию Прощения. Сергей подошёл неслышно.

– Лида, прости. Я не знал, насколько её яд проник в тебя...

– Серёжа, не сейчас... мне кормить...

Я уткнулась лбом в его грудь, захватывая и его в очищающий поток огня. С улыбкой в голосе он спросил:

– Колдуешь?

Я кивнула, не открывая глаз, и через пару минут сказала:

– Теперь пойдём.

Малыши только что проснулись и ещё позёвывали, уложенные в рядок на пеленальный столик. Столик ещё вчера привёз Павел. Эльза приезжала навести чистоту и в этой комнате, и в апартаментах. А Настя всё равно всю дорогу брюзжала, что тащим детей куда не попадя.

Сергей с порога устремился к детям, но окрик Насти: «Ручки!», заставил его остановиться и резко изменить маршрут – повернувшись на девяносто градусов, Серёжа с той же скоростью устремился в ванную. Я хохотнула, а Настя вновь сварливо повторила свою утреннюю фразу:

– И так таскаем детей куда не попадя!

Из ванной Серёжа вышел без пиджака и, разложив деток по предплечьям, заворковал:

– Проголодались маленькие, проголодались наши детки! Проголодалась доченька моя! Ах, как ты улыбаешься папе! Дай носик поцелую. И сынка тоже проголодался, и сынку поцелую! Голодный, мужичок? Сейчас-сейчас, маленькие, сейчас мама нас будет кормить.

Он прохаживался с малышами по комнате, пока я готовилась к кормлению – обмывала, а потом обтирала грудь грубой, жёстко накрахмаленной тканью – это Маша с Дашей придумали, чтобы кожа сосков загрубела, а я не спорила. Детки мне в первые же дни рассосали соски до трещин.

Только я присела на диван, Сергей подал мне Катю. Малышка жадно припала к груди. Я засмеялась.

– Тише, Котёнок, захлебнёшься!

Сергей подал второго малыша. Максим взял сосок в ротик спокойно и деловито.

Детки трудились, и переполненные молоком до каменной твёрдости груди начали умягчаться. Серёжа занял свою обычную позу – опустился подле нас на пол, одной рукой обнимая мои колени, локтем другой оперся на диван. Я оторвала взгляд от детей, посмотрела в его лицо и рассмеялась. «Четвёртый месяц деткам пошёл, а восторг на его лице тот же, словно это четвёртый день».

– Что ты, Маленькая? – спросил он, поднимая на меня глаза.

– Люблю тебя!

Катя выпустила сосок, повела глазками по сторонам, по моему лицу и, дрыгая ножками, начала что-то рассказывать. Вновь набросилась на сосок и стала сосать так же торопливо, как и в начале кормления. И так по нескольку раз. Максим уже насытился и гулял на руках отца по комнате, а Катя забавлялась – захватив сосок, отпускала, высказывалась, опять устремлялась к соску, уже даже не захватывая в ротик.

– Никак не определишься? – рассмеялась я, поглаживая дочь по тёмненьким волосикам. – Хватит или ещё поесть? Плохо, маленькая, если и в жизни ты не будешь знать, что хочешь!

Единственная процедура, при которой Катюша затихает, это массаж. Когда Стефан своими огромными пальцами рас-

тирает её тельце, разводит ручки и ножки в стороны, понуждает её переворачиваться с животика на спинку и обратно – она сосредоточенно покряхтывает и ничто в этот момент не способно её отвлечь.

Серёжа наклонился и забрал у меня малышку. Настя кинулась к нему со вторым полотенцем – одно уже лежало на плече под головкой Максима.

– Мы погуляем в парке, пусть детки поспят на свежем воздухе, – уведомила она и, взглянув на меня раскосыми, с чуть приподнятыми к вискам внешними уголками, глазами, задиристо спросила: – Когда домой-то поедем?

– Ночью, – ответила я, приводя себя в порядок.

Настя подошла, положила ладошку на мой затылок, понуждая пригнуться, и сердито застегнула молнию на моём платье.

– Дома детям лучше!

– Настя, не ворчи!

Сдерживаемое на время кормления, возмущение Насти вырвалось наружу:

– Да таких, как эта, которая у вас за столом... таких, вообще, кастрировать надо и не пускать в приличное общество.

– Настя!

– Она детей щенками назвала!

– Настя! ... Присядь.

Настя плюхнулась на диван, пара злых слезинок скатилась по ее зарумянившимся щекам.

– Эту женщину можно только пожалеть, она не знала и никогда не узнает материнства, она никогда не знала любви. Настя, она настолько несчастна, что ненавидит весь мир. И себя она тоже ненавидит, только не догадывается об этом. Все её гадкие слова рождены ненавистью и бессилием. Раньше она думала, что в её власти судьбы людей, а сегодня поняла, что не всесильна. А ты хочешь поддержать и упрочить её власть.

– Я?! Да я бы её своими руками придушила!

– И тем и укрепила бы её власть! Твои эмоции, кто ими сейчас управляет? ... Ты? ... Или та женщина? Она хотела, чтобы люди рассердились, сказала злые слова, ты услышала и вот – ты сердисься, даже хочешь убить. Её уже нет рядом, но её слова до сих пор управляют тобой. Настенька, какие бы слова ни говорил человек, для тебя они должны быть только информацией, звуком и ничем более. Человека, владеющего собой, никто не может заставить сердиться или обижаться! Понимаешь, девочка? Я хочу, чтобы ты была свободной от злых манипуляций.

– Так значит, зло пусть остаётся безнаказанным?

– Нет. Злу надо давать отпор. И первый рубеж борьбы – ты сама, твои эмоции. Будучи разозлённой на чью-то злость, ты умножаешь зло – был один злой, стало двое. Я уж не говорю о том, что, заразившись злостью от одного, человек обязательно поделится злостью с третьим. И главное, Настя, дети чувствуют энергию лучше, чем взрослые, и я хочу, чтобы

мои дети жили в добрых энергиях.

– Лидия Ивановна, – глаза Насти вновь затуманились влажной, – не обижайте, я люблю и Макса, и Катеньку.

– Я знаю, девочка. Потому и говорю с тобой. Пять минут назад, какие чувства ты испытывала? Это была любовь?

Настя помотала головой.

– Дети не могут знать, на кого была направлена твоя нелюбовь, на них или ещё на кого-то. Они остались спокойными потому, что не чувствовали агрессии в свой адрес, но твою нелюбовь они почувствовали.

– Получается, злая тётка не нанесла малышам вреда своими словами, а я рассердилась и причинила вред?

– Именно так и распространяется зло, запомни это, девочка! И ещё, Настя, – я улыбнулась – кастрируют мужчин, женщин стерилизуют.

В апартаменты мы поднялись все вместе. Предстоял торжественный ужин, и этикет предписывал мужчинам надеть смокинги, а дамам вечерние туалеты.

Андрэ зашёл побыть с детьми, пока Настя будет собирать их на прогулку. Через неплотно закрытую дверь спальни, я слушала, как Его Сиятельство разговаривает с будущими (возможно!) Их Сиятельствами на чистейшем французском языке, а те отвечают на чистейшем детском, непонятном, но зато чрезвычайно искреннем и эмоциональном.

Даша тоже слушала и улыбалась, раскладывая на туалет-

ном столе расчёски, зажимы, шпильки, словом всё, что может потребоваться для конструирования причёски. Ещё вчера, как только я определилась с платьем, мы придумали довольно сложную причёску, а посему сидеть перед зеркалом мне предстояло довольно долго.

Раздевшись, я шмыгнула в ванную.

Платье моё, кроме Даши, никто не видел. Я «изобретала» его с Мишелем в таком бурном споре, что мы поругались. Он настаивал на более открытом варианте, я требовала элегантности. Мишель в сердцах обозвал меня старой бабкой, даже не догадываясь, насколько недалёк от истины. В результате наш творческий союз распался на месяц. А когда мой любимый модельер выкипел до дна и взялся за исполнение заказа, было поздно – тот приём, для которого я заказывала платье, прошёл. А потом я забеременела. Платье я шила под фамильный изумруд графов Р., а роскошный изумруд на рядовой ужин не наденешь. «Вот и дождалось оно, моё выпоренное платьице, особого случая. – Я усмехнулась. – Случись Мишелю узнать, что я нарядилась в платье полуторагодичной давности, разразится гроза. Хотя мой свадебный туалет они так и не устают штамповать тому уже четыре года. Сколько невест в нём вышли замуж».

Мишель быстрый во всём – умом, речью, моторикой, смелой эмоцией. Мы познакомились в Милане, в самый первый мой приезд в этот город. Случайно. Он зачем-то явился в торговый дом, где я в это время хотела купить половину ко-

стюма. В костюме мне понравилась оригинальная юбка-брюки, но абсолютно не устроил верх. Консультант убеждал в тенденциях сезона. «Так, я и не спорю, – соглашалась я, – верх прекрасен для девушки ростом, скажем, 175. Но с моим ростом – объёмный верх, да с юбкой-брюками?! Ну никак, нет-нет. Нельзя!» Возмутившись наглостью дилетантки, Мишель ввязался в разговор. Серёжка веселился, переводя риторику сторон. Не знаю, с чего я в бутылку полезла, но я выбрала среди вешалок другой верх и в оскорблённом молчании удалилась в примерочную, затем продемонстрировала на подиуме свой вариант, а потом их вариант. Переделалась в своё и, выйдя из примерочной комнаты, заявила:

– Серёжа, пойдём. Устала я от них.

– Маленькая, я оплатил твою юбочку. Верх, который не понравился, выбросим.

– Нет. Рассердили они меня. Не нужен мне ни верх, ни низ, ни середина. И всё то, что я до этого спора выбрала, тоже не нужно. Скажи, пусть оформляют возврат.

Серёжа рассмеялся.

– Дай губки поцелую, чтобы не дулись.

Мишель сам принёс пакеты с моими обновками. Показал юбку-брюки с верхом, выбранным мною, подтвердив, что мой выбор верный, и... предложил поработать на подиуме: «Сценарий дефиле утверждён. Три, – он растопырил перед моим лицом три пальца с прекрасным маникюром, – всего три выхода могу тебе дать! – Будто я умоляла о каких-то вы-

ходах. – Посмотрим, возможно, нахальная девчонка с улицы – это то, что нам надо».

«Господи, помилуй, нахальная – это я?! – изумилась я про себя. – При моей неуверенности в себе, звучит как комплемент!»

Так я получила работу и нашла любимого модельера одежды, а следом и любимого дизайнера обуви.

Трудно вообразить себе более неподходящую пару, чем эти двое.

Большой, слегка косолапивший, Луи, очень напоминающий уютного плюшевого медвежонка гигантских размеров, подслеповатый и флегматичный, в каждую минуту жизни с бесконечным обожанием смотревший на Мишеля, и Мишель – маленький атомный реактор, фанат самого себя, небольшой росточком, тонкий, крикливый и неожиданно сентиментальный...

Потеряв терпение, я посмотрела на Дашу. От улыбки Даши не осталось и следа, Даша шмыгала носом, видимо, «пережёвывая» ссору со Стефаном. Я знала, что она и хочет, и ждёт моих вопросов.

– Что случилось, Даша? У тебя второй день глаза на мокром месте.

Но Даша смахнула слёзы ладошкой, опять шмыгнула носом и не ответила. Я вздохнула.

– Хорошо. Расскажи, что дома за день произошло.

– Ничего не произошло. Скучища. Весь дом, как вымер. Собаки и те в угол забились и целый день дрыхли. Марь Васильевна их уже часа в три на улицу вытолкала, так они дальше террасы не ушли. Одна Эльза жуткую деятельность развела, генералила детскую и вашу спальню.

– Как Анюта?

– У Марь Васильевны оставила. Вчера куксилась, сегодня вроде ничего.

– Ссоритесь со Стефаном, она и куksится.

Дашины глаза вновь наполнились слезами.

– Так он ехать опять собирается! На могилку к своей. А меня опять не берёт!

– Даша, третий год одна и та же песня. Ты к мёртвой ревнуешь! У могилы поминать ты ему зачем?

– Так я не пойду на могилку. Пусть сам идёт с мёртвой разговаривать. Поехать только с ним хочу.

– А Анюта?

– Анюту с собой, я же кормлю её!

– Зачем полугодовалого ребёнка таскать туда-сюда?

Даша бросила локон, который до этого старательно укладывала, и со злостью размазала слёзы по щекам.

– Ты что с ним сговорила?! Почему ты всегда на его стороне?

– Сядь!

Она попятилась и упала попой на изножье кровати.

– Ты вон везде с Сергей Михалычем... и дети с вами.

– Разница в том, что ни я, ни Серёжа, мы не принуждаем друг друга. – Я протянула ей упаковку салфеток. – Даша, Стефан любил свою первую жену. Ты знаешь, что он себя винит в её смерти. Боль его так велика, что он не может не ездить на могилу. Так он отдаёт долг живого перед мёртвой. Стефан честно предупреждал тебя, что не готов к отношениям, но ты так хотела за него замуж, что тебе всё нипочём было! Я надеялась, что твоя любовь и ласка ускорят его исцеление, и он вновь полюбит. Тебя, Даша, полюбит! Но беда в том, что замуж ты за Стефана хотела, а вот любить его, не любила.

– Неправда, – выкрикнула Даша, – я люблю Стефана!

Я покачала головой.

– Даша, любящая женщина бережно относится к ранам своего мужчины. А ты, как садист, ковыряешь рану Стефана и рядышком норовишь новые нанести. У него даже защиты от тебя нет, он только молчанием спасается. – Я отвернулась от неё к зеркалу. – Всё! Заканчивай причёску и уходи!

Так я с Дашей никогда не говорила. Даша притихла, слёзы её разом высохли, возмущение улеглось, в полном молчании она вновь принялась укладывать мои волосы.

«Ревность, – думала я, – всё та же проклятая ревность. Даше недостаточно владеть Стефаном сейчас, она жаждет владеть и его прошлым. А дальше? А дальше она захочет завладеть его любовью к лошадям, любовью к резьбе по дереву... а если и это удастся, Стефана не останется, останется Соб-

ственность Даши. Но к тому времени и от её любви останется только пепел».

Кончив, Даша опустила руки и смиренно опустила глаза.

– Благодарю, Даша, – поблагодарила я, вставая. Подошла к висевшему на дверце гардеробного шкафа чехлу с платьем и расстегнула молнию.

Так же смиренно Даша спросила:

– Я помогу, Маленькая?

Все домашние зовут меня этим именем, даже моя мама.

Я вздохнула и ответила:

– Помоги.

Тщательно оглядев себя в зеркале, я осталась довольна. Не знаю, что мне нравилось больше – туфли от Луи или платье от Мишеля.

– Ой! А изумруд-то! – хватилась Даша. – Бросившись к туалетному столу, она торопливо достала из футляра драгоценность, вернулась и надела подвеску мне на шею.

– Спасибо, Дашенька! – вновь поблагодарила я и вышла в гостиную. – Серёжа, прости...

Сергей просматривал какой-то листок бумаги, поднял на меня глаза, да так и замер. Взгляд его пробежал до самого пола и вернулся к моему лицу. Чуть охрипнув, он произнёс:

– Маленькая, ты восхитительна! – Он сделал круговое движение кистью руки. – Покажись мне...

Я с готовностью повернулась спиной – я люблю демонстрировать Серёже туалеты, я и на подиум выходила ради

восхищения в его глазах.

– Милая цепочка... – ещё больше охрипнув, похвалил он.

– Помнишь, я ругалась с Ми... – вновь поворачиваясь к нему, я только теперь увидела принца.

Масляно поблёскивая глазами, Его Высочество сидел на диване и, позабыв об учтивости, откровенно рассматривал мой туалет.

Я загорелась так, что на глазах выступили слёзы. Серёжа подошёл и собой закрыл меня от принца; приподняв к себе моё лицо, ласково прошептал:

– Маленькая, ты чудо! Красавица моя! – Он подал мне руку. – Пойдём?

Чтобы не взглянуть ненароком на принца ещё раз, я пошла чуть позади Серёжи, прячась за его телом. На мою беду, в этот самый момент дверь распахнулась, и с весёлым предупреждением:

– Тук-тук... – в прихожую ввалился Паша. – Ёлки зелёные! – присвистнул он. – Маленькая, тебя без охраны выпускать нельзя!

– Паша! – воскликнула я с упрёком.

Паша засмеялся, посторонился, и только мы его миновали, как за спиной опять раздался свист, на этот раз ещё более протяжный. «Как же я выйду на публику?!» – ударилась я в панику, кляня себя за выбор платья.

Платье без утайки обрисовывало фигуру, и вызывающим было как раз со спины. Закрытое спереди до шеи, сзади оно

имело вырез чуть не до самых ягодич, «прикрытый» тоненькой цепочкой, как шнуровка, несколько раз пересекающейся на спине крест-накрест.

У лифта вышагивал взад-вперёд Андрэ. Лицо его наполнилось радостью, едва он увидел изумруд.

– О, детка, как ты хороша! Рад видеть на тебе мой подарок!

Он предложил мне руку и, оставив Серёжу и Его Высочество позади, мы первыми вошли в кабину лифта. Угадав моё смущение, граф успокаивающе похлопывал ладонью по моей руке и старался отвлечь разговором:

– Детка, поздравь меня! Сегодня начало моего бизнеса в России – я заключил два контракта.

– Да? Андрей, правда?! – Я обняла его и поцеловала в щёку. – Я так рада!

Моя радость была неподдельной – я очень хотела, чтобы не только я, но ещё и дела связали графа с Россией.

– Если позволишь, я представлю тебе моих партнёров, – продолжал граф. – Оба весьма милые люди. Надеюсь, и сотрудничество выйдет выгодным!

– Пусть так и будет, Андрей! – от всей души пожелала я.

Опираясь на его руку, я и вошла в зал. Чуть склонив ко мне голову, Андрэ рассказывал о перспективах дела, иногда вовлекал меня в диалог вопросом и, похлопывая по руке, заглядывал в лицо в ожидании ответа. Одновременно он успевал раскланиваться с присутствующими, улыбался, го-

ворил: «Добрый вечер» и вновь обращал лицо ко мне. Полагаю, выглядели мы весьма респектабельно – убелённый сединами отец сопровождает под руку дочь, внимающую речам отца с улыбкой на лице.

«Отец! Дочь должна соответствовать отцу!» – Я приподняла подбородок, расслабила плечи, мягкой улыбкой встретила восхищённый взгляд мужчины и оценивающий взгляд его спутницы и наклонила голову в молчаливом приветствии.

Предложение графа об удочерении выглядело абсолютно абсурдным, тем более абсурдным, что и знакомы мы были едва-едва.

Случилось всё в Париже, куда мы с Серёжей приехали на Неделю Моды и, помятуя о приглашении графа, нанесли ему визит. Андрэ встретил нас в инвалидном кресле. Давнее заболевание коленных суставов обострилось и лишило его возможности самостоятельного передвижения. Он страдал от боли и одиночества, был подавлен и раздражён.

Граф просил пожить у него, я не смогла отказать и уговорила Серёжу перебраться из гостиницы в особняк, а ещё попросила позвонить Стефану, надеясь на его чудодейственную помощь. Стефан приехал, но отношения врача и пациента в тот же день были испорчены.

Это сейчас граф и Стефан играют в шахматы за одной доской, это сейчас они, часами читая в кабинете каждый своё,

потом неспешно обсуждают прочитанное, а тогда, в начале из знакомства, мы с Серёжей были вынуждены находиться рядом, чтобы как-то примирить их на время лечения.

Суставы исцелялись, и, спустя три недели, граф на своих ногах вышел на первую прогулку. Гулять мы отправились вдвоём – Серёжа накануне улетел в Лондон, а Стефан отправился прогуляться по городу.

– Лидия, у меня к вам серьёзное предложение, – объявил граф, как только мы вышли из дома. – Я предлагаю обсудить его. – Он помолчал и начал с истории своей жизни: – Вы знаете, я одинок. Моя жена умерла около десяти лет назад. Я любил её и был счастлив в браке. Она умерла вслед за нашим сыном. Тихо угасла от тоски. Мой сын не оставил потомства. Подруга, которую он упорно называл своей женой, женщина весьма далёкая от нашего круга, считала, что «размножение» человека на земле пора остановить любой ценой, вплоть до полной стерилизации двух третей населения.

Бог с ней и с её взглядами на жизнь, её тоже уже нет в живых.

Мой сын был сознательным наркоманом. При помощи наркотиков он хотел достичь «просветления». Как вы догадываетесь, и подруга его стремилась к тому же. В их среде смерть приходит легко, достаточно лишь слегка увеличить дозу.

Андрэ надолго умолк. Мы молча шли по дорожке парка. Через какое-то время граф очнулся и, похлопав меня по ру-

ке, вероятно, призывая к вниманию, вновь заговорил:

– Когда я увидел вас, я решил, как это сейчас называется, «отбить» вас у Сергея. Я мечтал, что вы поселитесь здесь в Париже, в моём особняке, зимой мы будем посещать театры, оперу, концерты, а на лето будем уезжать в пригород Бордо, в Аркашон. У меня приличное состояние, нам бы хватило на роскошную жизнь, даже если бы я перестал заниматься делами и посвятил всё своё время вам. Отнять вас у Сергея мне не удаётся. – Он грустно улыбнулся. – Неблаговидное занятие, но в своё оправдание могу сказать: я всегда был честен с вами в оценке Сергея. Я уважаю его, как честного делового партнёра, весьма удачливого и талантливого стратега бизнеса, но я мало ценю его человеческие качества. Сексуальная распущенность говорит об отсутствии у мужчины ответственности за семью, об отсутствии ответственности за доверившуюся женщину. Я говорил это прежде и хочу повторить ещё раз: я не верю в искренность чувств Сергея. Я уверен, он использует вас, как ширму, для создания собственной респектабельности.

Я покачала головой и остановилась, давая понять, что дальше слушать не намерена. Он поспешил извиниться:

– Лидия, прошу вас, выслушайте меня до конца. Я приношу извинения за свои слова, но я должен их сказать. – Он смотрел прямым, спокойным, уверенным в своей правоте взглядом. Поразмыслив, я решила, что будет лучше, если он выскажется до конца – тогда я буду знать, в каких границах

выстраивать с ним отношения, и вновь пошла подле него.

– Благодарю. Поверьте, мне не просто говорить с вами, – признался граф и продолжал: – Я вижу, вы любите Сергея. А я полюбил вас. Я не предполагал, что ещё способен на чувства. Я хочу, чтобы вы были счастливы, и хочу защитить вас. В том числе от тех неприятностей, которые, я уверен, рано или поздно доставит вам Сергей. С другой стороны, я очень одинок и не хочу вас потерять. Единственный способ оставить вас при себе, это создать родственные, семейные узы с вами. Поэтому, я предлагаю вам наследство, я предлагаю вам титул в обмен на право присутствовать в вашей жизни на законных основаниях. – Увидев моё смятение, граф усмехнулся. – Не пугайтесь, Лидия, я не предлагаю вам брак, я предлагаю вам стать моей дочерью. Если вы согласны, я удочерю вас.

Сказать, что я была удивлена, значит, вообще ничего не сказать о том потрясении, которое я испытала. Андрэ улыбнулся.

– Вы удивительная, Лидия! Вы совершенно не считаете нужным скрывать эмоции. – Вновь усмехнувшись, он покачал головой и сказал: – Я не сошёл с ума. Поверьте, я хорошо обдумал своё предложение, я взвесил все «за» и «против», я проконсультировался с юристами, и прошу вас принять моё предложение. Оно сулит вам только выгоды, за исключением одного пункта – моего навязчивого желания быть рядом с вами. Но я не претендую на всю вашу жизнь. Если вы па-

ру месяцев в году будете бывать в Париже, будете останавливаться в моём доме, если вы позволите мне изредка звонить вам, поздравлять вас с праздниками, я буду счастлив.

– О, Андрэ, не говорите так! Я...

Мой мозг метался в поисках аргументов для отказа. Весь разговор происходил как-то не так, напоминал сделку или... неет! происходящее напоминало сцену из дурной пьесы! Предложение графа было слишком поспешным для наших незрелых отношений.

– Итак, Лидия, что вы хотели сказать? – мягко напомнил Андрэ.

– Андрэ, я обещаю, я буду бывать у вас в гостях и без посулов титула и наследства. Я предлагаю вам дружбу, простую человеческую дружбу. Наши отношения только формируются, но я уверена, они окрепнут и со временем превратятся в настоящие узы, родственные или дружеские, время покажет.

– Почему вы отказываете мне? – сухо осведомился он.

– Хотя бы потому, что вы меня мало знаете!

– Я узнал вас достаточно, чтобы полюбить.

– Но мы с вами ровесники! Как вы предполагаете официально оформлять отношения отец-дочь, если у нас с вами разница в годах около пяти лет? И потом, зачем вы покупаете моё внимание и право общения со мной? Андрэ, вы мне нравитесь, мне хорошо в вашем присутствии, я с большим удовольствием и благодарностью пользуюсь вашим гостеприимством!

Андрэ вновь покачал головой.

– Не торопитесь, Лидия. Во-первых, что касается возраста. Вам срочно нужно менять паспорт. У меня есть возможность изменить год рождения в вашем паспорте, заменив сам паспорт. Если ваши документы не «омолодить», у вас начнутся неприятности с пограничными службами. Второе. Я не покупаю ваше внимание. Мною владеет вполне эгоистическое желание – обрести семью. Повторяю, я одинок. Моя поздняя, нежданная любовь к женщине трансформируется в любовь к удочерённой девочке. Третье. Повторяю, у меня нет кровного наследника. Посему, я уже принял решение, что завещать состояние я буду вам. Всё то, что я предлагаю сейчас, вы получите после моей смерти. Ну подумайте, какой смысл в проволочке?

Я молчала. Не дождавшись ответа, он повторил вопрос:

– Что вас смущает в предложении назваться моей дочерью?

Аргументов для отказа не было, но у меня нашлись условия, их было два. Я изложила их в том же духе, что и граф:

– Первое. Я дам ответ после разговора с Сергеем. Второе. Я... только не спрашивайте меня: как? и не считайте сумасшедшей... я испрошу позволения на удочерение у вашего Рода. И третье. – Я шагнула вперёд и встала против него. – Независимо от первого и второго, я прямо сейчас прошу вас считать себя членом моей семьи. Моя семья состоит из моей мамы, Сергея и меня, и я приглашаю вас стать членом нашей

семьи. У моей семьи пока нет дома, но он обязательно будет!

Господи! в его глазах были и недоверие, и ожидание... я потянулась к нему.

– Лида, детка... – дрогнув голосом, он робко обнял меня, – благодарю.

– И я благодарю тебя, Андрей. За любовь благодарю...

Андрэ представил своих партнёров. Господин М. был мне заведомо симпатичен, это был тот самый бородатый господин, что так удачно задержал графа и уберёг всех нас от его присутствия в скандале с Кариной. Господин М. и его дочь – красивая и очень юная девушка не жалели эпитетов в адрес моего «Ах!такогодраматичноготанго». Девушка работала в корпорации своего отца и вполне уверенно, с молодой безапелляционностью рассуждала о перспективах бизнеса. Отца она называла папá, с ударением на второй слог, и вдруг заговорила по-французски. Я воспользовалась этим и оглянулась в поисках Серёжи. Он стоял в нескольких метрах от меня в кружке мужчин и чуть кивнул мне. По правую руку от него в инвалидном кресле сидел мальчик, он тоже посмотрел в мою сторону. Я улыбнулась.

Граф представил ещё одного партнёра – господина С., молодого человека лет тридцати. За господина С. Было немного неловко – он жутко нервничал, поправлял и без того безупречно повязанный галстук пластрон, дёргал манжеты сорочки, вытягивая их из рукавов смокинга, а, вытянув больше

положенного, безуспешно старался затолкать обратно. Суется в бессмысленных движениях, он не находил слов для беседы, краснел и отдувался.

Как только мы отошли от него, Андрэ со вздохом заметил:

– Мужчинам очень непросто в твоём присутствии. Ты смущаешь своей красотой.

– О, Андрей! Моя красота, даже если бы она у меня была, здесь ни при чём, это ты смущаешь людей. Ты так размахиваешь графским титулом, что люди не знают, как себя вести. Это у вас в Европах родовитое дворянство по улицам ходит, а у нас графиня – это вдруг оживший персонаж из исторического романа.

– Детка, ты не признаёшь очевидных вещей, – не согласился граф, – посмотри, как на тебя смотрят!

– И на тебя, Андрей, тоже смотрят! Ты бесспорно импозантный мужчина, мечта многих женщин. Но не станешь же ты утверждать, что публика проявляет к тебе интерес, исключительно ввиду восхищения твоей красотой?

Он расхохотался так, что на глазах выступили слёзы.

– Не стану, детка! Упаси Бог, от такой участи! – На ходу достав платок, он принялся утирать глаза.

– А если серьёзно... безусловно, я привлекаю внимание, и, прежде всего, как жена и дочь организаторов мероприятия. Потом я, в отличие от присутствующих здесь дам, позволяю себе танцевать...

«Даа... и ещё как позволяю!», – совсем некстати я вспом-

нила гневный взгляд Серёжи в нашем танго, а хриплый голос Карины услужливо шепнул: «Профессионалка!» Вслух же я промямлила:

– ...потому и смотрят. А ещё у меня на шее камешек с кулачок моего сына... ну и... туалет... – «Чёрт бы его побрал! И Мишеля вместе с ним! Говорила, вырез не ниже талии...», – ...сам по себе шедевр.

Мы подошли к нашему столику. Андрэ захватил меня в кольцо рук и, глядя в глаза, произнёс:

– Детка, я хочу, чтобы ты больше верила в свою привлекательность. Ты красива, и ты удивительно женственна. Однажды попав в сердце мужчины, ты не покинешь его никогда.

Я поднялась на носки и молча поцеловала его в уголок рта.

Усаживаясь за стол, я вновь поискала глазами Сергея – он медленно продвигался к нам, беседуя с мужчинами, целуя руки женщинам, при этом располагался так, что всегда оказывался к нам лицом.

– Да-да, детка, эту особенность я заметил ещё в ваше первое посещение Парижа, – заметил Андрэ, рассматривая карту вин, – твой муж никогда не выпускает тебя из виду. Похвальное поведение. Что тебе заказать?

– Фреш. Лучше овощной.

Поговорив с официантом, граф отправил его за сомелье.

– Ты доволен результатами вашего слёта? – поинтересовалась я.

– Вполне! Началось вязко, я даже подумал, что зря мы всё

это затеяли. А потом, за закрытыми дверями твоему мужу удалось переломить общую вялость – предложения посыпались, идеи. Фармацевты вот только остались не у дел. – Он искоса взглянул на меня. – Твой муж категорически не желает иметь дела с фармацевтикой. А это большие деньги.

– Потому и не желает, что это деньги. Помощь страждущим превратилась в средство наживы – прибыль на первом месте, уж не знаю на каком эффективность продукта и его безопасность.

– Детка, бизнеса не бывает без прибыли.

– Вот именно! Вся стратегия на ладошке! Продукт с характеристиками безопасность плюс эффективность даже и создан быть не может – не дай Бог, все станут выздоравливать! Теряешь потребителей, теряешь прибыль! Противоречие, однако!

– Вы оба слишком категоричны, – вздохнув, посетовал граф и закрыл тему.

Серёжа, наконец, покинул последний на пути к нам кружок мужчин и, сделав несколько шагов, наклонился ко мне и почти беззвучно шепнул:

– Девочка... спинка твоя с ума сводит...

– На, посмотри карту вин, – привлёк его внимание граф. – Я не стал без тебя заказывать. Вызвал сомелье.

Сергей сел и развернул карту, недолго совещаясь, они и без сомелье выбрали марку вина. Сделав заказ, Серёжа встал:

– Маленькая...

Но граф перебил:

– Окажи честь, зятёк, позволь первый танец отцу.

Серёжа на предложение об удочерении отреагировал с весёлой насмешливостью:

– Маленькая, зачем тебе это? Ты хочешь стать Её Сиятельством?

Я веселья не поддержала, медленно покачала головой и серьёзно ответила:

– Хочу избавить Андрэ от одиночества.

Сергей стёр улыбку и долго смотрел на меня, размышляя. В завершении вздохнул и предупредил:

– Лида, граф человек порядочный, но он не самый уживчивый человек.

Это было согласие. Преисполненная благодарностью, я уткнулась лбом ему в грудь и простонала:

– Ооо, Серёжка, какой же ты хороший! Как же я люблю тебя! Спасибо.

А мама не простила удочерения ни мне, ни графу.

Об Андрэ я рассказала ей сразу в тот же день, как вернулась в Алма-Ату. Заявилась к ней без предупреждения, раскусив, что лучше за раз выслушать упрёки, чем слушать их вначале по телефону, а потом при встрече. Увидев меня одну, мама всё же спросила:

– Ты одна?

Я кивнула, и она насмешливо поинтересовалась:

– Что, кончилась любовь? – Потом протянула ко мне руки и обняла. – Здравствуй, Лида! Не зря сегодня плохо спала, снилось что-то, а что, вспомнить не могу. Плохое что-то. Обидел он тебя?

Я молча покачала головой и спросила:

– Чаем напоишь? Я круассаны купила, тёплые ещё.

Мама направилась на кухню, поставила чайник на газ, достала кружки, чайные пакетики. Как всегда, спросила:

– Тебе сахар надо?

Я, как всегда, ответила:

– Нет.

Она села и поджала ладошкой щёку, ожидая разъяснений.

– Мам, любовь моя никуда не делась, – начала я, – но я ушла, вернее, уехала. – Я усмехнулась. – Готовилась к встрече целый день, а что говорить не знаю. Серёжа строит дом для меня, понимаешь, не для нас, а для меня. – Я взглянула на неё, она не понимала. – Серёжа замечательный, никто никогда не относился ко мне так же хорошо, как он. Он дарит дорогие подарки, уделяет внимание. Но... он сам по себе, отдельно... В современном мире независимые отношения приветствуются, но я, видимо, несовременна. – Понимая, что объяснение ничего не объясняет, да и вообще звучит глупо, я развела руками и проямлила: – Наверное, я идиотка – хочу отношений, каких не бывает.

Терпеливо выслушав меня, мама безапелляционно заяви-

ла:

– У вас и не может быть отношений! Я тебя предупреждала, только ты слушать не хотела! Вы разные, из разных миров. Сергей богатый, привык жить, как хочет! А ты? Какая ты ему пара? К тому же, и возраст у вас такой, что с новым человеком ужиться трудно. Я тебе говорила и ещё раз повторю: Костя твой человек, столько лет вместе прожили, вместе Настю схоронили! Он любит тебя! Видишь, и меня не бросает, будто и не ушла ты от него!

Не желая спорить, я опустила голову.

– Конечно, ты теперь всегда будешь виноватой... – продолжала она увещевать, – ну ничего! Раз виновата, потерпишь... Что ты морщишься? ... Что ты молчишь?

– Мама, как я вернусь к Косте, если я люблю другого мужчину?

– Да где он, другой мужчина? – закричала она. – Чего же ты уехала от этого мужчины?

Чайник запел, я вскочила, выключила газ и вернулась на место.

– Лида, послушай меня, жить одной трудно, я знаю! По-разному с отцом было, а без него совсем плохо. – По щекам её покатились слёзы. – А у тебя ещё и детей нет.

Контрольный выстрел! Я уже привыкла их получать, поэтому плачу потом, когда уползаю в свою нору. А сейчас я упрямо брякнула:

– Меня удочерили.

Она непонимающе смотрела на меня несколько мгновений и махнула рукой:

– Не болтай! Лида, ты...

– Правда! Теперь я наследница большого состояния. Графиня и гражданка Франции.

Я засмеялась, а мама улыбнулась сквозь слёзы и укоризненно покачала головой:

– Шутки у тебя...

– Мама, я не шучу. Правда! – Я потянулась за сумкой, достала французский паспорт и подала ей.

Она повертела в руках бордовую книжицу, взглянула на фотографию.

– Это ты, что ли? Молодая какая... – растеряно посмотрела на меня, потом опять на фото, – Лида, ты что, операцию сделала?

Я покачала головой.

– А почему?.. Ты... тут такая, как будто вчера школу кончила, тогда тоже волосы длинные были, – она поискала глазами вокруг себя, – где-то очки... – надела очки, протянула руку и погладила меня по щеке, – у тебя морщины здесь были, старили тебя... Лекарство, что ли, какое?

– Мама, я не знаю, как объяснить, но и Сергей, и я, мы оба помолодели.

Мама покачала головой, отказываясь верить в очевидное, и сняла очки.

– Ты сказала, удочерили. Зачем тебе это? У тебя родные

отец и мать есть!

– А я от родных и не отказываюсь!

– Ну и кто они, твои новые родители?

– Не они. Он. Граф Андрэ Р. Он русский, родился и живёт во Франции.

– Зачем ты ему?

– Он одинок. Сын погиб, жена умерла.

– Да ты-то почему, я спрашиваю?!

Я пожалала плечами.

– Лида, почему у тебя всё не как у людей? Удочерение какое-то придумала...

– Мама, у меня всё, как у меня! И моё горе, и моё счастье – это моя жизнь, и я не променяю свою жизнь ни на чью другую!

Тогда мама предпочла закрыть тему, но при знакомстве с графом была холодна до невежливости. А граф сердится всякий раз, когда слышит любимые мамины вопросы в мой адрес: «Да ты-то, откуда знаешь?» или «Да ты-то, разве сможешь?»

Андрэ кружил бережно, не отрывая глаз от моего лица. Он умеет установить партнёршу на некий пьедестал – окружить почитанием и обожанием, не теряя при этом собственного достоинства. Благодаря за танец, граф поцеловал мои пальцы, подал руку и, сопровождаемые восхищенными взглядами, мы пошли к своему столу.

– О чём ты думала? – спросил он. – Мне показалось, ты была далеко-далеко.

Я прижалась щекой к его плечу.

– Я люблю тебя.

Он растрогался.

– И я тебя люблю, детка, и хочу, чтобы ты была счастлива.

С глубочайшей нежностью, на грани слёз, я подумала: «Милый, милый Андрей, как же я благодарна, что ты появился и остался в моей жизни!»

Да, чтобы остаться в моей семье, Его Сиятельству пришлось поступиться некоторыми укоренёнными привычками потомственного дворянина.

Узнав о моей беременности, Андрэ настаивал на проживании во Франции, по крайней мере до того времени, пока я не рожу. После недельных переговоров по телефону о дикости России, о высоком качестве родовспоможения во Франции, о моих неразумности и упрямстве, о безответственном отношении Сергея, я, в конце концов, решила поставить точку:

– Андрей, мы больше не будем обсуждать эту тему – дети родятся и будут жить на родине предков своего отца! Тем более что их отцу не случилось родиться на этой земле. – И прибавила: – Буду рада, если ты будешь рядом.

Через несколько дней он позвонил и, всё ещё сердясь, известил:

– Самолёт заказал на завтра. Зятёк, надеюсь, беспокоится встретить!

Объявив о приезде графа, я вызвала немалое смятение чувств у домочадцев. Эльза бросилась драить и без того сверкавшие чистотой апартаменты, предназначенные для Андрэ. Василич беспокоился гигиеническим состоянием конюшни, одновременно гордясь выхоленностью её обитателей:

– А что, Маленькая, Пепел-то получше выглядит, чем когда от графа к нам приехал!

А Маша, та совсем растерялась:

– Маленькая, я боюсь, вдруг я не угожу графу? Дашка сказала, у него в Париже повар какой-то очень знаменитый.

Я сервировала стол к обеду и, мельком взглянув на Машу, проворчала:

– Дашу послушать, так в Париже всё самое лучшее и знаменитое.

– Так что, Дашка врёт, что ли? – встрепенулась Маша надеждой. – Про повара-то?

– Маша, повар у графа хороший, а знаменитый он или нет, я не знаю. Я не совсем понимаю, почему ты нервничаешь. Граф уже ел твою стряпню.

– Да я даже не помню тот раз, – отмахнулась она, – тогда такая суматоха с вашей свадьбой была, и гостей полный дом...

Я засмеялась.

– Угу, и граф, и лорд, и даже особа королевского рода! – Я осмотрела стол, проверяя всё ли в порядке. – Помнится, все нахваливали твою кухню. А пироги так и вовсе встречали аплодисментами! – Удовлетворённая увиденным, я подошла к Маше ближе и весело произнесла: – Маша, ты повар в доме Сергея, и твоя задача, прежде всего, угождать ему – хозяину!

Устремив взор в пространство, Маша замерла, осмысливая мои слова, потом кивнула и, развернувшись, поспешила на кухню.

Сказать правду, я тоже нервничала. Но меня волновало совсем другое. И, как оказалось, не зря...

Вся семья собралась за столом, не было только Серёжи – он ушёл в погребок выбрать вино.

Василич живописал, как буйствовала Красавица при перековке:

– С утра-то она в хорошем настроении была, – наслаждаясь всеобщим вниманием, рассказывал он, – это потом с ней что-то случилось, ржать вздумала, копытами по яслям бить. Может, ей что померещилось, может, кузнец не понравился, не знаю. Вправду сказать, мне-то он тоже не глянулся, хоть и дело своё знает... В общем, без Стефана, Маленькая, мы бы твою капризулю не перековали! Меня-то она, знаешь, не шибко уважает, хотя я её...

– Идёт! – перебил его сдавленный шёпот кого-то из женщин.

Достигнув подножия лестницы, Андрэ замедлил шаг, удивлённо рассматривая сидевших за столом домочадцев. Даша сжалась, стараясь уменьшиться в размерах. Маша, наоборот, расправила плечи и вызывающе задрала подбородок. Эльза растеряно металась взглядом по лицам. Я встала и поспешила навстречу.

– Мы ждём тебя, Андрей! Как тебе твоя спальня?

Андрэ вежливо улыбнулся и, взяв мою руку, поцеловал.

– Всё очень мило, детка.

– Я позволила себе смелость самой выбрать для тебя место за семейным столом. – Я указала на три свободных стула, с одного из них я только что встала. – Но ты можешь сесть во главе стола. – Я указала на свободный стул, позволяющий сидевшему на нём человеку обозревать пространство не только столовой, но и гостиной в целом. – Выбирай, милый. Хотя не скрою, мне будет приятно, если ты будешь сидеть рядом со мной.

Андрэ ещё не пришёл в себя от удивления, но вспомнил о галантности и сделал мне комплемент:

– Детка, ты замечательно выглядишь!

– Благодарю, милый. – Я приникла к его груди и прошептала: – Андрей, я так рада, что ты приехал!

– Ах, детка... – растрогался он. Предложив руку, он повёл меня к трём пустым стульям. – Полагаю, твой муж сидит слева от тебя?

Я засмеялась и кивнула.

– Тогда твой отец сядет справа от тебя. Ааа, – протянул он, увидев Серёжу, – вот и зятёк пожаловал!

Обхватив за горлышки, Серёжа нёс по три бутылки в каждой руке. Подойдя к столу, он поставил бутылки рядом со своими приборами.

Эльза подхватила и кинулась к комоду, достала полотняные крахмальные салфетки, повесила их на спинку Серёжиного стула, разгладив ладошками с обеих сторон. Я поблагодарила:

– Спасибо, Эльза.

Серёжа открыл первую бутылку, и Андрэ протянул руку.

– Позволь полюбопытствовать, зятёк.

Я подала ему салфетку, он, не глядя, взял и, взявшись салфеткой за пыльную бутылку, одним её концом потер надпись. Брови его поползли вверх. Потом он ознакомился с другой бутылкой и удовлетворённо кивнул; взял следующую и, едва взглянув на неё, разочарованно отставил прочь. Так он пересмотрел все. Из шести бутылок две ему понравились.

Сергей спросил, из какой бутылки наполнить его бокал, он выбрал первую.

Пока Серёжа разливал вино, я подкатила сервировочный столик ближе к столу, и на этот раз Андрэ выразил удивление вслух:

– Лидия, детка, ты намерена сама всех обслуживать?

Я рассмеялась.

– Да, милый, я намереваюсь каждому налить его тарелку супа.

Постепенно семья освоилась с присутствием графа, шуток и смеха они себе, конечно, не позволяли, но разговоры, хотя и вполголоса, начались.

Серёжа и я разноголосицей нахваливали стряпню Маши, но Маша всё равно оставалась скованной – не улыбалась, не благодарила в ответ, кажется, даже и не ела, а только искоса поглядывала на графа. Граф молчал на протяжении всего обеда, но за десертом удостоил Машу взглядом и несколько свысока похвалил:

– Благодарю. Я приятно удивлён, ваша кулинария на высоком уровне, радует и вкус, и обоняние, и глаз.

Маша расцвела улыбкой, как-то сразу расслабилась и оттого похорошела прямо на глазах. Андрэ улыбнулся её преобразению. В лучах его улыбки Маша ещё более осмелела:

– Вы мне о своих предпочтениях скажите, я их буду учитывать, когда буду готовить.

Продолжая улыбаться, Андрэ переспросил:

– О предпочтениях? – И вновь похвалил: – Всё, что я ел за обедом на мой вкус прекрасно, а это значит, что вы готовите так, как я предпочитаю.

Маша покрылась лёгким румянцем, скромно опустила глаза и тут же («Господи, помилуй!») стрельнула глазами на графа.

Позже и Серёжа удостоился похвалы. Андрэ похвалил его

винный погребок, но не удержался и от критики:

– Я не люблю испанское. Ну разве что каталонское, из Приората, да и то... себе я такое вино не покупаю, слишком терпкое и плотное на мой вкус.

Серёжа не спорил.

Андрэ – хозяин нескольких виноградников в разных провинциях Франции. В начале семейных отношений он весьма категорично не допускал Сергея к выбору вина, априори считая его дилетантом, обладающим грубым и неразвитым вкусом.

Серёжа абсолютно спокойно позволял поучать себя и продолжал руководствоваться собственным мнением. Андрэ его независимость раздражала.

Всё изменилось с приездом графа в Москву. Ознакомившись с винным погребок зятя, он был неприятно удивлён, обнаружив, что коллекция Серёжи включает в себя шедевры, собрать которые мог только человек, глубоко знающий суть вопроса и обладающий отменным вкусом. Обескураженный открытием, Андрэ вынужден был признать, что его собственная коллекция – любителя и ценителя вина, профессионального винодела, несравнимо беднее коллекции Серёжи.

С тех пор выбор и заказ вина для семейного стола осуществляется в результате совместного обсуждения и, как правило, обоюдного согласия тестя и зятя.

После обеда мы пошли прогуляться, моя рука лежала на предплечье одной руки Андрэ, как всегда, поверх её он по-

ложил ладонь другой руки. Я прижалась щекой к его плечу и повторила:

– О, Андрей, как же я рада, что ты приехал!

Я думала, он сразу начнёт говорить о неприятном, но он спросил о маме:

– Детка, а где Анна Петровна?

– В санатории отдыхает. Вернётся через неделю.

– Всё в порядке? – сей час же встревожился он.

– Да. Насколько это возможно в её возрасте.

Мы шли по дорожкам сада мимо голых деревьев. Обнажённая земля чуть-чуть парила под осенним солнцем. Вчера выпал снег, но сегодня от него не осталось и следа.

– Детка... вы с мужем всегда обедаете со слугами за одним столом?

– Да, милый, и обедаем, и ужинаем за одним столом всегда всей семьёй. Завтракаем не вместе, каждый завтракает тогда, когда ему удобнее. Скажем, когда мы возвращаемся с конной прогулки, домочадцы, как правило, уже позавтракали и занялись своими делами. Ты с нами будешь кататься верхом?

Он рассеянно переспросил:

– Верхом? Не знаю, детка. Я пытаюсь понять, зачем принимать пищу за одним столом со слугами? Это неудобно. Слуги будут чувствовать себя свободнее, если будут обедать в своём кругу. А когда к вам приходят гости, ты и гостей рассаживаешь вместе со слугами?

Моё настроение испортилось, испортилось ещё и потому, что я и ждала этого разговора и всё же надеялась, что разговор не состоится. А надеялась потому, что тему эту мы уже обсуждали в Париже. Тогда вопрос возник из-за Стефана.

В день приезда Стефана в доме графа ничего не изменилось – стол к обеду, по-прежнему, был сервирован на трёх человек.

– Мажордом, наверное, ошибся. Стефан, садись, – сказала я, переставляя сервировку со своего места туда, где он собирался сесть.

Наблюдая за мельтешением моих рук, Стефан усмехался, но, к счастью, обиду высказывать не стал. Я вновь села на своё место, дожидаясь мажордома. В Серёжиных глазах уже всюду хороводились искорки, губы чуть подрагивали, сдерживая улыбку.

Горничная принесла супницу и растерялась, увидев отсутствие сервировки передо мной. Не зная, как поступить, она беспомощно оглянулась на стоявшего у дверей столовой мажордома.

«Какой несообразительный господин! – сердито подумала я. – Мог бы уже догадаться, что пора исправлять ситуацию! Или он думает, что Стефан сел за стол, чтобы полюбоваться, как мы едим?» Вняв молчаливому призыву горничной, мажордом подошёл ближе. Рассматривая его в упор, я поинтересовалась:

– Вы не умеете считать до четырёх?

Не понимая моей речи, мажордом перевёл взгляд на Андрэ. Граф глядел в свою тарелку и, не поднимая головы, тихим голосом отдал приказ:

– Принесите же, наконец, приборы, и мы начнем обедать. – И громче, уже с явным раздражением, хлёстко приказал: – Couvert!

Мажордом покраснел и бросился исполнять распоряжение. Андрэ взглянул на меня и печально улыбнулся.

– Простите, милая Лидия.

На следующий день, когда мы остались одни в гостиной, Андрэ спросил:

– Лидия, если бы я не позволил Стефану обедать с нами за одним столом, что бы вы сделали?

Я пожала плечами.

– К чему этот вопрос? К счастью, вы исправили ошибку мажордома.

– Вы же понимаете, что не было никакой ошибки.

– Понимаю.

– И всё же, что бы вы сделали?

– Покинула бы ваш дом. Полагаю, навсегда.

– Почему? Стефан не гость, Стефан предоставляет мне услуги, я ему плачу. Почему он должен обедать со мной и моими гостями?

– Потому что он не нуждается в ваших деньгах, а вы нуждаетесь в его услугах. Потому что его услуга больше, чем

деньги, он приехал восстановить ваше здоровье, а здоровье, как известно, в деньгах не измеряется. Потому что Стефан откликнулся на просьбу о помощи, и я, в некотором роде, в долгу перед ним за его отзывчивость. И самое главное, потому что я считаю, что все люди равны.

– Вы ошибаетесь, Лидия, – насмешливо улыбнулся граф и покачал головой, – люди никогда не будут равны.

– Вы правы! Люди не равны в талантах, неравны интеллектом. Но что касается социального неравенства, так его придумали мы, люди. Это мы построили классовое общество. Но, милый Андрэ, вы же не будете утверждать, что люди не равны перед Богом или перед смертью? К тому же вы сами с собой лукавите. Скажем, если бы президент Франции посетил ваш дом... думаю, даже незваным, он бы наверняка получил самый радушный приём. А ведь вы ему платите. Да, не напрямую, в форме налогов государству, но ведь платите!

Андрэ усмехнулся.

– С вами трудно спорить. Неужели вы считаете равными Стефана и президента Франции?

Я покачала головой.

– Нет, не считаю. Я считаю, что Стефан лучше справляется с взятыми на себя обязательствами.

Мы оба рассмеялись, и я закончила:

– Но для того, чтобы сидеть за одним столом и преломлять хлеб, запивая его вином, и президент, и Стефан вполне себе равны...

И вот теперь мне предстоял ещё один безрадостный разговор на ту же тему:

– Детка, почему ты молчишь?

– Прости, милый, задумалась.

– Я спросил...

– Я слышала, Андрей. – Я остановилась и повернулась к нему. – Андрей, в моём доме нет слуг. В моём доме есть члены семьи. За моим столом все равны, и гости, и домочадцы.

Он криво усмехнулся.

– В твоей семье царит демократия?

Я поморщилась.

– В моей семье царят патриархальные отношения в полном смысле этого слова, где хозяин дома – заботливый отец всем членам семьи, да-да, не улыбайся, именно заботливый и именно отец. А каждый член семьи несёт ответственность за свой вклад в семью.

– Почему тебе показалась неприятной моя шутка?

– Потому что у меня трудные отношения с термином «демократия». В реальностях современного мира понятие утратило первоначальный смысл, и я считаю его оскорбительным. Теперь «демократия» – это грязная, заляпанная кровью простынка, которой прикрывают свержение неугодных правительств в суверенных государствах и последующий разбойничий отъём ресурсов этих государств в условиях создавшегося хаоса. И эта самая «демократия» столь щедро

экспортируется, что того и гляди будет уничтожена цивилизация в целом, и человечество вернётся в архаику.

Андрэ снисходительно улыбнулся.

– Это твой муж вкладывает тебе в голову?

Пренебрежение, прозвучавшее в его тоне, рассердило меня. Я холодно спросила:

– У тебя есть основания подвергать сомнению мою способность думать самостоятельно?

На этот раз и он рассердился. Глядя на него в упор, я некоторое время ждала ответа, но он молчал. Сочтя разговор оконченным, я повернулась к нему спиной и пошла обратно к дому. Он сердито позвал:

– Детка, вернись!

Я остановилась.

– Вернись, – тон его смягчился, – обними меня. Я не хочу ссориться.

Я вернулась и прижалась лбом к его груди.

– Прости, Андрей.

– Я не думал, что ты интересуешься политикой.

– Не интересуюсь. Просто слышу и вижу то, что происходит. Вижу, как уничтожают мою страну, разворовывают ресурсы. Оболгав историю народа, крадут чувство национального достоинства. Вижу, что, в так называемых, развитых странах уничтожаются общечеловеческие ценности, примат большинства превратился в свою противоположность, и порочное меньшинство попирает права здорового большин-

ства. Вижу, как олигократия и плутократия управляют миром. И всё это мракобесие осуществляется под лозунгами развития демократии. Андрей, я не умею это изменить. Всё что я могу, это попытаться вернуть нормальные отношения между людьми, отношения, в которых нет места выгоде, а есть тепло и взаимная забота друг о друге. Кто-то скажет, что моё желание и несовременно, и утопично. Возможно. Но я собираюсь идти именно этим путём. – Я подняла голову и заглянула в его глаза. – И ты мне нужен, Андрей, мне нужен твой авторитет, нужна твоя мудрость и понимание сути вещей.

– Детка, я боюсь, что в попутчики ты выбрала не тех людей, эти люди с тобой не из идейных соображений, Сергей платит им.

– Тех самых я выбрала людей, Андрей! Любой путь нужно начинать с себя, следующая ступень – семья. Собирать с посторонними людьми кружки по интересам бессмысленно – всё начнётся и кончится болтовнёй. Да, члены моей семьи получают плату за свой труд. Но зарплата Маши не увеличится и не уменьшится в зависимости от того, понравится графу Андрэ её стряпня или нет. У Маши есть потребность готовить так, чтобы, как она выражается, «угодить», а правильнее было бы сказать, доставить удовольствие своей кухней. В этом всё – любовь к труду, щедрое служение, гордость мастера.

– Детка, это всего лишь добросовестное отношение к тру-

ду.

– Андрей, во-первых, не «всего лишь»! Добросовестное отношение к труду стало редкостью в нашем мире. Человечество захлёбывается в некомпетентности и безответственности. Во-вторых, современным миром правит прејскурант. Вы заплатили за это? получите и распишитесь, угождать мы вам не обещались. Раньше врач врачевал не только тело, но и душу пациента. А сейчас? Вы хотите человеческой участливости, платите, мы и эту услугу вам окажем. Ты хочешь человеческую участливость в форме услуги?

Андрэ грустно покачал головой.

– И правильно! Потому что это уже не участливость. Человеческие отношения – это соприкосновение личностей. А человеческая участливость возможна лишь при соприкосновении душ. И то, и другое вне мира денег. – Я вновь взяла его под руку. – Пойдём?

– Пойдём. – Андрэ легонько похлопал по моей руке. Даже сквозь перчатки я чувствовала тепло его ладони. – Детка, у тебя родятся дети. Твои родители, твои дети и их отец – это твоя семья.

– Я хочу, чтобы мои дети умели жить в социуме, а социализация наиболее эффективно проходит в большой семье.

Андрэ надолго умолк, размышляя и не делясь со мной размышлениями.

Я смотрела на улыбающегося Василича – навстречу нам, но по другой дорожке, он катил тачку с конским навозом. В

другой раз, он бы пошутил, крикнул бы что-нибудь, но сейчас поостерёгся обеспокоить графа.

Наконец, Андрэ подвёл черту и под размышлениями, и под разговором:

– Думаю, в чём-то ты права. Не хочу вновь поднимать спор в отношении слуг, но признаюсь: детка, мне понравилось, что ты налила мне тарелку супа и пожелала приятного аппетита!

Я засмеялась, а он ласково усмехнулся.

– Лида, наберись терпения, мне потребуется время, чтобы привыкнуть к непринуждённой беседе со слугами за обеденным столом.

Я мысленно выдохнула: «Уфф!», вслух же ворчливо произнесла:

– И вы, европейцы, учите нас, русских, демократии, не умея сесть за один стол с людьми не вашего социального круга.

Граф живёт с нами около года, не знаю, привык ли он обедать вместе со «слугами», но в семье он выполняет очень важную роль – он патриарх. Ему нет нужды вмешиваться в отношения членов семьи, само его присутствие призывает всех нас к достойному поведению...

Ужин проходил удивительно тепло. Первый тост произнёс Сергей, потом говорил Андрэ. Затем тосты начали произносить со всех сторон. Звучало много пожеланий в успехе де-

ла, были выражены благодарности и всем присутствующим, и личные слова признательности в адрес Сергея, Андрэ, кому-то ещё. Понемногу торжественные тосты трансформировались в приватные, произносимые за отдельными столиками.

А наш столик опустел. Андрэ танцевал с дочерью новообретённого партнёра. Я была рада, что ему представился случай поговорить на родном языке. Мать графа была французской, а именно родной язык матери и становится для дитя родным.

Серёжа ушёл за столик, за которым сидел мальчик в инвалидном кресле. А Его Высочество не нуждался в компании – принц весь вечер молчал, одиноко напиваясь.

Я налила себе чаю, и мои действия привлекли внимание Его Высочества – он оторвал мрачный взгляд от бокала и уставился на меня.

– Графиня, прошу прощения за недостойный вид, – нашёл нужным извиниться он. – Мне сегодня остаётся только одно – напиться до бесчувствия.

– Ваше Высочество, я ещё не имела возможности выразить вам признательность за помощь. Ваше своевременное вмешательство предотвратило угрозу публичного скандала. Я благодарю вас.

В его глаза возвращалась осмысленность.

– Лидия, она вас обидела?

– Нет, Ваше Высочество, она меня не обидела.

– Вы знали об её существовании?

– Да. Сергей рассказал о главных женщинах своей жизни.

– Что она вам наговорила?

Я пожала плечами и усмехнулась.

– Правду, Ваше Высочество. Ту же правду, что и вы.

Он выпрямился, глаза неожиданно протрезвели; он отставил недопитый бокал и, понуждая требовательным взглядом, ждал от меня пояснений.

– Она восхитилась моим профессиональным умением обольщать. Сказала, что и она, и я одного поля ягодки.

Усталым движением принц откинулся на спинку стула и долго молчал.

– Лидия, – заговорил он вновь, – выбросьте из вашей головки всё, что я вам наговорил. Я наблюдаю за вами весь вечер. Вы сама Любовь. То, как вы смотрите на моего друга, как улыбаетесь, как подаёте ему руку, всё обнаруживает вашу любовь. Мой друг счастливый человек, внушить такое чувство женщине выпадает редкому мужчине. Соблазните ли вы? Да! Вы могли бы надеть никаб и всё равно бы не скрыли своего очарования, свет ваших глаз продолжал бы привлекать к вам мужчин. В ком-то вы вызываете вожеление, ну и что из того? Вашей любовью к мужу вы дарите надежду, мечту...

Принц оборвал себя, увидев приближающегося к нашему столику мужчину. Тот подошёл, поклонился и произнёс:

– Графиня, позвольте вас пригласить на танец.

Его Высочество вскочил и, грубо оттесняя мужчину, выпалил:

– Вы должны были спросить разрешения у меня! – Он повернулся ко мне и протянул руку. – Окажите мне честь, графиня! Тур вальса!

Я видела, как подобрался Серёжа, умолкнув на полуслове, как сузились его глаза, ожидающие развития ситуации. Поднимаясь навстречу принцу, я улыбку незастенчиво продемонстрировала претенденту и извинилась:

– Простите, этот танец я обещала Его Высочеству.

Мужчина вновь вежливо поклонился и отошёл.

Во время танца, остерегаясь потерять равновесие, принц тщательно контролировал свои движения. Вёл медленно, часто не попадая в такт музыки. В самом финале вальса он всё же пошатнулся, но натренированное тело отреагировало правильно – потеряв равновесие и качнувшись вперед на меня, он одновременно судорожно прижал меня к себе. Получилось ненарочное объятие с поцелуем в висок. Он тотчас отстранился с виноватым выражением лица.

– Лидия...

– Всё в порядке, Ваше Высочество! Вы не позволили мне упасть.

Мы направились обратно к столику и случилась новая незадача. Приблизительно на полпути наперерез нам кинулся изрядно подвыпивший человек. Принц тотчас выдвинулся вперёд, заступая ему дорогу. Мужчина ступешался и за-

лепетал о желании выразить почтение.

– Ваше Высочество, – мягко остановила я принца, одновременно протягивая руку мужчине.

Тот взял мою руку в обе ладони и, умильно глядя, произнёс:

– Очень, очень рад. Честь для меня. Позвольте... – опасно взглянув на принца, он наклонился и поднёс мою руку к губам, поцеловал и ещё более умилившись, признался: – Графиня... никогда не видел...

Я рассмеялась. А он спохватился, что не представился:

– Олег, – обеими руками он тряхнул мою руку, – Олег Сергеевич Трюшин.

– Рада знакомству, Олег Сергеевич. Я Лидия.

– Олег, – поправил он. – Зовите меня Олег. Я владелец фармкомпаний. Мы из Сибири. – И широким жестом он указал ещё на двух, столь же изрядно подвыпивших, мужчин.

Его земляки уже поднялись из-за стола и, исполненные радушного гостеприимства, и жестами, и мимикой приглашали присоединиться к своему застолью. Я наклонила голову в знак благодарности и хотела уже отклонить предложение, как услышала Серёжу:

– Маленькая. – Его рука легла на мои плечи, губами он прижался к моему виску и глубоко втянул в себя воздух. Только затем Серёжа взглянул на господина Трюшина.

– Сергей Михалыч! А мы супруге вашей ручку поцеловать. Выпейте с нами, Сергей Михалыч... прошу, – господин

Трюшин приложил ладонь к груди, – от всей души!

Увлекая меня за собой, Сергей подошёл к столу сибиряков. Один из мужчин уже наполнял бокалы. Олег взял один и подал мне. Серёжа перехватил, поднял бокал, салютуя всем присутствующим:

– За знакомство, мужики! За успех вашего бизнеса! – Выпил вино до дна и поставил бокал на стол. Сказал: – Мужики, без обид. Моя жена устала. – И повёл меня к нашему столу.

– Наступило время, когда девочкам лучше покинуть собрание, – пробормотала я.

– Скоро пойдём, Маленькая. Устала?

– Пора, Серёжа, и дети скоро проснутся.

– Подожди минутку. Я договорюсь на завтра, и пойдём.

Шагающий позади нас, принц предложил:

– Если позволишь, я провожу графиню.

– Спасибо, Али, – согласился Серёжа.

Его Высочество предложил мне руку:

– Графиня.

И мы направились к выходу.

Лифт ждал, приветливо раскрыв двери. Нажав на кнопку нужного этажа, принц оперся руками на стенку кабины над моей головой и, дыша коньячными парами в лицо, прошептал:

– Лидия... вы подарили мне счастье танцевать с вами... – он стал наклоняться к моим губам, – вы так... прекрасны...

– Ваше Высочество, вы сегодня предложили мне дружбу, жаль, что уже сегодня вы хотите забрать предложение обратно.

Он перестал наклоняться, отступил назад и оперся на противоположную стену спиной и затылком.

– Простите, Лидия. Это не повторится, пока вы сами не позовёте.

– Я не позову, Ваше Высочество.

– Я настолько не в вашем вкусе? – усмехнулся он.

– Мой милый друг, – ответила я мягко, – я люблю другого. – Шагнув из лифта, я направилась по коридору к апартаментам, чувствуя на спине его взгляд.

Дверь открыл Стефан и застыл, медленно скользя по мне взглядом.

– Пустишь меня? – спросила я.

Он посторонился, продолжая пялиться на моё платье.

– Подожди минутку, не говори! – проходя мимо, подтрунила я, – я сама догадаюсь. Ты хочешь сказать, что я восхитительно выгляжу сегодня. Ах, ты не оригинален! Эти слова сегодня мне говорят все. Хотя, не буду лукавить, мне приятно, что ты тоже оценил мой туалет. – Я оглянулась от двери в спальню и прежде, чем открыть её, скорчила ему гримаску, а ведь несколько часов назад корила себя, что вырядилась в это платье! «О, Мишель, прости! – покаялась я. – Ты волшебник, твоё платье сделало из меня настоящую ко-

ролевишну».

Переступив порог спальни, я перенеслась в мир детства. Детки не спали, и Настя самозабвенно с ними сюсюкала:

– Агу... агу... да, мой сляткий... мальтиськи мы... такие сляткие мальтиськи... а девтёнки у нас тозе есть... да? агу, слятенькая... Катенька папина...

Малыши пускали пузыри, громко вскрикивали, а то и выводили целые рулады, поддерживая беседу. Поглядывая на них, я торопливо сняла изумруд, потом туфли, платье.

После душа, в повязанном вокруг талии полотенце, я забралась на кровать, и только Настя подала мне детей, пришёл Серёжа. Проходя в ванную, он уведомил:

– Покормишь, поедем домой. Паша уже приехал.

– Настёна, слышишь, собирайся!

– Я готова, – отозвалась Настя, – только деток одеть, да ещё Даша велела вещи ваши собрать. Сергей Михайлович, – крикнула она в приоткрытую дверь ванной, – вы так поедете или переодеваться будете?

– Нет, Настя, переодеваться не буду, – ответил он, выходя из ванной, бросил смокинг на кресло у туалетного стола и, глядя на меня в зеркало, растянул узел галстука. Бриллиантовая булавка блеснула в свете настенного бра.

– Даша почти всё увезла, – сообщала Настя, укладывая моё платье в кофр, – вещи графа Андрэ забрала, даже принца поймала, и его вещи увезла. – Она методично осмотрела комнату в поисках забытого и, ничего не найдя, застегнула

молнию на кофре и вышла.

Серёжа бросился поперёк кровати и прижался ртом к моей стопе.

– Сладкая... ножки сладкие... – шептал он, целуя и покусывая подушечки стоп и пальцы. Рука его поползла выше к колену и дальше...

– Серёжа...

Он поднял глаза и, увидев деток, опамятовался и усмехнулся.

– С ума схожу... соскучился.

Подперев голову рукой, он стал смотреть на малышей, поглаживая подъем моих ступней. Макс, как всегда, насытился раньше Кати. Серёжа поднялся и, забирая сына, привлёк внимание Кати – приветствуя отца широкой улыбкой, Катя выпустила из ротика сосок.

– Папу увидела! – умилился Серёжа. – Солнышко моё...

Катя устремилась к нему и ножками, и ручками. Взяв её ручку, Серёжа стал тихонько уговаривать:

– Доченька моя, надо доесть. Надо доесть, моя маленькая.

Ухватившись за его палец, Катя послушно вернулась к груди. А Серёжа так и остался стоять, неловко изогнувшись набок, одной рукой оказавшись в плену маленьких пальчиков дочери, другой рукой прижимая к себе сына. Стоял до тех пор, пока его дочь, засыпая, не расслабила пальчики и не отпустила его палец.

– Одевайся, – велел он, как только Катя уснула, и, прижав

к себе деток, стал прохаживаться с ними по комнате.

Я быстро оделась – пуловер, джинсы, кроссовки, и распахнула дверь в гостиную. Настя кинулась мимо меня одевать деток. А лежавший на диване Паша приподнял голову и спросил:

– Маленькая, меня ищешь? Поели? – Он сел рывком, так что диван отозвался стоном пружин, проворчав: – И что за мебель делают? – поднялся на ноги. – Сергей Михалыч, вы остаётесь?

– Нет, Павел, я домой.

– А граф Андрэ?

– Граф и Его Высочество остаются. До дома сами доберутся.

– Я подожду, – отозвался Стефан и усмехнулся, – заберу и Их Сиятельство, и Их Высочество.

Серёжа молча кивнул и, взяв детей на руки, первым вышел из номера. Настя бросилась за ним с пустыми сумками-переносками, а следом, прихватив кофр, вышел Паша. Я отстала, спрашивая у Стефана:

– Стефан, ты вниз? В зал?

– Нет. В машине подожду на свежем воздухе.

– Принц напивается.

Стефан внимательно посмотрел на меня.

– Задирист, мрачен и несчастен, – добавила я.

– Хорошо. Пойду в зал.

– Благодарю, Стефан, – и я припустила догонять Серёжу.

Собаки встретили машину у ворот, а потом каждый пёсик побежал со своей стороны, сопровождая машину до самого дома. Уселись у террасы, повизгивая и перебирая лапами от нетерпения, ожидая, когда мы выйдем из машины.

Серёжа подарил мне двух чудесных щенков московской сторожевой два года назад. Принёс в корзине, на ручке которой был повязан большой белый бант. Внутри корзина была выстлана тем же белым шёлком, а на шёлке копошились и тихонько скулили два пушистых, увесистых, бело-рыжих комочка с темными мордочками.

Пёсики сразу стали любимцами семьи, и только Эльза, опасаясь осквернения порядка и чистоты, отнеслась к новым жильцам с подозрением.

Я долго выбирала имена, приглядываясь к характеру каждого пёсика. Щенки были чрезвычайно схожи – упрямы, независимы, с выраженным чувством собственного достоинства и очень дружны между собой.

Время было летнее, поэтому было принято решение приучать щенков отправлять естественные нужды сразу на улице. Василич выбрал малопосещаемый участок сада, и после каждого кормления и сразу после сна щенков выносили на это место. На ночь Стефан соорудил просторный манеж, установил в нём короб, куда насыпал измельчённую древесную кору. Ночью щенки использовали короб по назначению, а на день короб убирали.

Щенки прожили в доме месяц и казусов ещё не случилось. Поверив в лучшее, даже Эльза уже перестала принюхиваться и приглядываться к полу, как неприятность всё же случилась.

Пёсики только что поели. Занятая сервировкой стола к ужину, я замешкалась и не сразу вынесла их на прогулку. Малыш дожидаться не стал – присел прямо посреди гостиной, написал и заторопился на коротеньких лапках подальше от лужицы. Бросив своё занятие, я вернула щенка к луже, строгим голосом порицая за содеянное. Пока нарушитель, опустив морду вниз, отворачивался и от меня, и от лужи, второй приковылял к месту происшествия и, нагло уставившись на меня, присел и тоже пописал. Отошёл и сел по-собачьи, от неумения завалившись чуть на бочок, и вновь нагло уставился на меня, дескать: «Ну и что ты на это скажешь?» Мне хотелось затискать малыша за преданность брату, но в целях воспитания пришлось стыдить обоих.

Восхищению домочадцев не было предела – после моего рассказа бóльшая часть ужина была посвящена байкам о преданности животных.

В тот вечер я и определилась с именами щенков. Ничего оригинального, но дабы иметь основания требовать от псов достойного поведения, я присвоила им дворянские титулы, один стал Графом, второго я возвела в Лорды.

Когда щенки немного подросли, Серёжа пригласил профессионального инструктора. Небольшого роста, узкотелый,

с неопрятной щетиной и пронзительным взглядом глаз цвета стали, Семён обладал огромным влиянием на собак. Щенки его понимали и слушались с первого слова. Семён и на женщин оказывал бесспорное влияние. После его инструктажа дамы дома перестали совать собакам кусочки вкусного когда не попадя. Не убедил он только Машу. Я полагаю, будучи сам покорен красотой и величием нашей королевы кухни, он потому и не смог найти достаточно веских аргументов для её вразумления. В ответ на мои увещевания, Маша вскидывала голову, угрожающе нацеливаясь подбородком мне в лицо. Поэтому вразумлять Машу пришлось просить Серёжу.

Щенки выросли в огромных псов. Хорошо воспитанные Семёном, псы считают ниже своего достоинства лаять. При необходимости выражают агрессию рычанием, либо просто оскаливают клыки. Невозмутимость они теряют в одном случае – когда, соскучившись, встречают нас после продолжительного отсутствия.

Эльза тоже полюбила псов, особенно Графа, после того как пёс не позволил ей упасть. Развешивая бельё, она оступилась, и Граф прижался к её боку как раз с нужной стороны, поддержал её своим телом и одновременно послужил опорой. Теперь о своём спасителе Эльза рассказывает всем, кто приходит в дом, принуждая слушателей восхищаться интеллектом пса.

Серёжа вышел из машины, помог выбраться мне, а после

этого хлопнул руками себя по груди, приглашая псов к приветствию. Мальчики были приучены соблюдать очерёдность – в этот раз Лорд первым вскинул лапы на плечи хозяину, обнюхал его и лизнул. Сергей потрепал его за загривок, приговаривая:

– Хороший Лорд, славный пёс!

Следом свою долю внимания и ласки получил Граф.

Ко мне забираться на плечи Серёжа запретил. Случилось это после того, как Лорд, ещё будучи подростком, слишком бурно выражая радость, не рассчитал бросок и сбил меня с ног. Поэтому я с пёсиками здороваюсь иначе – наклоняюсь и обнимаю за могучую шею.

Закончив с приветствиями, Серёжа вынул деток из автолюлек, псы, задрав носы, обнюхали и их, устремляясь за Серёжей к входу в дом.

– Паша, спасибо! Спокойной ночи! – попрощалась я.

– Спокойной ночи, Маленькая! – отозвался Паша и завёл мотор.

Одетая по-домашнему – в халате, с яркой цветастой шалью на плечах, в гостиной нас встретила Маша.

– Маша?! – вскрикнула я. – Что же ты не спишь? Господи, поздно-то уже как!

– Вас жду. Кто-то же должен встретить. – Маша зябко повела плечами под шалью и зевнула. – Задремала вот уже. Ты сама говорила, это правильно – встречать!

– Благодарю, Маша, милая, – растрогалась я и обняла её.

Она погладила меня по руке, провожая взглядом Серёжу с детьми и Настю до лестницы на второй этаж, и спросила:

– Всё хорошо?

– Да. Всё хорошо. А у вас?

– Без тебя дом пустой. Чай будешь?

Я покачала головой и опустилась против неё на диван.

– Хорошо дома. И не уезжала бы. Так, в театр когда или в концертный зал...

– Так и не ездила бы...

Досказать Маша не успела, входная дверь распахнулась, и в гостиную вбежала Даша.

Переделывая дом, Серёжа пожертвовал холлом, и наша гостиная начиналась сразу от входной двери. Сделано это было для того, чтобы увеличить размеры кухни – вначале Серёжа увеличил кухню за счёт гостиной, а потом вернул гостиной отнятые метры, упразднив холл. Мне понравилось его решение – кухня получилась просторной с удобным рабочим столом-островом посередине, да и гостиная ничуть не пострадала.

– Маленькая, а где Стефан? – спросила Даша и растерянно огляделась, теребя пуговку на халатике, высоко открывающем её красивые колени. – Он что, не приехал?

– Не волнуйся, Даша. Стефан решил дождаться графа. Позже приедет.

– Ааа... – Даша продолжала потерянно блуждать взглядом по сторонам, – я жду, жду...

– Меньше надо мужу концерты устраивать! Ждёт она! Он у тебя и домой уже не хочет возвращаться!

– Маша! – одёрнула я.

– Что Маша? Правду говорю! Со свету она мужика сжи-
вает и дитё не жалко!

– Я жду Стефана, чтобы прощения попросить! – крикну-
ла Даша, блеснув полными слёз глазами. – Вы же ничего не
знаете! Вы, Марь Васильевна, сами на Василича кричите! –
Даша развернулась, взмахнув полами халатика, и выбежала
вон.

Маша задохнулась от возмущения и, не успев выразить
его Даше, грозно повернулась ко мне.

– Маша, подожди, – остановила я, – подожди, пожалуйста.

Маша выдула изо рта воздух себе на лоб вначале с одной
стороны рта, потом с другой.

Так она делает всегда, когда сердится – словно сдувает со
лба прядки волос, хотя из туго сплетённых кос Маши нико-
гда не выбивается ни единого волоса. Богатые косы лежат
коронай вокруг головы, открывая округлое лицо, маленькие
розовые уши, украшенные серёжками, и горделивую шею с
неизменной ниткой кораллов. Бусы эти, подаренные на день
рождения, были первым подарком Василича своей будущей
жене, тогда ещё невесте.

– Давно надо было поговорить, да всё не соберусь, – нача-
ла я. – Маша, я прошу терпимее относиться к членам семьи.
Эльза предпочитает реже встречаться с тобой, Дашу ты ча-

сто до слёз доводишь. Даша легка на слёзы, да и коришь ты её по делу, но всё же чаще по пустякам. Мало того, теперь и Насте стало перепадать. Что случилось, Маша? Устала, выбери санаторий какой или островок, я куплю тебе и Василичу путёвки, съездите, отдохнёте.

– Кто кормить-то вас будет? – выкрикнула Маша и сделала паузу, давая мне возможность осознать всю бессмысленность своего предложения. – Без Василича, может, и можно обойтись, Стефан подменит, а на кухне кто? Я встаю в половине пятого и вона, уже первый час, а я ещё не ложились. Устала, говоришь? Конечно, устала! Эльзе помощников на генералку приглашаешь. У Настьки в помощниках весь дом. У Дашки, – Маша кивнула на дверь, в которую выбежала Даша, – и так не много хлопот, так ещё и дитё своё на меня оставляет! И вместо спасибо, ничего не скажи ей! Ишь ты! А я? Всю ораву одна кормлю! Ты обо всех заботишься: «Эльза, устала, иди отдохни. Настенька, приляг поспи, пока я с детьми погуляю. Даша, кормишь! Похудеешь, когда кормить перестанешь», – передразнила она, удивительно точно повторяя мои интонации.

Я невольно улыбнулась, и моя улыбка её обидела – гневно сверкающие глаза увлажнились, а тон поутих:

– Для всех у тебя ласковое слово найдётся. Мужиков опекаешь, как маленьких – Стефан то, Пашенька сё. И Василича моего не забываешь, спасибо, – взмахнув рукой, она поклонилась. – А я что? «Благодарю, Маша» и всё? Обидно мне,

Маленькая, не ценишь ты меня, да... – она обречённо махнула рукой, – и никто не ценит, один Василич разве. – Маша замолчала, достала из кармана халата салфетку и начала сморкаться. Скомкав салфетку в руках и глядя на неё, прибавила: – Я и хлопот-то тебе никаких не доставляю. А всё не любишь ты меня, как не родная я.

– Машенька, ты не просто хлопот не доставляешь, ты мне помогаешь в хлопотах с другими членами семьи! Прости, если внимания тебе мало уделяю. А что не люблю тебя, тут ты не права. И сама знаешь, что не права! И люблю, и родная ты мне, а уж Серёже и подавно! Он ведь ребёнком тебя ещё помнит. Устаёшь ты, тоже понимаю – семья растёт, а кормилица ты у нас одна. Давай всё же пригласим тебе помощника.

Маша вздёрнула голову.

– Эка! Опять?! Я тебе говорила и опять повторяю: никого чужого на кухне не потерплю! Этих-то, которых Сергей Михалыч приглашает, когда праздник какой, с трудом терплю! После них потом не отмоешь, не столько помогут, сколько напакостят!

Я улыбнулась, припомнив, как в начале нашего знакомства Маша не желала подчиниться единственному требованию с моей стороны – я требовала безупречной чистоты на кухне. Она и сама не поддерживала порядок, и Эльзу не пускала на кухню, по праву считая кухню своей территорией. Не желая вести бесполезных споров, я, в конце концов, объявила, что ищу новую кухарку, на что Маша, уперев кулаки

в бока, поинтересовалась:

– Так ты что, из дома меня выгоняешь, что ли?

– Да почему же из дома, Маша? Всего лишь из кухни, – спокойно ответила я.

– А что я буду делать?

– Не знаю, Маша, давай вместе подумаем. Что ты умеешь?

Понимая, что проиграла, Маша пригласила на помощь Эльзу. И хоть кухне от роду и было всего пару месяцев, а и отмывать, и чистить нашлось что. Маша ревниво наблюдала за усилиями Эльзы и училась...

– Я, Маленькая, и вправду, наверное, устала. Может, и надо отдохнуть. Сама знаю, что кидаться не всех стала. Дашку, ту затюкала совсем. Ты бы сама поговорила с ней построже, ведь доиграется, уйдёт от неё Стефан!

– Я поговорила, Маша. Сегодня поговорила.

– Ааа... так это она потому прощение-то собралась просить?

– Маша, ещё хочу просить тебя, ты меньше ругай её, а больше объясняй. Молодая Даша, многого не понимает, да и не умеет, матери совсем не знала, она же сиротой росла.

– Даа... – протянула Маша, – а мне ничего не сказывала... всё про Париж болтает... – и, построжав голосом, спросила: – А ты почто мне раньше не сказала?

Я развела руками.

– Не сказала. Даша сама тебе всё расскажет, ласковая она,

Маша. Ты будь мягче с ней, по-матерински, что ли.

Маша помолчала, что-то обдумывая, и поднялась с дивана.

– Пойду я. Ты немке-то скажи, пусть не боится меня, уважаю я её, хоть и не люблю. А с Настей не права я, прости.

– Мне, Маша, надо, чтобы Настя всегда в хорошем настроении была. С детками она. Не надо им раньше времени энергии обиды и злости узнавать, успеют ещё. А что касается тебя, тебя я ценю, Маша, не только люблю. Ты редкая! Какое бы настроение у тебя не было, на кухне ты забываешь обо всём и готовишь с любовью, а, значит, и пищу насыщаешь любовью, а не травмишь нас гневом да обидами. За то и ценю тебя, что приготовленная тобою пища здоровьем наделяет! – Я вздохнула. – А Эльзе сама скажи. Она тебя тоже уважает и восхищается тобой.

– Хорошо мы с тобой поговорили, Маленькая, спасибо тебе. Ты графа Андрэ будешь ждать?

Я кивнула.

– Ну а я пошла. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Маша.

От дверей она оглянулась.

– Ты к Анне Петровне не ходи. Сон у старых чуток, а она перед самым вашим приездом к себе ушла, допреж со мной сидела, ждала.

Маша ушла, впустив в дом Графа. Пёс подбежал, обнюхал меня и повернул голову к лестнице. По лестнице спускался

Серёжа. Он уже переоделся в джинсы и футболку. Граф подождал, пока Серёжа подойдёт, и уткнулся в его ладонь носом, требуя ласки. Серёжа потрепал его за ухо, и пёс с шумным вздохом повалился на пол. Я едва успела приподнять ноги и, засмеявшись, поставила ступни на лохматый бок. Граф поднял голову, намереваясь лизнуть мои ноги, но наткнувшись носом на носки, опять брякнулся головой об пол.

– Ты где был? – спросила я у Серёжи.

– На лестнице сидел, – усаживаясь подле меня и обнимая, ответил он, – не хотел мешать.

– Мне поговорить с тобой надо, Серёжа. – Я помолчала. – Не знаю, как и начать. Поцелуй. – И я подставила ему губы.

Он поцеловал долгим, нежным поцелуем.

– Серёжа, ты сказал: я звала. Ну там, на танцполе... Серёжа, я, и правда, звала. Не отдельно кого-то... а... ну вроде... вот я!.. господи, стыд какой!.. В общем, Его Высочество сказал: ещё бы немного и мужчины турнир бы устроили... может быть, я, и правда, хотела соблазнить...

Пока я выталкивала из себя слова, он целовал моё лицо. Я умолкла, он вздохнул и спросил:

– Зачем ты придумываешь то, чего нет? «Может быть», «ты сказал», «принц сказал». Это был танец. Очень красивый танец, и очень талантливо исполненный – даже за твоей спиной я чувствовал гордую манифестацию женственности. Я должен был сохранить сюжет – завоевать благосклонность героини, а я поддался ревности и просто спеленал тебя. Ма-

ленькая, ты же сама всё время твердишь: «Искусству должно будить чувства». В том числе и эротические. Разве не так?

– Ты, правда, так считаешь? – дождавшись его кивка, я засмеялась. – Ох, Серёжка, я же сомневаться в себе стала, вдруг где-то глубоко во мне притаилась циничная, жаждущая власти, соблазнительница. Ооо, ты освободил меня! Я же весь вечер об этом думаю! – В порыве радости я обхватила его за шею и принялась целовать. – Скучала сегодня... Серёжа, не могу я жить без твоего взгляда...

– Чччи, Девочка. – Он увернулся от поцелуя и положил палец на мои губы. – Моё самообладание имеет границы. Ты ведь хочешь дождаться графа?

Я кивнула и упокоено склонилась к нему головой. Теперь Серёжа легонько целовал мою макушку, точнее не макушку, а причёску – вся убранный локонами, я чувствовала его дыхание, но не чувствовала губ.

– Подожди-ка, – я отклонилась, – освобожусь от этой причёски, а то голова уже устала.

Наклонив голову, я принялась высвобождать из волос шпильки, натолканные Дашей в невероятном количестве. Набрив их полную ладошку, я потрясла головой, и ахнула от неожиданности – захватив за затылок, Серёжа притянул меня к себе...

Шума подъехавшей машины я не слышала, не сразу услышала и шёпот Серёжи:

– Маленькая... Маленькая, тише, – тяжело дыша, Серёжа

обхватил моё лицо ладонями, – чччи, Малышка.

Граф уже повизгивал у дверей, оглядываясь на нас. Я то-ропливо поправила на себе одежду и чинно села, спустив ноги с дивана. Дверь открыл Андрэ, пропуская вперёд Стефана с висевшим на нём Его Высочеством. Стефан обнимал принца за торс и держал за руку, свисающую со своего плеча, но Его Высочество всё равно тяжело клонился вперёд. Серёжа сорвался с дивана и, в два прыжка оказавшись рядом, подхватил принца с другой стороны. Опустив голову, я вжалась в диван, надеясь, что Его Высочество меня не заметит. Но...

– Пардон... графиня... – с трудом фокусируя взгляд, принёс он извинения. Пьяно улыбнулся и хотел ещё что-то добавить, но Стефан и Серёжа поволокли его к лестнице и дальше наверх в его спальню.

Оставшийся у дверей Андрэ одну руку опустил на голову Графа, то ли лаская пса, то ли опираясь на него, а другую протянул ко мне. Я подошла. Обняв меня, он шёпотом спросил:

– Ты почему не спишь? Ночь уже. Я, милая, тоже не в форме, – причмокнув языком, он укоризненно покачал головой, – а правду говоря, просто бессовестно пьян. Но я сейчас лягу спать. И ты тоже ложись. – Отпустив мои плечи, он отправился к лестнице, стараясь держаться прямо. Пошатнувшись на первой же ступеньке, он ухватился за перила, повернулся ко мне и назидательным тоном произнёс: – Детка, в жизни каждого мужчины однажды бывают такие моменты.

Спускавшийся навстречу Стефан предложил Андрэ помощь, но Андрэ отказался. Потрепав на ходу Графа, Стефан подошёл ко мне.

– Благодарю, Стефан. Ты ужинал? – Он молча кивнул головой. – Ну иди. Даша заждалась – прибежала, волнуется. Ещё раз благодарю за помощь. А ты, мальчик, где сегодня ночуешь? – обратилась я к псу. – Дома или на улицу пойдёшь?

Пёс отправился за Стефаном.

Закрывать за собой дверь Стефан помедлил, внимательно глядя на меня.

– Спокойной ночи, Стефан, – сказала я, и он закрыл дверь. «Неужели этот длинный день кончился?!» – Я бегом бросилась к лестнице.

На самом верху влетела в объятия Серёжи – уложив принца, он шёл за мной. В спальне, не желая отрываться от его рта, я висла на его шее, пока он раздевался сам и раздевал меня. Он положил меня поперёк кровати и потребовал:

– Открой глазки! Смотри на меня.

Мне нравилось, как жадно он оглядывает моё лицо, мою молочную грудь, волнующуюся при резких, с большой амплитудой движениях; как смотрит на область паха, а потом вновь возвращается взглядом в глаза. Низ живота наполнялся сладким напряжением. В миг взрыва я взлетела с кровати, и наши тела сплелись, содрогаясь в бесконечном наслаждении.

День второй

Стараясь высвободиться из-под руки Серёжи, я тихонько сползала с кровати. Утро только забрезжило, и Серёжа сонно пробормотал:

– Рано ещё, куда ты?

– Разбудила? Не хотела, прости.

– Вернись ко мне.

Коснувшись его губ, я теснее прижалась к горячему, ослабленному сном телу, я хотела силы его рук, власти языка.

– Маленькая...

Я горячо зашептала:

– Да, Серёженька, да... – рукой я устремила к его паху и успела коснуться по-утреннему упругого пениса.

Он перевернул меня на спину и наполнил тоскующее лono. Первые движения и мой стон разбудили всю мощь его желания.

Малыши проснулись поздно, в половине седьмого. Я покормила их, они заснули опять и Серёжа понёс их в детскую. Торопясь на конюшню, я быстро оделась и догнала Серёжу на лестнице. Серёжа поздоровался с Машей от порога кухни, а я зашла внутрь.

– Машенька, доброе утро! Благодарю за сок. – Ставя стакан из-под сока в мойку, я поцеловала её в щёку. – Заботник ты мой!

Свежевыжатый овощной сок Маша делает для меня каждое утро с того дня, как я объявила семье о беременности. Ставит стакан с соком на старинный (ах! с клеймом 84ПФ1803), серебряный разнос, доставшийся ей по наследству от мамы, а той от её мамы и так дальше к неведомому первому обладателю, и оставляет под дверью спальни. Принести сок к дверям спальни её затея, я сначала сопротивлялась, но Маша обиделась, и я уступила.

– Доброе. Проспали? Поздно вчера вернулись эти-то, – она кивнула головой куда-то вверх, – слышала я. Ты б не ждала.

– Это, Маша, не мы, это малыши проспали.

– Пашка давеча хвастался, ты ему борщ свой обещала сварить. Николай вчера мясо привёз. Хааарошее! Так я варить на бульон уже поставила.

– Паша ещё и оливье заказал. Обещал, сам будет резать.

– Да там мяса на салат хватит, я большой кусок варю.

– Хорошо, Маша, благодарю. Побегу я.

– Беги. Василич уже приходил, справлялся, где вы. Морковь-то не забыла? – Напомнила она уже в спину.

– Взяла! – отозвалась я из коридора.

Серёжа седлал Грома, а принц, похоже, уже проехался – сидел на Пепле свежий и бодрый, и не скажешь, что после ночной попойки.

– Доброе утро! – Я помахала принцу рукой и подала Грому морковку. – Здравствуй, Громушка. Величественный

угольно-чёрный жеребец аккуратно взял моё подношение и захрустел. Стефан вывел из ворот конюшни оседланную Красавицу – чуя меня, она ржала и приплясывала под его рукой.

– Ннооо, – остудил он её пыл.

– Доброе утро, Стефан. А где Василич?

– Внутри.

Я заглянула за створку ворот.

– Здесь я, здесь, Маленькая, – отозвался Василич и вышел наружу. – Доброе утро!

– Здравствуй, Василич! – Я обняла его и чмокнула в небритую щёку. – Как ты?

– Да что мне сделается? Красавица твоя вчера немного буянила. Буянила-то шибко, да недолго. Что на неё находит ни с того ни с сего? Я даже выводить побоялся, думал, зашибёт. А потом сама вдруг и успокоилась, и ничего. – Он укоризненно покачал головой, опять уходя внутрь конюшни.

Красавица и сейчас была беспокойна. Я подошла, обняла её голову и прижалась к её щеке лбом. Она тотчас затихла.

– Здравствуй, девочка. Знаешь, что плохо мне вчера было? – шепотом спросила я, подавая ей морковь. – Чувствуешь хозяйку. «Поссорившись, мы с Серёжей будто камень в воду бросили, – думала я, слушая, как лошадь аккуратно, не нарушая моих объятий, хрустит морковью, – муть ссоры разбежалась волнами во все стороны, деток задела, принца, Красавицу».

Обделённый лакомством Пепел потянулся ко мне мордой, коротко всхрапнул, напоминая о себе.

– Подожди, девочка. – Я отстранилась от Красавицы, и чтобы не вызвать её ревность, взяла её под уздцы и сделала шаг к Пеплу, протягивая ему морковь. – Доброе утро, мальчик. – Взглянув на принца, я поздоровалась с ним ещё раз: – Доброе утро, Ваше Высочество! Простите, что заставила ждать.

Принц учтиво спрыгнул с коня.

– Пустяки, графиня. Доброе утро. Это я прошу прощения за вчерашние эскапады.

– Ах, принц, оставьте. Пустое.

Обменявшись фразами из позапрошлого века, мы оба рассмеялись.

– Маленькая, поехали, – позвал Серёжа и выставил перед собой ладонь.

Я оперлась на ладонь ногой и взлетела на Красавицу.

Один за другим мы выехали через заранее открытые ворота – принц, я, потом Серёжа – на грунтовую дорогу в лесу.

Первые уроки верховой езды я получила в усадьбе Андрэ всё в то же первое посещение Парижа. И инициатором моего обучения явился Стефан. Обстоятельство, которое побудило его посадить меня на коня, было тем же самым, что и обстоятельство, из-за которого он нанёс непреднамеренное оскорбление графу. Но обо всём по порядку.

В день своего приезда, сразу после обеда (того самого обеда, когда мажордом графа не догадался сервировать стол на четыре персоны), Стефан отправился прогуляться по усадьбе и зашёл на конюшню. Что происходило внутри, я не знаю, но вышел Стефан оттуда, громко ругаясь и таща за шкуру конюха. Не обращая ни на кого внимания, он протащил его через холл дома, пересёк внешний двор, выволоч за ворота и пинком отправил восвояси. Продолжая ругаться, точно так же, ни на кого не глядя, и тем же путём, Стефан вернулся на конюшню.

Всё это мы лицезрели, находясь в гостиной – вначале через окно с одной её стороны, потом сквозь арочный проём между холлом и гостиной, а потом в окно с другой стороны.

Застыв в инвалидном кресле, граф был настолько ошеломлён происходящим, что в первый момент потерял дар речи. Лицо его налилось кровью, на висках страшно вздулись вены. Я бросилась к нему, упала перед креслом на колени, поглаживая его побелевшие и вздрагивающие руки. Не обратив на меня внимания, он повернулся к Серёже и задыш-ливым шёпотом выкрикнул: «Вон!».

Серёжа сузил глаза и, усмехнувшись, повернулся лицом к окну.

Так прошло, наверное, минут пять. Граф медленно успокаивался, от лица его отхлынула кровь, наконец, он окончательно взял себя в руки и принёс извинения:

– Сергей Михайлович, надеюсь, вы понимаете, моё требо-

вание не адресовано к вам. Как бы ни было, прошу прощения за несдержанность.

Продолжая смотреть в окно, Серёжа кивком головы дал понять, что извинения приняты.

Мне, в отличие от Андрэ, было видно, что происходит за окном, и на что смотрит Серёжа. Я поднялась на ноги и развернула кресло графа к окну. За окном, на манеже перед конюшней, что-то приговаривая, а, может быть, напевая, Стефан осматривал жеребца. Он потрогал его суставы на ногах, осмотрел копыта и, выпрямившись, похлопал коня по крупу и ушёл на конюшню. Вернулся с седлом, заседлал жеребца и решительно направился в дом. Мы молча ждали, когда он войдёт в гостиную.

– Застоялся конь, – обратился он не к графу, а к Серёже, – нужна выездка. Я не гожусь, слишком тяжёлый, лучше она, – мотнул он головой в мою сторону.

Серёжа молчал. Нерешительность его была понятна – в седле я никогда не сидела. Стефан добавил:

– Пропадёт конь. Хороший.

– Серёжа, позволь... я согласна, – напомнила о себе я и наклонилась к Андрэ, спрашивая разрешения на такое пользование его собственностью.

Всё ещё сердясь, граф молча кивнул.

– Только у меня нет нужной экипировки, – известила я и показательно выставила перед собой ногу в кроссовке.

Стефан соизволил взглянуть – не на меня, на мою обувь,

и махнул рукой, сойдёт, мол. Развернулся и вышел.

Со дня конкурса в Карловых Варах Стефан, по одному ему известной причине, перестал со мной разговаривать. И за два месяца, что мы не виделись, ничего не изменилось – приехав в Париж, он разговаривал с Серёжей и не разговаривал со мной.

Волнуясь, я ждала решения Серёжи.

– Я думал, мы займёмся твоим обучением, когда вернёмся в Россию, – сказал он. – Думал, наймём профессионального инструктора. – Он улыбнулся. – Хочешь попробовать?

Я кивнула.

– Ну, пойдём.

И мы вышли на улицу. Сергей остался у края манежа, а я подошла к Стефану.

Стефан без церемоний обхватил ладонями мою талию, поднял меня и опустил в седло, подтянул стремяна под длину моих ног и, подавая поводья, буркнул:

– Бери.

По сравнению с конюхом со мной он обращался почти нежно.

Целью Стефана было восстановить физическую форму жеребца. Меня он учил поневоле, ради безопасности, просто для того, чтобы я не вывалилась из седла. Оценил он только одно – я быстро нашла общий язык с жеребцом – конь радовался встрече со мной, в день без занятий скучал. Пепельный в яблоках молодой жеребец был куплен графом незадолго до

болезни, а с болезнью хозяина не только наездника лишился, но даже и имени не успел приобрести.

С согласия Андрэ, я назвала жеребца Пеплом.

Чтобы ускорить обучение, Серёжа арендовал ещё одного жеребца, и по утрам мы стали выезжать на конные прогулки. Я чувствовала ход коня, старалась слиться с ним в единое целое, а Серёжа был недоволен, говорил, что, стремясь к «слиянию», я плохо контролирую ситуацию в целом, слишком доверяюсь животному и запрещал скачку. Как объединить и контроль, и единение я не понимала.

Прошли две недели. Здоровье графа улучшалось, что никак не сказывалось на его отношении к целителю. Андрэ со Стефаном не разговаривал, а принимая помощь, лишь сухо благодарил. В разговорах со мной он даже признал справедливость поступка Стефана, но был не в силах простить ему самоуправство.

– Милая Лидия, он мог бы сказать о нерадивости конюха, – в который раз объяснял свою позицию граф, – и я бы принял меры. Я бы и сам выгнал мерзавца. Но нельзя же в чужом доме принимать решения за хозяина. Это невежливо. Да это недопустимо, Лидия! – И граф опять начинал сердиться.

– Андрэ, пожалуйста, не волнуйтесь, – уговаривала я, – всё что случилось, уже случилось. Изменить случившееся мы не в силах, зато мы можем изменить отношение к случившемуся.

– Да-да, вы правы, – соглашался он, утихая, – что случилось, того не изменишь.

И вот как-то раз он меня спросил:

– А как бы вы поступили на моём месте?

– Поблагодарила бы, – не задумываясь, ответила я.

Лицо Андрэ вытянулось.

– Да, граф, я бы Стефана поблагодарила. За выявление проблемы, за эффективное и, согласитесь, – я выставила указательный палец вверх и засмеялась, – весьма эффективное решение проблемы! За сохранение моего имущества, за экономию моих времени и нервов, наконец. Стефан редкий в нашем мире человек, он не боится брать на себя ответственность, не боится принимать решения. Не беспокоясь о собственной участи, действует ради торжества справедливости, правды или в целях чьей-то безопасности. Он выбирает поступок, не говорильню.

Андрэ надолго умолк. Я уже заметила, что графу свойственны неторопливые размышления по самым разным случаям – от важных до незначительных. Спустя время, он согласился:

– Ваши слова спорны, Лидия. Но в нашем случае, думаю, вы правы.

Позже Андрэ нашёл в себе силы выразить Стефану благодарность за то, за что так долго сердился на него.

Однажды, возвращаясь с прогулки, мы с Серёжей пустили коней шагом, и Серёжа спросил:

– Маленькая, а ты хочешь и дальше заниматься со Стефаном?

– Хочу. Но я не вижу причин, чтобы он хотел заниматься со мной. Вчера Стефан сказал, что конь вернулся в форму.

– Я найму его и всё. Не хотелось бы прерывать занятия.

Продолжать занятия, Стефан согласился, но поставил условие – моё беспрекословное подчинение. Я с лёгкостью условие приняла.

Очень скоро Стефан и сам увлёкся нашими тренировками. Между нами появилось некое подобие дружбы, и, думаю, гнев на милость Стефан сменил во многом благодаря всё возрастающей симпатии Пепла ко мне.

Стефан учил положению тела при разных видах скачки, учил тому самому «слиянию» с лошастью, учил тем более хорошо, что прекрасно знал анатомию и лошади, и человека. Учил падать с коня, соскакивать и запрыгивать на ходу. Всё это было интересно и важно, но у меня родилось желание научиться танцевать на лошади. А то единственное условие, что поставил Стефан до начала занятий, а именно моё абсолютное подчинение, полностью лишало меня права проявлять инициативу. И договориться со Стефаном не было никакой возможности – всё, что я придумывала и хотела попробовать в действии, всё вызывало у него сопротивление.

Однажды, стоя на спине Пепла, я сосредоточилась и, приподняв одну ногу, старалась найти устойчивое положение опорной ступни. И... не удержала равновесия. Падала я на

внутреннюю сторону манежа, и Стефан успел поймать меня. Сердито разглядывая моё лицо, он долго не выпускал меня из рук. Уж не знаю, какие слова Стефан наговорил мне мысленно, но думаю, это хорошо, что он не воспроизвёл их вслух.

– Отпусти, – вначале спокойно, а потом, рассердившись, потребовала я: – Отпусти!

Я хотела упереться рукой ему в грудь, но он только дальше отставил руки. В его глазах не было гнева, да и укора не было, кроме печали в их мраке я ничего не видела.

– Отпусти меня!

Спас меня Пепел – соскучившись длинной паузой, он потянулся ко мне, я ухватила за его шею, выскользнула из захвата Стефана и обрела под ногами почву. Обойдя меня, Стефан взял коня под уздцы и повёл расседлывать на конюшню. Я присела на скамью на краю манежа. Я надеялась объяснить, но из конюшни Стефан прошёл прямо в дом, не проронив ни слова и даже не взглянув на меня.

Вечером за ужином он объявил о прекращении занятий. Как и прежде, обращался он исключительно к Серёже. Я вскочила на ноги.

– Ты... ты не учишь меня тому, чему я хочу научиться! Ты учишь цирковым трюкам, а я хочу танцевать! Я тебе несколько раз задавала вопрос, как поставить ступню, чтобы положение было устойчивым. Ты проигнорировал мои вопросы. И потом, зачем ты ловил меня, если ты научил меня падать? –

с неприличной запальчивостью выкрикнула я и заявила: – Я всё равно найду это положение с тобой или без тебя! И танцевать на лошади буду! – Я бухнулась на стул и уставилась в собственную тарелку. Тишина за столом остудила. Я вновь вскочила на ноги и извинилась: – Андрэ, простите! Простите за неподобающее поведение! – Обежав глазами присутствующих, я сделала общий поклон. – Прошу меня извинить! – И быстрым шагом, да каким там шагом – бегом! понеслась в спальню. По лицу почём зря полились слёзы.

Захлопнуть за собой дверь я не успела. Сергей настиг меня на пороге и прижал к себе.

– Ну что ты? Ну? Посмотри на меня. Маленькая моя. Не из-за чего! Научись ты танцевать. Ну что ты, Девочка?

– Не знаю, Серёжа, сама не понимаю своих слёз. Стыдно плакать, а плачется.

Он сел на диван и, усадив меня к себе на колени, стал нащёптывать ласковые слова и вскоре успокоил.

Утром Стефан встретил нас у конюшни, кони были заседланы. Я поздоровалась и поблагодарила. Он вёл себя как всегда. Я тоже. Угостив коней яблоками, мы с Серёжей отправились на прогулку. Теперь, после уроков Стефана, Серёжа позволял скачку. Пепел распластывался в галопе и просто летел, но Серёжа на своём жеребце всё равно нас обошёл. На обратном пути мы всю дорогу смеялись всякой чепухе. У конюшни, прыгнув со своего коня, Сергей подошёл к Пеплу, и прямо с седла я скатилась в его объятия. Пока мы це-

ловались, Стефан увёл коней. Начался дождь.

После завтрака я подошла к Стефану и извинилась:

– Стефан, я прошу прощение за своё поведение вчера, и во время занятий, и потом за столом. И ещё я хочу выразить признательность за обучение. Ты замечательный инструктор, Стефан! – Я обеими руками взяла его руку и пожала пальцы. – Спасибо, Стефан.

Он удержал мою руку и потянул меня к дивану. Улыбаясь, указал на бумажный пакет, стоявший на диване, и сказал:

– Подарок тебе. Ночью закончил.

Я вытащила из пакета сапожки чёрной кожи, мягкие, с замшевой подошвой. Это были сапожки для работы на крупе лошади. Растроганная подарком, я вертела сапожки в руках, не умея выразить своих чувств:

– Стефан, я... наклонись, пожалуйста.

Он наклонился, и я впервые увидела улыбку в его глазах. Обняв за шею, я прижалась щекой к его заросшей щеке и удивилась – щека не была колкой, она была шелковистой... я прикоснулась к щеке губами:

– Стефан, благодарю. Ты будешь со мной заниматься? – Заглянув в глаза – чёрные, большие, они близко-близко улыбались мне, я переспросила: – Будешь?

Он кивнул, и я рассмеялась.

– О, Стефан, благодарю!

Скинув туфли, я примерила сапожки. Они были впору. Я чуть потанцевала, демонстрируя их Серёже, Андрэ и, конеч-

но же, Стефану.

С того дня наши отношения переменялись – отношения стали открытыми, какими бывают отношения между друзьями, что вовсе не означало, что отношения стали гладкими – мы часто спорили и даже ругались. Большинство моих идей Стефан считал невозможными, а я стояла на своём. Потеряв терпение, он прибегал к помощи Серёжи:

– Скажи ей, это о-пас-но! Лошадь – не танцпол!

Серёжа искал безопасный алгоритм движения и во время первой тренировки спорного элемента присутствовал сам. А Стефан исходил недовольством:

– Ты всегда ей всё позволяешь! Позволяешь даже то, что опасно! – Эти фразы Стефан частенько повторяет и по сию пору, адресуя их моему мужу...

– Лидия, чему вы смеётесь? – раздался голос Его Высочества.

– Смеюсь? – переспросила я и смутилась. Увлечённая воспоминаниями, я не заметила, что рассмеялась.

Его Высочество поспешил замять неловкость:

– Хочу предложить вам скачку. Как вы на это смотрите?

Я смотрела положительно. С Громом соревноваться было бессмысленно – могучий жеребец легко обойдёт и Красавицу, и Пепла. А вот Красавица против Пепла... хотя шансов всё равно мало – принц очень хороший наездник – о таких говорят: родился на коне.

– Идёт! – Я похлопала Красавицу по шее. – Ну, девочка, на тебя вся надежда!

– Финиш на ёлках! – сказал Серёжа – будучи исключённым из скачки, он был рефери.

– Елки... – Его Высочество с сомнением посмотрел вперёд, – я их увижу?

– Увидишь, Али! – заверил Серёжа. – Три молоденьких ёлочки справа от дороги. Готовы? Раз. Два. Три!

Крикнул он, и мы поскакали. Опередив, Серёжа встречал нас у финиша. Моя Красавица справилась и обошла, совсем чуть-чуть, но обошла!!! Пепла.

Давая лошадям остыть, часть обратного пути мы возвращались шагом. Принц вдохновенно рассказывал о красотах пустыни и, завершив рассказ описанием заката, упрекнул:

– Друг мой, ты женат четыре года, а жена твоя не видела красоты моей родины.

Серёжа не принимал участия в беседе, всю дорогу размышляя о чём-то, но откликнулся сразу:

– Детки подрастут, потом решим.

– Ваше Высочество, ваш русский вызывает восхищение. Вы говорите по-русски много лучше, чем большинство русских. Вы с детства учили язык?

– Нет, графиня, я начал изучать язык, когда имел честь познакомиться с вашим супругом. Сергей не рассказывал вам, как мы познакомились?

Исполнившись любопытства, я отрицательно помотала

головой.

– Ну и правильно! Это довольно скучная история. Во время вечеринки я ненароком обидел подружку одного из парней. Извинился за оплошность, но моих извинений не приняли. Я и сейчас не отличаюсь покладистым нравом, а в те времена был крайне вспыльчив и несдержан. Ссора могла закончиться дракой, и тогда в дело вступила бы моя охрана. Вмешался Сергей и уладил конфликт столь умело, что у обеих сторон не осталось претензий. Вот тогда я и решил ближе познакомиться с этим русским, как его называли.

Я посмотрела на Серёжу. Он глядел куда-то вдаль, и, кажется, не слышал, о чём рассказывал принц.

– Вначале я подумал, что Сергей сын какого-нибудь русского олигарха. Потом узнал, что деньги он заработал сам, продолжает вполне успешно их зарабатывать и... пополняет образование. Я же жил на деньги отца и позволял себе не учиться. – Принц весело рассмеялся. – Ваш супруг, графиня, в некотором роде принял участие в моём воспитании. А к языкам у меня склонность, если хотите, дар. Я в совершенстве знаю французский, английский, итальянский, вы похвалили мой русский. Не справился я с японским. Я собственно и не изучал его, я изучал иероглифы. Каллиграфия моя страсть – от арабской каллиграфии я перешёл к японской.

– А я вот ни одного языка не знаю.

– Хотите, поделюсь секретом? Он прост. Ничего нового, но работает.

– Ах, Ваше Высочество, моя проблема в том, что я слышу собственное произношение, оттого и стесняюсь говорить. А воспроизвести правильное звучание у меня не выходит.

– Язык – это музыка. А вы, графиня, не только слышите музыку, вы её чувствуете. Вам всего лишь нужно услышать напевность языка, почувствовать его особую музыкальность.

Второе необходимое условие – это общение. Необходимо поставить себя в зависимость от языка. Скажем, с Сергеем мы могли бы общаться по-английски, но я попросил говорить со мной исключительно по-русски. Жесты допустимы, но другой язык нет.

И третье условие – практика, она должна быть постоянной, без продолжительных перерывов, пока язык не станет вашим. Вот и весь алгоритм. Вы могли бы изучать сразу три языка – немецкий, английский – ваш муж прекрасно владеет обоими, а во французском ваш учитель Андрэ. Хотите, я буду учить вас арабскому? В моё отсутствие, вы будете практиковаться со Стефаном. Его арабский недурён.

– А знаете, Ваше Высочество, я, пожалуй, соглашусь! Я не уверена в своих способностях, но вы так убедительно говорите, что попытаться стоит. Я принимаю ваше предложение, милый принц!

– Для меня это честь. – Он поклонился мне из седла. – Графиня, я вчера доставил вам неудобства и хочу знать ваше отношение к длительному присутствию моей особы в вашем доме. Мои деловые интересы сейчас тесно связаны с Росси-

ей. Я хотел снять жильё, но ваш супруг любезно предложил мне кров.

– О, Ваше Высочество, – укорила я его тоном голоса, – я с великим удовольствием приглашаю вас гостить в нашем доме, сколько вам будет угодно. Это честь для нас.

У конюшни Серёжа сошёл с Грома и, похлопав его по холке, отдал поводья встретившему нас Василичу. Я любовалась им сверху, взгляд его пересёкся с моим и плеснул желанием.

– Иди ко мне, – позвал он беззвучно.

Моё сердце застучало чаще, я скользнула с седла в крепкие руки и потерялась в долгом поцелуе. Выравнивая дыхание после поцелуя, спросила Серёжу на ухо:

– Ты где?

– Здесь я, Маленькая. Всё слышу и вижу. Империю свою выстраиваю.

Сопровождаемые собаками, мы пошли в дом. Принц, на-свистывая, шёл несколько позади.

– Империю? – шепотом переспросила я.

– Да. Пришла в голову идея, как связать части.

Проходя мимо кухни, я крикнула Маше:

– Маша, очень вкусно пахнет.

– Ты садись ешь, а то малыши проснутся, не успеешь! Потом переоденешься.

За столом в одиночестве завтракал Андрэ. Выглядел он несколько помято. Я поспешила к нему.

– Доброе утро, Андрей! Приятного аппетита!

– Доброе утро, детка. – Промокнув губы салфеткой, он поцеловал меня в лоб. – Хорошо выглядишь, щёчки розовые. Хорошо покатались?

– Хорошо. Как ты?

– После завтрака пройдусь по лесу и вернусь в форму, собач с собой возьму. – Он виновато заглянул мне в глаза. – Прости за вечер, детка.

Оставив мужчин завтракать, я побежала наверх. Наверху дверь в спальню Андрэ была открыта, и я заглянула.

– Эльза, доброе утро! Ты уже завтракала?

Эльза оглянулась с сияющим лицом, она перестилала бельё и в руках держала подушку.

– Доброе утро! Да, уже позавтракала. Анна Петровна нам блины пекла! А ты, говорят, сегодня готовить будешь?

Я кивнула.

– Я приду помогать! Маша сегодня добрая, всех с утра обласкала, – крикнула она мне уже в спину.

В Париже в доме Андрэ я усвоила для себя правило и неукоснительно его выполняла – выходить к столу прибранной и соответствующе одетой. К завтраку простое платье, к ужину наряд вечерний.

Приняв душ, я выбрала бежевое, в мелкий рисунок платье, с умеренно декольтированной спиной и белым воротником наоборот – концы воротника располагались не спереди, а на спине, там же были и крупные пуговицы. Повязала широкий белый пояс кушак и крутнулась вокруг своей оси –

юбка полуклёш взлетела колоколом. Волосы я собрала в высокий хвост, надела туфли и, ещё раз торопливо взглянув на себя в зеркало, побежала завтракать.

– Маленькая, чудесно выглядишь! – Встретил меня компонентом Серёжа и, усаживая за стол, шепнул на ухо: «Зорюшка моя!»

Маша стояла наготове – держала в прихватке керамическую мисочку.

– Маленькая, на-ко, – поставила она мисочку на мою тарелку, – твой любимый жульен сегодня с белыми грибами.

– Ммм... как вкусно пахнет! – помычала я и потянула носом. – Спасибо, Маша! – Сняв золотистую сырную корочку, я зачерпнула ложкой кусочек гриба и, подув на него, отправила в рот. – А вкуснооо...

Сложив руки на животе, Маша удовлетворённо кивала головой, но, увидев, как торопливо я ем, нахмурилась и прикрикнула:

– Да не спеши ты! Подождут тебя детки!

– Милая, так нельзя. Поешь спокойно, – вторил ей Андрэ.

Завтрак я вместила минут в семь – торопилась, потому что хотела встретить деток со сна. Поднимаясь из-за стола, извинилась:

– Прошу прощения. Серёжа. Андрей. Стефан. Приятного аппетита! Маша, благодарю, милая, очень вкусно! – Обняв на ходу, я чмокнула её в щёку.

Настя читала учебник «Анатомия человека». Увидев меня, тотчас отложила книгу и посетовала:

– Лидия Ивановна, детки сбились по времени. Утром проспала, сейчас вот опять... может, разбудить?

– Зачем? Выспятся и сами проснутся.

Я присела между кроватками. Катя во сне улыбалась, а у Макса подрагивали веки. Что-то снится моим крохам. Я люблю момент, когда они просыпаются; замираю, когда их глазки, замутнённые сном, постепенно фокусируются на моём лице. Люблю момент узнавания.

– Настя, ты завтракала?

– Да. Мария Васильевна сегодня ласковая, попечалилась, что я мало спала.

Веки Катеньки чуть дрогнули, одновременно и грудь моя начала наполняться молоком. Продолжая улыбаться, малышка сделала попытку открыть глазки. Веки ещё не слушаются и вновь прячут её взгляд. Вот дрогнули ручки, чмокнул ротик, веки вновь приоткрылись, Катя повела глазками и узнала моё лицо, ротик в улыбке растянулся шире. Я прошептала:

– Здравствуй, Катюша! Как спалось моей девочке?

Катя взмахнула ручками.

– Здравствуй, маленькая, здравствуй!

Беря дочь на руки, я получила поцелуй – Катя в неумелом стремлении навстречу, уткнулась улыбающимся ротиком в мою щёку.

– Ах, моя ласковая малышка! – засмеялась я. – Моя ласковая девочка!

Пока я миловалась с Катей, Макс тоже проснулся, его взгляд некоторое время бродил по сторонам, обретая осмысленность, и наткнулся на меня. Малыш улыбнулся.

– Здравствуй, Максим! Узнал, мой мальчик! – Наклонившись над кроваткой, я и сына взяла на руки.

Детки помалкивали; я ждала, когда они окончательно проснутся, и прохаживалась с ними по комнате. Подошла к одному из окон, детки дружно повернули головки к свету и заговорили – вначале один, потом другой, будто в диалоге. «Понимаете ли вы друг друга? – вопрошала я, целуя макушки малышей и прислушиваясь к интонациям в их голосах. – А, может, между вами существует и беззвучный диалог? Может, вы обмениваетесь ощущениями и образами мысленно? Как-то же вы общались, будучи во мне». Макс в поисках соска припал ротиком к моей ключице. Я тихонько рассмеялась.

– Ну вот и проснулись! И кушать захотели. – Я подошла к диванчику для кормления. – Сейчас мы сядем, чтобы и маме, и Кате, и Максиму было удобно и будем кушать.

Максим, как всегда, сразу занялся делом – захватив в ротик сосок, уже не выпускал его. Катя тоже не изменила себе, сделав несколько торопливых глотков, о еде позабыла и, улыбаясь, уставилась на меня. Я расслабленно откинулась на спинку дивана.

Диван для кормления проектировали специалисты по эргономике.

Довольно долго я не могла привыкнуть к простому для Серёжи правилу – вещи личного или специального назначения должны изготавливаться индивидуально. Важно это потому, что точное совпадение физических параметров потребителя и параметров вещи гарантирует комфорт, а, следовательно, и здоровье этого самого потребителя. Очень быстро я оценила удобство белья, верхнего платья и обуви, «сконструированных» специально для меня. Но когда встал вопрос о диванчике для кормления, я предполагала поход в мебельный центр. На что Серёжа грустно покачал головой.

– Нет, Маленькая, поедем к специалистам.

Он всегда грустил, сталкиваясь с моей, как он называл, «скромностью».

– Там снимут твои мерки, компьютер рассчитает высоту спинки, глубину сиденья, параметры жёсткости, местоположение поддерживающих поясницу валиков, да мало ли что ещё. Нам надо, чтобы спинка твоя не уставала.

Оценила я диванчики (мы их заказали два, один в детскую, один в нашу спальню) ещё во время беременности, особенно в последний месяц, когда под весом живота тянуло спину и отдых мышцам могли дать только исцеляющие пальцы Стефана, да эти диванчики.

Отринув качество, человечество бежит за количеством. Потребляя тонны всевозможных товаров, большая часть из

которых непригодна к использованию или бесполезна, люди попросту захламляют планету. Встав к конвейеру, человек утратил мастерство, перестал творить и превратился в придаток механизма, а, став потребителем штамповки, превратился из субъекта в объект. И всё это обозвали прогрессом.

В дверь заглянул Серёжа, засмотрелся на малышей и шагнул в детскую. Сняв пиджак, осторожно, чтобы не привлечь внимания Кати, опустился на пол подле нас.

– Успею, – шепнул он на мой вопрошающий взгляд, – посижу, пока кормишь.

– А мне Катя сегодня улыбается, – поделилась я радостью, – в первый раз, Серёжа!

Катя словно услышала, бросила сосок и, забыв проглотить молоко, радостно вскрикнула, молоко струйкой вытекло из улыбающегося ротика. Я засмеялась и... утонула в восхищённом взгляде Серёжи.

– Ты ещё не ушёл, я уже скучаю.

Он наклонился и, сдвинув подол платья, поцеловал мою коленку, потом другую.

– Андрэ и принц с тобой уезжают?

– Нет. Я один. Я на встречу с тем мальчиком, помнишь, в инвалидном кресле. О нём говорят, что он уникальный, просто-таки гениальный финансист-аналитик. С одиннадцати лет стал сводить бухгалтерские балансы детского дома, в котором воспитывался. Онлайн изучал экономику, социоло-

гию. Без начального капитала заработал приличные деньги на бирже. Занимался криптовалютой, и тоже успешно. В общем, интересная встреча будет. Мне нужен человек, который в уме может держать котировку разных финансовых инструментов, который способен анализировать финансовый рынок, делать прогнозы. Если сговоримся, привезу его на обед.

– На обед привози в любом случае. У него ДЦП?

– Да. Речь абсолютно внятная, слегка растягивает гласные и заикается. Говорит, раньше было хуже. Самостоятельно занимается по какой-то методике.

– Маша сказала, Николай к обеду придет, дело у него какое-то ко мне.

– Придет, и узнаем, – равнодушно отозвался Сергей.

Он забрал насытившегося Максима и встал на ноги. Приговаривая: «Сыночка! Нравится тебе? Мужичок мой!», медленно поднимал Макса над собой, медленно опускал на уровень лица, имитируя подбрасывания. Малышу нравилось, он улыбался.

Катя тем временем окончательно потеряла интерес к груди, я приподняла её и пожаловалась:

– Всегда переживаю, накормила Катю или нет. – Я прикоснулась губами к волосикам дочери и передала её Насте. – Собирайтесь гулять, Настя. Катю переодень, молоко на кофточку попало.

– Проводишь меня? – спросил Серёжа, глядя, как я оправляю бельё, потом натягиваю на плечи платье.

Я почувствовала его желание и, загоревшись в ответ, отчего-то смутилась. Серёжа усмехнулся и отвёл взгляд. Простившись с детками, он обнял меня за плечи и повёл из детской.

Мы спустились со второго этажа, прошли через опустевшую гостиную и вышли на террасу. Машина с открытыми передними дверцами стояла у ступенек. Паша перегнулся через пассажирское кресло и состроил виноватую рожицу.

– Маленькая, обещал помогать тебе и вот... уезжаю.

– Доброе утро, Паша! И хорошо! Мне спокойнее, когда ты с Серёжей.

– Я детскую коляску поставил у арки, – уведомил он и, кивнув на моё: «Спасибо, Паша», завёл мотор.

Серёжа накоротко поцеловал меня и сел в машину.

«Удачного дня тебе, Серёжа!» – мысленно пожелала я, провожая автомобиль глазами до тех пор, пока он не скрылся за воротами.

Проводив мужа, я поспешила к маме. Я не видела её со вчерашнего утра.

– Мам, не спишь? – осторожно приоткрыв дверь её комнаты, шёпотом спросила я.

Мама лежала на диване и читала книгу.

– Да хотела, – ответила она, положила раскрытую книгу на грудь и сняла очки, – рано сегодня встала. Жду, когда зайдёшь. Всех проводила?

Я наклонилась и поцеловала её.

– Доброе утро! Серёжу с Пашей только. Остальные сегодня дома. Блинчики твои все нахваливали.

– А ты-то ела? Маша икрой их нафаршировала.

– Ела. Вкусно. Спасибо.

– На здоровье. – Она вздохнула. – Стара стала, печь на двух сковородках едва поспеваю. Устала. Лида, вчера ждала тебя сказать, не дождалась. Мне Костя звонил.

– Как он?

– Говорит, всё в порядке. Про тебя спрашивал. Ты-то почему с ним не общаешься?

– Не знаю о чём. Рассказывать про своё счастье – ранить его, а расспрашиваю о нём, он молчит или начинает говорить, что забыть не может.

– Любит он тебя. – Вздохнула вновь мама. – Сколько лет-то уже прошло, как ты от него ушла? Четыре года или уже пять?

– Пять.

Я вспомнила Костю, стоявшего среди толпы встречающих в аэропорту Алма-Аты. Скользнув по мне взглядом, он шарил по лицам пассажиров в поисках моего, на тот момент изменившегося, и так и не узнанного им, лица.

– Уже пять, – с растяжкой произнесла мама, – а он ждёт. Уже и нашёл бы кого за это время.

В полном молчании мы проехали большую часть пути. Я

упорно прятала глаза от настойчивого взгляда Кости, старательно рассматривая город за окном автомобиля. Было раннее утро, Костя выбирал окружные дороги, но город так торопился начать новый день, что даже и эти многополосные трассы были уже перегружены транспортом.

– Лида, что случилось? – наконец, задал вслух свой вопрос Костя. Не дождавшись ответа, сухо, как водитель такси, спросил: – Куда едем?

– На дачу.

– Дом стылый, согреется только к завтрашнему утру.

Я не ответила.

– Лида, ночуйте дома! Если я мешаю, я уйду.

Обращаясь во множественном числе: «ночуйте», он имел в виду Пашу, по собственной инициативе бросившегося за мной в погоню и прилетевшего в Алма-Ату раньше меня.

– Костя, я приехала не на один день. Я собираюсь жить на даче.

– Анна Петровна знает?

– Нет. – Я усмехнулась и пояснила: – Необходимость возвращения возникла неожиданно.

Костя резко вильнул в сторону, объезжая затормозивший перед нами автомобиль. Водитель одного так обрадовался счастливой возможности взять на борт пассажиров, что не позаботился ни прижаться к обочине, ни хотя бы предупредить об остановке. Развалившийся на переднем сиденье, Паша подобрался и вполголоса остерёг:

– Слева.

– Вижу, – ответил так же вполголоса Костя.

Как только ситуация на дороге нормализовалась, я попросила:

– Костя, я к Насте хочу съездить.

– Хочешь, съездим. Я восьмого марта был.

– Спасибо.

Костя на дачу не повёз. Привез домой, припарковался во дворе нашей многоэтажки и, заглушив мотор, вышел из машины. Открыл дверцу с моей стороны и потребовал:

– Выходи.

– Костя...

– Лида, не дури, ночевать сегодня здесь будете. На даче холодно, ещё не знаю, как котёл запустится. Продукты опять же купить надо.

Я послушно вышла из машины и поднялась в квартиру, а Костя и Павел уехали на дачу запускать в доме отопление.

В квартире было всё по-прежнему. По-прежнему в гардеробном шкафу висели мои вещи, в спальне на туалетном столе стояли сундучки с украшениями, флаконы и тубы с кремами. Даже зубная щётка в стаканчике в ванной и та была на своём месте.

Я пришла на кухню и заглянула в холодильник. На полках – сливочное масло, ветчина, хрен в баночке, открытая банка маринованных томатов, кефир в тетрапакете, сметана. На тарелке под опрокинутой миской большой кусок мяса. Я за-

глянула в овощное отделение и удовлетворённо кивнула: «У Кости – порядок! Всё, что нужно есть». Выдвинула ящик рабочего стола, где в банках хранились крупы – там тоже был полный комплект.

Проведя ревизию, я переоделась и занялась приготовлением обеда.

Пока тушилось мясо с овощами, я заглянула в морозильник, нашла ещё одну пачку сливочного масла, натёрла его на тёрке и вымешала с мукой и сахаром. Потом сыпала промытый рис в казан, плотно закрыла крышкой и на нет уменьшила огонь. Среди консервов в ящике нашлась сладкая кукуруза. Я сбила майонез, нашинковала белокочанную капусту и огурцы, смешала с кукурузой, добавила куркуму, белый перец, молотую ламинарию вместо соли и заправила майонезом. Раскатала тесто, выложила его в форму корытцем, заполнила мороженой земляникой, залила жидким сметанным тестом и отправила выпекаться в духовку. Всё это время я вела мысленный диалог с мамой, придумывала слова и фразы, которые вызовут меньше обвинений, но получалось так, что я всё время оправдывалась.

Из гостиной донёсся бой часов, я прислушалась: «Два часа?», для достоверности оглянулась на кухонные часы: «Два. Что-то долго их нет, неужели котел не запускается?»

Выдвинув стол на середину кухни, я занялась сервировкой.

Обеденный стол мы с Костей купили дубовый, тяжёлый,

и, если бы не кафельный пол, по которому он легко скользил, я и с места его бы не сдвинула. Стулья к нему прилагались с высокой спинкой тоже из дуба и тоже тяжёлые.

Скрежет ключа в замке раздался в тот момент, когда я вынимала пирог из духовки.

– Ёлки зелёные, какие ароматы! – раздался вопль Паши из прихожей. – Маленькая, ты приготовила обед? – Заглянув на кухню, он остался в дверях и улыбался во весь рот.

– Конечно, Паша! Раз уж ты увязался за мной, мне придётся тебя кормить!

– Так я и увязался с этой целью! – Демонстративно приплюхиваясь, он поворачивал голову в разные стороны. – О, чую запах мяса с овощами! Пирог летом пахнет... а с чем он?

Я хохотнула.

– Земляничкой пахнет, – проворчал Костя, стоя за его спиной.

– Костя, я без спросу в холодильник залезла... – начала я виновато.

Он изумлённо посмотрел на меня и рассердился:

– Лида, ты что городишь?!

Я поспешила выпроводить Павла:

– Паша, ванная по коридору налево, мой руки. Костя, прости. Вы долго. Удалось тепло включить?

– Да, всё в порядке. Мы на базар ездили. Пообедаем, поедем на кладбище, цветы я уже купил. – Он виновато по-

смотрел на меня. – Лида, я ему про Настю сказал. Случайно. Не думал, что он не знает...

– Всё нормально, Костя.

– Продукты, которые брали, за все он сам платил... мне не позволил. Он кто?

– Костя, я отвечу на все вопросы после обеда. Хорошо?

Обедали в молчании. Сложив приборы, сытый Паша умильно осмотрел стол и поднял на меня глаза.

– Помнишь Дюссельдорф? Не думал, что вернётся время, когда ты опять будешь хозяйничать на кухне. Спасибо, Маленькая! Вкусно! А помидорчики вообще шедевр! И хрен!

Я засмеялась.

– Ты мне чужие заслуги не приписывай! Специалист по хрену – Костя! Сам копает, сам чистит, сам трёт и маринует.

– Очень вкусно! Ну ладно, – Паша поднялся, – я мою посуду, а вы идите разговаривайте.

– С посудомойкой разберёшься?

– Зачем? Руками вымою.

Мы с Костей ушли в кабинет. Я с ногами забралась на диван, обняла себя. Костя сел в кресло и молча уставился на меня. Чуть погодя, спросил:

– Мне вопросы задавать?

Я пожала плечами.

– Костя, мне рассказывать нечего. Решение уехать я приняла вчера. Сергей, думаю, пока не обнаружил моего исчезновения, он в Вену срочно улетел.

– Почему? Я имею в виду, почему ты приняла такое решение?

– Мне показалось, что Сергей не готов к семейным отношениям.

Костя потряс головой.

– Не понимаю. Что значит не готов? – Он встал, подошёл к окну и, глядя сквозь него, спросил: – Ты замуж за него вышла?

– Нет, Костя, не успела. Понимаешь, мне кажется, он думает, что оплачивать жизнь женщины, это всё, что требуется от него в браке.

– Лида, ты ушла... совсем? – Костя повернулся ко мне. Глаза его были растеряны, как тогда в Стамбуле, в аэропорту, когда я объявила, что останусь с Сергеем. – Или... или он придет, и ты опять к нему...

– Ты хотел сказать: побегу? – Я усмехнулась. – Побегу, Костя! Но, во-первых, он не придет. А во-вторых... мне надо, чтобы он понял, что брак – это не каждый сам по себе, брак – это одна жизнь на двоих.

– Если он этого не понимает, значит, не любит!

– Может быть.

– Хорошо! – Костя вновь опустился в кресло и, опершись локтями на колени, сцепил пальцы. – Этот, – он кивнул в сторону двери, – кто?

– Паша – охрана Сергея, ещё в Германии объявил, что будет служить мне. Я думала, шутит. Вероятно, он заподозрил

неладное и проконтролировал – ознакомился со списками пассажиров. Как видишь, ухитрился прилететь раньше меня.

Костя, кажется, не слушал, он мучительно обдумывал что-то, не решаясь высказаться. Я терпеливо ждала.

– Лида, я знаю, я чувствую, – начал он и вновь посмотрел смятенным взглядом, – этот человек не любит тебя. Ты только жизнь себе испортишь! Лида, послушай меня!

– Костя, о чём ты? Я приехала одна, Сергея нет... и не будет.

– Он придет! Он не из тех, кто отступается! – Костя опять бросился к окну. – Ну хорошо! Лида, я хочу, чтобы ты знала... – Костя сделал длинную паузу и выпалил: – решишь вернуться, я приму!

Я покачала головой.

– Костя, я люблю его.

Мы видимся, когда я приезжаю к Насте. Я люблю, я счастлива, я стала мамой, а Костя ждёт...

В гостиной поджидал принц.

– Как вы позавтракали, Ваше Высочество? – спросила я.

– О, графиня, выше всяких похвал. Ваша Маша, действительно богиня кулинарии. Благодарю. Лидия, дом полнится разговорами, что сегодня вы берёте бразды правления на кухне.

Рассмеявшись, я покачала головой.

– Бразды правления на кухне всегда у Маши. Скажу по

секрету, моя готовка – это миф, усиленно поддерживаемый Павлом. К тому моменту, когда я приду на кухню, у Маши всё уже будет готово, мне только и останется отправить ингредиенты в кастрюлю. А вы любите борщ?

– Я как-то ел борщ в доме Сергея в Дюссельдорфе. – Он скорчил гримасу. – Особого удовольствия я не испытал.

– Не переживайте, мой принц, на столе у Маши будет что поесть и помимо борща. – Договаривая, я поспешила к Насте – прижав к себе деток, она спускалась по лестнице.

Малыши не спали, крутили головёнками по сторонам. Оказавшись на моих руках, Катя опять широко улыбнулась.

– Узнала? – обрадовалась я и рассмеялась, Катя радостно вскрикнула. – Ах, моя славная доченька, теперь и меня встречаешь, как папу!

Снаружи дома псы сразу создали тесноту – крутятся вокруг, обнюхали и меня, и Настю; отвлекаясь на запах детей, вдумчиво тянули носы в их сторону. Расталкивая их ногами, я двинулась к детской коляске. Паша поставил её у скамьи, примечательной своей бесполезностью. Установил сюда скамью – прямо против окон кухни, Василич; по-видимому, заботясь о Маше – выйдет любимая женщина между готовкой обеда и ужина и отдохнёт на свежем воздухе. На недоуменный вопрос Серёжи: «Зачем скамья с видом на дом, если в двух шагах терраса с мягкими диванами и видом на сад?», Василич не нашёлся, что ответить, но заупрямился и несмешно пошутил, дескать, с этой скамьи он будет

петь серенады Маняше, когда та на него рассердится. Спасая задумку Василича, Серёжа заказал и установил над скамьёй кованую арку, а по краям поставил каменные вазоны. Я высадила вьющиеся розы, Василич старательно помогал розам обвиться вокруг стоек арки, и теперь скамья утопала в их обильном цветении, а в вазонах многоцветьем цвели астры. Воздух в этом прелестном уголке был наполнен густым жужжанием насекомых, которое в это время года не было назойливым, а было приятным, как последний кусочек лета.

Укладывая Катю в коляску, я спросила Настю:

– Погуляешь или здесь посидишь? – И засмотрелась.

Пшеничные волосы Насти нимбом золотились в лучах солнца, глаза, обыкновенно холодно серьёзные, сейчас вдруг наполнились глубиной и лучились. Любуясь цветами, Настя улыбалась мягкой, едва заметной улыбкой.

– Красивая ты, девочка! – восхитилась я.

Она смутилась – пушистые ресницы испуганно взлетели и прикрыли глаза, брови сдвинулись к переносице; не умея принять похвалу, Настя порозовела и вроде даже рассердилась, и запоздало ответила:

– Мы погуляем, а когда детки уснут, я вернусь сюда. – Она отмахнулась от одурелой от тепла мухи, положила Макса в коляску и толкнула коляску вперёд, торопясь оставить меня за спиной.

Собаки мохнатым конвоем по обеим сторонам коляски отправились вместе с ней, а я пошла на кухню.

Маша колдовала над рыбой – три больших, около метра длиной каждая, рыбыны не хотели уместаться на противне.

– Маша, я пришла, – уведомила я, беря из шкафчика фар-тук, скроенный, как халатик, и косынку.

– Да слышу я, оторваться только не могу. Видишь, рыбыны не входят никак.

– На другой противень одну положи.

– Не могу на другой. Там у меня овощи запекаться будут, как Сергей Михалыч любит.

Повязывая косынку на голову, я подошла ближе.

– А вторая духовка тоже занята?

– Да, там пирог мясной печь буду, тоже надо, чтобы горячим был к обеду. На десерт-то я уже испекла.

– Маша, отрежь хвосты, их всё равно никто есть не будет. Да и двух рыбин бы хватило.

Маша некоторое время смотрела на меня, соображая. Риторически спросила:

– А и правда, зачем я хвосты-то сюда пялю? Я их потом собакам отварю. Спасибо, Маленькая. А то, что три рыбыны-то, так Сергей Михалыч сказал, что гостей привезёт, а сколько их человек будет, не сказал.

– Бог в помощь! – раздалось сзади. Это, остановившись на пороге кухни, пожелал Его Высочество.

– Благодарю, Ваше Высочество, – ответила я.

Искоса взглянув на принца, Маша тоже откликнулась:

– Благодарствуйте.

– Графиня, хочу предложить вам и королеве кухни, – он поклонился Маше, и та вспыхнула от удовольствия, – свои услуги. Ну, не смотрите на меня так, принцы тоже люди, а я люблю готовить и, смею заверить, готовлю недурно. А посему, располагайте мной! – Он развёл перед собой руки, ладонями наружу.

Переглянувшись, мы с Машей уставились на его руки, я соображала, чем он может быть нам полезен. Маша раздумывала, наверное, над тем же. Его Высочество нарушил наше оцепенение:

– А вам, графиня, платочек к лицу, – чёрные глаза его светились лаской.

– Хорошо, мой принц. Для начала снимите ваш пиджак и закатайте рукава рубашки.

Его Высочество поспешно удалился.

– Ох, ещё такого помощничка нам не хватало, – сказала Маша деланно сердито. – Сейчас ещё Эльза заявится, тоже обещалась помогать. – И рассердилась всерьёз: – Как ты на кухню, так тут муравейник!

– Не ворчи, Маша! Эльза счастлива, что ты её обласкала, а ты опять за старое.

– Да я ничего, Маленькая, – дала задний ход Маша, – пусть приходит! Она ж не столько наготовит, сколько посуды перемоеет, столы сейчас возьмётся тереть, тоже помощь. – И Маша вернулась к делу: – Я картошку на салат уже отварила, яйца ещё не успела. Сама поставь.

Я чистила свёклу, когда вернулся Его Высочество. Он не просто снял пиджак, он переделся в свободные холщовые брюки и футболку.

– Руки я уже вымыл, – объявил он и, подняв кисти на уровень плеч, покрутил ими, будто демонстрируя их чистоту со всех сторон.

– Ваше Высочество, откройте самый левый шкафчик... видите, стопочка цветного белья справа, возьмите то, что сверху – это фартук, наденьте его. Выбирайте нож, капусту шинковать умеете?

– По правде сказать, не пробовал.

– А что вы готовите?

– Мясо. Я готовлю замечательную баранину на открытом огне.

– А лук к баранине умеете нарезать?

Он кивнул.

– Ну, значит, и капусту нашинкуете.

Принц осмотрелся, выбрал доску для работы, потом нож – потрогал пальцем лезвие, удовлетворённо кивнул и выбрал себе место за столом. Маша усмешливо-подозрительно следила за его приготовлениями. Очень скоро выяснилось, что усмехалась Маша совершенно напрасно – поварёнок из Его Высочества оказался хоть куда. Работал он быстро, без суеты, резал и шинковал одинаковыми, ровными кусочками. Я только и успевала мыть и чистить под его нож овощи. Даже Маша, впечатлившись его сноровкой, подсунула ему овощи,

предназначенные для гарнира. Наконец, она выразила восхищение вслух:

– Ваше Высочество, от такого поварёнка и я бы не отказалась. И красиво нарезано, и быстро, и смотри, Маленькая, как аккуратно, ни на полу, ни по столу не разбросано.

Я сбивала майонез и за звуком блендера не слышала, какотреагировал на похвалу принц, только и услышала игривый смех Маши.

Эльза в присутствии члена королевской семьи на кухне не увидела ничего необычного и, как и предсказывала Маша, тотчас принялась разбирать завалы посуды в раковине и поблизости от неё.

– Это не трогай, – успела выхватить лопатку из её рук Маша.

Использованная лопатка валялась на поверхности стола. Эльза молча подала Маше силиконовый подложник и, как только та взяла его, начала вытирать испачканный лопаткой стол.

Андрэ, напротив, возвращаясь с прогулки, заглянул на кухню и не смог скрыть удивления, увидев принца в фартуке и с ножом в руке.

– Как прогулялся, Андрей? – поспешила я к нему.

– Хорошо, детка. И хорошо прогулялся, и хорошо, что собак не взял. В лесу ребяташки листья опавшие собирают, говорят, для гербария в школу. Собаки бы помешали. – Он поцеловал меня в лоб. – Детки гуляют?

– Да, что-то не вижу давно. С другой стороны дома, наверное.

Андрэ кивнул.

– Пойду найду их, – и, выходя, вновь покосился на Его Высочество.

Я выключила газ под кастрюлей с борщом, посмотрела на часы и удовлетворённо подумала: «Хорошо, часа полтора настоится», поставила перед собой «тазик» с порезанными ровными кубиками ингредиентами салата «Оливье» и налила туда же майонез.

– Маленькая! – с криком влетела на кухню Даша и резко затормозила, увидев принца, нарезающим картошку.

Я хохотнула:

– Ваше Высочество, да у вас сегодня бенефис!

Принц ответил смехом.

Перебрасывая взгляд с меня на принца и обратно, Даша затараторила:

– Маленькая, я могу накрыть на стол. Анята у Стефана. Граф Андрэ просил передать, они там, на той стороне, на террасе, дети и Настя. И Анна Петровна с ними. Граф тоже там остался, и Стефан там...

– Добрый день, Даша. Я тебя ещё не видела сегодня.

– Ой, что-то я... – стушевалась Даша, но тотчас оправилась: – Здравствуй, Маленькая!

– Лида, я заберу блендер? – тихо спросила Эльза, берясь за насадки. Она уже всё перемыла и теперь подхватывала ис-

пользованную посуду и инструменты прямо из рук.

– Да, Эльза, спасибо. – Я отставила миску с готовым салатом и накрыла её крышкой. – Идём, Даша. Стол надо раздвинуть.

Столовая группа была моей гордостью. Огромный обеденный стол, увеличивающийся в два раза за счёт специальных, приставляемых к нему, раскладных тумб, двадцать два стула и вместительный комод – всё, что дожило до наших дней из столового гарнитура девятнадцатого века. Стол прошёл реставрацию, так же как и тумбы к нему, два недостающих стула по оригиналу изготовили на мебельной фабрике в Италии, а комоду и реставрация не потребовалась, его просто очистили от вековой грязи и покрыли маслом.

– Гости будут? – спросила Даша. – А кто?

– Мальчик с ДЦП, Николай обещал приехать, может, ещё кто приедет. Стефан, говоришь, на террасе? – Я направилась через гостиную к входной двери и приостановилась. – Ты примирилась с его поездкой?

Даша кивнула и потупилась.

– Я думала о том, что ты сказала. Я люблю Стефана.

– Вот и славно, девочка, – я двинулась дальше, – люби сама и наслаждайся любовью мужа.

Едва открыв дверь, я услышала звонкий смех Аниюты. Андрэ держал малышку на коленях и делал ей «козу». Картинка была идиллической – Андрэ с ребёнком, мама и Настя в креслах вокруг круглого стола, солнце, несколько сбоку дет-

ская коляска, по обеим сторонам которой дремотно развалились псы. Не вписываясь в композицию Стефан – склонив лохматую голову набок, он полулежал в кресле, вытянув огромные ноги.

– Стефан, помоги стол раздвинуть, – попросила я, обходя его.

Разморившийся Граф лениво двинул хвостом, когда, перешагнув через него, я заглянула в коляску. Детки мирно спали. Катюша, как и утром, улыбалась.

Вновь перешагнув через пса, теперь уже обратно, я поцеловала хохочущую Анюту в тёмненькую, такую же лохматую, как у отца, макушку. Девочка оглянулась, чёрные глазки скользнули по моему лицу и тотчас вновь обратились к Андрэ.

– Не мешай, тётя, – выразила мама словами взгляд Анюты, – заняты мы.

«Господи, как же я счастлива! – исполнившись благодарностью до слёз, думала я, возвращаясь в дом. – Как же хорошо, когда в доме звенит детский смех! Какое это счастье, когда у детей есть бабушки и деды, а убелённые сединами зрелые люди не одиноки! Благодарю!»

Шагнув через порог, я дёрнулась обратно, но было уже поздно – я помешала. Обнимающие шею мужа, руки Даши упали, головка в смущении уткнулась ему в грудь. Демонстрируя семейное счастье, Стефан прижался к белокурой макушке жены смольнистой щекой и уставился на меня. Я

опустила глаза и устремилась на кухню, но и туда не дошла, услышав игривый смех Маши. «Чем же так смешит Его Высочество нашу неприступную королеву? – досадливо подумала я и свернула в комнату мамы. – Пусть нацелуются. Выйду минут через десять».

История Даши – нехитрая история, рождённого случайно и никому не нужного дитя. Даша пришла в мир, когда её маме едва исполнилось восемнадцать. Кто был Дашин отец, мама дочке не рассказала.

Жили они в маленьком южном городке, депрессивном зимой, слегка оживающем летом на период отпусков. У них была ценность – двухкомнатная квартира, доставшаяся Дашинной маме от родителей. Родители погибли в автокатастрофе как раз в тот день, когда дочке исполнилось семнадцать – накрыв стол для друзей именинницы, они оставили молодёжь веселиться, а сами решили прокатиться по ночному городку и не вернулись.

Летом Дашина мама сдавала одну комнату отдыхающим и, если жильцы соглашались, она ещё и готовила для них, и стирала, тем самым увеличивая их с Дашей небольшой бюджет.

Даше было пять лет, когда один постоялец не уехал, а остался жить с ними. Мужчина оказался пьющим, и вскоре Дашина мама запила вместе с ним. День Дашинных мамы и отчима начинался часов в одиннадцать утра с распития

бутылки, продолжался нескончаемыми посещениями «друзей», иногда застольями, и тогда Даше перепадала какая-нибудь еда, а заканчивался ближе к полуночи.

Дашу подкармливали соседи, и иногда брала к себе ночевать тётя Тася, соседка с первого этажа, мыла Дашу, кормила, а потом поила чаем с вареньем.

Так продолжалось три года. Однажды Дашина мать не проснулась утром. Отчима увезли в полицию, подозревая на причастность в убийстве, потом разобрались и отпустили. Даша и отчим стали жить вдвоём. Как ни странно, после смерти матери мужчина стал больше заботиться о девочке, пить стал меньше и реже. В доме перестали появляться собутыльники, отчим устроился на работу. Даше было уже восемь лет, а она всё ещё не ходила в школу. Отчим оформил документы на опеку и отправил Дашу в школу.

Даша тепло вспоминает отчима. Она помнит, как он сажал её к себе на колени, прижимал к груди и пьяно плакал, уткнувшись в её головёнку хлюпающим носом. Плакал он по её матери. Казнил себя в её смерти, обещал Даше, что не оставит её и позаботится о ней.

В школе Даша изучала французский язык. Учительница, старая дева, заочно влюблённая во всё французское, увидев интерес Даши к языку, стала заниматься с нею дополнительно. Дашин отчим мечтал, что девочка поступит в институт и станет переводчиком, но Даша решила иначе. С легкой руки, а точнее, головы, романтически настроенной учительницы,

Даша поставила себе цель – прожить свою жизнь в прекрасной Франции. Перед окончанием школы на одном из сайтов вакансий она наткнулась на объявление Андрэ.

У Андрэ умерла престарелая экономка, русская по национальности, прожившая в его доме несколько десятков лет и владеющая исключительно русским языком. По её смерти Андрэ обнаружил, что поговорить на языке его рода ему теперь не с кем, и дал объявление о найме русскоговорящей горничной. На мой вопрос, почему из десятков претендентов он выбрал Дашу из далёкой России, Андрэ лишь развёл руками.

– Не знаю, детка.

Даша написала не резюме, а письмо, содержащее в себе просьбу и согласие одновременно. Думаю, не разум, а отзывчивое сердце Андрэ сделало выбор в пользу Даши. Андрэ оплатил и оформление документов на переезд, и сам переезд Даши. Потом он оплатил курсы парикмахерского искусства, следом курсы стилистов, в общем, не подозревая о моём существовании, подготовил для меня прекрасную горничную.

Провожая Дашу во Францию, отчим несколько дней плакал, заливая печаль расставания спиртным. В прощальном объятии он назвал Дашу дочкой, то ли, расчувствовавшись, назвал падчерицу дочерью, то ли признался в биологическом родстве.

Вернувшись с нами в Россию, Даша съездила в родной городок. Дом, в котором она прожила детство и юность, снес-

ли. Она сходила на могилу матери, могила оказалась заброшенной. Отчима Даша искать не стала.

– Благодарю, – вдруг произнёс Стефан.

– О чём ты?

Стоя ко мне спиной, Стефан делал массаж Максу. Катюша ждала своей очереди, и я прогуливалась с нею на руках по детской.

– За Дашу. Благодарю, что поговорила. Она другая стала.

– Я рада, Стефан.

Кончив массаж Максиму, он надел на него распашонку и подал мне сына. Забирая Катю, буркнул:

– Корми, я не буду смотреть.

Максим был голоден, уткнувшись в мою щёку, он крутил головкой в поисках соска.

– Я ещё не готова, и Насти, чтобы помочь, нет. – Помедлив в нерешительности, я всё же повернулась к Стефану спиной и попросила: – Пуговицы расстегни, пожалуйста.

Стефан начал расстёгивать пуговицы на платье, с первой не заладилось – он с ней долго возился, другие две расстегнул быстро. Я повернулась и смущённо поблагодарила:

– Спасибо. – Вновь положила Макса под его присмотр на массажный стол и бегом кинулась в ванную; вернулась освежённая, в наброшенном на грудь полотенце и взяла сына.

Максим буквально набросился на сосок и, уперев в грудь оба кулачка, жадно зачмокал. Я взяла в руку его кулачок, он

тотчас ухватился за мой палец. «Папины пальчики, – засмеялась я, прижав к губам его ручку, – сильные! И глазки у тебя тёплые, как у папы. И уверен ты, и спокоен, как твой папа. Благодарю, родненький, что ты пришёл в нашу жизнь, наполнил жизнь и смыслом, и счастьем. А теперь нам надо сделать так, чтобы детство твоё и твоей сестры было счастливым...»

– Извините, Лидия Ивановна, – открыв дверь, с порога повинулась Настя. – Мама звонила.

– Всё в порядке? – спросила я.

Настя неопределённо пожала плечом и упала в кресло. Я вернулась взглядом к сыну.

«Направляясь в мир, ребёнок *знает*, что его любят. А потом родители начинают воспитывать чадо в свете своего видения «правильного» в жизни и отказывают малышу в самовыражении. Порицают. Сердятся. Где та грань, за которой воспитание превращается в процесс подавления Личности ребёнка? Как почувствовать её, не перешагнуть? Как предостеречь от ошибок дитя и не лишить его уверенности в самооценности? Как не заложить комплексы?

Ребёнок доверчив. Требуя исполнения своей воли, мама и папа ставят чадо в зависимость от своего отношения к нему. Сколько раз я слышала фразу: «Не делай так, малыш, а то мама тебя любить не будет». Любовь матери – фундамент мироздания. Каким будет мир ребёнка, впоследствии взрослого, без основы, без фундамента? Да и можно ли спекули-

ровать любовью? Любовь не товар. Вот и выходит, вначале родители играют в игру «ты мне, я тебе», а после возмущаются бесчувственностью выросших отпрысков».

Накормив сына, я встала с диванчика и подошла к окну – как раз в это время в ворота усадьбы въезжал пикап Николая.

– Возьми Катю, – сказал негромко Стефан.

Я поспешила к нему.

– Настя! – возвысил он голос.

Настя очнулась и, опережая меня, бросилась на зов. Стефан отдал ей малышку и сразу пошёл к двери.

– Спасибо, Стефан, – поблагодарила я в спину.

Не поворачивая головы, он кивнул. А я вновь присела на диванчик, теперь кормить Катю.

Присмирившая после рук Стефана, малышка не проявляла интереса к груди и задумчиво водила глазками по сторонам.

– Так много впечатлений, Котёнок, что не до еды? – сделала я попытку привлечь её внимание.

Катя и меня какое-то время рассматривала с той же задумчивостью, потом улыбнулась, вся встрепенулась и залепетала.

– Ах, сколько радости! Конечно, маленькая, конечно, расскажи о своих впечатлениях!

Игриво повернув головку, Катя захватила в ротик сосок и опять бросила. Я рассмеялась.

– Хулиганка ты наша! Маленькая хулиганка. Так и живи,

детка, живи, улыбаясь и радуясь жизни. А мы будем любить и лелеять тебя. «Мы вырастим тебя в любви, детка. Я хочу, чтобы ты никогда не усомнилась в своём праве на любовь. Хочу, чтобы ты никогда не заискивала любви, хочу чтобы ты имела смелость любить сама».

– Сергей Михайлович приехал. Паша что-то из багажника выгружает... – Настя с Максом стояла у окна и комментировала происходящее за окном: – Какой-то пижон с ними... ой, это инвалидная коляска... Лидия Ивановна, там мальчик-калека...

– Настя, помоги, я оденусь.

Она подбежала, и я передала ей Катю. Только и успела всунуть руки в проймы платья, как в детскую стремительно вошёл Серёжа.

– Маленькая... – выдохнул он и, захватив ладонью затылок, притянул меня к жадному рту.

Поцеловал, кинул пиджак на диванчик и так же стремительно, как вошёл, ушёл в ванную. Сквозь шум бегущей воды я слышала:

– Я мальчика с ДЦП привёз.

Одного стремительного поцелуя мне было мало, но вернувшийся из ванной Серёжа забрал деток у Насти и заговорил с ними.

– Серёжа, – поднявшись на цыпочки, я обняла его за шею, – я соскучилась.

Я поцеловала его, а он словно и не хотел поцелуя, тороп-

ливо ответил и тотчас вновь обратился к малышам.

– Люблю тебя! – шепнула я. – Серёжа...

Мимолетно взглянув, он вновь отвлекся на издавшую радостный вопль Катю и направился мимо меня к диванчику. «Что происходит? – растеряно подумала я. – Он что, избегает моего взгляда?.. – Постояв неприкаянной несколько секунд, под звуки голосов Серёжи и деток я вышла из комнаты. – Неет, ерунда какая-то... – отмахнулась я от неприятного ощущения, – просто он соскучился по деткам». – И, отбросив пустые размышления, я припустила к лестнице бегом.

Через окна гостиной я увидела прогуливающегося невдалеке от дома графа, а рядом с ним мужчину в ярком терракотовом пиджаке и небесно голубых джинсах. Это и был, наверное, «пижон», по определению Насти. Мужчина катил перед собой инвалидную коляску с мальчиком. Николая с ними не было.

Его я увидела, как только вышла из дома – его на террасе гостеприимно развлекал Стефан.

– Хорошие пёсики, хорошие, – потрепала я за уши псов, уткнувшихся влажными носами в мои ладони. – Защитники. Чужие в доме, вы на страже. – И заранее протягивая руку для приветствия, воскликнула: – Здравствуй, Николай!

Купидон по-прежнему был красив, по-прежнему уголки губ его были приподняты, словно в улыбке, и ямочки в уголках рта тоже наличествовали по-прежнему. Жизненные по-

трясения на его внешности не отразились, отразилась она на внутреннем состоянии Николая – он словно увял внутри, и в его жестах, в выражении глаз появилось что-то неприятно жалкое.

– Замечательно выглядишь, Лида, кажется, ещё красивее стала! – приветствовал он меня. – Здравствуй!

Я рассмеялась.

– Всего лишь подтверждаю известную истину – любовь и материнство украшают женщину!

Стефан поднялся, молчаливо приглашая меня занять своё кресло, и пошёл в дом. Я села, а псы грозным караулом расположились по бокам от меня.

– Давно не виделись, Николай! Приезжаешь в наше отсутствие, только с Машей и видишься. Как ты? Как бизнес?

– Да рад бы сказать, что дела хороши, да не могу, тяжело всё, медленно. Потерял я свой талисман удачи... – он хотел ещё что-то добавить, но раздумал и махнул своей маленькой ручкой, – не хочу плакаться! А я тебе гостинчик привёз! – Он протянул руку к соседнему креслу и, изображая фокусника, несколько помедлил и быстрым движением выставил на стол пластиковый контейнер с садовой земляникой. – Вот! Чистая, без химикатов! Твоя! Та самая, что ты со своей дачи привезла. На отдельную грядку её посадил, только для тебя, Лида.

– Ты же меня «моей» летом угощал.

– Та, Лида, грунтовая была, а эта из теплицы. Переживал,

будешь или нет, говорят, при кормлении нельзя.

– Мне можно, я, и будучи беременной, клубнику ела. Благодарю, Николай.

Он раскрыл контейнер и пододвинул ко мне.

– Поешь, мытая.

Я взяла ягоду – такая крупная бывает в первое плодоношение молодого куста. Закрыв глаза, потянула носом воздух.

– Ароматная! Знаешь, со мной в один год на даче трагедия случилась. – Я хохотнула. – Я новую грядку земляники заложила, весь сезон возилась, рассаду растила. Предвкушала – урожай на следующий год будет небольшой, зато ягода будет крупной. Так и было. Кисти всего по три-пять ягод завязались, но ягоды просто огромные. Только они стали зреть, барсуки на участок напали. Каждое утро я начинала слезами – оплакивала их ночное пиршество. Так, пока вся ягода не вызрела, и таскались. – Я надкусила землянику и посмотрела на прогуливающихся мужчин – Андрэ вёл их к дому. – Барсуков потом Паша всех повывел. Вкусная земляника, спасибо, Николай, порадовал! Продукты, которые нам привозишь, Маша всё время нахваливает. Не знаю, как и благодарить тебя!

– Я от чистого сердца, Лида, – обиделся он, – не думай, что грехи замаливаю. Знаю, Сергей никогда уже в дело не возьмёт. Денег вот немного скопил, хотел спросить у него совета, куда вложить, и не решаюсь. Как думаешь, ответит он мне?

Я пожала плечами и подумала: «Удивительно, что Серёжа тебе руку при встрече подаёт и в доме своём принимает».

– Маша сказала, у тебя дело ко мне. Сейчас решим или после обеда?

– Дело-то невеликое. Ты говорила тебе помощников в дом надо. Я привёз семью. Четыре человека – муж с женой, дочка-школьница, ещё мать мужа. Переселенцы из Средней Азии. Вроде работающие, у меня два месяца отработали. Сейчас девочке в школу надо, а у меня в хозяйстве, сама знаешь, школы нет.

Я осмотрелась по сторонам.

– А где они?

– В машине ждут.

– Как в машине?! – ахнула я. – Ты же давно приехал! Зови их, пожалуйста, Николай. Вначале пообедаем, потом поговорим.

Николай отправился к машине, а я навстречу Андрэ и гостям. Собаки от меня не отходили, и я запустила пальцы в шерсть на их загривках.

Мальчик из коляски смотрел спокойным прямым взглядом – ни стеснения, ни вызова. Улыбнувшись, я протянула руку и, осознав свою оплошность, рассмеялась, склонилась к креслу-коляске и обеими руками пожала лежавшую на коленях руку.

– Здравствуйте. Простите, что не встретила раньше. Я Лидия. Рада видеть вас в нашей усадьбе.

– З-з-здравствуйте, графиня. Я тоже рад познакомиться с вами. Вы очень к-к-красивая и красиво танцуете, я вчера весь день на вас с-с-смотрел. Я знаю о вас больше, чем вы обо мне. Я з-з-знаю, что ваш муж зовёт вас Маленькая; знаю, что сегодня вы сами готовили обед, и нас ждёт какой-то невероятный по вкусу борщ. Ещё я з-з-знаю, что это вы настояли на моём приезде в ваш дом. Меня зовут Илья, графиня.

– Очень приятно, Илья. Собак не боитесь? Позвольте им познакомиться с вами?

– Д-д-да, – неуверенно согласился мальчик и расширившимися глазами посмотрел на псов.

– Мальчики, познакомьтесь, – обратилась я к псам, – только вежливо. Это Илья.

Псы вытянули шеи и обнюхали Илью. Лорд аккуратно лизнул Илью в щёку, Граф уткнулся носом в лежавшую на коленях руку. Илья хотел погладить пса, но его рука совершила слишком резкий и слишком далёкий от цели бросок. Он вновь прижал её к коленям, и Граф положил на неё голову.

Пока они знакомились, я прижалась плечом к груди Андрэ и, взглянув на помощника Ильи, представилась:

– Лидия.

Мне паренёк не нравился – пока я шла к ним от террасы, его рыбы, водянистые и выкаченные из орбит глаза медленно скользили по моему телу, а на губах, влажных и красных, стыла неприятная улыбка. Сейчас он смотрел на мои губы.

– Графиня, мой друг глухонемой. Его з-з-зовут Родион, – представил Илья и вдруг засмеялся. Смех мальчика был некрасив – грубый, отрывистый, слишком низкий для ще-душного тела. – Ваши собаки п-п-прелесть.

Играя, Граф захватил кисть мальчика в пасть, и Илья вновь залился смехом.

– Илья, Родион, прошу в дом, скоро будем обедать, – при-гласила я.

Не торопясь, мы все вместе двинулись к дому. Псы зашли с тыла и обнюхали Родиона, тот хотел погладить Графа и уже протянул к нему мозолистую, широкую и короткопалую ла-донь, но пёс вежливо уклонился, и оба пса отошли.

– Маленькая, ты справилась без меня? – крикнул подхо-дивший к террасе Павел. Поджидая нас, он остановился у ступенек.

Немного в стороне стоял Николай, а рядом с ним прижав-шиеся друг к другу три женщины.

– Конечно, Паша! – Я хохотнула и подразнила его: – У нас с Машей сегодня был замечательный помощник королев-ских кровей! – И пока Паша помогал Родиону поднять ко-ляску с Ильёй на террасу, вполголоса обратилась к графу: – Андрей, отдай распоряжение о дополнительной сервировке на четырёх человек, я задержусь.

Граф кивнул, рассматривая незнакомок.

– Да знаю уже, – досадливо отмахнулся Паша и похлопал ладони одну о другую. – Маша никак не нахвалится. Наде-

ялся, скажешь, что без меня ты скучала.

– И скажу, Паша! Ты не зря надеялся! – Я опять рассмеялась и направилась к незнакомкам. – Я без тебя скучала, Паша!

Женщины стояли кучкой, мужчины нигде не было, и ребёнок тоже.

Будто отвечая на моё недоумение, одна из женщин повернула голову в мою сторону и обнаружила юную мордашку. «Ах, вот и ребёнок! Ребёнок с телом зрелой женщины».

– Здравствуйте! – поздоровалась я, приближаясь. – Меня зовут Лидия, я хозяйка дома. Простите, что заставила ждать.

Женщины расступились, из-за их спин вышел небольшого роста мужчина. Я протянула руку.

– Михаил, – выдохнул он табачным дымом.

Я поморщилась. Подала руку его матери. На вид женщине было лет пятьдесят, её светлые волосы были коротко, по-мужски острижены, а чёрные глаза, как и у сына, быстры и сметливы. Мать и сын были чрезвычайно похожи.

– Лидия.

– Катерина. Я мама Михаила.

Я кивнула и подала руку статной, «всё при ней», женщине с русой косой, переброшенной через плечо на высокую грудь. Миндалевидные, кажется, зелёные глаза глядели искоса, впопай.

– Светлана, – слегка шевельнула она сочными чувственными губами.

«Красивая. И не просто красивая, а манкая... или, как сейчас говорят, сексапильная». Светлана воровато отвела от меня взор.

Я протянула руку девочке, светловолосой и черноглазой, как бабушка и отец, но статью похожей на мать.

– Для тебя, ребёнок, я Лидия Ивановна.

– Марфа.

Девочка очень смущалась, ладошку сунула, далеко выбросив от себя руку. Взяв её ладошку, я притянула девочку к себе и обняла.

– Михаил, Катерина, Светлана, Марфуша, прошу в дом, сейчас будем обедать. За столом вы составите представление о нашей семье. О деле поговорим после обеда. Николай, прошу. – И обняв Марфу, я пошла вперёд. – Ты в каком классе учишься?

– В восьмом. Восьмой кончила. – Девочка смущалась, но не дичилась, доверчиво прижимаясь к моему боку.

– Ясно. Учебный год начался, а ты ещё не в школе.

Когда мы вошли в гостиную, в гостиной воцарилась тишина. Скользнув взглядом на всех нас, мужчины, как один, прикипали глазами к Светлане. Я усадила гостей, и гостиная вновь ожила, задвигались стулья – домочадцы занимали места за столом. Серёжи в гостиной не было. Я направилась к лестнице, намереваясь сбежать в детскую, и только ступила на первую ступеньку, как Сергей окликнул меня от дверей кабинета.

– Маленькая.

– А я за тобой. Думала, ты с детьми.

Серёжа обнял меня за плечи и повёл к столу. В это время из дверей кухни в сопровождении Его Высочества появилась Маша. Румянясь лицом и поблёскивая глазами, она катила сервировочный столик, уставленный стопками суповых тарелок вокруг большой супницы. К моему стулу мы подошли одновременно, Маша оставила столик и отдала приказ:

– Маленькая, разливай!

Я сняла крышку с супницы, взяла в руки половник и помешала борщ.

– Маленькая, так пахнет, что слюнки бегут, – подал голос Паша.

– Потерпи, Пашенька, ты уже большой мальчик, – рассмеялась я и принялась разливать борщ.

Серёже. Андрэ. Маме.

– Ваше Высочество, вы определились? Отведаете русского борща?

– Право, графиня, из ваших ручек... – неуверенно отозвался тот и, спустя мгновение, решился: – не смею отказаться.

– Прошу, мой принц, приятного аппетита.

Следующую тарелку я взяла бóльшего размера, она предназначалась Стефану, а Стефан любит борщ. Следом наступил черёд гостей: Николай, Илья, Родион, Михаил, Катерина, Светлана, Марфа. Я опять взяла в руки большую тарел-

ку – Павел и Василич предпочитают первые блюда вторым. Убрала пустую супницу на комод. Сережа переставил с нижней полки столика на верхнюю ещё одну супницу. Маша, Эльза, Даша. Я налила себе и закрыла супницу крышкой. Как только я села, потянулись руки за хлебом, за сметаной, за перцем, застучали ложки и тотчас раздались слова похвалы:

– Маленькая, борщ отменно хорош.

– Детка, замечательный борщ!

– Маленькая, ну вот как у тебя получается? – громче всех возгласила Маша. – Я делаю то же самое, а супы у меня не такие. Колдуешь ты, что ли?

Я улыбалась, наблюдая за принцем. Первую ложку бульона принц проглотил с опаской, зачерпнул ещё раз, теперь погуще, пожевал, проглотил и, утвердительно качнув головой, начал есть. Заметив, что я смотрю на него, принц улыбнулся.

– Скоро я стану русским, графиня! Я высоко ценю русскую культуру. А теперь я становлюсь поклонником русской кухни. – С этими словами, он взглянул на Машу, и Маша покраснела от удовольствия. – Мне нравится ваш борщ, графиня.

– Я рада, Ваше Высочество.

– Маленькая, а добавка есть?

– Конечно, Паша, ешь на здоровье! Василич, тебе добавить?

– Давай, Маленькая, половинку половника.

Илья ел не сам, его кормил Родион. Заметив мой взгляд,

мальчик старательно аккуратно развёл руками – вот такие, мол, у меня дела. Я качнула головой, подбадривая его, и подумала: «Ничего, милый, надеюсь, Стефан тебе поможет».

Пришла Настя, недовольная и даже сердитая; усаживаясь на своё место, пожаловалась:

– Разгулял Сергей Михайлович деток, после него никак засыпать не хотели. И песни пела, Катю, так ту и на руках укачивала.

– Приятного аппетита, Настенька, – пожелала я, с улыбкой подавая ей тарелку.

– Спасибо, Лидия Ивановна.

Я украдкой поцеловала руку Серёжи и оцепенела, увидев взгляд Светланы – тоскующий, призывный взгляд женщины, вождемлюющей мужчину, направленный на моего мужа.

– Что ты? – спросил Серёжа.

Я продолжала смотреть на Светлану. Мою настойчивость заметила не она, а её муж. Вслед за мной он взглянул на жену, понял на кого та смотрит, пихнул её и что-то шёпотом рывкнул. Она потупилась и занавесила ресницами бесстыдные глаза.

– Николай привёз семью переселенцев, – запоздало ответила я Серёже. – После обеда буду знакомиться. Девочке в школу надо, а у них пристанища нет.

– Хочешь, чтобы я поговорил?

– Нет, милый, я справлюсь. К тебе о зарплате договариваться отправлю.

– Ммм... – замычал Паша, вкусив первую порцию салата «Оливье», – Маленькая, и борщ, и оливье объединение!

– Благодарю, Паша.

– Маша, а рыбка-то, как хороша!

– Да, рыбка царская!

– И гарнир – не оторваться!

– На здоровье! – отвечая на тут и там раздававшуюся похвалу, Маша успевала игриво переглядываться с Его Высочеством.

Принц был занят флиртом с Машей, остальные мужчины за столом, не исключая Андрэ и даже мальчика Ильи, украдкой посматривали на Светлану. Она же, не таясь, искала внимания Серёжи. «Что-то не по себе мне, – уныло подумала я, – тревожно, будто случилось недоброе. Или случится?»

– Серёжа, ты с мальчиком договорился о сотрудничестве?

– Да. Будем работать. – Он пристально посмотрел на меня и спросил: – Тебя что-то беспокоит?

– Беспокоит.

– Потанцуем?

Предложение прозвучало неожиданно, я рассмеялась и кивнула. Сергей направился к музыкальному центру, и, спустя минуту, в гостиной запела скрипка, в ответ огрызнулась другая и утихла, в то время как первая продолжала петь; вторая скрипка вновь огрызнулась – звучало самое известное танго – цыганское танго Якоба Гаде «Ревность». Выбор композиции был говорящим.

Замедляя или ускоряя темп, Сергей не выпускал меня из объятий, использовал любую возможность для тайного поцелуя и горячо нашёптывал на ухо: «Сладкая... моя Девочка... желанная...», чем вверг в ещё большее смятение. «Успокаивает? Уверяет, что причины для беспокойства нет или... или это покаяние? – Я хотела найти ответ в его глазах, но он упорно отводил их. – Что? Что происходит? Второй день ищу его взгляд и не нахожу».

Усаживаясь за стол, я встретила с другим взглядом, которого вовсе не искала. «О, Ваше Высочество, только вашей пронизательности мне и не хватает! Хватит с меня одного Стефана!», тот с самого начала обеда наблюдал за мной самым внимательным образом. Решив не дожидаться конца обеда, едва сев, я вскочила из-за стола и направилась к Илье.

– Графиня, в-в-вы прекрасны во всём! – встретил он комплементом. – Ваш борщ великолепен. Я не люблю п-п-первые блюда, а ваш борщ я съел до последней капли. Но ваш танец... – Он возвёл глаза к потолку – большие, карие, окружённые загнутыми вверх ресницами они вкупе с тёмными волнистыми волосами, смуглой кожей и пухлым небольшим ртом, указывали на индусскую кровь одного из его родителей. – П-п-простите, мне не х-х-хватает слов. Я р-р-разволновался, теперь б-б-буду б-б-больше заикаться.

– Илья, называйте меня Лида или Лидия. – Подтянув стул ближе к его коляске, я села. – Забудьте о титуле. За похвалу благодарю, я польщена.

– А п-п-позвольте, я буду называть вас, как зовут вас в вашем д-д-доме, – М-м-маленькая?

Я засмеялась и кивнула.

– Б-б-благодарю, М-м-маленькая.

– Илья, у меня к вам разговор, – приступила я прямо к делу. – Я хотела, чтобы вы приехали в наш дом не только за тем, чтобы навязать вам любовь к первым блюдам. Я хочу, чтобы вас посмотрел мастер массажа и прекрасный врач.

В лице мальчика появилось разочарование, а следом проступила и досада.

«Он устал от отношения к себе, как к калеке, – печально думала я, наблюдая за выражением его лица, – навязчивые советы, предложения помощи преследуют его всю жизнь. – Я вспомнила, как меня и Настю раздражали советы всезнаек про то, как вылечить её кашель. – Мальчик жаждет простых человеческих отношений».

Он вздохнул и покорно согласился:

– Х-х-хорошо, Лидия.

– Прекрасно. Ещё один вопрос, Илья. С собаками вы познакомились, а как вы отнесётесь к знакомству с лошадьми?

– Я?! – Его изумление было полным. Затем он обиделся, но вполне сдержанно произнёс: – Лидия, я не знаю, что сказать. Я и лошади... ну разве, что в коляске или в коробе, привязанном к седлу.

– Нет, Илья, я имею в виду, вы на лошади и даже без седла.

«Ну! Давай же, – молила я его мысленно, – определяйся –

или ты калека, и тогда я буду общаться с тобой с той особой щепетильностью, с какой здоровый человек общается с калекой, или ты прежде человек, и тогда мы начнём работать, открыто обсуждая твои проблемы!»

Он мрачно выдавил:

– Если только привязать меня к наезднику верёвками.

– Никаких верёвок! Конечно, для начала с подстраховкой с обеих сторон и на чутком и терпеливом коне. Есть у нас такой, Пепел его имя.

– Лидия, вы хотите посмеяться надо мной? Вы серьёзно про лошадей?

– Про лошадей я абсолютно серьёзно, иппотерапия это называется. Ну что? Мы идём на обследование к Стефану?

В знак покорности он опустил голову, но спастические мышцы вывернули голову набок.

– Хочу заметить, Илья, когда вы сердитесь, вы совсем не заикаетесь, и спастика рук уменьшается.

Я жестом пригласила Родиона следовать за собой. Стефан уже поджидал нас.

– Стефан, куда? В кабинет или на кушетку в баню?

– На кушетке удобнее, – буркнул Стефан, отодвинул Родиона и сам взялся за ручки коляски.

Мускулистый Родион – бугры мышц угадывались даже под просторным пиджаком, рядом со Стефаном смотрелся подростком.

Стефан быстро покатил коляску по гостиной; стараясь не

отстать, я побежала следом, на что Стефан, оглянувшись, спросил:

– А ты куда?

Я отстала. «Теперь семейство», – решила я и пригласила Михаила и его женщин пройти в кабинет.

Расспросив о том, кто что умеет, я склонилась к решению взять семью в дом.

Михаил пригодится Василичу на конюшне и на «ферме», которая всё больше разрастается. Василич завёл тридцать кур, две козы и десять кроликов. Он мечтал развести и свиней, но Серёжа отказал так категорично, что Василич тотчас забыл о свинарнике и вскоре родил новую мечту – теперь он мечтает о корове и, на этот раз, надеется уговорить Серёжу. Главный его аргумент дети: «Детям нужно «энергетическое» молоко, то, что сразу после дойки. А корова у нас со Стефаном будет здоровая, не переживай, Маленькая! И навоз опять-таки земле надобен». «Ну теперь держись, Серёжа, – хохотнула я про себя, – получив помощника, Василич станет настойчивее в притязаниях!»

Катерина будет помогать на кухне. Она твёрдо, с достоинством заявила, что готовит хорошо и вполне справится с кухней. «Посмотрим, сумеет ли она наладить отношения с Машей. Если сумеют распределить обязанности и помогать друг другу, у нас будет две кухарки».

Неясно было, куда определить Светлану. Отвечая на вопросы, женщина беспрестанно металась глазами то в пол, то,

искоса, на меня, то по сторонам.

– Я всё буду делать, что скажете. Могу мыть, стирать, помогать на кухне, всё, что нужно буду делать! Я работающая.

– Что вы любите делать? Есть такое занятие?

– Даа, – протянула она и в первый раз посмотрела на меня прямым взглядом, – я окна люблю мыть. Люблю стоять высокооо над землёй, не боюсь совсем. Люблю, когда в стекло смотришь, а его будто нет...

– Ну вот и славно, определю вас помощницей к Эльзе! Окон в доме много, правда, не все они высоко над землёй. – И я повернулась к девочке. – Марфа, надо подобрать тебе подходящую школу. Как ты училась? Может, у тебя есть желания?

Марфа молчала. Не выдержав затянувшейся паузы, встряла Катерина:

– Марфа учится без троек.

Девочка недовольно, искоса, в точности, как её мать, взглянула на бабушку и ответила:

– Я люблю рисовать. А в школе... с алгеброй у меня не очень, физику ненавижу. С остальными предметами нормально всё.

– Думала, чем в жизни хочешь заняться? Я профессию имею в виду.

Марфа равнодушно пожала плечами.

– Хорошо, девочка, оставим это. Завтра будем школу выбирать.

Завершая разговор, я вновь обратилась к главе семьи:

– Суммы ваших зарплат вы обговорите с Сергеем Михайловичем. Жить вы будете в коттедже, их вы, полагаю, видели днём. Всё необходимое в квартире есть. Питаться будете в доме. Я требую от домочадцев вежливых и дружелюбных отношений, в работе у нас принято помогать друг другу, независимо от обязанностей, но не в ущерб им. И ещё, Михаил, с пристрастием к табаку придётся что-то делать. Это всё. Если условия для вас приемлемы, я позову Сергея Михайловича.

Мать с сыном переглянулись.

– Хотите обсудить?

– Нет-нет, Лидия, – ответила Катерина, – нас всё устраивает. Один вопрос. Вы сказали, питаться будем в доме. Сколько стоит такое питание на человека?

– Прошу прощения, что не сказала. За питание и жильё вы не платите.

Мать с сыном вновь переглянулись. Светлана осталась безучастной. Марфа нервничала.

– Пойдём, ребёнок, – позвала я, – пусть взрослые обсудят все «за» и «против». – Я взяла Марфу за руку, и мы вышли из кабинета. – Ты хочешь у нас остаться? – спросила я.

Марфа кивнула.

– Тогда почему нервничаешь?

Она опустила глаза и промолчала.

– Ну раз не хочешь, не говори. Какой язык в школе учишь?

– Английский. Плохо у меня с языком.

– Ничего, захочешь, подтянешь. А в помощь тебе – англоязычные в доме. Сергей Михайлович английским владеет, принц.

– А принц, и правда, принц?

– Самый настоящий, – подтвердила я.

Марфа присела подле развалившегося на полу Лорда, а я направилась в диванную зону к Серёже. Семья ещё пребывала за столом, и Серёжа сидел в одиночестве. Я устроилась под его рукой и положила голову ему на грудь. Под мерный стук его сердца тревога моя исчезла, растворилась без следа, будто и не было её вовсе.

– Николай что, уже уехал? – спросила я.

– Нет, ждёт решения по семье. Они с графом вышли прогуляться.

«Ясно. Не решившись просить совета у тебя, Николай решил попросить его у графа».

– Я семью беру, это они решиться никак не могут. – Я вздохнула и добавила: – Девочку не хочу отпускать. Что-то у них в семье неладно.

Думая о чём-то своём, Серёжа не ответил, взял мою ладошку и прижал ко рту. Заливисто захохотала Маша, ей вторил Его Высочество и больше никто. «Опять вдвоём шушукаются», – с прежней досадой на их флирт подумала я. Сквозь общий гул голосов пробивался голос Паши – он слишком громко рассуждал о возможностях каких-то тренажёров и спо-

собах тренировки на них. Выглянув из-за Серёжи, я увидела, что собеседником Паши был глухонемой Родион. Стараясь чётче артикулировать звуки, Паша непроизвольно и голос повышал.

– Хочу позвать тебя в Кресло Правды, – внезапно сказал Сергей.

Исчезнувшая было тревога, вернулась вновь, и я буркнула:

– Кабинет занят.

Кресло Правды, так мы называли большое старинное кресло. Сейчас оно величественно располагалось в «красном» углу кабинета, но когда я увидела его впервые, я растерялась – размерами и формой оно напоминало гигантский трон и абсолютно не вписывалось своей эстетикой в общую эстетику дома.

– Серёжка, зачем ты его купил? Оно... уродливо...

Он громко расхохотался.

– Именно! Маленькая, оно так уродливо, что прекрасно!

Сергей решил поставить кресло отдельным экспонатом в правом, дальнем от входа углу кабинета. Направленное по диагонали к центру помещения, кресло потеряло свою грозность, а, обзаведясь парой подушек, и вовсе стало привлекательным, призывая почитать или помечтать в своих бархатных объятиях.

Вскоре я полюбила кресло, особенно нравилось мне си-

дочь в нём вдвоём с Серёжей. А однажды, обсуждая очень важные и непростые для обоих вопросы, мы и назвали его Креслом Правды.

Сесть в Кресло Правды означало согласиться отвечать на любые вопросы партнёра или, напротив, задать самому те вопросы, которые долго не решался озвучить.

– Пойдём, Серёжа, кажется, наши гости готовы дать ответ.

Подслеповато щурясь, Михаил шёл от кабинета к столу и шарил глазами по лицам за столом. Мы встали. Он увидел нас и обрадовано закивал головой.

В кабинете я прошла к Креслу Правды и села подальше от гостей. Села так, чтобы Светлана оказалась ко мне затылком – я больше не хотела видеть её бесстыдно призывный взгляд.

Названные Сергеем суммы вызвали возбуждение у матери и сына, переглядываясь между собой быстрыми чёрными глазами, они радостно кивали друг другу. Наконец, Серёжа встал и подал руку Михаилу. Скрепляя договорённость рукопожатием, предупредил, что в периметре усадьбы табачного дыма не потерпит. Тот, заверил, что курить бросит. Мать и сын так рьяно выскочили из кабинета, что позабыли один о супруге, другая о снохе. Светлана не торопилась: плавно покачивая бёдрами, она направилась к двери и прежде, чем переступить порог, обернулась, и я вновь увидела её тоскливый взгляд. Призыв её не достиг цели, Сергей шёл ко мне и был к ней спиной. Она окинула взглядом весь

его силуэт и вышла. «Странно, что её нисколько не заботит моё присутствие», – подумала я, поднимаясь на ноги в кресле и отдаваясь жарким объятиям мужа.

– Пойдём в спальню, Девочка, – хрипло произнёс он, подхватывая меня на руки.

Не прерывая поцелуев, он нёс меня на руках до дверей кабинета, дальше по лестнице наверх, в конец коридора, в спальню. Не знаю, видел ли нас кто? Я об этом не думала.

– Серёжка, ты мне опять платье испортил. – Я просунула палец в дырку, зияющую на месте пуговицы. – Оно мне нравилось.

– Маленькая, у него пуговицы не расстёгивались, я их просто удалил.

Говоря это, он выглянул из гардеробной в носках, трусах, застёгивая пуговицы сорочки. Я засмеялась, оглядывая его. Он скрылся.

– Да, но ты их удалил вместе с тканью. Операция была произведена грубо, я бы сказала, с летальным ущербом.

Он вновь возник в дверях гардеробной, теперь в его руках были брюки. Он стал их надевать, и его влажные после душа волосы упали на лоб.

– Я не мог медлить, жизнь больного была в опасности.

Поразмыслив и не найдя ответа, я озадаченно спросила:

– Серёжа, а больной, это у нас кто?

– Маленькая, я тебе ночью отвечу на этот вопрос, – ото-

звался он, вставляя ремень в шлёвки пояса брюк.

– Обещаешь? А лабораторную работу позволишь провести, чтобы впредь жизни больного ничего не угрожало?

Теперь Серёжа озадаченно уставился на меня.

– Маленькая, а лабораторная работа, это у нас что?

Победно усмехнувшись, я пообещала:

– Серёжа, я тебе ночью отвечу на этот вопрос, – и бросила платье на диванчик. – Его надо незаметно выбросить в мусорный бак. В тот, который за пределами усадьбы, иначе завтра это платье станет темой дня. Сейчас вот еще пуговицы соберу.

Я поискала пуговицы на кровати и на полу, нашла и вместе с ними скатала платье в тугий рулон.

Пока я это делала, Серёжа оделся. Вышел из гардеробной комнаты и ворчливо потребовал:

– Давай свой ущерб.

– Сейчас? А в чём ты его понесёшь? В карман пиджака оно не влезет.

– Влезет. – Он затолкал рулон за пояс брюк и прикрыл полый пиджака.

Я засмеялась и поцеловала серединку его ладони.

– Пойдём, я в детской подожду, пока малыши проснутся. С Настей поговорю.

Настя опять читала свой учебник. Увидев меня, разразилась недовольством:

– Уже минут сорок, как должны были проснуться. Поздно уснули, теперь вот спят.

Я присела на стул между кроватками и спросила:

– Как мама, Настя?

– Мама офигительно счастлива! – с язвительной усмешкой ответила Настя. – Встретила очередную любовь, на этот раз на десять лет моложе себя! Когда уже успокоится, не знаю. Лидия Ивановна, ей скоро пятьдесят, она всё о любви мечтает!

– Любить никогда не поздно, девочка.

– Она всю жизнь любит то одного, то другого! Я уже и со счёта сбилась, скольких она любила.

– Значит, ещё не нашла своего мужчину.

– Ей и не нужен свой мужчина, ей просто нравится менять мужчин! А может, это она никого не устраивает, и от неё все бегут?

– Настя, ты жестока.

– А она не жестока?! Её уже в глаза шл... гулящей называют. В школе за моей спиной шептались и учителя, и ученики. – В глазах Насти появились слёзы, не позволяя им излиться, она подняла голову и, глядя в потолок, стала махать себе на лицо руками.

– Мама твоя финансово зависит от мужчин?

– Это они от неё зависят! Она прекрасный экономист, бухгалтер, имеет лицензию на право проведения аудита. К ней в очередь встают, хорошие деньги платят!

– Тогда почему ты не стала учиться после школы, почему пошла работать, если деньги в семье есть?

– Да из-за неё! На выпускном она любовь нашла, прямо в школе, на виду у всех роман закрутила. Мне так стыдно было, что я ушла. Рассердилась, жуть! Видеть её не могла! Утром мама на работу, а я на поезд. В купе женщина ехала к дочери помогать с малышом, всё переживала, что с работы отпустили только на десять дней. Внучок заболел, в садик нельзя, а у дочери работа ответственная, пропускать нельзя. Пока ехали, она меня в няни засватала. А маме я позвонила, когда немного остыла, дней через пять, наверное. Она к тому времени уже в панике была. – Настя тяжело вздохнула. – Вот так шесть лет и живём – она любовь ищет, я подальше от неё няней работаю.

– И что, за все эти годы вы ни разу не виделись?

– Один раз. Бабушка умерла, тогда и увиделись. Я на похороны ездила.

– Настя, так нельзя. А папа твой где? Ты его знаешь?

– Нет. Никогда не видела и, кто он, тоже не знаю. Мама о нём не любит говорить. Он – её первая любовь, кажется.

– Настя, отрицая маму, ты, прежде всего, наносишь вред себе. Отрицая маму, ты отрицаешь в себе женщину.

– Ничего я в себе не отрицаю! Я не такая, как она. Я считаю, что лучше вообще не любить, чем, как она, всех подряд!

– Тебе какой-нибудь мальчик нравился? Или мужчина? Ты влюблялась?

– Нет. Мужчины мне, конечно, нравятся... Паша, например, или Сергей Михайлович, но я не влюбляюсь.

«Кто-то тебя разбудит, девочка, и ты влюбишься и полюбишь, и дай Бог, чтобы твой избранник тоже полюбил тебя!»

Максим просыпался, дрогнув ручками, веки приподнялись – приоткрыли глазки и вновь смежились.

– Настя, ты любишь маму?

Глаза Насти вновь наполнились слезами, она качнула головой и сдавленно прошептала:

– Люблю... и скучаю. Очень скучаю.

Я спустила с плеч халат, взяла Максима из кроватки и приложила к груди, так толком и не проснувшись, малыш припал к соску.

– Настя, помоги, – позвала я, – Катя проснулась.

Катюша так же, как и Максим, просыпалась медленно. Настя начала сюсюкать с ней, но Катя к беседе расположена не была. Как только я её взяла, она уткнулась личиком в грудь, неспешно поискала сосок и зачмокала, прикрыв глазки.

– Думала, отправлю вас погулять после кормления, а детки, вижу, уснут у груди.

Я закрыла глаза, проверяя защитное облако вокруг малышей, и подумала: «Не хотелось бы мне менять тебя, девочка, на другую няню. Всё-то у тебя должно быть по часам, словно детки не детки, а механизмы. Вчера тебя раздражал Стефан, потом ты злилась на Карину, сегодня сердисься на мать. Неужели, это тот случай, когда «было бы желание, а

причина всегда найдётся?»?»

– Настя, ты сейчас вряд ли примешь мои слова, но я скажу их в надежде на то, что ты обдумаешь сказанное, – начала я и вновь задумалась: «Как сказать, чтобы не вызвать чувство вины? Где сложные отношения, там чувство вины неизбежно. Это ведь рассматривая «со своей колокольни», я всегда прав, а чуть сместится фокус в сторону от себя обиженного, то и обнаруживается, что я и есть главный виновник неурядиц». – Настя, тебе надо позволить маме жить свою жизнь так, как она сама того хочет и может. Личная жизнь человека – это его личная жизнь, и посторонним там делать нечего. Это первое. Второе. Я понимаю, ты любишь маму и чувствуешь себя униженной за то, что она позволяет всем этим... вещам происходить в её жизни. Понимаю, что нелегко простить стыд, который ты пережила. Но я уверена, твоя мама любила и любит тебя, и тебе есть, за что быть ей благодарной. Все твои мысли о маме связаны с её новыми или старыми любовными отношениями, ты думаешь о мужчинах, которые её бросают, о людях, которые её осуждают. А ты думай о своих отношениях с мамой, о том, как ты её любишь, вспоминай, как вам бывало хорошо вместе. Старайся не осуждать, а думать о маме с любовью. Когда мы осуждаем человека, мы отказываем ему в принятии его таким, какой он есть, проще говоря, отказываемся его таким любить.

– По-вашему, любить – это прощать человеку его ошибки и слабости? А когда хочешь, чтобы любимый человек стал

лучше, то это и не любовь вовсе?

– Настя, мы не можем знать, что есть лучшее для человека. Иногда наше понимание лучшего, может быть полным несчастьем для другого. Что касается вопросов «Что есть любовь?» и «Что есть нелюбовь?», я не отвечу. Знаю только, что совершенной, безусловной любви нет на Земле, так же, как нет совершенных людей. И каждый из нас делает выбор – принимать человека таким, какой он есть или бороться с его несовершенствами, иначе говоря, любить человека или вынуждать его измениться.

Пока мы беседовали, детки уснули.

– Мама хочет приехать, хочет познакомиться с этим своим новым. – Настя помолчала, что-то обдумывая, и взорвалась: – На фиг он мне сдался?!

– Вот и славно! Мама придет, ты увидишься с ней, обнимешь и скажешь, как ты её любишь и скучаешь!

Я поцеловала уснувших деток и поднялась с дивана. Настя кинулась ко мне.

– Ой, Лидия Ивановна, простите, я в своих переживаниях ничего не замечаю, давайте я Макса возьму.

Уложив деток в кроватки, мы с Настей расстались – я отправилась одеваться к ужину, а Настя надумала позвонить своей маме.

На вечер я хотела подобрать такой туалет, который позволит танцевать танец с акробатическими элементами. Пере-

бирая взглядом содержимое шкафа, я услышала стук в дверь спальни.

– Даша, ты? – крикнула я и, открывая дверь, посторонилась, пропуская Дашу и рассматривая её вечерний туалет.

– Я заходила уже. Ты ещё в детской была.

– Даша, ты великолепно выглядишь! Мне нравится, что ты стала переодеваться к ужину.

– Да. Стала. – Даша потупилась и слегка покраснела. – Марь Васильевна смеётся, барыней называет. А тебе платье, правда, нравится?

– Нравится, Даша, очень нравится! И причёска тебе к лицу и к платью подходит!

Даша была по-настоящему красивой – златоволосая, высокая, длинноногая, с тонкими запястьями и щиколотками. Особое восхищение вызывали у меня руки Даши своими длинными пальцами и удлинённой ногтевой пластинкой, и ступни – ровные, идеально пропорциональные. Пышная грудь Даши была великовата для субтильных плеч, и её груди тесно прилегали одна к другой. Хороши были и бедра в совершенной, без западинок и наростов, округлости. У Даши была одна беда – она легко набирала вес и расплывалась в талии, страдала от этого и предпочитала голодать.

– А ты ещё не выбрала, что наденешь? – спросила Даша, взглянув на раскрытые дверцы шкафа.

– Как раз раздумываю. Нужно такое платье, в котором можно спортивный танец танцевать.

Даша открыла дверцы другого шкафа и, быстро перебирая вешалки, начала что-то искать.

– Сейчас, Маленькая, найду... брюки, как юбка в пол, а сверху полосы не сшитые... где же оно?.. на днях попало. Ты его ни разу не надевала, а... когда покупала, тебе оно очень понравилось... мы вместе были. Вот! Нашла.

Даша показала туалет – три мелко гофрированные полоски ткани – спинка и полочки, соединялись между собой горловиной и жестким поясом на талии. Ниже талии шли широкие брюки. К туалету прилагался короткий топ, точнее, лиф на тонких бретелях.

– Благодарю, Даша! Этот «комбинезончик» я и надену.

Даша застегнула на мне топ. Он слегка стиснул молочную грудь, отчего грудь приподнялась, излишне открываясь глазу. Я критично осмотрела себя в зеркале.

– Маленькая, что ты сомневаешься? Красиво! – заверила Даша.

Я надела брюки, натянула на плечи верх, полочки прикрыли избыток голого тела – грудь слабо мерцала сквозь лёгкую ткань. «Вот теперь славно, теперь мне нравится!»

– Счастливая ты! – вздохнула Даша, застёгивая замок на моих брюках. – Родила позже меня, а талия уже такая же, как до беременности. А я ни в одну юбку влезть не могу. Совсем не есть, что ли?

– Как это совсем не есть, Даша? Ты же ребёнка кормишь! – Я присела перед туалетным столиком. Освободив мои воло-

сы от заколки, Даша взвесила их в руках.

– Обруч покрути, начни бегать или плавать, на тренажёры к Паше иди, он тебе программу подберёт.

Она покачала головой.

– Не люблю я тренажёры, вспотеешь вся, а толку чуть. И бегать тоже без толку. – Коротко хохотнула, задумчиво глядя на своё отражение в зеркале. – Лучший спорт – это секс!

– Ну, если лучший, тогда не жалуйся! – Я прервала её раздумья. – Диадему надену. Причёску под диадему с гранатом делай.

Даша согласно кивнула и занялась волосами.

В доме спортом занимаются все. Маша с Настей плавают, хотя обеим трудно выкроить на себя время – одна целый день на кухне, другая неотлучно с детьми. Василич любит тренажёры. «Гирьки» пойти покидать», – так он называет свои занятия спортом. Остальные домочадцы используют разные варианты физической нагрузки. Только Стефан и Даша ничем не занимаются. Стефан часто занят физической работой на конюшне, помогая Василичу, а Дашин спорт – перебежки по дому и усадьбе.

– Ты и колье наденешь?

– Нет, только перстень. Гранаты крупные, на голове и на пальце вполне достаточно.

– Настюха-то чего рыдает?

– По маме скучает.

Наконец, Даша надела мне на голову диадему, та ещё до-

полнительно скрепляла причёску.

– Ну вот, будем надеяться, не распадётся.

– Благодарю, Даша. Красиво.

Я прошла в гардеробную комнату к большому зеркалу и оглядела себя со всех сторон. Даша наблюдала, опираясь спиной на косяк двери, и вновь вздохнула:

– Красивая ты, Маленькая. И косметикой не пользуешься, и росточка небольшого, а посмотришь и засмотришься.

– Благодарю, Даша. Пойдём? Явим неземную красоту миру? Я только на секундочку загляну в детскую.

Малыши спали. Настя тоже спала, уткнувшись носом в заложенный ладонью учебник.

В гостиной семья и гости дегустировали вино – на журнальном столе стояли несколько пыльных и несколько чистых бутылок. Серёжа как раз разливал вино по бокалам. Увидев меня и Дашу, он поставил бутылку и пошёл навстречу.

– Даша, ты выглядишь восхитительно! – Серёжа учтиво поклонился ей.

– Спасибо, Сергей Михалыч, – смущённо поблагодарила Даша, заалела лицом, и, не останавливаясь, шмыгнула мимо него.

Серёжа прижался губами к моему уху:

– Маленькая, ты обворожительна! Грудки выпрыгивают, с ума можно сойти! – Он потянул в себя воздух. – Ммм...

сладкая... Где ты такое платице купила?

– Серёжа, мой туалет слишком откровенный?

– Твой туалет великолепен, Девочка! И ты царственно красива с этой диадемой и так соблазнительна, что дух захватывает.

Я засмеялась.

– Благодарю, милый. Люблю тебя. Ты наших новых членов семьи поселил? Понравилось им жильё?

– В коттедж их Павел проводил. А жильё понравилось. Я Катерину у мусорного бака встретил, благодарила. – Он весело хохотнул. – Думаю, недоумение в её голове застряло надолго: что хозяин дома сам лично в мусорный бак выносит, да ещё за пределы усадьбы?

Мы подошли к столу. Андрэ поднялся, широко развёл руки и позвал:

– Иди ко мне, детка, ты прекрасна!

Я на минутку прижалась к его груди.

– Графиня, примите моё восхищение, вы очаровательны! – Этот комплемент я получила от Его Высочества, глаза его ласково скользнули по моей причёске, по украшению, по лицу. Он поклонился. – Окажите честь танцевать со мной сегодня вечером.

– Конечно, милый принц! Я с удовольствием принимаю ваше приглашение, и, если Серёжа подберёт нам соответствующее музыкальное сопровождение, мы, как и договаривались вчера, спляшем танец с акробатическими элементами.

ми.

– Спляшем? – приподняв бровь, переспросил Его Высочество и рассмеялся над показавшемся ему смешным словом.

– Спляшем, Ваше Высочество! – подтвердила я.

Серёжа усадил меня в своё кресло, а себе подтянул другое.

Получилось хорошо, потому что по другую сторону от меня стояла инвалидная коляска Ильи.

– Добрый вечер, Илья. Как вам у нас нравится?

– М-м-маленькая, я ведь могу вас так н-н-называть?

Я кивнула и получила ещё один приятный и пространный комплемент:

– Вы в-в-восхитительны, графиня. Днём я увидел в вас г-г-гостеприимную хозяйку большого дома, повелительницу огромных п-п-псов, хлебосольную управительницу семейным обедом и даже к-к-кухарку. Сейчас вы величественная царица н-н-неописуемой красоты. Я нахожусь в п-п-предвкушении, что же будет дальше? Вы, вероятно, догадываетесь, я в-в-впервые на семейном приёме. Мне всё н-н-нравится, всё интересно. У вас т-т-тёплый дом, М-м-маленькая. Я бы хотел п-п-поцеловать вашу руку, если вы не п-п-против.

Я подала руку. Старательно управляя растопыренными пальцами, Илья осторожно взял её и, боясь допустить лишние движения, прижался к руке губами. Домочадцы и гости отвели глаза, а Андрэ, торопясь заполнить паузу, заговорил о сортовых достоинствах красных вин. «Мало кто умеет смотреть на калеку, не испытывая внутреннего дискомфорта, –

думала я, – люди прячут взгляд, предпочитая не замечать человека, вместо того, чтобы видеть человека и не замечать его уродства». Я приподнялась и чмокнула мальчика в макушку.

– Илья, что показало домашнее обследование?

– Стефан полагает, я не б-б-безнадёжен, – ответил мальчик.

Я взглянула на Стефана, в этот момент его губы коснулись края бокала, подбородок чуть приподнялся, скосив на нас глаза, он глотнул, кадык под войлоком волос дернулся вверх и опустился. Опустилась и рука, державшая бокал с вином. Я отвела взгляд.

– Мы договорились, что сеансы массажа начнём, когда Стефан вернётся из поездки, – продолжал Илья, – мне надо м-м-много работать, я должен заставить мышцы слушаться!

– Вы слышали о терапии Действия и Наблюдения?

– Н-н-нет. – Мальчик посмотрел с интересом.

– Сначала пример: когда мы видим зевающего человека, нам тоже хочется зевнуть. Это бессознательная имитация действий другого человека. На самом деле, данный феномен предмет изучения процессов социализации человека, но тематикой заинтересовались специалисты реабилитационной нейрофизиологии и разработали метод, который и назвали терапией Действия и Наблюдения. Так вот, при потере навыка движения в результате травмы или инсульта головного мозга, больной наблюдает, как совершает движения другой объект, это может быть человек или анимация, мыслен-

но воспроизводит это движение, при этом особые нейроны, их называют зеркальными, строят новые или восстанавливают повреждённые нейронные связи, заново формируя навык. Реабилитация происходит в разы быстрее. Я подумала о восточных практиках для вас, тех, где движения крайне замедлены и выверены. Наблюдая и копируя такие движения, вкуче с техникой дыхания, возможно, вы научите ваше тело двигаться по-новому. Как ты думаешь, Стефан?

Стефан не поддержал меня:

– Я знакомился со статьями о «зеркальных» нейронах. Много слов, много предположений, достоверных доказательств нет. Думаю, шарлатанство.

– Но я именно так учусь танцу. Я наблюдаю за танцующим человеком и тотчас воспроизвожу – имитирую его движения. Могу подтвердить, такой способ обучения быстрее приводит к результату, чем тот, при котором движение разбивается на части и заучивается пошагово – ножку вправо, и так сотни раз, ножку влево, и опять сотня повторов, не имея цельного образа в голове.

Илья слушал так внимательно, что вздрогнул, когда я засмеялась.

– Знаете, Илья, чтобы овладеть движением, которое наблюдаешь или образ которого держишь в голове, важно осознанное погружение в процесс, иным словом, концентрация – концентрация на наблюдении, концентрация на воспроизведении. Я, чтобы достичь максимальной концентрации, гла-

за закрываю. Стефан терял самообладание, стаскивал меня с Пепла и прекращал занятие.

Стефан воспоминанию ласково усмехнулся. А Илья, конечно же, не понял – посмотрел в недоумении на меня, потом перевёл озадаченный взгляд на Стефана. Я пояснила:

– Стефан учил меня выездке, а Пепел – это конь, на спине которого я танцую.

– Вы ск-к-какали на лошади, з-з-закрывая глаза? – спросил Илья.

– Нет, малыш. Она закрывала глаза, не сидя в седле, а стоя на спине лошади на полном её ходу! – уточнил Стефан.

– Ну не на полном ходу, а на более чем умеренном, – поправила я и вернулась к теме разговора: – Есть три важных правила, без которых не стоит и начинать работу со своим телом. Первое. Важно научиться верить своему телу, просто знать, что оно справится. Знать, что тело ваш друг, и ваша совместная работа приведёт вас к результату. Ещё важнее научиться принимать своё тело, какое бы оно ни было, уважать его и слышать. Оно подскажет, сколько можно и нужно приложить усилий, подскажет в каком направлении двигаться. И это второе правило.

Готовясь сказать самое главное, я сделала паузу и заглянула на самое доньшко глаз мальчика.

– А третье? – поторопил он.

Надеясь быть понятой, я закончила:

– Самое важное дать себе разрешение на изменения. Надо

позволить себе стать другим.

Он понял – резко вдохнул воздух и отшатнулся; несколько долгих секунд молчал, потом расслабился и, опустив глаза, сказал:

– Благодарю, М-м-маленькая. Мне надо всё обдумать.

«Уфф, – я с облегчением выдохнула, – назвал Маленькой, значит, не рассердился». А вы пробовали сказать больному человеку, что это он сам не позволяет себе быть здоровым?

Наступившее молчание прервал Андрэ:

– Кому долить вина?

Я поднялась и, обходя коляску Ильи, только сейчас обнаружила отсутствие Серёжи, осмотрев гостиную и не найдя его, пошла на кухню.

– Маша, когда садиться за стол будем?

Маша осматривала огромный торт, поставленный на сервировочный столик.

– Эка! – с удивлением повернулась она ко мне. – У меня давно всё готово! Сергей Михалыч так распорядился. Уходил, сказал, минут через сорок за стол сядем. – Маша покачала головой – А ты и не знаешь? Тебе-то ничего не сказал?

Я вынужденно рассмеялась.

– Нет, Маша, не сказал! И куда пошёл, не сказал.

– Ну, придёт, спросишь! – и, кивнув на торт, похвалилась: – Твой любимый, с миндалём!

Каждый торт, который печёт Маша, она называет моим любимым.

– Очень красивый торт, Маша! И когда успела? Спать уже сегодня легла...

– Я же говорила, коржи ещё утром испекла, – отмахнулась она и вдруг зашептала: – Маленькая! Не нравятся мне эти новые, чует сердце, не будет от них добра! Ты же знаешь, я незлобивая, и мне девчонку жалко, но мой тебе сказ: пожалеешь, что взяла их!

Я поморщилась.

– Маша, что ты кликушествуешь? Нам помощники нужны. Василичу одному тяжело управляться. Хорошо, когда Стефан помогает, а Стефан уедет, Василич один останется и на конюшне, и на «ферме» своей. Михаил к сельской работе приучен, не будет справляться, тогда и поговорим. Катерину я помощницей к тебе приставляю, приглядишься к ней. Светлану к Эльзе. Каждый к делу, не просто так взяла! Завтра уже станет понятно, ошиблась я или нет.

– Ну смотри, тебе решать, тебе и ответ держать! – Она сердито от меня отвернулась.

– Маша! – ещё из коридора раздался голос мамы. Войдя на кухню, она удивилась: – Лида? Я думала, ты с гостями. Маша, водички налей, таблетки выпью. – В ладошке перед собой она держала две таблетки – одна совсем крохотная, другая побольше.

Я заглянула ей в лицо, и она успокаивающе погладила меня по руке.

– Всё в порядке, Лида. Стефан давление померил, гово-

рит, для меня нормальное. Велел эту дрянь на ночь выпить. Схожу к деткам, поцелую и лягу.

– Мам, сейчас ужинать будем.

Она покачала головой.

– Не буду я. С обеда ещё сыта. Не зови за стол и не жди.

– Анна Петровна, а торт-то! – упрекнула Маша, подавая стакан с водой. – Говорили, попробуете.

– К чаю выйду, попробую. – Мама отправила таблетки в рот и взяла стакан. Отхлебнув воды и закинув голову назад, сглотнула таблетки. – Такую красоту, что ты творишь, и пробовать не надо, одними глазами сыт будешь!

Я обняла её.

– Пойдём провожу тебя.

– Зачем? – Мама отстранилась от меня рукой. – Сама дойду. Что я дорогу не знаю? Тебе вон на стол накрывать надо.

Я проводила её взглядом. Ещё недавно быстрая в движениях, мама стала ходить осторожно и медленно...

– Помоги мне закуску да пироги по тарелкам разложить, – попросила Маша. – Да и чай-то ты будешь заваривать, или мне самой?

– Заварю, Маша, рано ещё чай заваривать, остынет.

Она поставила передо мной тонко и ровно нарезанные ломтики нескольких видов сыра и мяса. И только, я принялась оформлять тарелки; не решившись зайти внутрь, на пороге встала Катерина.

– Добрый вечер.

– Добрый вечер. Проходите, знакомьтесь, – пригласила я.

Катерина шагнула на кухню, глядя не на меня, а на Машу.

Маша встретила гостью без тепла, осмотрела чуть настороженно, но осмотром, видимо, осталась довольна.

– Мария Васильевна, – представила я, – наша королева кухни и, как говорит мой муж, богиня кулинарии. Ваш босс, Катерина, с завтрашнего дня.

Катерина держалась спокойно и с достоинством.

– Маша, принимай помощницу. Это Катерина.

Женщины ещё некоторое время изучали друг друга. Молчание нарушила Маша:

– Марь Васильевной меня называть ни к чему, меня все Машей зовут.

– Катерина, – коротко ответила та, повернулась ко мне и спросила: – Зачем же с завтрашнего дня? Я сейчас пришла помогать. – И вновь повернулась к Маше. – Маша, располагайте мной.

Маша указала глазами на миски с салатами, расставленные на рабочем столе. Катерина уверенно отправилась к мойке, вымыла руки, оглядевшись, взяла полотенце и тщательно вытерла руки. Взяв в одну руку салатник, она вопрошающе уставилась на Машу. Та поняла и кивком головы указала на ящик с кухонными приборами, добавив:

– Верхний.

Катерина выдвинула ящик, достала большую ложку и принялась перекладывать салаты в салатники. Маша наблюдала

за ней с минутку и тоже занялась делом. «А дамы-то нашли общий язык!» – хохотнула я и, подхватив разнос, уставленный тарелками с мясной и сырной нарезкой, вышла из кухни.

За порогом встретил Граф, потянул носом к разносу и отправился вслед за мной.

– Что, мальчик, вкусно пахнет? – спросила я. – Не могу приласкать, потерпи.

В гостиной я увидела Михаила, а вот его жены почему-то не было. «И Серёжи нет», – вдруг соединила я эти два факта. Расставив принесённые тарелки на столе, я присела перед Графом и скормила ему кусочек карбоната, обняла за шею и шёпотом спросила:

– Где твой хозяин, куда ушёл?

Граф коротко взвизгнул и лизнул меня в ухо.

«Ох, тревожно мне, Графушка», – мысленно пожаловалась я. Пёс тихонько заскулил.

Из гостиной на кухню – из кухни к столу, я снова под застрявшую в мозгу речёвку – «Нет Серёжи, нет Светланы. Нет Серёжи, нет Светланы...» Граф сопровождал меня, и так же преданно встречали и провожали меня глаза Его Высочества и Стефана. В очередной раз зайдя на кухню, я поинтересовалась:

– Катерина, я Светланы не вижу. Случилось что?

– Да расклеилась она что-то, – не поднимая глаз от работы, отозвалась та, – сказала спать пораньше ляжет.

– Надо собрать ей ужин, я отправлю кого-нибудь отнести.

– Только если Михаила отправить. Он закрыл квартиру на ключ.

– На ключ? – переспросила я.

Маша даже оторвалась от дела и удивлённо посмотрела на Катерину – в усадьбе никто не запирает дверей, а тут ещё и человека заперли.

– Автоматически, – пояснила Катерина, – вспомнил уже, когда сюда, в дом пришли, а возвращаться не стал. Так что Светлана у нас взаперти.

– Поужинать-то ей всё равно надо, – настаивала я.

– Вы правы, благодарю за заботу. Я соберу что-нибудь и сама отнесу.

– Как вам квартира? Удобно?

– Квартира замечательная, благодарю вас! Я уже и супруга вашего благодарила. До сих пор не верю, кажется, сейчас толкнёт кто, я проснусь, а вокруг стены барачные. Вы насчёт... – начала она новую фразу, но умолкла, прерванная вбежавшей на кухню Дашей:

– Марь Васильевна, Маленькая, чем помочь? Анята не спит, но я её к Стефану на колени пристроила. – Дружелюбно улыбнувшись Катерине, она представилась: – Я Даша.

– Катерина.

– Дашенька, отнеси на стол. – Я сунула ей в руки последний разнос с закусками, теперь это были рулетки из баклажанов и кабачков, фаршированные мясом, а для меня – грибами, политые чесночным соусом и присыпанные пармеза-

НОМ.

– Вы насчёт пристрастия сына к табаку не беспокойтесь, – договорила Катерина, – бросил он. Он у меня всегда слово держит, пообещал, значит, сделает.

– Маша, пока Серёжа не пришёл, я сбегая, взгляну на малышей.

– Беги, Маленькая, спасибо за помощь. Уже управились, осталось только чай заварить.

– Заварю, Маша. Я быстро.

Граф опять увязался за мной, дошёл до кабинета и, взвизгнув, уселся у неплотно закрытой двери. Я вбежала на несколько ступенек лестницы и остановилась, услышав глухо звучащий голос из кабинета. Граф вновь взвизгнул, словно говоря: «Да-да, там он!». Я вернулась и заглянула в кабинет.

Без пиджака, с расстёгнутым воротом сорочки и закатанными до локтя рукавами, Серёжа сидел за рабочим столом и говорил по скайпу. Взглянул на меня и поманил рукой, приглашая войти. Я подошла и помахала рукой бурно жестикулировавшему с экрана Ричарду.

– Good day, Richard!

– Good evening, Lyda! How are you?

– Fine, thank you.

Серёжа поднялся, обнял меня одной рукой, уверенно и веско, будто припечатывая слова, начал говорить, Ричард попытался перебить его, но коротко взмахнув рукой, Серёжа не позволил. Последнюю фразу я поняла и без перевода: «That's

all you understand me? Bye». Он отключил связь и, обняв меня обеими руками, спросил:

– Потеряла меня?

– Угу, – промычала я, замирая. Я наслаждалась покоем, его теплое дыхание разведало прядку волос у уха, так-таки выпавшую из причёски, а стук его сердца, как и всегда, изгонял тревожащую сумятицу мыслей из головы.

– Счастье моё, – прервал он молчание, – одним присутствием возвращаешь в равновесие.

– Ты тоже.

– Беспokoилась? Прости, Маленькая, возникли сложности, нужно было срочно вмешаться. Я не стал прерывать твой разговор с Ильёй.

– Всё в порядке, Серёжа. А что за сложности?

Вновь погрузившись в размышления, он медленно произнёс:

– Ещё не понял, то ли кто тайком сливается из дела, то ли появились желающие поглотить нас. Вероятнее всего и то, и другое. Вот только кто он, этот сливающийся, и с кем он в сговоре?.. Разберёмся, Маленькая! Главное сделано – защитные механизмы включены, адвокаты взялись за дело, «ищейки» пущены по следу, остальное додумаю. Потерь не избежать, но они будут небольшими, за полгода вернём. Пойдём ужинать, нас уже заждались. – Сергей взглянул на часы. – Я отложил ужин на сорок минут, а прошло уже пятьдесят. – Разомкнув объятия, он занялся рукавами сорочки, возвра-

щая их в исходное состояние.

– Я схожу к малышам, шла в детскую и не дошла, тебя слышала.

Я уже открыла дверь наружу, когда он произнёс:

– Скажи деткам, что папа соскучился.

Не оборачиваясь, я хохотнула, а закрыв дверь, потрепала Графа за ухо, пёс хитро ослабился.

– Смеёшься надо мной? А ещё говорят, что животные не умеют смеяться! Знал, где хозяин, а не отвёл!

«А я-то хороша! Потеряла мужа из виду и чего только не напридумывала. Даа... плохо дело, сударыня, появилась на горизонте соблазнительная женщина, ты и кинулась вразупуски со своими страхами. А ещё Богиня! ... Или не напридумывала?.. – Я потрясла головой и, вспомнив тепло глаз Серёжи, улыбнулась и ответила самой себе: – Напридумывала!»

Настя не спала, лежала на кровати навзничь, уставившись в потолок. Я прошла к самым кроваткам детей, прежде чем она заметила меня и вскрикнула:

– Лидия Ивановна!

– Тише, Настя! Напугала тебя? О чём задумалась так глубоко?

Детки спали. «Славные мои! Родненькие! Папа просил передать, что он соскучился».

– Настя, малыши проспят часов до девяти. Пойдём ужинать.

– Не хочу, Лидия Ивановна, – сдавленно произнесла Настя и закрыла лицо руками.

– Зря я с тобой поговорила, – вздохнула я, – или как-то не так поговорила.

– Не зря! – Настя рывком села на кровати и заплакала так горько и безутешно, словно только что потеряла что-то важное для себя. – Мама... мама любит меня... всё... для меня... съездить куда... всё бросала... подарки... платьев... у меня... все... и не помнила. Бабушка... её ругала, что... что разбалует меня. А она... смеялась... «Любви много не... не бывает», говор... рила...

Я обняла её, вздрагивающую от рыданий, и потянула за собой.

– Пойдём... пойдём к нам в спальню. Сейчас вот только Серёжу предупрежу.

Пока дошли до диванчика в спальне, я отправила сообщение Сергею.

– Я сколько... себя помню, вечно недовольна... была, по-настоящему ни разу маме... спасибо не сказала. Ребята на восьмое марта рисунки... подписывали: «Любимой мамочке», «Я люблю... тебя, мамочка». А я... «Маме в день восьмого... марта». Не помню... говорила ей когда... люблю... или... ни разу не сказала...

Настя долго ещё каялась, выговаривая своё горе. Я гладила её по голове, чуть покачивая в руках. Выплакав все слёзы, она подняла голову и спросила:

– Я неблаго...дарная, Лидия Ивановна? Высокомерная. Будто я... лучше всех знаю, как правильно жить.

– Ну что ты, девочка. И совсем ты не высокомерная, и с чувством благодарности у тебя всё в порядке. В своих отношениях с мамой ты ещё утром была подростком, не самым строптивым, но и не самым покладистым. А сейчас ты взрослой стала и, как взрослая, осознала свою ответственность за отношения с мамой. Теперь, девочка, ты готова к отношениям на равных. Послушай меня. Сегодня ты рассмотрела себя и сама себе не понравилась, сама себя осудила, нашла свою вину и начала каяться. Раньше ты осуждала маму, теперь себя. – Я покачала головой. – Нехорошо так. Не трать драгоценную энергию на суд и покаяние, это пустое. Лучше подари эту энергию в форме заботы о маме, в форме тех самых главных слов «Я люблю тебя!». Учись терпению. Учись принимать поступки другого человека без осуждения. Старайся соучаствовать в жизненном пути своей мамы. Дай ей знать, что ты всегда на её стороне, даже тогда, когда не согласна с её выбором.

Запомни, Настя, человек всегда больше, чем его поступок, больше, чем возникающие в жизни ситуации. К сожалению, мы забываем об этом, боремся за «правильный» выбор, за «лучшую» жизнь и легко наносим душевные увечья близким. Да и самим себе попутно.

Горькие Настины слезы высохли, и только припухшие веки, да такой же слегка покрасневший и припухший нос на-

поминали о переломном моменте в её отношении к матери.

– Пойдём? – спросила я.

Она кивнула и встала с диванчика.

– Спасибо, Лидия Ивановна. Только на ужин я не пойду.

Зачем всем показывать, что я плакала?

– Пойдём, девочка! Они и без показа знают о твоих слезах.

Я заглянула в гардеробную и посмотрела на себя в зеркало. Туалет был в порядке, ткань впитала Настины слёзы без разводов.

– Лидия Ивановна, а вы о маме кому-нибудь рассказывали?

– Нет, Настя. Зачем?

– Мария Васильевна обязательно спросит, почему я плакала.

– Маша не спросит. Она уже знает, что ты плачешь, потому что очень соскучилась по маме.

Настя вздохнула и вслед за мной прибавила шаг.

Мы не успели сбежать к подножию лестницы, как в гостиной раздались звуки «Кумпарситы». Серёжа вышел из-за колонны и церемонно, с поклоном протянул мне руку. Сбежав по оставшимся ступенькам, я попала в его объятия и, увлекаемая в медленное, с растянутыми движениями танго, прошептала:

– Люблю тебя! Ты знаешь? Знаешь, что я люблю тебя?

Сергей молчал и улыбался.

– А как я тебя люблю, знаешь?

Так славно улыбался...

Прежде чем сесть за стол, я решила заварить чай и отправилась на кухню. Вытянувшись на носочках к высокой полке, я доставала заварочные чайники и чуть не уронила один, услышав одновременные реплики Павла и Маши:

– Маленькая, помогу!

– Маленькая, ужинай... – Маша тотчас набросилась на Павла: – Чего ты орёшь, как в казарме?

Но Паша уже доставал заварники и выставлял их на столе.

– Маленькая...

– Маленькая...

Начали они вновь хором, переглянулись, и Маша вскипела:

– Так и будешь... мешать мне? – Выдержав устрашающую паузу, Маша заявила: – Вначале скажу я! Ты потом будешь говорить.

Паша в дурашливом поклоне предложил ей говорить. Она смерила его уничижительным взглядом и начала:

– Так я это, Маленькая... – и замолчала, нахмутив лоб. – Забыла, что и сказать-то хотела... ты бы поужинала вначале... ааа, вспомнила! Говорю, может, чай и заваривать не надо, все вино пьют. Сергей Михалыч в третий раз в погребок свой побежал... зря я и торт твой любимый пекла, угодить хотела.

– Вот всегда ты, Марь Васильевна, с проблемами, – ух-

мыльнувшись, забубнил Павел, не глядя на неё и выставляя чайники в раковину, – всегда ты Маленькую пустяками беспокоишь. Не получился торт, так честно и скажи! – Пригнувшись к столу, Паша увернулся от Машиного кулака, но не умолк: – А то, придумала, вино, вишь, все пьют. Спросила бы у меня, я бы тебе сказал – я буду торт твой есть...

– Маша, вечер длинным обещает быть, – вмешалась я. – Даже Николай, я видела, вернулся. Или он и не уезжал? – Я всыпала заварку в последний чайник и взглянула на Машу.

– Не уезжал, – ответила она, – вначале графа Андрэ всё о чём-то пытал; за ужином к Сергей Михалычу подсел, твоё место занял. Нужда, видать, большая, раз с самого обеда у нас толчётся.

– Ну вот видишь, напрасно переживаешь, к ночи и до торта дело дойдёт.

Паша взял в руку булькающий электрочайник и стал поливать кипятком заварники. Тончайшего фарфора чайники были трёх расцветок – для чёрного чая, для зелёного чая и для травяного.

– Ты это, Маленькая, позвонила бы матери Насти. Что ж девочка так убивается? От мокроты распухла вся. Что она с дочерью встретиться не может? – Маша осуждающе покачала головой. – Никогда не видела, чтобы взрослая девка так по матери скучала. Или там не в этом дело? – блеснула она любопытным глазом.

– На днях мама Насти приедет.

– Ааа... – Маша стояла, выжидая, не скажу ли я ещё чего-нибудь.

Вооружившись прихваткой, Паша вынимал чайники из раковины и ставил на деревянную доску. Я снимала и закрывала крышки, а он наливал в чайники кипяток из закипевшего к этому времени на газовой плите обычного, большого и пузатого чайника. Наполнил все, и я накрыла чайники фланелевой салфеткой.

– Вот так. Спасибо, Паша. – Я повернулась к Маше и обняла её. – Пойдём, Машенька, кормить меня пора.

– А и то! – сразу засуетилась она. – Голодная же ты у нас. Пойдём, я тебе рыбки положу. Принцу-то твои рулеты понравились, грибные!

В гостиной стоял гул от голосов. Семья разбилась на пары или тройки по интересам. Мой взгляд задержался на самой удалённой тройке, расположившейся в диванной зоне – юный финансовый гений Илья что-то рассказывал, а граф и Николай внимательно его слушали – Андрэ, покойно откинувшись на спинку кресла и соединив кончики пальцев рук перед собой, а Николай, приподняв плечи и подавшись всем корпусом к Илье.

Серёжа опять исчез, и пока я оглядывалась по сторонам в его поисках, Маша навалила в мою тарелку рыбы и баклажанов.

– Маша! – опешила я. – Куда столько?

– Ешь! – прикрикнула она. – Отощала вся! – И сунув мне

тарелку, прибавила: – Детей кормишь!

Я покорно приняла тарелку.

Ближе всех ко мне сидели Василич, Михаил и Катерина. Я решила, что тёплый и доброжелательный Василич взялновичков под своё крыло и посвящает в тонкости проживания в семье. Оказалось, нет. Говорила Катерина, и говорила она о технологии изготовления сыра. Я хохотнула: «Да, Серёжа, боюсь, милый, Василич уже не об одной корове мечтает, но мечтает он о маленьком стаде!»

За спинами бабушки и отца Марфа продолжала знакомиться с Лордом. Поджав под себя ноги, она сидела на полу и гладила пса по голове. Разомлевший пёс лежал неподвижно, возложив лапу девочке на колени. «Марфа сказала, что любит рисовать. Надо показать её работы преподавателю. А есть ли они, её работы? Что же я не спросила? – Что-то бормоча, Марфа грудью легла на пса и обняла его голову руками, пёс, отвечая на ласку, успел лизнуть её несколько раз. – Завтра с Пашей начнём искать школу. И одеть девочку надо. Видно, одевали в отделах для взрослых тёток».

Мелким, журчавым смехом захохотала Маша, и я покосилась в её сторону – Его Высочество сидел на месте Василича и склонился к уху Маши так, что едва не касался губами. Слушая его, Маша опустила глаза, покраснела, потом вдруг зыркнула на принца из-под ресниц и затихла, всё больше наливаясь жарким румянцем.

– Маленькая, скучаешь? – отвлёк меня Паша.

– Нет, Пашенька, наслаждаюсь покоем и ем.

– Я посижу рядом? Я не буду досаждать. – Павел сел на стул Серёжи.

– Посиди. Только с условием, ты тоже ешь.

– Поесть? – Павел пробежал взглядом по столу и согласился: – Давай. – Он привстал, дотянулся до своей тарелки, положил на неё два рулетика из кабачков и, сдвинув тарелку Серёжи в сторону, поставил на её место свою. – Составлю тебе компанию. Представляю, что ужинаем вдвоём, как раньше в Алма-Ате.

– Часто вспоминаешь?

– Всегда помню. – Он прямо пальцами взял один рулетик и целиком сунул себе в рот. Лицо его не улыбалось, голубые глаза смотрели открыто, и было в них что-то... сочувствие? Сожаления?

– Что ты хочешь сказать, Паша? Говори. Я ещё на кухне поняла, что ты пришёл поговорить.

– Хочу напомнить – я рядом.

Я перестала жевать.

– Случилось нечто, о чём я не знаю? – спросила я.

Павел глаз не отвёл, но и отвечать не стал. «Так! – ответила я себе. – Случилось. И то, что случилось, случилось сегодня». Отодвинув от себя тарелку, я буркнула:

– Если не готов говорить, зачем начал? – встала и пошла на кухню налить себе чаю.

А там, у самых дверей столкнулась с Серёжей.

– Маленькая. – Лукаво улыбаясь, он захватил меня в кольцо рук.

– От тебя конюшной пахнет. Ты ходил Грому спокойной ночи пожелать?

Вместо ответа он прижал меня к себе, и что-то твёрдое и острое упёрлось мне в тазовую кость. Я вскрикнула:

– Ай! Серёжа, больно!

Сергей отпрянул и вытащил из кармана связку ключей. На большом кольце висели ключи от всех замков в усадьбе. «Светлана у нас взаперти», – всплыли в моей голове слова Катерины.

– Прости, Малышка. Больно? – он погладил рукой по повреждённому месту. – Новеньких встречал, забыл ключи вытащить.

– Новеньких? Одних новеньких мы уже сегодня встретили. Надеюсь, разговор не о них?

Он отрицательно помотал головой, продолжая хитро улыбаться – наслаждался создавшейся интригой.

– Ты приготовил сюрприз? – нерешительно спросила я.

Сергей кивнул.

– И сюрприз связан с конюшной? Серёжка, ты новую лошадь купил?

Сергей приподнял брови, закатил глаза кверху и качнул головой вправо, влево.

– Не поняла. Конюшня – это ложное направление?

В ответ та же неопределённая мимика. Я усмехнулась и

кивнула:

– Ладушки. Подойдём к вопросу по-деловому. Что ты хочешь за свой «товар»?

У Серёжи прорезался голос, и он вкрадчиво предупредил:

– Я попрошу дорого, Маленькая.

Я сузила глаза и высокомерно заявила:

– Я дам тебе твою цену, милый.

Сергей растопырил ладонь и приготовился загибать пальцы.

– Во-первых, ты меня сейчас поцелуешь. – Он уточнил: – Маленькая, ты меня поцелуешь... не я тебя, а ты мне ответишь. Ты поцелуешь меня так, будто это главный поцелуй в твоей жизни.

Я кивнула, и он загнул большой палец.

– Ты сегодня спросила, знаю ли я, как ты меня любишь? Так вот, ты расскажешь мне о своей любви.

Я опять кивнула, соглашаясь, и он загнул указательный палец.

– Ещё ты расскажешь, какой замечательный у тебя муж.

Я вздохнула и пожала плечом.

– Хорошо. Согласна и на это.

– Лидка, я тебя сейчас покусаю! – пригрозил Серёжа.

Я невинно поинтересовалась:

– Это тоже входит в оплату?

– Нет, Малышка, это в оплату не входит. Дальше. Ты сегодня будешь танцевать для меня.

Я схватила его руку с загнутыми пальцами, прижала к груди и воскликнула:

– Благодарю, господин! Своим требованием, ты исполняешь моё желание. Что господин желает? Арабский танец, танец девадаси или одинокую современную импровизацию? В костюме или без оного?

Серёжа прищурился.

– Господин желает танец девадаси. Отпусти мою руку, Девочка. Я чувствую твои грудки, ещё немного и мы прекратим торг, потому как побежим в спальню танцевать без костюмов.

– Серёжа, к танцу девадаси надо переодеваться и причёску менять, – сделала я попытку изменить его выбор.

– Маленькая, я предупреждал, что цена будет высокая.

Я покорно склонила голову.

– Хорошо. Девадаси, так девадаси.

Он удовлетворённо кивнул.

– Ну и последнее. Напой меня чаем, я высох совсем.

– Очерёдность предоставления расчёта необходимо сохранить?

– Что? Нет. Очерёдность расчёта на твоё усмотрение.

Я обошла его, направляясь к столу с чайниками. Он вслед за мной повернулся вокруг своей оси, помолчал, наблюдая, как я наливаю чай в чашки, и укоризненно произнёс:

– Я надеялся, ты сразу начнёшь расчёт.

– Я и начала, Серёжа, – улыбаясь, я подала ему чашку с

чаем, прошла мимо и вышла их кухни.

Первое, что я увидела в гостиной – это восстановление порядка – за столом рядом с Машей сидел Василич. «Уфф! Василич вернул нашу королеву под свою длань, а милый принц остался...», – я не успела додумать, Его Высочество неожиданно возник из-за колонны и воскликнул:

– Графиня, вы обещали мне танец! – И он помахал пультом управления, который держал в руке. – Музыку я выбрал.

Я всё время упоминаю эту колонну. Дело в том, что именно за этой колонной Серёжа спрятал стеллажи с музыкальной техникой – укрыл от глаз, установив их между колонной, дополнительно поддерживающей перекрытие большого пространства гостиной, и стеной кабинета. Из этого-то пространства и появился принц.

– Вы приглашаете меня прямо сейчас, Ваше Высочество?

– Да, если вы согласны.

– Конечно, мой принц, – и я поставила чашку с чаем на комод.

– Одну минуту. – Развернувшись вполоборота, он нажал на кнопку пульта, положил пульт рядом с моей чашкой и подал мне руку.

Его Высочество танцевал и вдохновенно, и технично. Он пребывал в блестящей физической форме и легко исполнял трюки – поднимал, крутил меня, и на вытянутых руках в том числе – лучший наш элемент, это когда я, мелко шагая по полу, прошагала теми же шагами по воздуху, словно стрел-

ки часов, прошла всю окружность и со следующим шагом вновь ступила на пол. Мы изображали бег времени и вечность бытия. Я увлеклась, подчиняясь вдохновению принца и его умелому ведению. В финале принц галантно преклонил предо мной колено.

– Лидия, вы удивительная! Благодарю вас! Мы сплясали? – он расхохотался и прижался губами к моей руке. – Вы доставили мне неслыханное удовольствие!

– Благодарю, Ваше Высочество! Позвольте и мне выразить восхищение – вы великолепный танцор!

Я погладила его по щеке, а он, перехватив мою руку, прижал и эту руку к губам. Глядя, как он попеременно целует то одну, то другую мои руки, я вдруг поняла, что в гостиной стоит необычная тишина, и подняла глаза. Домочадцы и гости взирали на нас с разным по эмоциональной окраске любопытством – от осуждения до лукавства. Серёжа стоял особняком у комода, сузив глаза и засунув кулаки в карманы брюк. И даже Граф, прижавшийся к его бедру, смотрел на нас укоризненно. «Опять я как-то не так потанцевала!» – мелькнула у меня мысль, и я нервно хихикнула. Его Высочество тоже почувствовал неладное, оглянулся, выпустив мои руки, вскочил на ноги и затем взглянул на меня в замешательстве.

– Ваше Высочество, – громко обратилась я к нему, – дайте обещание, что время от времени вы будете приглашать меня на столь же увлекательный танец!

Принц так же излишне громко ответил:

– Почту за честь, графиня! – Он поклонился. К нему вновь вернулась аристократическая учтивость. – Я счастлив, дать обещание! – Препроводив к Сергею, он ещё раз склонился к моей руке. – Графиня, благодарю за оказанную честь и доставленное удовольствие. – Коротко кивнув другу, он отправился на своё место за столом.

Серёжа не шелохнулся, и тогда я тоже направилась к столу и, вторично разрушая тишину повышенной громкостью слов, посетовала:

– Я надеялась, что танец понравится.

– М-м-маленькая, танец восхитительный! – тотчас откликнулся Илья. – Красивый и с-с-смелый. Это лучший т-т-танец, который я в-в-видел. Bravo, графиня! Bravo, Ваше Высочество!

И я, и принц склонили головы в знак благодарности, а мальчик, наклонившись вперёд, стал бить ладошкой по коленке, что, вполне очевидно, являлось аплодисментом. За его спиной с наглой усмешкой на красных, подвижных, как черви, губах стоял Родион. «А ведь его долго не было в гостиной», – подумала я и тотчас о нём забыла. Андрэ, расставшийся, наконец, с Николаем, встретил меня улыбкой.

– Детка, ты восхитительна! – сказал он, глядя сверху мудрыми и добрыми глазами, и добавил: – Я с тобой, и я люблю тебя!

– Благодарю, Андрей. Я тоже тебя люблю!

«И ты не первый, кто сегодня напомнил мне, что я не одна, но меня это не радует, а очень-очень беспокоит!», – подумала я и объявила излишне бодро:

– Сейчас будем пить чай и есть Машин торт! – Я пошла на кухню и вновь прошла мимо Серёжи.

– Я помогу. – Поднялся Паша, а за ним и Эльза.

Паша катил сервировочный столик, мы с Эльзой расставляли на столе вазы со сладостями и чайники с чаем. Домочадцы двигали стульями, возвращаясь за стол.

– Паша, с тортом обожди, пожалуйста, – попросила я, когда мы вернулись на кухню. – Пойду, маму позову.

Тихонько стукнув в дверь маминей спальни, я приоткрыла её и шёпотом позвала:

– Мам!

Мама спала на диване, поджав к груди коленки и положив ладошки под щеку. Я зашла, накрыла её пуховой шалью и так же тихонько вышла.

– Спит, – ответила я на немой вопрос Паши. – Вези торт.

Как всегда торт вызвал оживление, раздались аплодисменты и возгласы одобрения. Маша наслаждалась вниманием и отвечала: «Кушайте! ... На здоровье! ... Я старалась!».

Серёжа уже сидел на своём месте, подавая ему нож, я попросила:

– Серёжа, разрежь, пожалуйста.

Торты в семье всегда разрезает Серёжа. Когда он уезжает

из дома, Маша и торты не печёт, а печёт пироги, а их она разрезает сама. Мне нравится, что всего лишь за четыре года существования семьи, у нас появились традиции. Это хорошо, потому что традиции – это скрепа семьи и её лицо.

Сергей резал торт на порционные куски, я клала кусок на тарелку и в той же последовательности, что и за обедом, подавала тарелку каждому, по возможности, в руки.

– Маленькая, ты придёшь в Кресло Правды? – спросил Серёжа, как только мы сели за стол.

– Конечно, Серёжа. Почему ты спрашиваешь?

Он не ответил и отодвинул от себя тарелку. Я перехватила его руку обеими руками, поднесла к губам и поцеловала.

– Развернись ко мне, – попросила я.

Он чуть развернул свой стул, я потянулась к его уху и зашептала:

– Серёжка, я люблю тебя! Ты хочешь, чтобы я рассказала о своей любви, а мне слов не хватает. Все слова, которые я использую, не отражают и сотой доли того, что я чувствую.

Я люблю в тебе всё! Я люблю, как ты смотришь, я люблю тем, как ты двигаешься, как ты говоришь, как ты хмуришься и как смеёшься. Я люблю, как ты стонешь и рычишь во время секса, люблю твои поцелуи, руки, дыхание, запах. Биение твоего сердца или возбуждает меня, и я забываю, кто я и где я, или успокаивает, прогоняя дурные мысли.

Люблю, когда волосы падают тебе на лоб. Люблю поправлять их, люблю, когда они щекочут, ласкают мою кожу. Я

люблю тебя без одежды, люблю в джинсах, люблю в деловом костюме.

Люблю наблюдать за тобой, когда ты работаешь, восхищаюсь, как уверенно ты ведёшь дела. Люблю, что ты всегда готов делиться, люблю, что не страдаешь сожалениями.

Люблю говорить с тобой, молчать с тобой, люблю, когда ты уходишь в свои мысли и покусываешь мои пальцы.

Люблю танцевать для тебя, когда ты смотришь на меня жадным взглядом. Люблю танцевать с тобой.

Люблю, когда ты даришь мне подарки, люблю за то, что ты получаешь удовольствие от дарения.

Я переполняюсь счастьем, наблюдая, как ты общаешься с нашими детьми. Ты замечательный отец, Серёжа! Дети любят тебя. И животные тебя любят. Это не удивительно, потому что и те, и другие безошибочно, с первого взгляда распознают в тебе Силу и Добро Человека.

Серёжа, если бы я составляла портрет идеального мужчины, не зная тебя, я бы многих характеристик не указала, потому что не ведала о них. С тобой я узнаю, какой он, мужчина моей мечты. Спроси меня, что я не люблю в тебе, и мне нечего будет ответить! Я люблю твои слабости равно, как и твою силу.

Моя любовь – это не только чувство, в моей любви участвует и разум. Мой разум пребывает в восхищении тобой, а сердце я отдала тебе ещё в самолёте по дороге в Стамбул.

Родной мой, я люблю, благодаря тебе! Без тебя я бы не

узнала любви. Я безмерно благодарна тебе, что ты принимаешь мою любовь и позволяешь любить себя.

Я люблю тебя, мой навсегда Единственный Мужчина!
Мой Бог.

Серёжа слушал, наклонив ко мне голову и стиснув в руке мою ладошку.

Я перевела дух и чмокнула его в щёку.

– Ешь тортик, милый. Маша уверяет, это мой любимый торт! А я побежала купать деток. Вернусь уже в костюме девадаси.

Он проводил меня до лестницы, прижимаясь губами к моему виску, хрипло шептал:

– Сокровище моё... моё счастье...

В детской было шумно. Максим выводил руладу; раздевая его, Настя давилась от смеха, а Катя в одной рубашонке, тут же на столике, дрыгала голыми ножками и самозабвенно сосала кончик большого пальчика, выглядывающий из кукиша.

– Ой, Лидия Ивановна, не могу, гляньте на Катенькин кулачок.

– Да не кулачок это у нас, а самый настоящий кукиш! Да, Катюша? Маминой груди рядом нет, так скажи, и кукиш сойдёт на время!

Увидев меня, Катя радостно улыбнулась, взмахнула ручками, пальчики разжались и расплелись.

– Пойдём, маленькая, купаться. Скорее искупаемся, скорее кушать начнём. – Я сбросила с себя «комбинезон» и взяла малышку на руки.

Мои детки любят купаться, вначале лупят ручками по воде, громкими звуками выражая удовольствие, через время расслабляются, водят глазками по сторонам, улыбаются, пока мягкая губка растирает их нежную кожу.

Я облила Катеньку чистой водой из кувшина, наскоро промокнула полотенцем и завернула в махровую простынку. Настя управлялась с Максимом. Положив деток на пеленальный столик в детской, мы тщательно высушили все складочки на тельце малышей, одели их.

– Ну вот, маленькие, теперь пару минуток погуляйте. Мама душ примет, и будем кормиться.

Захватив свой наряд, я выглянула в коридор. Пусто. Бегом пересекла пространство, разделяющее детскую и спальню, и нырнула в дверь спальни. Грудь струилась молоком, и после душа я обмоталась грубым полотном, накинула на себя халат и тем же аллюром вернулась в детскую.

«Детки мои любимые, богоданные, благословенные, – стала творить я молитву, приложив малышей к груди. – Отец ваш, Мужчина-Бог, зачал вас в моём теле, уже потерявшем способность к материнству. Вы – наше чудо, в любви и любовью сотворённое. Чудо, сделавшее наш союз совершенным. Мы не чаяли, только сокровенно желали с обеих сторон, он – чтобы я вновь стала матерью, я – чтобы он познал отцовство.

Вы откликнулись и пришли, и освятили нашу любовь!

Благодарю, тебя сыночек!

Благодарю, тебя моя доченька-красавица!

Благодарю отца вашего, мужа моего!

Благодарю Бога-Творца, сотворившего Жизнь».

Только я кончила, дверь тихонько приоткрылась.

– Не уснули ещё? – спросил Серёжа и занял место подле нас на полу.

Он наклонился и поцеловал моё колено, а, увидев мой взгляд, улыбнулся и, вновь устремляя взор на деток, прошептал:

– До сих пор не могу поверить... ты со мной... детки у нас.

Что такого я сделал в жизни, что жизнь подарила мне тебя?

– Жизнь подарила нам друг друга, Серёжа.

«И встреча наша не случайна. Мы родили деток. Для их рождения нужны были ты и я, только так. Ты, тот единственный, с кем стало возможным их зачатие».

Я вспомнила его лицо с восторженными глазами и глуповато-блаженной улыбкой на губах. Ещё не веря, он шёпотом воскликнул:

– Лидка, ты беременна?!!

Его ладонь лежала на моём животе выше лобка. Я тотчас прижала ладошки к его руке, силясь понять, как он определил то, о чём говорит. Мысли мои путано вертелись в поисках доказательств. «Губы! – неожиданно вспомнила я, – Господи, у меня стали сохнуть губы!» Наконец, я сообразила и

погрузилась в себя внутренним взором...

– Двое! Серёжка, двое! Ооо! Мальчик и девочка. Господи, какие красивые! Как звёздочки светятся. Я заволновалась, в сутолоке мыслей уловила одну, самую важную – деток надо приветствовать, надо сказать им о нашем счастье, и зашептала:

– Спасибо. Благодарю, что пришли, благодарю, что откликнулись на наш зов. – Задохнулась всхлипом, наконец-то, осознанного счастья, и рванулась к ним в желании обнять, поддержать, оберечь. – Люблю, маленькие, люблю вас! Растите, славные мои, буду ждать. – И успокоилась. «Всё хорошо. И мальчик. И девочка. Сразу двое. – Вновь засмеялась, – светятся, маленькие! Я приветствую вас на Земле. Отец ваш рядом. Уже сейчас он оберегает вас своей рукой».

Я погладила руку Серёжи, и только сейчас почувствовала его поцелуи на своём лице, погладила его по голове.

– Благодарю, Серёжа, благодарю за чудо! Ты смог, ты сделал меня матерью!

– Маленькая... Лида... счастье моё... родная. – Он целовал меня, обхватив руками моё лицо. – Тебя, зорюшка, благодарю! – и засмеялся, – Лидка, не могу поверить, я – отец!

А потом долго не мог понять, как смог рукой почувствовать деток...

– Светишься вся, – сказал Серёжа, лаская меня взглядом.

– Вспомнила нас, когда мы узнали о детках.

Его лицо тоже осветилось воспоминанием.

Макс насытился, повёл глазками вокруг и, встретившись взглядом с отцом, широко улыбнулся беззубым ротиком.

– Сына мой! – растрогался Серёжа. Взял мальчика и поднялся. – Управился, мужичок, наелся? – И принялся ворковать с ним, вышагивая по детской.

Уснули малыши одновременно, Макс на руках отца, а веки Кати смежились у груди, отпустив сосок, она ещё раз дрогнула веками в попытке открыть глазки и не смогла.

– Спи, моя девочка, – прошептала я, целуя малышку, – завтра будет новый день. Сладких снов, Катюша.

Серёжа забрал у меня Катю, я поцеловала на ночь сына и повернулась к Насте.

– Настя, пойдём пить чай. Торт у Маши сегодня – пальчики оближешь!

– Нет, Лидия Ивановна, спать лягу. День у меня сегодня какой-то... эмоциональный. Устала.

Я подошла, погладила её по голове и поцеловала в макушку.

– Ложись, девочка. Спокойной ночи.

Настя отзывчиво потянулась ко мне руками, обняла, прижалась щекой к груди и шепнула:

– Спасибо, Лидия Ивановна, вы, как мама.

«Ох! – задохнулась я. – Прости меня, девочка, прости, что раньше не догадалась приласкать тебя». Я наклонилась и ещё раз поцеловала её.

Наряд девадаси я разложила на кровати. Рядом разложила ножные и наручные браслеты.

Сама воевала с волосами, распутывая пряди, намертво сколотые Дашей в причёску. Вытащив все заколки, расчесала волосы на прямой пробор и собрала их на затылке в узел.

Я решила языком танца воспеть благодарность мужу и любимому.

«Одним танцем я оплачу сразу два пункта из нашего торга, – тихонько посмеиваясь, предвкушала я. – Думаю, и это Серёже понравится!»

Позвякивая браслетами, я подошла к туалетному столику добавить к образу последний штрих – нанести точку-тилаку между бровей. Подмигнула своему отражению, сцепив пальцы рук, размяла кисти; набрала в смартфоне текст: «Я иду», и отправила сообщение Серёже. Выходя из спальни, я услышала индийскую мелодию, доносившуюся из гостиной, и вновь рассмеялась.

Танцевать я начала сразу у подножия лестницы. «Зрители» выстроились в идеальную подкову, в центре которой в своей коляске сидел Илья и, округлившимися детским восторгом глазами, рассматривал мой экзотический вид.

Серёжа стоял с краю подковы, опираясь плечом на колонну. Обратившись к нему, я перестала видеть лица других «зрителей».

Мой любимый, до встречи с тобой я не хотела жить.

*Ночью я орошала подушку слезами, мой день был похож
на ночь.*

Я не слышала пения птиц, и цветы не радовали мой взор,

Я не видела света Солнца, я блуждала в потёмках горя,

Я не была любимой, и я не умела любить.

Как Солнце освещает Землю, даря ей свои лучи,

*Так и ты, любимый, лучами своего сердца осветил мою
жизнь.*

*Ты подарил мне свою любовь, и я наполнилась силой жизни,
ни,*

Ты построил нам дом, и я посадила вокруг цветы,

Ты подарил мне наряды, и я стала красивой,

Ты любишь меня мною, и мир узнал мой счастливый смех,

Ты влил в меня семя, и я не осталась бесплодной.

Как Солнце освещает Землю, даря ей свои лучи,

*Так и ты, любимый, лучами своего сердца осветил мою
жизнь.*

Со мною, любимый, ты обрёл смысл жизни,

С тобою, любимый, я обрела саму жизнь.

Кончив, я низко склонилась к ногам Серёжи. Он хотел

подхватить меня, но я выскользнула и побежала вверх по лестнице.

Он встретил меня там же, когда я, освежившись и переодевшись, вернулась, – у подножия лестницы.

– Не торопись, – шепнул, заключая в объятия, – надышусь тобой.

Его задумка не удалась – домочадцы захлопали, требуя предъявить исполнителя. Рассмеявшись, Серёжа повернулся, открывая меня взглядам. Семья находилась в той стадии опьянения, когда в поведении появляется некоторая развязность.

Паша засвистел, и тотчас получил тычок в плечо от Маши.

– В доме не свисти, свистун!

– Маленькая, а мы поспорили, пятно, что ты рисуешь... ну, на лбу у себя... зачем это...

– Маленькая, взываю к справедливости! – перебил Василича Паша. – Маша руки распускает!

Маша опять замахнулась на него, но он увернулся и пристыдил:

– Э-эх, испортилась ты, Маша, я твои пироги стараюсь ем, а ты тумаками меня награждаешь! Не ценишь ты, Маша, верного фаната.

– А ты, Павел, накажи её и откажись от пирогов! – подначил принц.

– Маленькая, так пятно-то... третий глаз, что ли? – не

унимался Василич.

– Не могу, Ваше Высочество, люблю! – признался Паша. – А сердцу, сами знаете, не прикажешь.

– Пойдём смотреть сюрприз, – шепнул Сергей, – нашего отсутствия никто не заметит.

Я осмотрела гостиную. Стефан в сторонке вёл беседу с Ильёй. Даши не было видно, наверное, ушла укладывать Анюту. Николай, вновь завладев графом, вновь уволок его в диванную зону. Андрэ молчал, опустив глаза на сомкнутые пальцы рук, а Николай, наоборот, клонился к нему через стол, заглядывая в лицо и то и дело взмахивая маленькими ручками. Остальные сгрудились за столом вокруг Его Высочества, пили вино и зубоскалили. Даже Эльза, всегда одинокая в большой семье, смеялась, крутя головой из стороны в сторону.

– Сердцем, что ли, пироги-то любишь, Паша? – забыв про третий глаз, спросил Василич.

– А как же! Трепещу весь, когда Машин пирог вижу...

Я поклонилась Его Высочеству в знак благодарности, он чуть прикрыл веки, принимая благодарность. И мы улизнули.

Сюрприз, конечно же, был связан с конюшней. Пока Серёжа открывал створку ворот, нетерпеливая Красавица, почуяв меня, призывно заржала.

Серёжа за руку завёл меня внутрь, сказал:

– Смотри! – и включил свет.

Я ахнула.

– Пони! – Подбежала к маленьким лошадам, они не испугались, а доверчиво потянулись губами к моим ладошкам. – Серёжка, прелесть какая! О, что же ты не сказал? Я бы угощение захватила. – Крутятся между лошадок, я обеими руками оглаживала их спинки, бока, милые мордашки. – Славные какие! А маленькие!

– Нравятся? Имена надо придумать. Детки ещё сами не могут.

– Ты сумасшедший, Серёжка! Когда ещё детки сядут на них? Тише, девочка, не хулигань, – повернулась я к Красавице, ударившей копытом в ясли. – Серёжа, выпускай её, не успокоится.

И чтобы не возбуждать ревность кобылы, может и покусать малышей, я отошла от них. Выпущенная на волю, она, как и пони, первым делом уткнулась мягкими губами в мои ладошки и, не обнаружив угощения, затихла рядом. Я оперлась на неё плечом, разглядывая новеньких.

– Ну этот – Мустанг. – Я указала пальцем на самого крупного из пони, почти красной масти жеребца, с чёрной длинной гривой и таким же чёрным хвостом, достигающим бабок. – Я когда-то фильм про мустангов видела, там головной жеребец табуна был точно такой масти. – Я перевела взгляд на другую лошадку. – А этот вороной...

– Это девочка.

Лошадка вдруг подскочила, передними копытами удари-

ла в пол, подбросив в воздух зад; потом стукнула об пол задними копытами и успокоилась.

Мы рассмеялись.

– Чечётку бьёт, – сказал Серёжа.

– Бьёт, – задумчиво согласилась я. – Надо ей красную упряжь изготовить. Давай её Кармен назовём. Чернявая. Не знаю, темпераментом дотянет или нет, для деток лучше бы и не надо. Как думаешь?

– Мне нравится, пусть будет Кармен.

– Ну, а с третьей просто. Она прячется от взгляда. Тихоня. На ослика похожа. Серенькая.

– Нет, Маленькая, лошадка красивая. Масть не серенькая, а серебристо-серая. Характер, да – тихоня. Когда по сходням сводили, она к краю жмётся, думал, упадёт в темноте.

Мы посмотрели друг на друга и одновременно произнесли:

– Скромница!

Я засмеялась. Потемнев взглядом, Сергей шагнул и, оттолкнув морду Красавицы от моего лица, припал к моим губам жадным ртом. Он целовал всё требовательнее, всё горячее.

– Нет. Серёжа, нет... милый... – я отвергала его поцелуи впервые в жизни.

– Почему? – выдохнул он обиженно.

– Увидят. Пойдут домой... свет заметят...

Он оглянулся на приоткрытую створку ворот конюшни и

развернул меня от себя. Усмиряя дыхание, уткнулся носом в макушку. Спиной я чувствовала громохание его сердца.

– Я не удержался, – заговорил он, отвлекая и себя, и меня разговором, – очень уж хороши лошадки, и родословные хорошие! Молоденькие, объезжены специально для детей. Если ребёнок падает с седла, сразу замирают, не двигаются.

– Когда ты думаешь посадить деток в седло?

– Года в три начнём знакомить с лошадками.

– Спасибо, что про Анюту подумал.

Снаружи раздались неровные шаги. В ожидании мы повернули головы к воротам и через некоторое время увидели выглядывающего из-за створки Василича.

– А я думаю, кто тут свет жжёт? – умильно ослабилась он и вышел на свет. – Дай загляну, думаю... Бааа! – он шагнул вперёд и всплеснул руками, – это что же, новенькие? Пони?! – Василич растеряно взглянул на Серёжу и через мгновение затрясся в хмельном смехе. – Ты, Михалыч, уже ребяткам ... ха-ха-ха... лошадок... они же... ха-ха-ха, детки-то, не скоро и... ха-ха-ха... пойдут, не то, что... поедут... ха-ха-ха... сам, что ли... сам на пони скакать... так... так... – он силился ещё что-то сказать, но не смог – согнувшись от смеха пополам, присел к земле и упал бы, если бы не оперся рукой на пол.

– Вася, чего ты застрял? – загремел сердитый голос Маши снаружи, а потом и она сама решительно вошла на конюшню. Увидев под ногами мужа, ухватила его под мышку и вскрик-

нула: – Вася! чего ты? Вася!

– ...ногами-то... Маня... Маня... ша... – подняв к ней мокрое от слёз лицо, заходился в смехе Василич.

Маша зыркнула на нас глазами:

– Перебрал с Высочеством, тому хоть бы что, а этот... Домой пошли! – вновь прикрикнула она на мужа, повернулась к воротам и потянула его за собой.

Подчиняясь понуждению, хватаясь за жену, Василич, так и перегнувшись надвое, поплёлся за ней, задыхаясь от смеха и обливаясь слезами, силился рассказать о причине своего веселья:

– Маняша, Сергей... ха-ха-ха... Мих... ха-ха-ха... лоша-док...

– Да, Маленькая, со стола не убирай! – не оглядываясь, велела Маша. – Всё, что надо мы с девками убрали, остальное завтра...

– Доброй ночи, Маша! Спасибо! – Крикнула я запоздало, когда они уже скрылись за створкой. – Василич, доброй ночи!

Смеясь, я закинула голову назад и посмотрела на Сергея.

– Первый раз Василича таким вижу.

Вновь потемнев глазами, Серёжа сказал:

– Пойдём домой, Девочка.

Гости ждали нас в нетерпении – Николай торопился уехать, а Илья и Родион торопились на покой в коттедж –

они оставались ночевать в усадьбе.

– Утомил Николай тебя? – спросила я графа, прощаясь с ним на ночь и провожая к лестнице.

– Всю жизнь мне свою рассказал. О Сергее много хорошего говорил.

– Спасибо на добром слове!

– Хороший вечер, детка. Ты восхитительно танцевала.

– Благодарю, милый. Доброй ночи, Андрей. Приятных снов.

– Доброй ночи, детка. – Он стал подниматься по ступенькам.

Серёжа неслышно подошёл сзади и, обняв меня, повёл в кабинет. В Кресле Правды усадил на колени, я прижалась к его груди и затихла. Он долго молчал, а я и ждала, и боялась, что он заговорит.

– Дай губки, – наконец, прервал он молчание.

Я подняла к нему лицо. Мы долго целовались, перешёптываясь ласковыми словами. Наконец, он решился перейти к делу:

– Хочу закрыть тему Карины. Думал, у тебя будут вопросы, ты молчишь.

Я перевела дух – тема была не страшной:

– У меня два вопроса, оба о тебе, не о ней.

– Почему я сразу её не выставил?

– Да. Я понимаю, ты не хотел скандала...

– Нет! – жёстко прервал он и пояснил: – Хотел я или не

хотел, если бы не Али, скандала было не избежать. Дело в другом – ты была с ней почти полтора часа. Я не знал, отравила ли она тебя, не знал, каким ядом она тебя травила. Надо было, чтобы ты увидела её истинное лицо, чтобы она доиграла роль до конца. – Он поморщился. – Прости, вышло долго и скверно.

– Ты молчал и смотрел на неё. О чём ты думал?

Сергей пожал плечами.

– Спрашивал себя, в чём я видел очарование? ... Думал, во что бы превратился, не случись той потасовки в баре? ... Радовался, что передал управление её финансами в другие руки. – Перечислял он монотонно. – Обдумывал способы вывести её за пределы зала, думал, что ей посулить?

Ответ вызывал у него скуку. Эта женщина давным-давно перестала быть участником его жизни.

– Посмотри на меня, – вдруг потребовал он. Всматриваясь в мои глаза, Серёжа с горечью произнёс: – Яд всё-таки достиг цели. Что?

Я опустила глаза.

– Лида!

– Серёнька.

– Что? – не понял он.

– Серёнька, – повторила я. – Так Карина назвала тебя.

– Карина?! – Закинув голову назад, он захохотал. – Маленькая, Карина обходится без имён, «ты» – единственное обращение, известное ей. – Покачивая головой и посмеива-

сь, он повторил: – Серёнька... надо же... а я не заметил. – Он взял в ладони моё лицо и ласково произнёс: – Глупенькая моя Маленькая, не было у нас с ней романтической любви, понимаешь, не было!

И я поверила – не было.

Продолжая рассматривать моё лицо, Серёжа вдруг померк и прижал мою голову к груди.

– Больше у тебя нет вопросов?

– Есть, – я помедлила, – он зряшный. Я не хочу его задавать, но он в голове крутится.

– О шалостях?

Кивая, я боднула его в грудь и, чувствуя, что краснею, предложила:

– Ты можешь не отвечать.

– Карина любила рискованный секс – секс в общественных местах. Всё?

Соглашаясь, я вновь боднула его в грудь. И он перешёл к другому вопросу:

– Ты сегодня беспокоилась. Почему?

Мне показалось, что, задавая вопрос, он весь напрягся. Я пожалала плечами.

– Теряла тебя. Какое-то смутное беспокойство... мысли дурацкие, подозрения...

Мои подозрения его не заинтересовали. Услышав ответ, Сергей расслабился, по-видимому, всё, что он хотел услышать, он услышал. Подняв голову, я заглянула в его глаза, на

доньшке их прочно поселилась какая-то тайна. «Что же ты сегодня натворил, Серёжа?» – задала вопрос я, но не посмела воспроизвести его вслух.

– Пойдём спать, Маленькая. – Он взял меня за подбородок и подушечкой большого пальца провёл по моим губам. – Ты обещала мне поцелуй.

День третий

Время для занятий ещё не пришло, но раз уж детки уснули раньше, я оделась и отправилась на конюшню.

«Приласкаю Красавицу. Очень уж она ревнует, когда я на Пепле танцую. – Прищурившись, я посмотрела на небо. – Ноябрь, а сухо и солнышко каждый день. Лето было прохладным, зато осень теплая».

Обходя створку, распахнутых настежь ворот конюшни, я остолбенела, услышав звуки, доносившиеся изнутри. В двух метрах от меня, за стенкой стонала в муках наслаждения женщина, и тяжело дышал, стремящийся к скорому завершению, мужчина.

«Господи! Что делать? Повернуть назад? Если кто-то из них выйдет, то увидит мою удаляющуюся спину. Постоять, дожждаться, когда они выйдут и сделать вид, что только подошла? Неет. У меня нет желания быть соучастником чужой страсти».

Внутри конюшни заржала Красавица, за ней коротко

всхрапнул Пепел.

Не поворачиваясь спиной, я сделала шаг назад, потом другой, третий... Какие предположения сделает Маша, когда из окна кухни увидит мои рачьи манёвры, я старалась не думать.

«Потом, всё потом, сейчас, как можно дальше, надо отойти от этих чёртовых ворот... – На следующем шаге, под каблуком что-то хрустнуло. – Чёрт! Теперь всё, теперь только вперёд».

Я топнула ногой, вдалбливая каблук сапога в плитку дорожки, как можно громче. Сей же час, опустив голову, из ворот конюшни выбежала Светлана.

«Господи, едва не помешала! Супруги позволили себе радость общения вдали от чужих ушей и глаз, а тут я!»

Пробегая мимо, Светлана искоса стрельнула на меня глазом и бросила: «Здрасьте».

Я доброжелательно поздоровалась:

– Добрый день, Светлана.

«Хотя... виделись уже», – вспомнила я и озадаченно оглянулась на убегающую женщину. Делая шаг вперёд, повернула голову и увидела Стефана.

– Стефан?! – ахнула я, не сдержавшись, вслух.

Он стоял в проёме ворот и поправлял ремень на джинсах. Удивление, разочарование, осуждение, неприятие, что ещё выразило моё лицо? Стефан молчал и смотрел, как всегда, спокойно-внимательным взглядом. Внутри конюшни ржа-

ла, била копытом Красавица. Очнувшись от потрясения, я устремилась на её зов. Буркнула на ходу:

– Извини.

Красавицу седлать я не стала, кинула на неё попону и прямо с земли взлетела к ней на спину. Лошадь нетерпеливо заплясала подо мной, я направила её из конюшни, она в несколько прыжков достигла ворот, я перегнулась, сняла засов с петли и толкнула створку. Та послушно поехала, открывая узкий проход.

Когда-то Стефан учил меня выезде без седла. Пригнувшись к шее и сжимая бока Красавицы коленями, я старалась найти то положение тела, когда скачка станет доставлять удовольствие и мне, и ей. Вскоре мне это удалось, чувствуя, как ходят подо мной её мускулы, я с нежностью подумала: «Милая, хорошая моя лошадка, увези меня от чужих страстей!» Ветер, летевший в лицо, охлаждал горевшую кожу и выветривал неприятное чувство, рождённое чужим предательством. Вместе с этим чувством я освобождалась и от влечения к Стефану. Многолетнее наваждение рассеивалось, даря мне свободу.

«Серёжка, после того поцелуя со Стефаном, между нами моя вина, отравляющая и меня, и тебя. Ты чувствуешь её, но терпеливо ждёшь, не спрашивая, давая мне возможность всё рассказать самой. А я не знаю, как рассказать так, чтобы не тревожить твою ревность. Потому что влечение никуда не делось, и мой рассказ, каким бы честным он ни был, всё

равно стал бы ложью. Теперь, милый, всё изменилось, теперь я расскажу тебе всё».

Сзади раздался топот копыт.

«Гром! Ох, девочка, Гром настигнет скоро, от Грома нам с тобой не убежать!»

Я оглянулась и от неожиданности чуть не сорвалась с лошади. На спине Грома скакал Серёжа и, кажется, тоже без седла. Он был в деловом костюме, и галстук развевался за его спиной. Я расхохоталась и, аккуратно натягивая поводья, плавно остановила Красавицу.

Достигнув нас, Серёжа соскочил с коня и подбежал, ощупывая тревожным взглядом моё лицо.

– Как хорошо, что это ты! – воскликнула я и скатилась в его объятия. – Ах, как я рада! Как рада, что это ты! Откуда ты взялся? Я думала, это он скачет. Я, как дура, обрадовалась, что не помешала... думала, там Михаил... А это он... Он... он с ней прямо на конюшне... Серёжа, а дочка, а жена?.. Ооо, как же хорошо, что это ты! Теперь я всё могу рассказать... Ох, Серёжка, как же я люблю тебя! Как я люблю тебя, Серёжа!

Повиснув на его шее, я целовала его лицо, смеялась и несла бессвязную нелепицу. Он крепко прижимал меня к себе, молчал, давая возможность излиться эмоциям. Иссякнув, уставшим голосом я сказала:

– Ты смешно выглядел на Громе в костюме... галстук, как вымпел за плечом. – Я посмотрела на его губы и провела по

ним пальцем. – Поцелуй меня. Поцелуй меня, пожалуйста.

Мы встретились как раз напротив нашей любимой полянки. С дороги полянки не было видно, она пряталась за старым дубом с огромными, выступающими над поверхностью земли, корнями. Дуб помнил наши разговоры на его корнях. Помнил он и наш страстный секс, когда Серёжа прижимал меня к его необъятному стволу, помнил и нежные ласки, когда мы ложились на землю меж его корней.

Сейчас мы сидели на корнях. Кони щипали жухлую, а то и высохшую на корню, траву. Я рассказывала то, о чём никак не могла заговорить уже месяц.

– Я ответила на его поцелуй. Вначале думала, что это была благодарность и нежность за ту тяжёлую для всех, а для него особенно, неделю. Он тогда был один на всех, потому что заболели все. Своих, Дашу с Анютой, не уберёг, обе заболели. Он помогал мне, ухаживал за больными, ещё и на конюшню бегал, помогать с лошадьми больному Василичу...

Всё случилось в конце сентября. Серёжа уехал по делам на две недели. Паша отвёз его в аэропорт и отправился в ежемесячный трёхдневный загул. Вернулся домой с температурой. Стефан не успел его перехватить и изолировать, поэтому изолировал меня, попросту пресёк любые контакты с теми из домочадцев, кто уже побывал поблизости от заболевшего Павла. А побывали все. И Настя, отправившись обедать в столовую, уже в детскую не вернулась.

Стефан добился результата – ни я, ни малыши не заболели. Потом, когда вирус отступил, свалился сам – после восьми суток, по большей части проведённых на ногах, уснул на двое суток.

Ближе к полудню первого дня перепуганная, вся в слезах Даша прибежала на кухню. Настя уже вернулась в детскую к малышам, поэтому я помогала еще слабой Маше с приготовлением обеда.

– Маленькая, Стефан не встаёт. Как лёг вчера, так и не шевелился. Бужу, он не реагирует. Он всегда очень чутко спит, а сегодня, даже когда Анята заплакала, не проснулся.

– Даша, Стефан устал. Не буди его, дай выспаться.

– Нет, Маленькая, мне иногда кажется, он не дышит. Я ночью несколько раз к нему... – несмотря на слёзы, она покраснела, – он всегда отвечает, а сегодня даже его... пойдём, посмотри на него. А если он заболел, а проснуться не может? Пойдём, Маленькая!

– Маша, я схожу, – уведомила я, сняла с себя фартук и пошла за Дашей.

– Дашка, Аняту-то оставь, – окликнула вслед Маша, – чего ребёнка туда-сюда таскать. Дождь ведь. – Она протянула руки к ребёнку, и девочка радостно потянулась к ней.

Стефан спал, свободно раскидав руки поверх одеяла. Дыхание его не было слышным, только грудная клетка под густой чернотой волос едва заметно приподнималась и вновь опадала. Я подошла, убрала прядь волос со лба Стефана и

прикоснулась ко лбу губами.

– Даша, всё в порядке, твой мужчина спит глубоким сном. Не мешай ему, Даша. Как восстановит силы, так проснётся.

К вечеру я опять зашла проведать Стефана. Он всё так же мирно спал. Наклонившись, я почувствовала его теплое дыхание на своей щеке и меня охватила нежность. Я прошептала:

– Стефан, восстанавливайся! Все ждут, когда ты проснёшься. Я тоже жду. – Проведя пальцами по шелковистому войлоку щеки, я поцеловала Стефана в краешек рта.

Наутро Стефан опять не проснулся. Даша ходила, как в воду опущенная, на вопросы реагировала не сразу, отвечала невпопад, и беспрестанно бегала проведать мужа. Я остановила её, когда она в пятый раз принялась разбирать мои платья, скопившиеся в баке для грязного белья за время её болезни. Взяв в руки платье, она вновь уронила его в бак и взяла следующее.

– Даша, иди домой. Когда Стефан проснётся, тогда и делами займёшься. Толку с тебя всё равно мало. Ступай.

Даша забрала Анюту из детской игровой комнаты и ушла. Обед я отправила ей с Эльзой.

Я загружала посудомоечную машину, когда Эльза вернулась.

– Что Даша? – спросила я.

– Лида, Даша сидит около Стефана. Анюта по грязному полу ползает, Даша на неё не обращает внимания, смотрит

на своего Стефана, глаз не отводит и плачет.

– Ты заставила её поесть?

– Нет. Я сказала, что принесла обед и на стол поставила. Она сказала: «Спасибо». Я постояла и ушла. Лида, у ней гора невымытой посуды в раковине.

– Хорошо, Эльза. Благодарю.

Кончив дела на кухне и покормив малышкой, я помогла Насте собрать их на прогулку. День был дождливый, поэтому вся их прогулка предполагалась под крышей террасы.

– Настя, я пойду к Даше и заставлю её поесть. Потом приведу её с Анютой к тебе. Постарайся занять её разговором, надо отвлечь её от страхов, – инструктировала я Настю, одновременно одевая Максима.

Малыш был подвижен, норовил вставать на ножки, замедляя процесс одевания.

– Да, мой хороший, сейчас. Сейчас пойдём гулять. Катюша, видишь, раньше нас с тобой оделась и уже ушла. Нас и собачки уже заждались. Сейчас они Катюшу без Максима увидят и удивятся: «А где же Максим?» Шапочку наденем. Вот так. Да, милый, теперь пойдём.

Я оставила Настю и деток на террасе, к ним присоединился ещё неважно себя чувствующий Андрэ. Псы – один справа, другой слева, встали, а точнее, легли на вахту.

Как и сказала Эльза, Даша сидела в спальне подле кровати, положив руку Стефана к себе на колени и орошая её слезами.

– Дашка, как не стыдно? – возмутилась я, – Стефан проснётся, а жены у него нет.

Она непонимающе взглянула на меня.

– В зеркало на себя посмотри! – пояснила я. – Стефан ложился спать, жена у него красавицей была, весёлая, полная жизни, а проснётся, увидит опухшую от слёз распустёху, да с заплаканными глазами, возьмёт и откажется, скажет: «Это не моя!» Что тогда делать будешь? Вставай, приводи себя в порядок, девочка.

Даша молча переложила руку Стефана на кровать и пошла в ванную. Я заглянула в детскую, Аня спала. На кухне я разобрала судки и поставила разогреваться Дашин обед. Заставлять её есть, к счастью, не пришлось – Даша ела сама и с аппетитом.

– Женщине иногда надо быть сильной, Даша, чтобы мужчина при необходимости мог оставить на неё дом и детей. Твой мужчина находится рядом с тобой, просто спит, а ты раскисла – ребёнка забросила, дом не прибран, поесть самостоятельно и то не можешь. Аня-то хоть кормила или голодной спать уложила?

– Я кашу ей варила.

– Ну и славно. Ешь, собирай ребёнка, и идите гулять. Аня только переболела, ей свежий воздух нужен. Настя с малышами на внешней террасе гуляют, ждут вас.

Боясь оставить её одну, я дождалась, пока она поела, и помогла одеть сонную Аня.

– Маленькая, а ты на Стефана смотрела?– спросила Даша, когда мы вышли из дома.

– Зачем?

– Он бледный сегодня.

– Даша, если ты ищешь причину остаться, оставайся. Я заберу Анюту, а ты оставайся.

Она заколебалась, но потом сделала над собой усилие и попросила:

– Я пойду с Анютой погуляю, а ты вернись, просто посмотри на Стефана.

Даша вышла под дождь, ускорила шаг, потом побежала. А я вернулась.

Стефан выглядел, как и вчера – мирно спал. «Если до ночи не проснётся, надо будет перевернуть его, – подумала я, – тяжёлый, отлежал всё». Я склонилась над ним и шепнула:

– Стефан, милый, просыпайся. Пора уже. Даша твоя с ума сходит. Поешь, успокоишь её и ещё поспишь. – Я склонилась ещё ниже, хотела, как и вчера, поцеловать его.

Вдруг рука его ожила и прижала меня к груди. Стефан открыл глаза. Приподнял голову от подушки и, не размыкая губ, нежно поцеловал меня. Потом он провёл языком по моим губам, потом по дужке зубов, потом его язык проник глубже и коснулся моего. Нашёптывая незнакомые слова:

– Хабибати... хельва... бхэббик... ракаса... – Стефан меня целовал...

Не думаю, что это продолжалось долго. Я пришла в себя

и, отталкиваясь от него, попросила:

– Стефан, пусти... Стефан... пожалуйста.

Он убрал руку с моей спины, и я выпрямилась. Пряча от него глаза, промямлила:

– Сейчас Дашу пришлю... истосковалась она.

– Ты приходила, я чувствовал тебя, только не мог глаз открыть. Поцелуй меня, Хабиба.

– Я уже поцеловала, Стефан.

Дашу я окликнула, ещё не дойдя до террасы. Она не услышала. Отрешённо уставившись в одну точку, Даша не реагировала до тех пор, пока Настя не тряхнула её за плечо.

– Даша, Стефан проснулся, – повторила я в который раз.

Она несколько секунд смотрела на меня, вникая в смысл слов. Потом охнула, подхватила и бегом понеслась домой. Анята осталась на коленях Андрэ, он читал ей по памяти поэму «Руслан и Людмила». Понимала его Анята или не понимала, но затихла, заворожено глядя в его лицо.

– Андрей, ты замечательный дедушка! – восхитилась я и, наклонившись к нему со спины, прижалась щекой к его тёплой щеке.

– Детка, случилось что? – Андрэ похлопал рукой в перчатке по моей, обнимающей его, руке. Вероятно, почувствовал моё смятение.

– Ещё не знаю, надо подумать, – ответила я, размыкая объятие и выпрямляясь. – Я пойду в кабинет. Настя, будете возвращаться с прогулки, стукни в дверь.

В кабинете, забравшись с ногами на диван, я предалась воспоминаниям о поцелуях Стефана – нежные, бережные, они и сейчас, при воспоминании, вызывали в груди волнение. Я облизнула губы и вновь ощутила вкус его языка. В ушах раздался ласковый шёпот Стефана. «Что его слова значат? – мысленно спросила я, закрыла глаза и упала головой на подушку. – Стефан... если ты сейчас войдёшь, я не буду сопротивляться, я уступлю. Ты чувствуешь меня, ты сейчас придёшь и опять меня поцелуешь. Стефан!» Я звала его.

Опомнившись, я испугалась: «Что же я? Зачем? – и взмолилась, – Серёжка, возвращайся скорее!» Я вспомнила губы Серёжи, его властные поцелуи, его горевший вожделением взгляд и... желание захлестнуло меня, в мгновение растопив плоть. «О, как же я соскучилась... – закусив уголок подушки, я старалась остановить, накрывающую меня, физически ощущаемую тоску. – Нельзя! Нельзя мне думать о тебе. Только ночью, когда я одна, я позволяю себе вспоминать твои губы, руки, твои глаза. Тогда огонь желания распалает моё тело, и на какое-то время мне кажется, что ты рядом. А потом вновь наваливается отчаяние одиночества. Я тороплюсь заснуть, мечтая, что утром ты разбудишь меня шепотом: «Маленькая, иди ко мне», но просыпаюсь без тебя и опять жду ночи. Милый, возвращайся скорее, я не умею справиться с собой!»

Кое-как сконцентрировавшись, я погрузила себя в поток плотного ослепительно-белого света, но равновесие не воз-

вращалось.

«Нет, о Серёже думать нельзя! – поняла я и вновь обратилась мыслями к Стефану, вспомнила его внимательный взгляд, его нежные поцелуи и поняла: – Я его не хочу, – ещё раз прислушалась к себе, – нет, я его не хочу. Его нежность посулила избавление от тоски и только. Прости, Стефан, мою слабость. И ты, Даша, прости. – Я глубоко вздохнула и села. – Серёжа принёс в мою жизнь гармонию. А ты, Стефан, несёшь беспокойство. Кто ты? Зачем ты в моей жизни? Зачем я пришла в твою жизнь?»

В кармане зажужжал телефон. Даже не взглянув на экран, я знала, что звонит Серёжа.

– Серёжа, здравствуй!

– Маленькая! Здравствуй, Девочка, скучаю, с ума схожу. У вас всё в порядке? Непокойно мне. Детки как? Ты?

– Всё в порядке, Серёжа. И с малышами, и дома уже всё в порядке. – Я понизила голос до шёпота. – Серёжа, я тоскую. Очень. Плохо справляюсь.

– Маленькая, ещё немножко. Я завтра буду дома. Не плачь, Девочка, завтра я обниму тебя.

– Я тебя жду, Серёжа. Я люблю тебя!..

– Я думал, между вами что-то произошло, как раз в ту самую неделю, когда вы были вместе и всё время одни.

– Серёжа, мы не были вместе. Только когда я кормила и купала малышей, Стефан был рядом и помогал. Он даже и

массаж им делал не каждый день. Не успевал. Днём детки спали на улице, я их оставляла у арки под надзором собак, а сама почти весь день проводила на кухне. Маша в первый же день заболела, а я только к вечеру третьего дня сообразила, что могу еду из ресторана заказывать. – Я улыбнулась. – А ты знаешь, что Граф никого к малышам не подпускал? Снизшёл до лая – издали кого завидит, меня зовёт, лает и на окно оглядывается. Неужели всё понимал? – Я помолчала и, вздохнув, вернулась к Стефану: – Знаешь, я только после поцелуя осознала своё влечение к нему, и до сих пор не знаю, когда это началось.

– Давно, Маленькая, ещё в Париже, а, возможно, и раньше.

– Почему ты так думаешь?

– Помнишь, как ты расстроилась, когда он отказался заниматься с тобой выездкой? Слезы. Обида. Я тогда испугался. Подумал, ты любишь его! Сама ещё не знаешь, что любишь.

– Как ты со всем этим жил, Серёжа? Ничего не спрашивал, не выяснял. – Я покачала головой. – Серёжа, ты единственный, кого я любила и люблю. Я ещё в самолёте всё поняла про свою любовь. А Стефан... не знаю... мои чувства и не чувства вовсе, а какая-то зависимость... или вина... будто я что-то ему должна, должна, а отдать не хочу... или не могу... Может быть, это отголоски из прошлых жизней? – Я замолчала, стараясь лучше разобраться в себе и сдалась: – Нет. Не знаю. Главное, что я освободилась. – Я засмеялась и

воскликнула: – Благодарю Светлану, которая пришла в наш дом!

– Благодарить не за что, – охладил мою радость Серёжа. – Эта женщина может доставить много неприятностей – мужчин в семье много, а ей всё равно с кем. Она... не знаю, как и сказать... блудливая, что ли. Я думал, Павел с ней закрутит, не ждал, что Стефан, хотя, может, уже не он один.

– А ты про... гиперсексуальность её когда понял?

– Сразу, как увидел. Сразу и отказать хотел, да девочку пожалел, а потом и ты решила их в дом взять. – Он умолк, видимо, взвешивая про себя все «за» и «против». Качнул головой, словно отбрасывая какую-то мысль, и добавил: – И Катерину жаль. А со Стефаном я поговорю, Маленькая.

– Да, Серёжа. Ох, что-то в доме у нас не так. Маша с Его Высочеством флиртует на глазах у всех, Василич скукожился весь. Даша, если узнает про Стефана и Светлану, в косу Светлане вцепится. Стефан скучливо отвернётся, а вот как Михаил отреагирует?

– Думаю, Михаил про жену свою всё знает. Она не в нашем доме такой стала, и семья у них не первый год.

– По поводу Светланы и Михаила я тоже подумаю. Поехали?

Серёжа поднялся и подал мне руку.

– Поехали. Холодно.

Мы сели на коней и пустили их вскачь.

У конюшни встретил Василич. Встретил, сердито выгова-

ривая:

– Что же не заседлали-то? Опять мудришь, Маленькая? И ты, Сергей Михалыч, туда же.

– Василич, милый, не сердись! Я хочу научиться чувствовать Красавицу, соединиться с ней в единый организм, стать кентавром, понимаешь? – Смеясь, я расцеловала его в колючие щёки.

– Кентавром она стать хочет, – отмахиваясь от меня, ворчал он. – Спину-то лошади повредишь, себе что-нибудь нарушишь. Зря люди седло, что ли, придумали? Стефан почему не запретил? – Продолжая ворчать, он повёл лошадей на конюшню. – Да тебе запретишь! Устал он уже от твоих выдумок.

Обняв мои плечи, Серёжа медленно повёл меня к дому.

– Я сегодня участок смотрел. Немного дальше от Москвы, чем мы сейчас, зато большой – всё, что нужно, всё построим. Лес вокруг. Можно два соседних участка перекупить, их никто пока не стал осваивать. Для Макса и Кати на будущее. – Он остановился и повернул меня к себе. – Завтра съездим, посмотришь? Малышей с собой возьмём.

Я кивнула, поднялась на цыпочки и обвила его шею руками.

– Я люблю тебя. Очень! Пойдём? Малыши проснулись, а мне ещё искупаться после скачки надо.

Ужин прошёл спокойно. Даша была счастлива. Стефан

хмуρο молчалив. Светлана летала от стола на кухню и обратно, стараясь всем угодить. Василич смотрел только в свою тарелку. А Маша задумчиво поглядывала то на меня, то на Стефана и что-то шипела снующей Светлане.

После ужина Серёжа ушёл с детьми в игровую, а я зашла на кухню и спросила:

– Что, Маша?

Маша убирала контейнеры с остатками еды в холодильник. Эльза возилась с кастрюлями у раковины.

– Хочу поговорить, Маленькая.

– Я поняла, Маша, потому и пришла. О чём ты хочешь поговорить?

Она оглянулась на Эльзу и покачала головой.

– Не здесь.

Плечи Эльзы ссутулились, словно от удара.

– Пойдём ко мне или, может, на улицу?

– Вечер, Маша, на улице холодно. Пойдём в Аквариум или в зимний сад. – Я подошла, обняла худенькие плечи Эльзы и прижалась лбом к её щеке, – Эльза, милая, благодарю. У меня разговор есть, ты не убегай сразу, подожди меня.

Эльза улыбнулась и кивнула.

– Маленькая, пойдём, – позвала Маша, – пирог я потом уберу, вдруг ещё кто с чаем поест-попьёт.

Аквариум – это небольшое пространство за бассейном, отгороженное от последнего огромными аквариумами. Серёжа заселил аквариумы рыбами, черепахами, водорослями.

Внутри отгороженного помещения установил диваны, а между ними кадки с живыми растениями.

Маша села на краешек дивана и провалилась в его мягкость.

– Ох, батюшки!

– Садись глубже, – посоветовала я, – диван обнимет тебя.

Суставы отдохнут.

Она завозилась, устраиваясь удобнее, наконец, затихла, сложив руки на животе, и спросила:

– А ты чего с немкой-то хочешь говорить? – Маша помолчала, настороженно рассматривая моё лицо. – Уже пожаловалась она тебе? Когда и успела только? Не права я, сама знаю, под горячую руку она мне попала. Скажи ей, не со зла я на неё.

– Что не со зла, сама Эльзе скажи. Раз не права – извинись. Что касается жалоб, Эльза мне не жаловалась.

– А что ж ты?.. – тотчас вскипела она. – Чего молчишь-то? – Маша взмахнула рукой в негодующем жесте, диван от резкого одностороннего движения поддался, и она завалилась набок. – Ааа, чтоб ты... – забарахталась она в объятиях дивана и, нащупав коленом пол, сползла на пол. Обретя прочную основу под ногами, Маша объявила: – Я на нём говорить не буду!

– Давай перейдём в кресла к бассейну, но там трудно разговаривать, там эхо. Или вернёмся в зимний сад.

– Не надо! – отрезала Маша и с опаской осмотрела диваны

вокруг.

Ни слова не говоря, я встала и пошла за стульчиком Даши, на который та садится, когда делает мне педикюр. Стульчик был низким, но мягким.

– Подойдёт? – спросила я, ставя стульчик рядом с Машей.

– Сойдёт. – Она села, чинно соединив коленки, и разгладила на коленках подол платья. Указав на мой диван пальцем, спросила: – Тебя-то он, почему не болтает?

Я пожала плечами.

– Сижу спокойно. Рассказывай, Маша, о чём ты хотела поговорить.

– Хотела! – воодушевилась она. – Я ведь видела тебя, когда ты задом вперёд от конюшни уйти старалась. Думала, ты там выглядываешь чего. Потом смотрю, шалава эта из конюшни выскочила, а потом и Стефан оттуда же вышел. Я и поняла всё. Вот и хочу у тебя спросить. Что ты, опять Стефану всё так оставишь? Дашка-то если про Светку узнает, голову её непутёвую вначале оторвёт, а потом лысой сделает. Стыда же не оберёшься! А ты знаешь, что эта... – она поискала подходящее слово, – дрянь в штаны к моему Василичу лазала? Сзади неслышно подкралась и затолкала ручонку-то. Одной пояс оттянула, а другую в штаны затолкала. Что ты на это скажешь?

«Скажу, что приняла в семью нимфоманку...», – подумала я.

– Мой Василич-то не чета Стефану, вытолкал её с конюш-

ни. А Стефан, вишь, ублажил. Тьфу ты! И жена с ребёнком не помеха!

«Да, ребёнок не помеха... – продолжала я предаваться своим размышлениям. – Как же мне позаботиться о Марфе? Как оставить в доме дочь и выставить из дома мать? В древние времена были храмы богини-матери. Служение культу сопровождалось бесчисленными соитиями, жрицы пользовались почётом. Светлана из того времени в нашем заблудилась...»

– Что ты опять молчишь? Прямо в доме развратничают, а она на рыб смотрит! – Чуть развернувшись, Маша через плечо взглянула на аквариумы за спиной.

Прямо над её головой без устали нарезала круги маленькая акула. А в аквариуме выше чёрно-белая леопардовая мурена высунула нос из нагромождения камней и потекла, извиваясь, длинным телом.

– Маленькая!

– Рассказала б раньше про Василича, я бы уже что-нибудь и надумала.

– Так я думала, она только к Василичу моему. А она, вишь, ко всем! Совсем бабы стыд потеряли! И к Сергею Михалычу ползет, – уверенно заявила Маша, – дождёшься!

– Сейчас главное, чтобы Даша ничего не узнала. Ты помоги мне Дашу уберечь, если ещё кто что видел, пресекай все разговоры и мне скажи. Ты с Катериной общаешься. Что она?

– Катерина хорошая, ничего сказать не могу. Работящая. Хлебы-то она теперь печёт, знаешь ведь? Лучшие у неё хлебы получаются, чем мои. Сладкая выпечка моя вкуснее, а хлебы её, что ж тут не признать правду? На кухне хорошо помогает, но самостоятельно пока ещё ничего не готовила.

– Как думаешь, она знает про Светлану?

– Сейчас-то? Думаю, нет, не знает. А что промеж них раньше было, не знаю. Она молчит больше, я уж и расспрашивать перестала. Да ты Анну Петровну спроси! Они часто вместе. Анна Петровна туда, – Маша покивала головой набок, – на ту кухню к Катерине ходит.

Та кухня – это выстроенное под одной крышей с оранжевей просторное помещение с русской печью. Именно там Катерина ставит квашню и выпекает хлеб.

– Хорошо, Маша! Теперь у меня к тебе разговор есть.

Маша подалась ко мне всем телом, приготовившись слушать.

– Василич сердитый, сам на себя не похож. Почему, Маша?

Маша растерялась, потом взгляд её убежал в пол, потом она искоса посмотрела на меня и робко предположила:

– Может, устал.

– Может, и устал. Хотя Михаил и на конюшне, и на «ферме», и в теплице всегда с ним.

– Не знаю, что сказать, Маленькая. Ты сама у него спроси.

– Если ты, Маша, ничего мне не ответишь, я спрошу.

Маша егозила на стульчике, словно только сейчас почувствовала, что стульчик и мал, и низковат. Я вздохнула и спросила напрямую:

– Что у тебя с принцем, Маша?

Она испуганно вскинула глаза и опять потупилась. Маша никак не могла решиться: солгать или сказать правду. Маша принадлежит к числу тех женщин, которым необходимо делиться эмоциональными переживаниями. Я боялась, что в качестве наперсницы она изберёт Дашу, а та начнёт помогать устраивать её тайные свидания.

– Маша, я не хочу лезть в твои личные дела, но твой с Его Высочеством флирт происходит, как ты сама выразилась «прямо в доме».

Лицо Маши сделалось пунцовым, глаза сверкнули, вздёрнув подбородок, она заявила:

– Ты не можешь мне запретить!

– Не могу и не хочу, Маша, – спокойно парировала я. – Ты взрослая женщина, тебе решать какого мужчину выбрать. Его Высочеству, когда он вернётся, я откажу от дома. – Считая вопрос исчерпанным, я встала.

Маша вскочила и, раскинув руки, преградила мне дорогу.

– Маленькая, подожди! Сядь. Выслушай меня! – Я села на прежнее место, и она тоже опустилась на стульчик. – Вася первый у меня. Я всегда была ему верной. И я люблю его. И сейчас люблю. Просто принц, он такой... – улыбнувшись мягкой улыбкой, Маша подняла мечтательный взгляд к по-

толку, – такой обходительный, ласковый. Он так много знает интересного, так смешит меня, без конца повторяет, какая я красивая и соблазнительная. – Она понизила голос до шёпота. – Говорит, что умирает от желания перецеловать меня всю. Говорит, что все бы ночи напролёт меня ласкал. Называет разными словами. Мне Вася никогда таких слов не говорил. И целует Его Высочество нежно-нежно, вначале щекотно даже, а потом сердце так сладко замирает.

– Ты любишь его?

– Я не знаю. Я ничего сейчас не знаю! Запуталась я. И в глаза Васе нет сил смотреть. – Опустив голову, она помотала ею, как я подумала, в отчаянии, но она подняла на меня отнюдь не покаянное, а возбуждённое, светившееся предвкушением счастья, лицо и спросила: – А ты что думаешь?

– О чём? – не поняла я.

– Ну, любит меня принц?

Я помолчала, не желая разбивать её надежду, но ответила:

– Нет, Маша, не любит.

У Маши обижено распахнулись глаза, улыбка померкла, она запальчиво крикнула:

– Ты не можешь знать! – Глаза её зажглись злым блеском. – Ты специально так говоришь! Ты что думаешь, только вас благородных принцы могут любить? А я так и любви не стою? Ааа... ты завидуешь! Он же к тебе интерес выказывал, а теперь вот меня выбрал!

– Не кричи, Маша. – Поморщилась я. – Я пойду. А ты

успокойся, прежде чем отсюда выходить. – Я встала, прошла мимо неё и вышла из Аквариума.

В зимнем саду почему-то было темно. Я пошарила по стене в поисках выключателя, меня остановили, окружили руки Стефана. Приподняв, он нежно прижал меня к себе и шепнул:

– Хабиба.

– Стефан, поставь меня на пол, пожалуйста. – Произнося эти слова, я касалась губами его губ и ни волнения, ни смятения не чувствовала – флёр влечения рассеялся навсегда. Я мягко повторила: – Отпусти, Стефан. Маша сейчас выйдет.

Он отпустил меня и включил свет.

– Хабиба, я хочу поговорить.

– Здесь?

Он кивнул, мы подошли к трёхногим креслам из ротанга – мелким и неудобным, с низкой спинкой, купленным только за то, что занимали мало места. Называя переход, соединяющий дом и бассейн, зимним садом, мы себе сильно льстили. Наш сад был крошечным. Сама идея сделать его в переходе пришла слишком поздно, когда переделка дома была уже завершена, и расширяться, означало, вновь начать строительство. Василич разместил здесь несколько кадок с мандариновыми и лимонными кустами, а в узких проходах между кадок расставил эти вот неудобные кресла.

Стефан придержал веточку, отягощенную двумя крупными зеленовато-жёлтыми плодами, я прошла и села в кресло.

Свое кресло Стефан отодвинул от деревьев и сел в самом проходе между дверью в бассейн и дверью в дом.

– Хабиба, ты рассердилась, – начал он, как только сел, – больше это не повторится. Я тебя ждал, губы твои вспомнил, решил, придёшь, прижму к себе и буду целовать, целовать, и никогда уже не отпущу. Пришла она...

Ссутулившись неловкой глыбой на маленьком кресле, Стефан смотрел на свои башмаки. Мне стало жаль его. Стефан относится к тем редким людям, кого бессмысленно порицать или наказывать. Суд человеческий для таких людей всегда мягче, чем суд свой собственный – внутренний.

– Ты не трогай её. Я один виноват, – добавил он.

– Стефан, мне придётся что-то предпринять. Светлана приходит не только к тебе.

Он вскинул на меня взгляд... и усмехнулся.

– Кто ещё?

Я пожала плечами.

– Если даже никто из домашних не будет отвечать на её предложения, в доме бывают гости.

– Выгонишь?

– Вначале поговорю.

Он вновь опустил голову. Я встала и, приблизившись, протянула руку к всклокоченным волосам на его макушке, но прикоснуться не решилась, коснулась плеча и спросила:

– Стефан, когда я могу получить курс массажа?

Он вновь усмехнулся, но по-другому – тепло. Чёрные гла-

за улыбнулись.

«Прости меня, Стефан. Прости за тот поцелуй, прости за твои несбывшиеся желания».

Только я вернулась в гостиную и устроилась подле Эльзы на диване, как увидела гордо нёсшую себя в сторону кухни Машу. Всем своим видом демонстрируя оскорблённое достоинство, Маша даже вскользь не посмотрела на меня.

– Эльза, Давид звонил, – провожая Машу взглядом до самой кухни, сообщила я Эльзе и повернулась к ней, – сказал, ты не хочешь с ним разговаривать, звонки сбрасываешь, в мессенджере его заблокировала.

Её лицо вспыхнуло, удивительного цвета глаза приобрели гневный сиреневый оттенок.

– Как он посмел беспокоить тебя своими личными проблемами?

– Эльза, милая, не сердись. Давид ищет возможность восстановить ваши отношения, хотя бы связь наладить. Он не хочет тебя потерять. Что в этом плохого? Почему ты сердишься?

Разжав стиснутые зубы, Эльза отчеканила:

– Он уехал. Не предупредил. Не попрощался. Не позвонил. Письма не написал. Что он сейчас от меня хочет?

– Ты знаешь, что его мама при смерти?

Эльза открыла в безмолвном вскрике рот и ещё больше покраснела.

– Ты не знала? Давид и уехал так внезапно, потому что ему сообщили о тяжёлом состоянии его мамы. У неё случился инсульт. Была ночь, когда он получил сообщение, он не захотел тебя будить, а когда прилетел на место, ему было уже не до звонков. А потом ты не хотела разговаривать.

– Где он?

– Я толком не знаю, какой-то небольшой городок в Якутии. – Я достала телефон, разыскала номер Давида, сделала вызов и подала телефон Эльзе.

Она заговорила по-немецки.

Давид – любимый мужчина Эльзы. Внешне он прямая её противоположность – круглолицый, лопоухий, с мягким взглядом карих глаз и навечно смущённой улыбкой. Он и скроен был из мягких материалов – компактный, округлый, уютный.

Эльза встретила его в стоматологической клинике. Наш семейный врач улетел в отпуск, и, отказываясь ждать, пока он вернётся, Эльза записалась на приём к другому врачу. Вот так, по причине выпавшей в нужное время пломбы, Эльза в тридцать шесть лет встретила свою первую любовь.

Встречались они в усадьбе. Давид приезжал к позднему вечеру пятницы и два дня – субботу и воскресенье слонялся среди домочадцев. Принимать его помощь домочадцы отказались сразу в день его знакомства с усадьбой. Он был не то что не приспособлен к физическому труду, он был катастро-

фически неловок. Судите сами – помогая Маше передвинуть кастрюлю с супом, он и сам обжёгся и её чуть не обварил; а прибившись к Эльзе, зачем-то не покатыл, а понёс пылесос в кладовую, запнулся на ровном месте и упал, растянув лодыжку, да вдобавок обрушил тяжёлый пылесос себе на колено. А позднее он хотел помочь Василичу. За обедом Василич рассказал, как, разворачивая тачку с навозом, Давид и навоз частью вывалил, и управление тачкой потерял, залепив наклонившемуся за вилами Василичу (вилы упали тоже по неловкости Давида), рукояткой тачки по уху. «Хорошо ты мне не по глазу тогда, – вспоминая, всякий раз приговаривал со смехом Василич, – а то окривел бы я!» Поскольку никто не желал помощи Давида, он и слонялся днями между занятыми работой людьми. На конюшне слушал рассуждения Василича, на кухне наблюдал за Машей, в кабинете тихонько сидел в углу дивана, пока граф читал или занимался делами, и везде молчал, улыбаясь своей мягкой улыбкой. Вскоре все не только привыкли, но и полюбили работать в его присутствии и, когда поутру в понедельник его не оказывалось рядом, ощущали некую пустоту. Полюбили домочадцы и скрипичные концерты, устраиваемые Давидом после ужина. Играть Давид мог часами, исполняя произведения своих любимых композиторов эпохи барокко – Вивальди, Альбини, Корелли.

Несмотря на нелепую неловкость в быту, Давид был хорошим врачом, и внутри себя под внешней мягкостью таил

железный стержень. Обнаружил он его нам только однажды, когда Паша обратился с жалобой на зубную боль. Заглянув к Паше в рот, Давид переменялся в лице, вся его уютность куда-то исчезла, он весь подобрался, движения приобрели чёткость, карий взгляд стал суровым, даже и волосики на голове, нежно-тонкие и мягкие, как у ребёнка, вдруг легли и перестали пушиться. Обрушив на Пашу краткую лекцию на тему: кто есть человек цивилизованный, и чем человек цивилизованный отличается от дикаря, Давид настоял на немедленном лечении и, несмотря на воскресный день, увёз пациента в клинику, пригрозив, что лечить дикаря он будет диким способом – без анестезии.

Крепкие зубы Пашки хоть и не получали должного ухода, в массе своей не страдали, а больной зуб Давид ему вылечил. Но уважения в его глазах Паша лишился навсегда, лишился Паша отныне и мягкой улыбки Давида.

Я оставила Эльзу и пошла на кухню. Маша сидела у стола, пригорюнившись, но только я вошла, она гордо вскинула голову и независимо уставилась в окно. Я достала банку с чаем, достала уже убранный в шкаф заварочный чайник и стала заваривать чай.

– Это я вовремя зашёл! – нарушил наше молчание Паша, возникнув на пороге с всегдашней своей ухмылкой. – Маленькая, чай завариваешь?

Улыбнувшись, я кивнула.

– А поешь что-нибудь осталось?

– Конечно, Пашенька, и котлетки остались, и пирог есть, – вскинулась Маша, слетела со стула и засуетилась, доставая противень из духового шкафа. – Пирог-то я специально в тепле оставила, не стала в холодильник убирать! Знала, придёшь попросишь.

– Это ты хорошо сделала, Маша, пирог у тебя славный получился! Ты сразу два куска отрезай, Василич сейчас придёт.

– Василич? – растерянно переспросила Маша и низко склонилась над противнем.

– Маленькая, а ты где чай будешь пить, в столовой или здесь? – спросил Паша.

Я не успела ответить, на кухню вбежала Эльза, протягивая мне телефон.

– Лида, я хочу уехать! Поеду помогать Давиду.

– Хорошо. Билет заказала?

– Нет. Поеду в аэропорт, там решать буду.

– Подожди! – ухватила я её, уже убегающую, за руку. – Паша, закажи билет. Эльза, город назови, куда лететь. Да садись же! Быстрее Паши тебе билет никто не найдёт, ты пока чаю выпей на дорожку. Пирог будешь?

Эльза отрицательно покачала головой и покорно села за стол. Маша подала пирог, а я разлила чай по чашкам.

– Ты это, Маленькая, всех чаем-то поишь, или только Павлу да Эльзе такая честь? – преувеличенно бодрим голосом спросил Василич. Входя на кухню, он вначале исподлобья

взглянул на жену и только потом перевёл взгляд на меня.

Я засмеялась.

– Тебе, Василич, с удовольствием налью!

– Не обиделась на меня, что поворчал на тебя?

– Нет, Василич, не обиделась.

– Ну раз так, то поцелуй меня! – и он широко расставил руки, приглашая в объятия.

Я расцеловала его в обе щеки. Он крякнул, шутливо поправил пальцем несуществующий ус и сел на предупредительно выдвинутый Машей стул.

– Кушай, Василич, – заискивающе угощала Маша, – кушай! – придвигая тарелку с нарезанным на крупные куски пирогом к мужу.

– Самолёт в 23:45, – объявил Паша Эльзе, – полетишь бизнес классом. – Паша положил телефон на стол и взялся за пирог.

Эльза открыла рот, но Паша пресёк её возражения выставленной перед ней ладонью. Откусил от пирога и промычал:

– Других билетов нет. Ты ведь сегодня хочешь улететь? – Он посмотрел на часы, прикидывая время. – Выезжаем через двадцать минут. Иди собирайся.

Я предусмотрительно положила ладони на плечи было подскочившей Эльзы.

– Доешь и допей, успеешь! Паша время рассчитал с запасом.

– Только ты это, Эльза, самое тёплое бери, там уже зима, –

позаботился Паша и пробурчал: – Любишь ты мне работу находить, Маленькая. И откуда этот Давид выпал? Не иначе, ты руку приложила.

– Не ворчи, Паша.

Эльза затолкала в рот остаток пирога и умоляюще взглянула на меня. Взяв за руку, я вывела её из кухни и привела в кабинет. Достала пачку денег из сейфа и подала ей. Выкатив глаза от возмущения, она замахала руками.

– Эльза, ты не знаешь, что там, – начала я увещевать, но, видя бесполезность увещеваний, прикрикнула: – Не маши на меня! Возьми и не вздумай обратно привезти!

Глаза Эльзы стали наполняться слезами.

– Лида, – в неловкой благодарности, она обхватила меня руками.

– Вот и славно! – Я крепко обняла её. – Удачи тебе! Звони, чтобы мы не волновались.

Кивнув, Эльза устремилась к двери.

– Что у неё случилось, детка? – спросил Андрэ, отрываясь от книги.

– Поехала помогать Давиду. У него мать с инсультом лежит.

Я обняла его, перевесившись через спинку кресла. Андрэ отложил книгу, потянув меня за руку, усадил к себе на колени и, слегка покачивая, спросил:

– Устала?

Я неопределённо пожала плечом – сегодня не самый на-

сыщенный событиями день.

– Хочешь, поговорим?

– Да, но завтра. И совета попрошу. А сейчас минутку посижу и деток пойду купать.

День четвёртый

Пробегая мимо кухни после конной прогулки, я услышала зов Маши:

– Маленькая!

Я вернулась и заглянула в дверь. Крутя в руке большую деревянную ложку, Маша стояла у плиты и, смущённо улыбаясь, ждала, когда я подойду ближе.

– Маша, говори, у меня нет времени.

– Ты за вчера прости меня. Не знаю, что на меня нашло, наговорила на тебя напраслину.

Я кивнула, ожидая продолжения.

– Сергей Михалыч сказал, вы уезжаете после завтрака. Хотела спросить, что на ужин приготовить? Сегодня Его Высочество возвращается, я хотела торт сделать.

– Маша, всё на твоё усмотрение. И торт тоже. – Я помолчала и на всякий случай спросила: – Маша, это всё, что ты хотела спросить?

Неловко, левой рукой Маша начала отрывать бумажное полотенце и уронила на пол ложку.

– Маша, что случилось? – теряя терпение, спросила я.

– Василич дома не ночевал. – Она подняла на меня растерянные глаза. – Ты не знаешь, где он?

– Я только что видела его на конюшне.

– А где ночевал, не знаешь?

– Нет, Маша, я не знаю, где ночевал твой муж. Или ты хочешь, чтобы я это выяснила?

– Нет. – Она опять опустила глаза.

– Хорошо. – Я повернулась и побежала к лестнице.

Выезжали мы сразу после завтрака, как только я покормила малышей. Проводить собрались почти все домочадцы и провожали хлопотно.

Сергей подогнал машину к террасе и под недобрыми взглядами графа и Павла грузил в багажник сумки с необходимыми в дороге вещами. Я держала на руках спящих детей и ждала, когда он уложит их в автолюльки.

– Маленькая! – закричал Василич, показавшись из-за угла дома, – я подарочек несу! – В руках он держал какую-то чашу. – Огурчики! Первые! – он подбежал, протягивая чашу с молоденькими, с не отсохшими цветочками огурцами. – На-ко!

Серёжа, как раз забрал у меня Макса, и я протянула руку к угощению.

– Что ж ты, Вася, невытые-то? – протиснувшись из-за спин, укорила Маша (я думала, и нет её), перехватила чашу и, убегая в дом, уже из-за спины крикнула: – Я быстро, Сергей Михалыч.

– Спасибо, Василич. – Я потянулась и чмокнула его в щёку.

Он и не заметил. Умиленно взирая на Катю, протянул:

– Вишь, ты какаяаа! Улыбается! Ангелок, а не девочка! – Он поднял на меня растерянные и увлажнившиеся слезой глаза. – Красавица наша!

Я рассмеялась и, отдавая Катю Серёже, спросила:

– Хороша у тебя теплица, Василич?

Всё ещё находясь под впечатлением, Василич проводил Катю глазами и недоуменно повернулся ко мне, словно не понял или не услышал, что я спросила. Я повторила:

– Говорю, хороша у тебя теплица?

– Ааа... – опамятовался он. – Ох и хороша! Дай бог и эту зиму и с огурцами, и с помидорами, и с зеленушкой своей будем! Откажу, однако, я Николаю, а, Сергей Михалыч? – Он посмотрел в спину, укладывающего Катю в автолюльку, Серёжи, но Серёжа не отозвался. – Хочу вот импортозамещением заняться! Лимоны я уже вырастил, ананасы буду растить! – Он лихо развернул бейсболку козырьком назад. – Завалю я тебя подарками, Маленькая! Может, мне бороду отпустить, чтобы ты губки свои не колола, когда меня за подарки целовать будешь? – Он шутил, а глаза его не смеялись.

– Василич, милый, так за подарки я и щетину целовать согласна!

– Поехали, Девочка, – тихо позвал Серёжа. – Вперёд сядешь?

– Нет, Серёжа, к детям.

Я ещё раз чмокнула Василича, поцеловала молчаливого Андрэ. Он наскоро прижал меня к себе и наскоро прижался губами ко лбу. Я обняла маму.

– Мам, пока.

– Осторожнее там, – напутствовала она, – детей не простудите. И сами...

Прибежала запыхавшаяся Маша с коробом для провизии.

– Я тут... я тут собрала кое-что... что было. Ни Маленькая не предупредила, ни ты, Сергей Михалыч, не сказал... что поедете-то. Я б чего приготовила, а так, мясо там тебе, Маленькой пирог положила. Деткам прикорм в баночке. Ну найдёте! – махнула она рукой и вспомнила: – Огурчики там же! Помыла.

– Благодарю, Маша, заботник ты наш. – Я обняла и её.

– Маленькая, ты не сердись на меня, – понизив голос, вновь повинилась она.

– Не сержусь, Маша.

В машине я устроилась на заднем сиденье между автолюльками. Серёжа сел за руль, взглянул на меня в зеркало заднего вида и завёл мотор.

– Что ты?

– Василича жалко. Хороший бы из него вышел отец.

Маша и Василич пережили три внематочных беременности Маши, что окончилось полным её бесплодием.

– Серёжа, что Паша сердитый? – спросила я, когда мы выехали на трассу. – И Андрэ тоже?

– Оба настаивали, чтобы мы машину с охраной взяли. Всё припоминают случай в парке.

Я встретилась с ним взглядом и сказала:

– Я рада, что мы одни.

Случай в парке не только Андрэ и Павла рассердил. В тот раз на меня всерьёз рассердился Серёжа. А я рассердилась на себя.

Как и сегодня, Серёжа предложил уехать из дома и погулять в одном из парков Москвы. Кате и Максу было чуть больше месяца. Выбирая, где меньше народу, мы вышли на безлюдную аллею. Детки должны были вскоре проснуться, и нам нужно было найти место, где бы я их покормила. Серёжа катил коляску, я шла чуть впереди, положив руку на бортик коляски.

– Вот на той скамеечке и посидим, – сказал Серёжа, указывая на одинокую скамью под берёзой.

Впереди аллея огибала густой кустарник, и не успели мы поравняться с ним, как из его чащи вынырнули и устремились к нам четверо молодых людей. Двое – бойцы, любители тренажёрного зала с рельефными телами; похожие друг на друга, как близнецы, своими бритыми висками и затылками и осветленной пергидролем макушкой. Ещё один – высокий, тонкий, с грудной клеткой цыплёнка, с сальными

сосульками вместо волос и прыщавым лицом. И четвёртый – красивый веснушчатый мальчик с золотисто-рыжей шевелюрой и фигурой танцора, явно лидер этой четверки. Красавчик что-то сказал, остальные дружно и коротко гоготнули.

– Маленькая, подойди ко мне, – позвал Серёжа.

Я лишь оглянулась и не послушалась. Парни приблизились, один из бритых прыгнул и схватился рукой за коляску. Другие остановились в метре от нас. Красавчик смотрел ленивым, ничего не выражающим взглядом.

– Ай-я-яй, гуляем? – глумливо спросил он. Ощупав мою грудь, взгляд его ожил, умастился и медленно пополз вниз. – Какая цыпа! – словно удивляясь, протянул он. – Цып-цып-цып. Смотрите, мужики, какая гладкая девочка. С такой грех не позабавиться. А? – Подмигнул он прыщавому, тот тонко захихикал, а красавчик цепко взглянул на Серёжу и заявил: – Ты, мужик, не рыпайся, мы твою девочку потрогаем, приласкаем и вернём. – Его глаза вновь вернулись к моей груди. – Нехорошо, что такая тёлочка и тебе одному... с ближним надо делиться... заповедь такая есть, слышал? А за девочку не переживай, ей с нами понравится, мы её бережно будем любить, каждый по разу и всё.

Прыщавый залился мерзким смехом, бритые молча выжидали.

Улыбнувшись, я сделала маленький шагок вперёд и вкрадчиво спросила:

– Насиловать любишь? Красавчик! По согласию никак?
Его глаза вновь обленились, и он процедил сквозь зубы:
– Ссука.

– Ага, – согласилась я и засмеялась, добравшись до конца коляски, – сука. И сладкое тоже люблю, потому я вот его выберу. – Я шагнула к бритоголовому качку. – Мне он больше нравится. И татушки у него – класс! А, мальчик, обними меня крепче, – обратилась я к парню, заглядывая снизу ему в лицо.

Тот тупо смотрел на меня, и я прижалась к его телу грудью, прямо под той рукой, что вцепилась в коляску. Он машинально обнял меня, и Серёжа рывком откатил коляску назад. Краем глаза я увидела мелькнувшую тень, а когда оглянулась, и красавчик, и второй бритоголовый уже лежали на земле, а прыщавый скулил, согнувшись вдвое. Я резко присела, выскальзывая из-под руки, всё ещё обнимающего меня, парня, и Серёжа ударом в челюсть сбил с ног и его.

– Иди к детям! – бросил он мне, и я кинулась к коляске.

Детки мирно спали. Серёжа тем временем, вязал за спиной руки тому бритоголовому, кого нокаутировал раньше. Вязал его же ремнём. Мой избранник очнулся, встал на четвереньки, потряс головой и бросился на Серёжу. Сделав стойку на руках прямо на поясице у связанного, Серёжа встретил нападавшего ногой в лицо. У того что-то хрустнуло, брызнула кровь, он развернулся и упал лицом на дорожку. Серёжа связал красавчика и только потом подошёл к ле-

жавшему ничком парню, перевернул его, похлопал по лицу, тот застонал и поднял руку, защищаясь от похлопываний.

– Не пугай меня, парень, – произнёс Серёжа. – Что, зубов лишился? Я уж думал, черепушку тебе расколол. Дай-ка мне свой ремешок.

Сергей связал и его. Брезгливо посмотрел на прыщавого – тот сидел, высоко задрав острые коленки и размазывая по щекам слезы. Серёжа спросил:

– Побежишь?

Парень отрицательно покачал головой. Серёжа похлопал себя по карманам в поисках телефона. Я подсказала:

– Серёжа, на земле, справа от тебя.

Он наклонился, поднял телефон и сделал вызов.

– Павел, пришли наряд полиции. Да. Паша, всё в порядке. – Серёжа посмотрел на меня. – Я больше испугался, чем наша Маленькая. Четверо. Да вроде целы. Одному не рассчитал, зубы выбил. – Он начал объяснять, где мы находимся.

Положив телефон в карман, повернулся ко мне.

– Я тебя просил подойти.

– Серёжа, если бы я ушла к тебе, дети бы оказались на переднем плане.

– Ты мне связала руки! Ты с детьми должна была остаться у меня за спиной!

– Серёжа, не сердись!

– Маленькая, как я могу не сердиться? Ты устроила игры

со шпаной и оказалась прямо в их лапах!

– Я отвлекла их внимание от коляски.

– А если бы они не повелись на твою игру?

– Они повелись, Серёжа, и это главное!

Он подошёл, взял меня за плечи и встряхнул.

– Слушай меня, Девочка! Впредь, если я прошу, ты будешь исполнять мою просьбу!

К нам уже бежал наряд из четырёх полицейских, видимо, дежуривших тут же, в парке. Молодые ребята смотрели на «поле битвы» и, не зная, что им делать, помявшись, рассредоточились по периметру. Один вполголоса докладывал по рации обстановку.

Серёжа сел на траву, оперся локтями на согнутые колени и сцепил кисти. Я подкатила коляску ближе, развернула её, чтобы видеть детей и опустилась на траву рядом с ним. Он вздохнул и, вытянув ноги, позвал:

– Иди сюда.

– Серёжа... – пересаживаясь с травы к нему на ноги, начала я примирительно.

– Маленькая, неужели ты не понимаешь? – прервал он меня. – Драки могло и не быть.

Враз омертвевшими губами я спросила:

– Хочешь сказать, я их спровоцировала?

Серёжа отвернулся и, не глядя на меня, спросил:

– Почему ты решила управлять ситуацией? Ты не веришь в мою способность защитить тебя и малышей?

Только тут до меня дошло: «Я его оскорбила! Боже мой! Что за идиотка?.. Ещё и подвергла всех опасности...» Я охнула, вдруг осознав, что так было всегда – ни одному из своих мужчин я не доверялась – я всегда и всё контролировала сама!

По аллее к нам ехали сразу две машины с мигалками. Я встала на ноги. Поднялся и Серёжа. Одна машина остановилась прямо против нас, другая заехала на газон с противоположной стороны аллеи и уткнулась носом в кустарник. Почти одновременно у машин открылись все дверцы, и на аллее стало очень людно.

– Иди к скамье, – велел Серёжа.

Я вновь развернула коляску и поздоровалась с прибывшими. Посматривая на меня с любопытством, они ответили вразнобой. Серёжа подал руку одному, видимо, старшему по званию, остальным в качестве общего приветствия кивнул головой. Толкая коляску перед собой, я оставила деятельную суету полицейских за спиной, и на скамью села так же, спиной к дорожке, лицом к березке, приветливо и весело засеребрившейся листиками на ветерке. «Что ж ты за дура? Как? Как можно не довериться мужчине, чья спокойная уверенность и чья внутренняя сила вызывают восхищение?..»

Максим недовольно закричал. Опомнившись, я торопливо протёрла руки влажной салфеткой, расстегнула блузку и бюстгальтер, наклонилась и обмыла соски из бутылки с водой. Одновременно я старалась и мозги очистить от жвач-

ки раскаяния. Достав малышей из коляски – одного на одно предплечье, другого на другое, помогая себе коленками, я приложила их к груди. Макс зачмокал, а Катя, ещё толком не проснувшись, уткнулась головенкой в грудь, нашла ротиком сосок и вновь его отпустила.

– Ну, Котёнок, не то время и место, чтобы забавляться, – увещевала я малышку.

За спиной приезжали-уезжали машины, и кто-то подошёл к скамье.

– Не пугайся, Маленькая, это я.

– Я не пугаюсь, Паша.

Катя, наконец, начала сосать. Я склонила голову к деткам. Павел сел на скамью с другой стороны, спиной к нам, и тоскливым голосом произнёс:

– Я думал, в наше время шпана уже повывелась.

Только-только вернувшись из армии, Паша едва не угодил за решётку, защищая двух девчушек от приставаний подвыпившей компании. Одному из любителей секса он одним ударом сломал челюсти и верхнюю, и нижнюю. Пострадавший оказался сыном какого-то чиновника, а девчушки, то ли подкупленные, то ли запуганные, от показаний отказались.

– Стефан сейчас приедет, отвезёт тебя с малышами домой. Сергей Михалычу придётся проехать в отделение показания дать.

– Он уже уехал?

– Нет ещё, с начальством что-то обсуждает. Этот прыща-

вый чей-то сынок, адвокат уже в отделение мчится. Рожают и деньгами «воспитывают» суки – тут взятка, там взятка.

Бесшумно подошёл Серёжа и присел перед нами на корточки, задержался взглядом на сосущих грудь детках, потом поднял глаза на меня. Гнев его прошёл.

– Маленькая, вы без меня домой поедете. Стефан неподалёку, скоро приедет и отвезёт вас.

Он оперся в землю коленями, поцеловал малышкой и меня. Уже поднимаясь, остановился и внимательно взгляделся в моё лицо.

– Что ты? Расстроилась?

Я кивнула, наполняясь слезами, и прошептала:

– Я дома тебе всё скажу.

Он постоял, прижался губами к моей макушке, глубоко втянул в себя воздух и отошёл. Я услышала, как хлопнула дверца автомобиля, и машина тотчас отъехала.

Паша сопел за спиной, что-то обдумывая и не решаясь сказать.

– Что ты хочешь сказать, Паша?

– Хочу спросить. Маленькая, ты в самом деле не испугалась?

– Испугалась, Паша, конечно же, испугалась! За детей испугалась, когда бритоголовый руку на коляску положил. У меня в голове была одна мысль – освободить коляску, а дальше Серёжа уже сумеет защитить детей.

– А за себя не боялась?

Я усмехнулась.

– Паша, я больше саму себя боюсь, чем за себя.

– Стефан идёт. – Он помолчал и добавил: – Я иногда совсем не понимаю тебя.

Макс отпустил сосок. Я старалась приподнять его головку выше и одновременно не потревожить Катю. Запыхавшийся Стефан зашёл на газон с моей стороны и молча забрал Макса.

– Ну я пошёл, – сказал Паша. – Стефан, вот ключи от машины, может, что понадобится. Или лучше езжайте на машине Сергей Михалыча, там автолюльки, Маленькой будет удобнее. А свою оставь, я пригоню её вечером. Маленькая, пока, до вечера.

– До вечера, Паша. Спасибо.

Катя уснула, и я осторожно приподняла её. Стефан перегнулся через моё плечо, я передала ему ребёнка и застегнула бельё и блузку.

– Нас охраняют? – спросил Стефан.

Я оглянулась. Тот же наряд из четырёх молодых полицейских кучкой стоял неподалёку.

– Наверное. Пойдём в машину, Стефан.

Мы молча встали, я покатила пустую коляску, Стефан нёс детей.

Так же молча мы доехали до дома.

Дома волновались. Псы караулили у ворот. Настя и Василий караулили у парадного входа в дом – Настя на террасе, а

Василич перед террасой, подравнивая кусты самшита в кадках. Увидев всех в здравии – Стефана, меня, деток, которых, как орлица в крыла, схватывала Настя, едва Стефан вынимал ребёнка из автолюльки, Василич покивал головой и заторопился прочь, а Настя понеслась с детьми в дом.

Мама и граф ждали в гостиной. Граф был бледен и раздражён, а мама тихонько плакала.

– О, детка, наконец-то! – воскликнул граф.

– Всё в порядке, Андрей, мама. Малыши даже не проснулись. Мам, не плачь, – я присела к ней на диван, обняла и погладила по плечу. – Меня никто не обидел. Серёжа четверых уложил, а сам не пострадал. Всё хорошо. Всё уже прошло.

Из кухни выглянула Маша и, молчаливо покивав головой, как и Василич ранее, скрылась.

– Зачем ты хочешь жить в этой стране? – ворчливо спросил Андрэ и, взглянув на маму, покачал головой. – Ну-ну, Анна Петровна! Наша девочка цела и невредима. Будет плакать! Давление поднимется.

– Преступники и хулиганы есть в любой стране, Андрей.

– Преступники есть везде, но не везде среди бела дня в общественном месте бесчинствуют хулиганы! А твой муж... – накопившееся за время ожидания, негодование Андрэ выплеснулось на главного «виновника» случившегося, – твой муж поселил семью в криминальной стране и, видишь ли, столь трепетно ценит свободу, что не желает обзавестись элементарной защитой! У него и в дом входи, милости просим,

кто захочет! Хоть собак завёл, благодарствую! И потом, детка, зачем он таскает вас в эти общественные парки? Что за плебейская потребность?..

– Андрей...

– В усадьбе и воздух чище, и лес рядом!

– Андрей, если позволишь, поговорим позднее. Хочу принять душ и переодеться.

– Ну-ну, Анна Петровна, – переключил он внимание на маму, – хватит плакать! Давайте отпустим девочку и пойдём в кабинет. Маша нам сейчас чаю успокаивающего заварит. А потом выслушаем, какие объяснения нам даст Её Сиятельство наша дочь! – Он сердито взглянул на меня и предложил маме руку.

Как и обещала, приведя себя в порядок, я пришла в кабинет и, открывая дверь, застала обрывок фразы:

– ...не знала. По телефону, что не спроси, у неё один ответ – всё в порядке.

Мама и граф пили чай и разговаривали обо мне.

– Лида, Андрей Андреевич говорит, ты в Париже моду показывала, по подиуму ходила. Что, правда, что ли?

Я хохотнула.

– Что это вы вспомнили? – Готовясь к длинному разговору, я разулась и с ногами забралась на диван. – Давно это было и один-единственный сезон. И говорить не о чем.

– Так что, правда по подиуму ходила? Да ты-то откуда хо-

дить, как надо, умеешь? Там ведь по-особенному надо. Ва-лина внучка училась несколько лет в Италии, сколько они денег на неё истратили, так и всё равно у неё ничего не вы-шло, домой вернулась.

– А я в глаза Серёжи смотрела. Он далеко-далеко, в конце подиума сидит, я ему понравиться хочу, поэтому иду краси-во...

– Воображаешь! – рассмеялась мама.

– Угу! Дойду до него, увижу восхищённый взгляд, и об-ратно окрылённая иду, тоже стараюсь, он же мне в спину смотрит! И так по три раза за показ!

В дверь постучали. В приоткрытую створку просунулась голова Стефана.

– Анна Петровна, – укоризненно произнёс он.

– Ах! Я забыла, Стефан! – Мама поставила чашку и зато-ропилась к двери. – Заболталась и про массаж забыла!

– Детка, как плохо я тебя знаю! – покачивая головой, ска-зал Андрэ, как только за мамой закрылась дверь. Недавнее раздражение его, похоже, улеглось, он выглядел скорее печальным, чем раздражённым. – Я думал, ты любишь бли-стать. Ты так горделиво демонстрируешь себя! А Анна Пет-ровна говорит, ты дикарка, любишь одиночество и всегда была скромна в потребностях. Неужели это всё исключи-тельно для твоего мужа? А как умело ты подбираешь туале-ты! Откуда это? Твои наряды великолепны, но ни один, даже самый изысканный, не затмил тебя, напротив, словно оправда

для драгоценного камня, твои туалеты подчёркивают твою красоту и женственность!

– О, Андрей, благодарю! – рассмеялась я от удовольствия. – Мне никогда не дарили таких прелестных комплектов!

– Но это правда, детка! Я восхищаюсь тем, как ты одеваешься, как ты держись себя. Ты доброжелательна и открыта, с каждым найдёшь нужный тон и, вместе с тем, умеешь установить дистанцию. В тебе нет спеси, но есть спокойное достоинство. Детка, ты в высшем смысле слова аристократична! И вдруг я узнаю, что вся твоя жизнь – это добровольное затворничество? Мне больно, что нарушила ты его не ради себя, а ради Сергея!

– Почему же не ради себя, Андрей? Я счастлива с Серёжей, и для того, чтобы длилось моё счастье, надо, чтобы и он был счастлив со мной! И жизнь моя прошлая не одно сплошное затворничество. Мне и спикером перед аудиторией в несколько тысяч человек приходилось бывать. Это с уходом Насти я стала вести замкнутый образ жизни и иногда по целым неделям видела одно, ну, может быть, два лица. А сейчас вокруг меня очень много лиц. Я люблю людей, которые меня окружают, это родные мне люди, но я устаю, Андрей. У меня редко бывает возможность помолчать, не то, что побыть в одиночестве. Меня дёргают вопросами даже во время кормления детей. А кормление для меня свято – это время моего общения с малышами. Я не хочу думать в эти

минуты ни о чём постороннем, каким бы важным это не было. Я хочу смотреть, как детки сосут грудь, хочу ловить их взгляды, разговаривать с ними вслух и мысленно.

– Детка, но ты сама превратила людей, обслуживающих твою семью, в «родственников»! Зачем? Домочадцы, как ты их называешь, на самом деле твои слуги. – Андрэ поморщился и поднял ладонь, заранее пресекая, готовые сорваться с моих губ возражения. – Знаю-знаю, ты не любишь это слово. Но они всё равно остаются слугами, потому что за свою работу получают деньги, – он опять остановил меня, – да-да, детка, я помню – все, кроме Стефана! – Прервавшись дважды, он сделал паузу и только после этого продолжал: – Именно благодаря твоим усилиям сделать их семьёй, эти люди претендуют на твоё время. Замечательно, что каждый из них стремится не просто хорошо делать свою работу, каждый искренне желает тебе угодить, но при этом каждый рассчитывает и на твоё внимание. – Он развёл руками. – Будь они просто слугами, ты была бы избавлена от их притязаний.

– Андрей, домочадцы больше, чем родственники. Они живут в доме. Их энергии участвуют в формировании общей энергии дома. Я повторяюсь, прости, но ещё раз скажу: я хочу, чтобы дом, где живёт Серёжа, детки, ты, Андрей, мама, я, был наполнен любовью или хотя бы теплом и уважением. Я знаю, что такое жить в атмосфере равнодушия, когда ни твой внутренний мир, ни твои предпочтения и привычки никого не интересуют. Я знаю, как живётся в атмосфере отрицания,

нетерпимости к другому человеку, я когда-то и сама в подобном участвовала, добавляя к общей куче ещё и чувство вины...

– Когда ты говоришь о себе такие вещи, – прервал меня, вновь поморщившись, граф, – я не верю! Ты наговариваешь на себя!

– Меня это радует, милый! Это говорит о том, что я изменилась. Я люблю, а любовь помогает находить в себе лучшее! Андрей, я очень скучаю по Серёже, вдвоём мы бываем только ночью, но спать тоже когда-то надо. Мне не хватает разговоров с ним, молчания с ним, его тёплого взгляда.

– Куда уж больше? – проворчал он. – Вы столь поглощены друг другом, что не замечаете никого вокруг.

– Может быть. Но с главным человеком моей жизни я провожу много меньше времени, чем с любым из домочадцев. Убегая из дома, мы получаем возможность побыть вдвоём. Общаться с детьми без посторонних. Отдохнуть от множества лиц. И нам не нужны подглядывающие за нами глаза охраны, потому Серёжа и отказывается...

В этот самый миг дверь в кабинет распахнулась.

– Серёжа... – я вскочила на ноги, и его руки обвились вокруг меня.

– Андрей, я похищаю свою жену, – заявил Серёжа, увлекая меня за собой к двери и шепча на ухо: – Соскучился... ммм... сладкая... – одна его рука прижимала меня к груди, а другая уже искала моего тела...

Торопясь к ужину, мы бежали (я бежала!) по коридору второго этажа. Поспевая за Серёжей, я решила вернуться к конфликту в парке и спросила:

– Ты не сердишься?

– Нет. Я понял, что в критических ситуациях ты полагаешься только на себя, и это происходит вне твоего сознания. – Он искоса взглянул и спросил: – Возможно, когда-то это был единственный способ выжить?

– Ооо, невозможно! – простонала я. – Подожди!

Он остановился. Взмахнув руками, я обняла его за шею.

– Ты... ты самый лучший, Серёжка, самый-самый лучший! Как же я люблю тебя!

– Доверься мне, Лида! – прошептал он, взяв меня за подбородок. – Мне важно твоё доверие.

Сбегая по ступенькам лестницы, я дала ему слово, мысленно, про себя: «Я обещаю! Я научусь, Серёжа! Я научусь полагаться на тебя, научусь доверяться тебе! Доминировать в отношениях естественно для мужчины; так же, как защищать любимых – естественная задача мужчины. Знаю я и то, как важна для тебя моя вера в твою способность разрешить любой возникающий на жизненном пути вопрос. Я научусь доверяться, Серёжа, я обещаю!»

За столом Сергей рассказал, почему задержался в отделении полиции.

– Отец прыщавого парнишки приехал. Выяснилось, что

мы партнёры – участвуем в одном сибирском проекте. Жаловался, что жена рано умерла, и он сам воспитывает мальчика. В общем, не стал я в показаниях о парне упоминать. Завтра оба приедут прощение просить. Примешь?

– Конечно, Сережа...

Я поймала взгляд мужа в зеркале и улыбнулась.

– Прости, милый, задумалась.

– Через пару километров сворачиваем на бездорожье, – сообщил он.

Я кивнула, и мысли вновь вернулись в недалёкое прошлое.

У прыщавого есть имя, его зовут Игорь.

Паша, узнав о предстоявшем визите, отказался сопровождать Серёжу, зачем-то напомним, что давно выбрал служить мне, а не Сергею. Серёжа на заявление никак не отреагировал, граф же был рад решению взять под контроль встречу, но был возмущён формой, в которой Павел озвучил это решение. Предотвращая неприятный разговор перед самым отъездом из дома, я отвлекла графа прощальным поцелуем, Серёжа сел за руль, и он и Андрэ уехали в офис.

Стефан тоже был сегодня дома, поэтому мы занялись выездкой. После длительного перерыва на беременность и роды, я восстанавливала навыки танца на спине Пепла. Я как раз завершила второй круг в довольно сложной позиции – стоя на одной ноге и вытянув перед собой другую ногу, я

старалась удержать равновесие без помощи рук, балансируя исключительно верхней частью туловища.

– Стефан, – скатившись с коня, я бросилась к нему, – Стефан, ты видишь? Уже... – не реагируя на мою радость, Стефан смотрел в сторону дома, я посмотрела туда же, механически договаривая: – ...получается.

Павел привёл гостей. Лицо прыщавого выражало изумление, сегодня его волосы были вымыты и пушились вокруг головы. Лик его упитанного папеньки горел более сложным коктейлем эмоций, состоящим из восхищения и... вожделе-ния(?). Псы держались в авангарде группы и деланно равнодушно рассматривали окрестности.

– Стефан, перерыв. Извини. – Я направилась к гостям. – Здравствуй, – протянула я руку отцу, – Лидия.

– Пётр Игоревич Петрищев. Очень рад! Восхищён! Как вы с коня... и на коне тоже... – он потряхивал мою руку, качая головой и цокая языком, – как в цирке!

Я поморщилась и отняла руку.

– Виноват. Лучше! Лучше, чем в цирке! И вы так... – он руками нарисовал в воздухе силуэт женской фигуры, – на коне. Очень эффектно!

Я перевела взгляд на его сына. Паренёк улыбался тепло и искренне, в глазах интерес. «Мальчик-то не совсем пропащий! – подумала было я и тут же вспомнила его мерзкий смех в парке. – Что-то не складывается». Я протянула руку, он растерялся. Несколько секунд недоверчиво смотрел

на меня, потом бережно взял мою руку в ладонь. «И ладонь, парень, у тебя хорошая – теплая, сухая».

– Лидия.

– Игорь.

Я сделала приглашающий жест, указуя за их спины, в сторону дома.

– Прошу. Полагаю, на террасе будет удобно. – Прошла вперёд и первой села в кресло.

Граф занял позицию между мной и Петром Игоревичем и на всякий случай легонько показал гостю клыки. Я успокаивающе погладила пса по шее.

– Серьёзная у вас свита, графиня! – произнёс Пётр Игоревич с нервной усмешкой. Он боялся пса.

По другую сторону от меня лёг на брюхо Лорд, заняв собой всё пространство от моего кресла до кресла Игоря. Игорь, в отличие от отца, на пса смотрел с восторгом.

Я молчала, ждала, посматривая то на сына, то на отца. Пётр Игоревич прочистил горло и радостно сообщил:

– А мы с вашим супругом один проект инвестируем! И представляете, лично познакомились только вчера! – Он хохотнул. – Теперь и дальше знакомство водить будем! – И увял, торопливо добавив: – Надеюсь.

Повисла пауза.

– Мы, Лидия... – начал опять Пётр Игоревич, – графиня... мы собственно... я привёз своего шалопаю, собственно, чтобы извиниться. Он приносит вам извинения... связался,

понимаешь, с компанией отморозков... – в усилиях объяснить Пётр Игоревич покраснел и даже вспотел.

Опустив глаза на Лорда, «шалопай» его усмехнулся. Пётр Игоревич заметил и рассердился:

– Ты чего, гадёныш, усмехаешься? Я тебя зачем сюда привёз? Чтобы ты усмехался? Или, может, ты хочешь в тюрьму пойти?

Лицо парня окаменело. «И хорошо, мальчик, – подумала я, – лучше не показывай, что там, в твоих глазах!» Я посмотрела в сторону конюшни. Стефан чистил Грома. У арки, раскачиваясь с пятки на носок, высился Паша; жевал травинку и демонстративно, не отрывая прищуренных глаз, смотрел на нас.

– Ты извиняться сюда приехал, вот и извиняйся! – продолжал гневаться родитель. – Смотри на меня, когда я с тобой говорю, гадёныш! Заморыш паршивый!

– Пётр Игоревич... – сделала я попытку остановить гостя, но гость не обратил на меня внимания. Я погладила Графа по вздыбившемуся загривку, пёс не только скалил клыки, он тихонько рычал.

Томительно долго и отвратительно щедро Пётр Игоревич осыпал оскорблениями своего сына, но, в конце концов, истошился и изволил взглянуть на меня.

– Пётр Игоревич, не хотите ознакомиться с нашей конюшней и полюбоваться садом? Розы, например, я сама развожу. Пока вы приятно проведёте время, я, если позволите, пого-

ворю с вашим сыном.

– Да, Лидия... графиня... с радостью! Мальчик, он без матери... понимаете, не всегда время было... деньги тоже кто-то должен зарабатывать. – Вставая, он покаянно развёл руками и направился прочь.

Граф повернулся ко мне и, приблизив морду, влажно задышал в лицо.

– Молодец, мальчик, умница. Благодарю тебя.

Пёс аккуратно лизнул мою щёку. Лорд, поднявшись, ждал своей порции признательности.

– И ты молодец, и тебя благодарю. – Любивший объятия, пёс сделал попытку закинуть лапу мне на плечо. Прикрыв грудь руками, я строго окоротила: – Нельзя!

Вдобавок и Граф рывкнул на брата. Лорд лапу убрал, лизнув меня в другую щёку, развернулся и, звучно выдохнув, упал на бок. Игорь поспешно отдёрнул ноги и взглянул на меня смеющимися глазами.

– Ага, – покивала я. – Я тоже едва-едва успеваю ноги убраться, когда тот или другой валится на пол.

– Можно я его поглажу?

Получив разрешение, он наклонился и робко провёл ладонью между ушами Лорда.

– Любишь собак? – поинтересовалась я.

Он пожал костлявым плечом.

– Не знаю. Всегда хотел. Просил в детстве какую-нибудь, хоть самую маленькую, – продолжая поглаживать Лорда, не

поднимая головы, он кивнул в сторону ушедшего отца, – не разрешил. Сказал, антисанитарию не позволит в доме разводить. Даже рыбок не разрешил. Знаешь, чем объяснил? Сказал, настоящий мужчина убивает животных, чтобы зажарить и съесть, а разводят животных слабаки. Ещё и заржал!

– Ты где настоящий, сейчас или вчера в парке?

Он поднял на меня глаза, убрал руку с Лорда и выпрямился. Злобно ощерившись, спросил:

– А тебе какая печаль?

Оба пса посмотрели на Игоря. Я кивнула на Лорда, приподнявшего голову от пола:

– Смотри, даже собаки удивляются смене твоего настроения. Только что был человек, стал зверёныш. Я-то тебе, что плохого сделала? Могу понять обидки маленького мальчика на властного отца. – Как и он прежде, я кивнула в сторону конюшни.

Там его папа крутился возле Стефана и Грома, не зная, чем себя занять. Стефан его игнорировал.

– Или ты заодно и весь мир ненавидишь? Или только женщин?

– Да что ты знаешь обо мне, чтобы судить?

– Не знаю, – парировала я спокойно, – потому и задала вопрос. Вчера я видела четверых друзей – двух любителей силовых тренажёров, начинающего насильника с ограниченным интеллектом и его подхалима. Сегодня вижу парня, любящего животных, искреннего, с хорошей улыбкой. Ты кто?

Он покраснел и опустил глаза.

– У меня нет друзей. Этот, – он опять, не глядя, кивнул в сторону отца, – всех повывел. «Дружить надо с нужными людьми, нищих ублюдков рядом с тобой, чтобы не видел!», – довольно похоже процитировал Игорь отца. – А с нужными скучно, у них шмотки, девки, бухло, кто, где отдыхал, теперь вот тачки, гонки. А с этими из парка, я назло ему.

– Животных любишь. Кого-нибудь ещё любишь?

Он покачал головой и резко, со звуком, словно всхлипнув, втянул в себя воздух.

– Маму любил. Его не за себя, за неё ненавижу, – ничего не пояснив, он умолк.

Пётр Игоревич устал слоняться вокруг Стефана и направился к нам. Я посмотрела на Пашу и покачала головой. Паша понял – перехватил Петра Игоревича и повёл в обход дома, на другую его сторону. С интересом наблюдая за манёвром Павла, Игорь усмехнулся.

– Грамотная инактивация.

– Что не сделаешь ради хорошего человека?

– Хороший – это я?

– Ага. Собаки так считают. А я собакам доверяю. Рассказывай.

Игорь улыбнулся.

– Ты самоуверенная. И вчера тоже. Ты же была уверена, что Болт поведётся на тебя!

– Думаешь, зря?

– Нет. – Он опустил глаза ниже моего лица. – Ты зачётная! Любой поведется! Сегодня на лошади, вообще, обалдеть! И рядом с псами своими классно смотришься! Сама маленькая, а они огромные. Фигурка у тебя что надо!

– Благодарю. – Я помолчала и засмеялась. – А знаешь, мне приятно!

Глаза парня стали по-мужски ласковыми.

Под моим выжидающим взглядом, он стёр улыбку и стал рассказывать:

– Она болела. Тяжело болела. Онкология у неё была. Он девок домой стал таскать ещё, когда она жива была. Сказал, что он здоровый в отличие от неё, и ему нужен секс. Я сам за ней ухаживал. Всё сам. Только самое интимное она мне не позволяла, терпела, когда сиделка придёт. Он сиделку нанял только на четыре часа в день. Сказал, пусть мама в остальное время спит. Потом решил её в больницу сдать, чтобы не дома умерла, а меня в Англию хотел отправить. Я кухонным ножом руки себе стал резать. Сказал, убью себя, если он нас разлучит. Игорь вывернул левую руку, демонстрируя шрамы на подушечке большого пальца и на запястье. Рассказ ему давался трудно – он произносил фразу, потом умолкал, потом говорил следующую, опять молчал. Лорд поднялся, положил голову парню на колени и тихонько поскуливал. Игорь гладил пса по голове.

– Мама на моих руках умерла. Тихо умерла, улыбаясь. Она, когда улыбалась, у неё глаза лучились. Как у тебя. Когда

заболела, перестали лучиться. А умирала, опять лучились.

Я не видела, плакал он или нет, я смотрела в сторону конюшни. Явилась Маша с мокрым лицом, поставила разнос на стол, молча налила в чашки чай, одну мне, одну Игорю, подала ему на тарелке кусок пирога.

– Поешь. Малиновый, вкусный. – Посмотрела на меня. – Этого, – мотнула в сторону головой, – угощать не буду, хоть режь меня! – Угрожающе выставив подбородок, Маша гордо удалилась.

– Благодарю, Маша. Как её зовут?

Игорь непонимающе уставился. Понял и, отвечая, выделил слово «зовут»:

– Маму зовут Людмила.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать два.

– Мужчина уже. – Я помолчала. – То, что я сейчас скажу, Игорь, тебе вряд ли понравится, поэтому, можешь сразу уйти. Будем считать, что твои извинения приняты.

Он остался в кресле и, ожидая продолжения, исподлобья, в упор смотрел на меня.

– Я мать и знаю, счастье матери в счастье её дитя. Я бы не хотела, чтобы мой ребёнок выбрал ту жизнь, которую выбрал для себя ты. Твоей маме было больно оставлять тебя, но она улыбалась, веря в доброе будущее своего мальчика, потому что она хорошо воспитала его. Он вырос заботливым, любящим, верным. Значит, и она прожила свою короткую жизнь

не зря.

Игорь низко опустил голову, рука застыла на голове Лорда, пёс продолжал тихонько скулить.

– Сейчас ей очень больно, больнее, чем, когда она умирала. Ты забыл, чему тебя учили её лучистые глаза. Ты разрушаешь свою жизнь, думая, что мстишь отцу. Ты ненавидишь отца – он был жесток с твоей мамой. Зато ты способен на жестокость к другим женщинам, возможно, и к детям тоже. У тебя, парень, нет морального права осуждать отца. Пётр Игоревич не любит животных и живёт только для себя. Ты любишь животных, ненавидишь людей и не способен жить даже для себя.

Не отвечая, Игорь долго молчал, рука его то гладила голову Лорда, то замирала. Наконец, он поднял голову и спросил:

– Ты думаешь, мама знает обо мне?

– Да. Я знаю о законе сохранения энергии – опыт человека, его чувства и знания, это тоже энергия, а энергия не может исчезнуть просто так. И ещё, мама твоя, до тех пор твоя мама, пока она остаётся мамой для тебя, пока ты сохраняешь о ней память.

Он вновь надолго умолк. Я не мешала ему. К чаю ни он, ни я не притронулись.

– Я не был жесток с женщинами, – наконец, прервал он молчание, – и с детьми тоже. Я был с ребятами один только раз до... встречи с вами. Мужика пьяного обчистили, даже не били.

– Скажи, что было бы со мной, если бы Серёжа не был умелым противником?

Игорь не ответил.

– Игорь, мои дети проснулись, мне кормить их пора. Я предлагаю тебе остаться у нас на пару дней, если ты, конечно, хочешь. С отцом я твоим договорюсь.

Он поднял взгляд. В глазах появилось что-то новое. Решение? Осознание себя?

– Я сам с ним договорюсь, – спокойно сказал он.

– Тогда, Игорь, я побежала. Встретимся за обедом.

Парень оказался компьютерным гением. Серёжа с радостью взял его на работу. Почти каждые выходные Игорь проводит у нас – возится с собаками, ухаживает за лошадьми, не чурается и «фермы» Василича, в саду тоже помогает. Паша загоняет его до пота тренировками, Маша откармливает, Даша вылечила его кожу.

Его отцу от дома отказано...

– Ели какие могучие, прямо лес настоящий! – восхитилась я.

– Да, Маленькая, настоящий еловый бор, а на участке сосны в основном. Нам ещё минут тридцать ехать.

Наконец, машина повернула с дороги прямо в ельник, и метров через десять глазу открылось залитое солнцем пространство с редкими соснами и высокой, в пояс Серёже, сухой травой.

– Приехали, Девочка! – сказал Серёжа и заглушил мотор.

Я вышла из машины и отправилась бродить по участку, ступая там, где трава была пониже.

– Серёжа, а где дом будет?

– Сейчас, Маленькая, – издалека отозвался он, – нарежу травы, потом всё тебе расскажу и покажу.

Три молодых сосенки росли близко друг к другу, травы под ними не было, только хвоя покрывала землю. Я опустилась на коленки, разгребла хвою, положила ладошки на землю и закрыла глаза. Земля была сухая и... тёплая. Уже ноябрь, несмотря на солнце днём, ночи холодные, и земля тёплой никак не могла быть, особенно под деревьями, куда и солнца мало попадает. «Матушка-земля, дашь ты нам здесь счастливый приют?» – шёпотом спросила я, стараясь наладить контакт, почувствовать энергию места. Земля отвечала теплом. Стоявшая вокруг тишина дарила покой. «Не показалось, – поверила я и вздрогнула – прямо над моей головой раздалась птичья трель, да такая звонкая, радостная!

– Вот и ответ! – засмеялась я и поискала глазами в кронах сосенок певунью. Никого не увидела, но поблагодарила: – Спасибо.

Вернувшись к машине, я заглянула в салон – малыши спали. Серёжа принёс охапку сухой травы, настелил поперёк первой, настеленной ещё до моего прихода.

– О, Серёжа, это ложе, я бы даже сказала, царское ложе.

Я достала из багажника сумку, из сумки плед ручного пле-

тения – толстый, прочный, из овечьей шерсти плед надёжно защищал даже на сырой земле. Достала ещё один – тоньше и пушистее. Серёжа покрыл толстым пледом настил из травы, а другой бросил комком в изголовье и пригласил:

– Садись, Девочка.

Я сняла куртку, упала на ложе спиной и закинула руки за голову. На осеннем, утратившем краску до блёклости, небе по краю неподвижно висели облака. В воздухе редко кружились мелкие мошки. Птица запела опять.

– Кто это, Серёжа?

– Птичка? Зяблик это, Девочка. Странно, что сейчас поёт. Да и улетают они ещё в октябре. – Он озадаченно посмотрел в сторону сосенок.

– А этот остался, чтобы нас встретить и пением приветить. Серёжа, я спросила: хорошо ли нам здесь будет? Земля теплом ответила.

Сергей растянулся рядом на животе. Сверкая искорками в глазах, взглянул на меня, собираясь что-то сказать и... передумал – глаза враз потемнели.

– Серёжа...

Нетерпеливые губы не дали продолжить. Наши руки, как всегда, путались между собой, помогая и мешая друг другу раздеваться. Сбросив последнее, Сергей накрыл меня своим телом, хрипло выдохнув в лицо:

– Замёрзнешь?

Я замотала головой, подчиняясь ритмичным движениям

его бёдер. Зяблик пел песню, воспевая наш первый секс на этой земле, которую мой муж выбрал для нашего дома.

Позже, оплетя его руками и ногами, я слушала его рассуждения о будущем доме. Мы лежали на краю ложа, накинув на себя, оставшуюся свободной, часть пледа.

– Гостиная будет большая, я хочу так же, как у нас сейчас, разделить её на несколько функциональных пространств. Конечно, зона столовой должна быть больше, чтобы стол не сдвигать-раздвигать, как мы это делаем сейчас. Я уже сделал заказ антиквару на поиск витрин для посуды, буфетов, комодов в том же стиле, что и наша мебель. Или, может, современную мебель купим?

– Неет. Серёжа, я вообще не хочу менять мебель, мне наша нравится.

– Посмотрим, – он помолчал, размышляя, – я думал, заказать новую, но в винтажном стиле. Диванную зону нужно расположить так, чтобы диваны можно было двигать в любом направлении, устраивая, например, зрительный зал. Обязательно нужен музыкальный «салон». Должны же мои гитары обрести, наконец, своё полноправное место! Надо предусмотреть место для фортепьяно – деток обязательно будем учить музыке. Хочу, чтобы размеры гостиной позволяли вальсировать. И не одной паре, как у нас сейчас. Надеюсь, детки в маму уродились, и будут танцевать. А ещё я хочу галерею. Ты как относишься к картинам в доме?

– Серёжа, я не знаю, как я отношусь к картинам в доме. Я

об этом никогда не помышляла.

Я вспомнила разговор с Андреем в картинной галерее Карловых Вар о современном искусстве, хохотнула и выдала тот же вердикт:

– Пусть будут! Но не ради моды или престижа, а только те, что откликаются и будят чувства.

Сергей не ответил. Удивлённая его молчанием, я подняла к нему лицо.

– Ты говорила, я изменился в сексе. – Без всякого перехода переменял он тему.

– Изменился, – подтвердила я и опять опустила голову ему на грудь. – С того времени, как мы узнали о беременности.

А точнее, с того дня, как Стефан узнал о моей беременности. Будучи нашим семейным врачом, Стефан порекомендовал Серёже быть осторожнее и сократить половые контакты, или лучше совсем от них отказаться – возраст де у беременной не юный, мало ли что. Узнав об этом, я вскипела и так горячо отстаивала своё право на секс, что разругалась со Стефаном. Право я отстаивала, но Серёжиной осторожности не предотвратила.

– Ты осторожен. Я уже не больна беременностью, и даже родами уже не больна, а ты по-прежнему осторожен. Мне нравится твоя нежность, и я люблю нежный секс, но мне не хватает твоей силы, твои руки чуть не звенят от напряжения, так ты сдерживаешь себя! Я скучаю... ох, Серёжка, как же я

скачаю по неистовству твоей страсти! Ты научил меня быть свободной в сексе, а свой контроль только увеличил. Как ты не поймёшь? Твой контроль вызывает мои комплексы обратно из небытия! Я переживаю, что я уже не так хороша, и ты меня не хочешь так, как прежде!

Я опять подняла голову и поискала понимания в его глазах, и не нашла. Завозилась, сползая с ложа через него, и, стараясь, не стащить с него плед.

– Куда ты? – спросил он, не удерживая, а поддерживая меня.

– Детки проснулись. Молоко прибывает.

Вначале я покормила малышей «взрослой» пищей. Приготовленные Машей, запечённые в духовке и натертые яблочко и морковь, смешанные с капелькой меда, очень нравились Максу. Катя долго крутила пюре во рту, потом всё же начала есть. Завершало их обед грудное молоко.

Накормив деток, мы расположились на ложе вокруг них. Макс и Катя разбирались с игрушками. Катя хотела каждой игрушкой поделиться с отцом. Максим же, насупившись, развлекался сам – деловито перекладывал игрушку из ручки в ручку, пробовал на вкус, отбрасывал, брал следующую. Иногда что-то громко рассказывал, обращаясь к игрушке.

– Я приглашаю тебя на свидание, – не глядя на меня, внезапно вымолвил Серёжа.

Я смотрела, как, подставляя ладонь под игрушку, подаваемую Катей, Серёжа удерживает ручку дочери, наклоняется

и целует маленькие пальчики, заглядывая Кате в лицо. А Катя радостно хохочет, показывая два растущих зубика.

– Меня? – тупо спросила я. Серёжа усмехнулся. – Когда, Серёжа?

– Сегодня.

– Сегодня? – Я растерялась ещё больше – сегодня возвращается Его Высочество – негоже при возвращении гостя в дом, отсутствовать и хозяину, и хозяйке дома. – А куда?

– Девочка, я приглашаю тебя на свидание сегодня, после того, как ты уложишь деток на ночь. В Аквариум.

– О, Серёжка, – рассмеялась я, – я согласна!

«О, как же я люблю тебя! Твои руки, такие нежные сейчас с Катей, твою улыбку, твой смех! Всё!»

– Что ты, Девочка? – заметив мой взгляд, спросил он.

– Люблю тебя. Ты обращаешься с Катей, как с маленькой леди. Девочка, любимая отцом, вырастет в счастливую женщину!

Максу тоже захотелось общения. Он потянулся к Кате и коснулся резиновой лисички в её ручке. Катя удивлённо посмотрела на брата и отдала игрушку. Максим, не сумев взять, лисичку выронил. Катя захватила лисичку за нос и вновь подала Максусу. Макс опять не удержал игрушку. Катя звуком выразила недовольство и отвернулась к отцу. Я подала Максиму зайца ушами вперёд и не выпускала из руки до тех пор, пока он не захватил игрушку как надо. Справившись, Макс привлёк внимание Кати звуком и подал зайца. Теперь уже

Катя выронила игрушку, посмотрела на свою ладошку, потом на Макса и вновь недовольно закричала.

– Они такие разные, – вслух подумала я. – Макс спокоен и настойчив, а Катя нетерпелива и своенравна. Катя часто сердится, а глаза Макса уже сейчас теплом лучатся. Знаешь, мне иногда кажется, что он всё про всех понимает.

Детки вскоре утомились, каждый уснул там, где находился. Я положила их ближе друг к другу, укрыла мягким пледом, и Серёжа повёл меня смотреть участок.

– Земли много, устроим настоящую усадьбу. По периметру сделаем беговую дорожку, тогда и ты, и детки сможете без сопровождения на лошадках кататься. Вот там манеж тёплый построим, чтобы и зимой ты могла танцевать на своём Пепле. Рядом поставим конюшню. Там же оранжерею выстроим. Василич просит оранжерею побольше, – Серёжа коротко хохотнул, – чтобы ананасы выращивать. Въезд в усадьбу будет с этой стороны. Дом получится далеко от въезда... но это и хорошо. Иди сюда... дом, примерно, вот здесь будет – от той одинокой сосенки и до тех елей.

– Ёлку надо оставить одну. Будем на Новый Год наряжать.
– Ёлку? – Серёжа умолк, видимо, мысленно вымеряя пространство. – Тогда дом сместить придётся.

Мы прошли несколько метров и оказались у трёх сосенок.
– Тогда дом здесь поставим. Это будет примерная точка центра дома.

Я засмеялась.

– Да! Серёжа, смотри, здесь мне земля теплом ответила, видишь, это я хвою разгробла. Славно, что и дом ты будешь ставить здесь! – Я прижалась к нему. – Сосны жалко. Много вырубить придётся?

– Молодняк пересажу зимой. Что-то придётся вырубить, конечно. Нравится тебе?

Я кивнула.

– Ну, значит, решено. Оформим бумаги, обнесу забором участок, а стройку дома начнём весной. – Он взял моё лицо в ладони и прошептал: – Сокровище моё! – Губы его были горячими и нежными. Увлекая обратно к ложу, к спящим деткам, потребовал: – Лидка, я с ума схожу, не смей сомневаться в моём желании!

Маша положила еды на целый взвод. Всё аккуратно по мисочкам, под крышечками, нарезано аккуратными ломтиками. «Когда успела?!» – восхитилась я, выставляя всё это изобилие между собой и Серёжей.

– Маша тебе даже рататуй положила. Будешь? – Я сняла крышку, подала судок мужу и заявила: – Серёжа, я откажу принцу от дома. – Взяв огурчик, я с хрустом надкусила его.

– Почему?

– Потому что у него отношения с Машей. Я думала, только флирт, а вчера поняла...

– Маша – взрослая женщина. Принц тоже совершеннолетний. В чём ты видишь проблему?

– А ты не видишь? Его Высочество развлекается, а Маша, невесть что, нафантазировала себе. Василич переживает. И всё это под крышей нашего дома!

Я замолчала, ожидая ответа. Но он жевал кусок пирога и рассматривал горизонт.

– Почему ты молчишь?

– Я, Девочка, всё сказал. Взрослые люди сами решают, где и с кем они спят, и крыша дома тут ни при чём.

«Взрослые люди решают сами! – сердито согласилась я про себя и легла на спину. – И Светлана, и Стефан в том числе! Где граница невмешательства? Каждый из нас проходит свою школу жизни, и наш выбор обуславливает наши уроки. Я когда-то перечеркнула свою жизнь ради любви к Серёже и жизнь Кости заодно! И нашла счастье! И Маша ищет свежих чувств. А Светлана?.. Она тоже что-то ищет? – Я бросила в траву попку огурчика и вздохнула. – В одном Серёжа прав – Маша взрослая женщина и сама решает, как ей жить. А я, получается, в карауле засела, на страже её семьи службу несущу? Где и кто уполномочил меня решать судьбы людей? Судить об их действиях, выставляя оценки что хорошо, что дурно?»

– Иными словами говоря, я лезу не в своё дело?

– Именно!

– Ты давно знаешь?

– С самого начала. – Серёжа пожал плечами. – Маша не умеет скрывать своих чувств.

Я вновь рассердилась.

– А я что, слепая? И где они только встречались? У нас в доме и мест-то потайных нет, везде кто-нибудь ходит!

– На конюшне.

– На конюшне?! – От удивления я привстала и вытаращи-
ла глаза на Серёжу. – Там же Василич!

Серёжа усмехнулся. Вновь падая на спину, я проворчала:

– Не конюшня, а прямо дом свиданий какой-то! Пора деньги за аренду помещения с любовников брать!

Сергей расхохотался.

«Маша не любит принца. А если она с ним, значит, и Василича не любит. Или любит? Нет, не любит. Наскучившись любовью мужа, Маша ищет новой любви к себе. Без любви жизнь теряет смысл. Боясь пустоты, отсутствие смыслов человек компенсирует накопительством... неважно чего – человеческих тел в своей постели, сумм денег в банках или объёма полномочий... А я?! – Стыд ожёг огнём так, что я покрылась испариной. – Я месяц назад отдалась поцелуям Стефана... а потом звала его, обещая уступить! А сейчас сужу Машу...» – Я поёжилась и села.

Подул ветер, где-то сбоку закаркала ворона, предвещающая непогоду.

– Замёрзла? – спросил Серёжа, вставая с ложа.

Отбросив плед, он бережно поднял крепко спавших малышей и перенёс их в машину. Вернулся, набросив на мои плечи тот же плед, сел за спиной, крепко обхватив обеими

руками.

– Покормишь, потом поедем. О чём думаешь?

Отказываясь делиться своими мыслями, я покачала головой.

– Помолчим?

Я кивнула.

По дороге домой мы заехали в агентство «Чистый дом». Сергей остался с детками в машине, а я зашла внутрь убогого серого пятиэтажного здания постройки времён Хрущёва.

Хозяйка агентства – сухонькая женщина с седой дулькой на макушке маленькой головы, с покрашенными розовым перламутром губами и острым, как лезвие, взглядом, встретила без улыбки и тихим голосом поинтересовалась:

– Чем могу служить?

– Здравствуйте! – поздоровалась я.

Дама не удостоила меня ни ответным приветствием, ни предложением присесть. Я усмехнулась: «Тогда сразу к делу».

– Мне срочно и на постоянной основе требуется помощник по уборке дома. Я решила обратиться к вам, потому что моя домработница именно через ваше агентство приглашала временных помощников.

Пока я говорила, глаза женщины изрезали меня вдоль и поперёк.

– Как звали вашу домработницу? – спросила она. – Её то-

же моё агентство вам рекомендовало?

– Мою домработницу не звали, её зовут Эльза. Эльза приехала из Германии.

При имени «Эльза» на холодных розовых губах женщины появилось некое подобие улыбки, а члены тщедушного тельца вдруг обрели живость – она вынырнула она из-за своего стола и бросилась ко мне.

– Ну что же вы? Что же вы мне сразу не сказали? – Подхватив под локоть, она повела меня к низенькому дивану у окна. – Прошу. Присаживайтесь. Я сейчас вас чаем напою. Или вы кофе предпочитаете?

– Нет-нет, благодарю, ничего не нужно. Я не представилась. Меня зовут Лидия.

Я протянула руку. Она взяла её обеими руками, положила ладошкой на одну свою ладонь, другой слегка похлопывая и поглаживая, проговорила:

– Зовите меня Элеонорой. А вас я знаю... заочно, конечно, – и дама рассмеялась.

Смеялась Элеонора, по-видимому, редко, так редко, что аппарат мышц и связок, участвующих в таком человеческом выражении радости, как смех, попросту заржавел и оттого звучал скрипуче. Зато взгляд дамы был отточен, как следует, холодный и острый он продолжал резать моё лицо, несмотря на смех дамы.

Я присела на диван. Она опустилась рядом.

– Очень о вас наслышана, графиня Лидия. – Она опять

заскрипела смехом. – Да-да, не удивляйтесь, я знаю и ваш титул тоже. Работники, которые убрали в вашем доме, просто в восторге от вас и вашего отношения к ним. Вы их балуете! – Элеонора погрозила мне согнутым пальчиком и спросила с напускной сердечностью: – А что случилось с нашей милой Эльзой?

– К счастью, с Эльзой ничего не случилось. Заболела её родственница, и она уехала помогать в уходе за больной.

– Ай-я-яй! Ну что ж, пусть родственница скорее поправляется, а наша Эльза возвращается! – выразила пожелание Элеонора и опять засмеялась. Её имя ей удивительно не подходило.

– Так что же, Элеонора, можете вы помочь в моей нужде? – вернулась я к делу.

Она изобразила на лице печаль и развела руками.

– Вы не представляете, графиня, как трудно с хорошими кадрами. Я уж и с вашей Эльзой на эту тему говорила. – Понизив голос, она доверительно прикоснулась к моей руке. – Кстати, если вы решите расстаться с Эльзой, я с удовольствием возьму её к себе на должность наставника и преподавателя. Те молодые люди, что прошли «обучение» в вашем доме, у меня нарасхват. Знаете, это невероятно, но они лучшие! Да-да! Эльза удивительно талантливый педагог!

И вот в этом признании Элеонора была абсолютно искренней. Я и не догадывалась, что Эльза обзавелась своим фан-клубом.

– Как только Эльза вернётся, я обязательно передам ей ваш отзыв и ваше предложение о сотрудничестве. Ну что ж, Элеонора, не буду занимать вашего времени.

Я начала подниматься, но хозяйка агентства положила руку на моё колено.

– Вы нисколько не обременяете меня, милая Лидия. Мне приятно поболтать. Вы знаете... – она замолчала, как будто раздумывая, продолжать дальше или нет, и решилась: – Знаете, графиня, у меня есть для вас кандидат. Но сразу оговорюсь – товар этот порченный.

Я почувствовала себя покупателем на невольничьем рынке.

– Простите?

– Совсем молодая женщина. Я вам скажу – фанат чистоты, мимо неё пылинки не проскочит! Но... – Элеонора всплеснула руками, – совершенно неотёсанна – грубит, не может ужиться ни с одной хозяйкой. Всех поучает, устанавливает свои порядки в чужом доме. При этом ещё и высокомерна, требует какого-то особого отношения к себе. Обращения только на «вы» и по имени отчеству, представляете? – Элеонора печально покачала головой. – Прямо не знаю, что с ней делать. И выгнать жалко, работник-то замечательный.

– Когда я могу с ней встретиться?

– Да прямо сейчас, её только сегодня рассчитали, сидит в коридоре, ждёт, когда я её приму.

Я вновь сделала попытку встать, и рука Элеоноры вновь

меня удержала.

– Сидите-сидите, графиня, я её сейчас приведу.

Вспорхнув с дивана, Элеонора торопливыми шажками вышла из кабинета. Я тоскливо огляделась.

Вернувшись, хозяйка агентства привела с собой девушку лет двадцати трёх – двадцати пяти в бежевой блузке с воротником-бантом и черной строгой юбке ниже колен. «Скорее классная дама, чем домработница», – подумала я. Обува та девушка была в тяжёлые туфли совсем не из этого образа. Заметив, что я обратила внимание на её обувь, девушка сначала смутилась, потом вздёрнула подбородок и задиристо уставилась мне в лицо. Я улыбнулась. Глаза девушки смягчились, с лица ушло напряжение, и я протянула руку.

– Здравствуйте. Меня зовут Лидия. Хочу пригласить вас в свой дом. Мне нужен помощник в уборке дома, а у вас хорошие рекомендации.

Девушка недоверчиво оглянулась на Элеонору, та важно покивала головой. Прохладные пальцы несмело пожали мою ладонь.

– Евгения Николаевна.

За её спиной Элеонора закатила глаза и воздела руки.

– Очень приятно, Евгения Николаевна.

Девушка вновь смутилась; отпустив мою руку, провела ладонями по бедрам, словно разглаживая юбку. Я мягко спросила:

– Вы согласны у меня работать, Евгения Николаевна?

– Да.

– Вот и славно! Когда вы будете готовы приступить к своим обязанностям?

Она покраснела. «У девочки нет своего дома», – догадалась я и, досадуя на себя, поспешила исправить оплошность.

– Вам удобно уже сегодня? Если удобно, мы можем ехать.

– Да. Моя сумка с вещами со мной, она там, в коридоре.

– Вот и славно! – повторила я.

Она вышла. Я поблагодарила Элеонору.

– Ах, ну что вы, графиня, не стоит, – поскрипывала она смехом, подсовывая мне бумажку с цифрами, – да, это счёт.

Благодарю вас. Вы щедры. Если девчонка будет грубить, гоните её прочь! Я подумаю, может ещё какой вариант найдем. Всего доброго. Рада была помочь. Надеюсь, ещё свидимся. Разовых помощников? Да-да, приглашайте! – Встретив недружелюбно, провожала Элеонора до самого выхода.

Наконец, мы расстались.

Увидев меня, выходящей из подъезда, Серёжа вышел из машины.

– Прости, милый, заставила ждать, – повинулась я. – Познакомься, это наша новая помощница Евгения Николаевна. Евгения Николаевна, познакомьтесь, это хозяин дома Сергей Михайлович.

Серёжа доброжелательно посмотрел на девочку и склонил голову в поклоне.

– Здравствуйте. Сергей. – Он протянул руку к её сумке.

– Здравствуйте. Меня зовут Евгения. – Она посмотрела на меня и смущённо улыбнулась. – Можно Женя.

Я кивнула и пригласила:

– Прошу, Женечка, вы поедете спереди. Садитесь в машину.

Стефан, Василич и граф поджидали на террасе. Граф излучал недовольство, но двинулся к машине, распахнув объятия.

– Здравствуй, Андрей. – Приникла я к его груди.

– Позвонила бы, что задерживаетесь, – проворчал он. – Я волнуюсь, Анна Петровна нервничает. Здравствуй, детка. – Он прижался губами к моему лбу, отстранился и оглядел моё лицо. – Всё в порядке? Хорошо прокатились?

– Конечно, милый, всё хорошо. Участок понравился. Нам даже зяблик песню спел о том, какое это хорошее место. Я птичке поверила!

– Так это, Маленькая, зяблики-то уже на юг улетели, – весело не согласился Василич, – да и не поют они в это время.

– Ох, не знаю, Василич, улетели, не улетели, а нам спел.

Стефан тем временем забрал деток и унёс в дом. Проводив его взглядом, я повернулась к поскуливающим от нетерпения псам и присела.

– Ну иди, мальчик. Лордушка, хороший мой, славный пёсик.

Пёс от избытка чувств повизгивал, крутил не только хво-

стом, но и тазом, то и дело приподнимая лапу в желании обнять. Серёжа строго окоротил:

– Нельзя, Лорд.

Пёс лизнул меня и, виновато повесив голову, отошёл к хозяину. Граф вёл себя достойно – приняв мою ласку, ответно приласкал меня, облизав и ухо, и щёку. Я поднялась, но он прижался ко мне тёплым боком и захватил в пасть руку.

– Соскучился, мальчик. – Растрогалась я, вновь наклонилась и чмокнула пса в мокрый с раздувающимися ноздрями нос. – Мальчики познакомьтесь, это новый член семьи. Её зовут Женя.

Собаки осторожно приблизились к застывшей у открытой дверцы машины девушке и с двух сторон уткнулись мокрыми носами в её ладошки. Женя замерла, глядя на псов остановившимися глазами.

– Женя, не бойтесь. Мальчики, не смущайте гостью. – Псы послушно отошли. – Женя, ваше хозяйство я покажу вам позже. С семьёй познакомитесь за ужином. Сейчас отправляйтесь в вашу квартиру, осмотритесь, отдохните перед ужином. В восемнадцать тридцать я вас жду в гостиной. Паша! – окликнула я только что подошедшего Павла.

Он собрался сесть в машину, чтобы отогнать её в гараж, и завис, прислушиваясь к разгорающейся беседе графа и Серёжи.

– Женя, это Павел, – представила я, – главный человек в вопросах безопасности дома и членов семьи.

– Если бы ещё этого главного кто-то слушал, – не преми-
нул буркнуть Павел.

Я поморщилась.

– Паша, не ворчи! Познакомься. Это Евгения, наша новая
домработница.

Пашке девушка понравилась – слегка прищурившись, он
с интересом окинул её взглядом. Женя смутилась, опустила
глаза, потом с вызовом подняла их вновь. В глазах Пашки
вспыхнул огонёк охотника, он улыбнулся своей самой обая-
тельной улыбкой и представился:

– Павел.

Девушка ещё более смутилась и пролепетала:

– Евгения.

– Паша, проводи, пожалуйста, Женю в квартиру. Её сумка
в багажнике.

Я повернулась к мужу и отцу в тот момент, когда граф,
уже более не сдерживаясь, выкрикнул:

– Благодарствую, зятёк, что привёз мою дочь и внуков
невредимыми! – и поклонился Серёже.

Серёжа лишь сузил глаза и промолчал. Обняв его, другой
рукой я обняла Андрэ; троём мы молча поднялись на тер-
расу и двинулись к входу в дом.

– Андрей, – примирительно начала я, – мы провели чу-
десный день, я рассчитывала на твоё понимание...

– Не хитри, детка! – вновь вскричал граф и остановился. –
Никакого понимания нет и не будет!

К чёрту ему был наш чудесный день. Раздражение Андрэ порождалось не столько волнением за нашу безопасность, которое, конечно же, имело место, сколько отказ Сергея поступать так, как считал правильным и нужным поступать Андрэ. Чем жизнь охраняемого объекта отличается от жизни заключённого, он думать не хотел, потому что в его среде сопровождающая тебя повсюду охрана вещь естественная и даже престижная.

– Твой беспечный муж подвергает опасности и тебя, и детей!

– Андрей!

Серёжа пошёл к двери. Проводив его глазами, я, как можно мягче, спросила:

– Как ты видишь решение вопроса, Андрей?

– Детка, решение чрезвычайно просто – нужно нанять профессиональную охрану и всё!

– Тогда ты будешь спокоен?

Андрэ ответил не сразу. Как всегда бывает, сбросив раздражение, он утратил и гнев, а на смену гневу пришла усталость.

– Нет, – произнёс он, глядя в сторону.

– А когда ты будешь спокоен? – не унималась я.

Он промолчал.

– Я сама отвечу, Андрей. Ты будешь спокоен, когда я и дети будем рядом с тобой дома. Самое простое решение вопроса – посадить нас дома, обнести дом высоким забором и

расставить по углам, а лучше по всему периметру, охрану. Вопрос твоего спокойствия будет решён. Вопрос нашей жизни тоже, вернее, её отсутствия.

Он поморщился:

– Ты утрируешь, детка.

– Да, милый, но суть от этого не меняется. Любить, не ущемляя свободы, трудно. – Я встала на цыпочки и обняла его за шею. – Не сердись. Я тебя очень люблю, но ты всё же не сердись.

Прижимаясь к нему, я вспоминала, как не спала до утра, ждала Настю, уже взрослую, двадцати двух – двадцати трех лет девочку, когда она с ребятами уходила танцевать в ночной клуб. Я тоже беспокоилась, и мне тоже было бы спокойнее, если бы она была рядом, при мне. И тот факт, что она не одна, и её обязательно проводят до дома, совсем не успокаивал. Я прислушивалась к каждой машине, останавливающейся за окном, и почему-то всегда пропускала шум двигателя её такси. Бежала встречать, уже заслышав скрежет ключа в замке входной двери.

– Наверное, ты права, детка, – признал Андрэ, – я чересчур требователен.

– Милый, я всё понимаю и благодарю тебя за любовь.

Мама, наперекор словам графа, не нервничала, а спокойно читала у себя в комнате.

– Приехали? – спросила она, только я возникла на пороге, и отложила книгу. – Не замёрзли? Я гуляла после обеда – на

солнышке тепло, а ветер подует – холодно!

Я отрицательно покачала головой.

– А задержались почему? Андрей Андреевич раза три у меня справлялся: не звонила ли ты?

– Заезжали в агентство. Я нашла девочку-помощницу на место Эльзы.

– А Эльза что, не вернётся?

– Вернётся.

– Ну иди, – она махнула рукой в сторону двери. – Место-то понравилось?

Я кивнула. Мама вновь взялась за книгу и, не ожидая ответа, ворчливо поинтересовалась:

– И зачем ещё какой-то дом строить? Этот чем плох?

На кухне Маша гремела противнем, заталкивая его в духовку.

– Прости, Маленькая, не встретила. – Она закрыла дверцу духовки. Глаза её возбуждённо поблёскивали, вероятно, в предвкушении встречи с Его Высочеством. – Замешкалась я с ужином, Катерине нездоровится, я всё одна. Да ещё Дашке сейчас вот прикорм для Аниюты готовила. Она, вишь, сиськи-то отрастила не в пример твоим, а молока в них нет.

– Маша!

– Что Маша? Правду я говорю, – без воодушевления проворчала она. – Но, кажись, успеваю. Сейчас вот салат заправлю и всё. Торт испекла, какой ты любишь, с бизе и орехами. Орехи-то кое-как Павла заставила колоть. Ты попеняй ему.

Раньше Василич колол и всегда безропотно.

– Хорошо, Маша, мне с Павлом на другую тему надо поговорить. И про орехи скажу.

– Во-во, а то он избаловался больно. Ты там новенькую привезла, сказывают.

– Привезла. Маша, встретить бы её надо ласково, досталось от «добрых» людей девочке.

Маша перестала лить масло в салат – замерла, усваивая сказанное, кивнула и вновь занялась делом.

– Не беспокойся, встретим, как надо.

– Что с Катериной?

Маша оглянулась на дверь и, понизив голос до шёпота, сообщила:

– Переругались они там. Мишка-то отходил Светку-шалаву. Стефан ходил успокаивать. – Она усмехнулась. – Козёл в чужом огороде почавкал, да опосля ещё и хозяина успокоил, чтоб не больно серчал. – Вновь оглянувшись на дверь, Маша пропела в полный голос. – А Катерина чтоо? Давление скакнуло. Граф-то ничего ещё не рассказал? – спросила, перейдя вновь на шёпот.

– Нет, Маша, не рассказал.

– Рассердился он, страсть! Кровью налился весь, руки так ходуном и заходили.

Я побежала вверх. В детской Стефан делал массаж Максиму. Катенька ещё купалась и, заливаясь смехом, радостно хлопала ладошкой по воде. Соскучившаяся за день Настя в

капельках воды на волосах и разводами на платье умильно с ней ворковала.

«Искупаться успею, – решила я и кинулась в спальню. Серёжа душ уже принял. Ещё непричёсанный – влажные волосы в беспорядке падают на лицо, стал помогать мне раздеваться и вместе со мной опять зашёл в душевую кабину.

– Не сердись на Андрея, – крикнула я ему, когда он ушёл в гардеробную одеваться, а я ещё отжимала волосы в полотенце. – Андрей, и впрямь, волнуется. У нас бóльшая проблема назрела.

– Ты про новичков?

– Сказали уже?

– Стефан сказал. Нет никакой проблемы, – Серёжа выглянул из гардеробной комнаты, – после ужина рассчитаю.

В дверь стукнули, и я пошла открывать.

– Заходи, Даша, ты как раз вовремя.

– Да я уже была! – Она насмешливо, из-под ресниц, стрельнула на меня глазами. – В детской дожидалась.

– Как там малыши, не буянят ещё? – поинтересовалась я, усаживаясь к туалетному столику.

– Неет. Настя их развлекает.

Серёжа вышел из гардеробной и направился ко мне.

– Ой, Сергей Михалыч, – засуетилась Даша, хватаясь за фен, – куда же вы с мокрыми волосами, давайте, я вас высушу.

– Благодарю, Даша, сами высохнут, – отказался он. Гля-

дя на меня в зеркало, провёл ладонью по моей шее снизу вверх, обхватив подбородок, поднял моё лицо к себе. – Не торопись, я деток займу. – Наклонился и поцеловал.

Провожая его глазами, я спросила:

– Так что произошло, Даша? Ты знаешь?

Она предложила:

– Давай высушу тебя, потом расскажу, – и включила фен.

– Я не понимаю, Маленькая, чего он с цепи-то сорвался. И трезвый ведь совсем. Когда Стефан его на улицу вывел, я понюхала. Я за Стефана, знаешь, как испугалась? Хотела остановить, так ему же поперёк говорить бесполезно, всё одно не послушает. Ну, я за ним побежала. А там кошмар! У Светланы глаз заплыл, совсем не открывается. Я хотела неотложку вызывать, так она запретила, сказала, врачи в полицию позвонят. Знаешь, она ещё и оправдывает Михаила, говорит, правильно он её ударил, за дело. – Недоумевая, Даша пожалла красивым плечом. – Думала, они приличные люди. Что делать-то будешь? Светку жалко и дочку их. Девчонка, слава Богу, из школы ещё не пришла, не видела, что папка её учинил. И Катерину я тоже не понимаю. На Светку с такой злобой смотрела, а сыночку и слова худого не сказала. Ты танцевать будешь сегодня? Заколкой закреплять? Ох, люблю я, Маленькая, когда ты танцуешь! Красиво так! Я Анюту тоже хочу на танцы отдать. Когда подрастёт, конечно. – Она полюбовалась на свою работу. – Платье уже выбрала?

– Нет, Даша, сейчас детей кормить, платье подождёт. Спа-

сибо, очень красиво. Да, Дашенька, – окликнула я её, уже стоявшую на пороге, – девочку новенькую примите по-доброму, хорошо?

– Марь Васильевна уже распорядилась. Примем мы твою новенькую, завтра сама ей всё покажу, – заверила Даша и вышла.

В детской стоял невообразимый шум – заливающаяся слезами Настя корчилась от смеха и буквально похрюкивала, силясь набрать воздуха в лёгкие. Стефан трубно похохатывал, опершись локтями на пеленальный столик. А Серёжа сидел на полу, окружив ладонями Катю и Макса, приплясывающих перед ним на ножках. Детки хлопали по его лицу ладошками и смеялись, он губами ловил их пальчики, вызывая ещё больший восторг. Захваченная нежностью я подлетела, упала на коленки, обхватила руками и деток, и Серёжу, и прижалась к его губам. Он ответил торопливым поцелуем и едва слышно выдохнул:

– Маленькая...

– Люблю тебя, – одними губами произнесла я, утопая в любимых глазах.

Его глаза сказали многое – и приласкали, и восхитились, бегло охватив мою причёску и лицо, и обожгли желанием. Потерявшая свободу движения Катя издала недовольный вопль и прервала наше единение. Я поднялась и присела на диванчик для кормления. Обнажать грудь помедлила – улы-

боясь чему-то своему, Стефан слепо смотрел на меня.

– Стефан, благодарю, – вывела я его из задумчивости.

Он усмехнулся и пошёл к двери. Серёжа тоже ушёл, вызванный каким-то звонком по телефону.

Детки, утомлённые массажем, купанием, длительной игрой с отцом, быстро насытились и заснули у груди. Уходя из детской, я предупредила:

– Настя, новенькую сейчас знакомить с домом буду, сюда тоже приведу.

– Да, Лидия Ивановна, – кивнула Настя и опять рассмеялась. – Простите, успокоиться не могу. Сергей Михайлович анекдот... ха-ха-ха... рассказал...

В пустоте гостиной Женю я увидела не сразу и только, когда девушка отделилась от стены, делая шаг мне навстречу, я разглядела её тоненькую фигурку. Женя переоделась в простое и милое платье – синее в белый мелкий горошек с белым кружевным воротничком. Сейчас она выглядела школьницей, а вовсе не классной дамой, но и этот образ как-то удивительно не подходил ей. На ногах у Жени остались те же тяжёлые туфли.

– Пойдёмте, Женя, начнём сверху, со спален. Как вам ваша квартира? Удобно или есть какие-нибудь пожелания, может, претензии?

– Что вы, какие претензии? Мне очень понравилось! Благодарю вас.

Я показала ей спальни. Без всякого смущения, Женя деловито осматривалась, проверяя чистоту, чего-то коснулась пальцем.

– Гардероб это не ваша обязанность. Все вещи, кроме мужского белья, в ведении Даши. Хочу предупредить, Женя, мне не понравится, если вы будете стирать бельё моего мужа в одном баке с бельём гостя. Постельное бельё будете менять каждый день, соответственно, полотенца, халаты тоже. Детское бельё не в вашем ведении, детским бельём занимается Настя. Но уборка детской комнаты – это ваша работа. – Я приоткрыла дверь в детскую. – Настя, позволишь войти?

Настя уже успокоилась и читала всё тот же учебник. Отложив его, поднялась навстречу.

– Настя, знакомься, это Евгения, наша новая хранительница чистоты. Женя, это Настя, няня моих детей.

Улыбаясь, девушки осмотрели друг друга. Увидев туфли гостя, Настя метнулась к своему шкафу.

– Ты какой размер носишь? – не поворачиваясь, спросила она.

Женя не поняла и промолчала. Настя порылась среди коробок с обувью и достала одну.

– Вот, – повернулась она к Жене и протянула коробку, – надевай. Думаю, впору будут. У тебя тридцать седьмой?

Отступая назад, Женя часто-часто замотала головой.

– Ты чего? – удивилась Настя. – Мне Лидия Ивановна купила, а они мне тесноваты, я даже и разношивать не стала. –

Настя умолкла, разглядывая покрасневшую и мотающую головой Женю, и прикрикнула: – Хватит головой болтать! Оторвёшь сейчас! – И миролюбиво пояснила: – Тебе в пору, а у меня всё равно лежат. Новые ведь, я их только примеряла, ни разу не надела.

После окрика Женя застыла, не шевелясь, упрямо уперев глаза в пол.

– Знаешь, подруга, – укоризненно качая головой, заявила Настя, – не приживёшься ты у нас. Гордячки, они везде чужие. – Отошла к креслу и, взяв в руки свой учебник, села, демонстративно в него уставившись.

Женя посмотрела на Настю, на коробку, оставленную на полу, потом на меня. Я улыбнулась и сказала:

– Надо уметь различать, девочка, где тебя хотят унижить подачкой, а где искренне хотят поделиться или одарить.

Женя сняла свои туфли, открыла коробку, вынув туфлю, уставилась на марку и подняла на Настю испуганные глаза. Настя не отреагировала, и Жене ничего не оставалось, как примерить туфлю. Красные легкие лодочки на небольшом каблуке, и правда, пришлись ей в пору. Настя выглянула из-за книги.

– Ну вот, сказала же подойдут! Вторую-то надевай! У тебя нога тонкая, а у меня смотри какая, – Настя сбросила туфлю и продемонстрировала свою ступню. – Они, правда, не очень к твоему платью, но всё равно лучше, чем твои.

У Жени выступили на глазах слёзы, то ли выговор Насти

тому виной, то ли признательность выразилась таким путём.

– Благодарю, – выдавила она.

– Носи на радость! – напутствовала Настя

Женя взяла в руку свои туфли, не зная, куда их деть. Настя и тут пришла на помощь:

– Да ты в коробку их положи, до дому и донесёшь.

Покинув детскую, я продолжала знакомить Женю с правилами и устоями дома:

– С помещениями первого этажа я познакомлю вас завтра. Кроме гостиной, на первом этаже располагаются кабинет, детская игровая, спальня моей мамы Анны Петровны и кухня. На кухне абсолютная владычица Маша – Мария Васильевна. Уборкой Маша ведает сама. У нас принято по мере возможности Маше помогать, и сейчас именно то время, сейчас мы с вами будем накрывать на стол.

Гостиная начала наполняться. Стефан и Андрэ играли в шахматы. Утвердив подбородок на составленных на столе один на другой кулаках, за партией наблюдал Паша. Ещё одна пара, Василич и Михаил, всегда неразлучные, сегодня почему-то сели далеко друг от друга.

Бегло взглянув на Женю, Паша сообщил, что Его Высочество вернулся и приводит себя в порядок с дороги. Ухмыльнувшись и, видимо, рассчитывая произвести впечатление, он сделал комплемент:

– Маленькая, как тебе удаётся каждый вечер быть разной,

но одинаково красивой?

Я рассмеялась.

– Благодарю за изысканный комплемент, Паша! Может быть, это оттого, что туалеты мои от разных, но одинаково талантливых модельеров?

– Детка, чудесно выглядишь! – поднялся навстречу Андрэ. – Не сердись? Мужу я твоему извинения принёс.

– О, Андрей! – Я благодарно уткнулась ему в грудь.

– Ну-ну. – Он успокаивающе похлопал меня по спине. – Прости, детка.

– Не знаешь, где мама?

– Вышла с Сергеем. Я подумал, прогуляться перед ужином.

Маша сидела за столом, тяжело опираясь локтями на стол и глубоко задумавшись. Вздрыгнула, когда мы с Женей вошли на кухню.

– Прости, Машенька, – повинилась я, – не хотела напугать.

Она отвела от меня покрасневшие глаза и, обречённо махнув рукой, сообщила:

– Светка-то с Василичем была, когда их Михаил застукал. – Лицо её скривилось в плаче.

– Женечка, подождите в гостиной, – попросила я, посмотрела, как Женя вышла из кухни, и под села к Маше. – Опять на конюшне?

Она кивнула.

– Козёл-то мой Василич оказался. Ты со Светкой делай что-то! Так и будешь смотреть, пока она всех мужиков перепробует? Говорила подумаешь, а ничего не делаешь!

– Не знаю я ещё, что делать, Маша. Да и Василич Светлану приветил не потому, что она нужна ему.

– Да знаю яааа, – простонала Маша, – что ты мне тычешь? Знаю, что сама Васю к ней отправила! Теперь как вернуть-то? – Всхлипнув, она начала утирать слёзы. – Ты думаешь, я не знаю, что принцу не нужна? А теперь вот и Васи у меня нет.

– Любит Василич тебя. Всегда любил и сейчас любит, потому и со Светланой связался. Ради ревности твоей связался, хотел показать, что и без тебя у него жизнь хороша.

– Ты, правда, так думаешь? – Вновь всхлипнув, Маша взглянула с надеждой.

– Правда, так думаю.

– Маленькая, помоги мне вернуть Васю!

Я улыбнулась.

– И без помощи, сама вернёшь!

– До сих пор сердишься на меня?

– Маша, не говори глупостей! Василичу не моё слово надо, а твоё. И слово это – люблю.

– Ладно, – вновь утирая глаза, Маша поднялась, – после об этом. Зови девчонку, знакомиться будем. Да и на стол пора накрывать.

Светлана на ужин не пришла. Марфа тоже.

Принц был любезен и смешлив; обнаружив внезапное охлаждение Маши, как ни в чём ни бывало продолжал нахваливать её стряпню. Маша розовела щеками, но лишь вежливо улыбалась, то и дело взглядывая на мужа. Василич от неё пересел и занял место во главе стола, на том его конце, который в отсутствии гостей всегда пустовал. Обособив себя таким образом, он то ли себя выставил на суд, то ли сам выступал судьёй. Чувствуя неловкость, домочадцы в его сторону старались не смотреть, что и понятно, потому что есть проступки, которые дурно демонстрировать, дурно подчёркивать, о которых дурно упоминать, потому что нарочитое привлечение внимания к ним оборачивается бесстыдством.

Перед десертом принц пригласил меня на танец. Я предупредила:

– Ваше Высочество, мой туалет не позволяет акробатические этюды.

– Ваш туалет, графиня, очаровательный. – Он учтиво поклонился. – Я восхищён и одновременно разочарован, вы мне отказываете, графиня?

– Нет, Ваше Высочество, всего лишь прошу о классическом исполнении танца.

Не скрывая удовольствия, Его Высочество предложил мне руку. Кружась в легком вальсе, я смотрела в его счастливое лицо и искала объяснение тому смутному беспокойству, ко-

торое появилось тотчас, едва я увидела принца, и теперь выросло до ощущения опасности. Опасности, распростёршей крыла над моим домом.

– Вы сегодня как-то особенно счастливы, Ваше Высочество, – отметила я. – Ваша поездка была столь успешной?

Он рассмеялся.

– Вы правы, графиня, я счастлив! Я счастлив вернуться и вновь видеть вас, и поездка моя вполне удалась. А ещё я предвкушаю удовольствие увидеть вашу радость.

– Мою радость? Ваше Высочество, вы интригуете меня.

Он вновь рассмеялся.

– Милая Лидия, я и сам в нетерпении!

После танца принц проводил меня к моему месту за столом. Серёжа встал. Его Высочество поклонился и открыл интригу:

– Графиня, я привёз прелестную вещицу в вашу коллекцию. – Он полез во внутренний карман пиджака, достал футляр, обтянутый чёрным бархатом, и протянул мне.

Я убрала руки за спину и, качая головой, попятилась. Принц растерялся и перевёл озадаченный взгляд на Серёжу. А я уставилась на футляр, стараясь лучше рассмотреть неясные, слабые завихрения вокруг него.

– Я не понимаю, – растерянно произнёс принц и сделал паузу, ожидая пояснений; не дождался и вновь обратился ко мне: – Лидия, это дивно исполненная статуэтка Лилит из чёрного опала. Я проверил, ювелир подтвердил подлин-

ность камня! Не уверен, что это древняя работа, но статуэтка очень хороша. Посмотрите!

Он раскрыл футляр – масляно блеснув на свету, на серебристой подложке лежала та самая опасность – чёрная фигурка. Я отшатнулась и наткнулась на стул. Серёжа обнял меня, закрывая собою и от статуэтки, и от принца.

– Что ты?

Я уткнулась лбом ему в грудь. Перед глазами мелькнуло видение – чьи-то пальцы с красивыми, удлинённой формы ногтями и полоской грязи... нет! Господи! Не грязи – свернувшейся крови! под ними сжимают фигурку, а сверху льётся дымящаяся кровь, но не ровной струёй, а толчками, направляемая ещё живым сердцем.

– Это Кали. Милый Али, не берите её в руки.

– Кали? ... Кровавая богиня смерти?

Я не ответила, я занималась созданием энергетического поля вокруг детской. В детской я не обнаружила чужих энергий, но на всякий случай соорудила защитную сферу вокруг малышей и только потом вернула внимание к фигурке.

Камень фигурки впитал в себя тошнотворный страх жертв и ещё более тошнотворный, сладострастный экстаз убийцы. Я старалась замкнуть цепь Трансформирующего Пламени Прощения вокруг фигурки, но у меня ничего не получалось. Я увеличила диаметр охвата, захватив в него нас троих – себя, Серёжу и Его Высочество... Цепь так и не замкнулась. «Что-то мешает...» Не раздумывая над причиной, я

направила струю пламени на фигурку. С фигурки полетели грязно-серые ошметки – лёгкие, разреженные, как пена, они легко поглощались пламенем. Одновременно с этим передо мной мелькали разные картины из истории жизни фигурки – купание в кровавом озере... погружение в упругую и тёплую, красно-влажную полость... лёгкие благоговейные прикосновения губ к ногам... Фигурку поливали чем-то пахучим, ласково натирали, заворачивали в мягкую ткань, вновь совали в красное месиво... Я старалась не погружаться в эмоциональную окраску эпизодов. Наконец, я увидела фигурку, стоявшей на подставке в окружении красных цветов и масляных светильников.

– Ваше Высочество, вы что-нибудь покупали вместе с фигуркой? – спросила я.

– Перстень, – тотчас отозвался он. – Я купил перстень. Он немного необычный, на большой палец. Я на камень прельстился. Крупный опал, тоже чёрный, но с синим отблеском.

– Где он лежит?

– Я не помню. Хотите, я принесу?

– Хочу. Только не вы, Ваше Высочество, позвольте, Павлу принести перстень.

– Хорошо. Я вышел от ювелира и сунул коробки в сумку, – начал вспоминать он, помолчал некоторое время и прибавил: – а куда именно... я не помню. Павел, я позволяю перерыть всю сумку и, если в сумке не найдёте, поройтесь в

карманах пальто. Я, кажется, и в машине перстень рассматривал... Ищите коробочку черного бархата, вдвое меньше этой.

– Паша, коробочку не открывай, – предупредила я. – Благодарю, Ваше Высочество.

– Не благодарите, графиня... я чувствую себя... шулером, которого поймали за руку... хотел доставить радость, а вместо этого...

– И доставите, Ваше Высочество! Сейчас мы почистим фигурку богини и ваш перстень и полюбуемся вашим подарком.

– Почистим от чего?

– Фигурке приносили жертву кровью ещё живых людей. Перстень, думаю, был на руке убийцы.

– Но меня заверили, что это Лилит!

– Возможно. У Кали тысяча имён. Самый древний культ Кали – культ Кали Ма уходит корнями в культ Богини-Матери, а Лилит её ночная ипостась. В индуизме Кали – побеждающая зло, дарующая освобождение, отсекающая Эго, если под Эго понимать убеждение «я есть тело». Образы древних Богинь плохо изучены, разодраны по разным культурам и языкам, их символизм извращён. Скажем, в еврейской традиции Лилит – первая жена Адама, а впоследствии – ночная демоница. В европейской культуре, начиная с эпохи Возрождения, Лилит – обольстительная бунтарка и олицетворение женственности. В современном сатанизме Лилит – подруга

Люцифера.

Я услышала тяжёлые и торопливые шаги, спускающегося по лестнице, Паши; едва он подошёл ближе, и цепь пламени замкнулась.

– Паша, отойди, спасибо. Ваше Высочество откройте футляр. В центре камня треугольник?

– Не знаю... да... как я не увидел?... Чёрт возьми, как вы?..

– Хозяева перстня считали, что он наделён магической силой.

Под воздействием пламени от перстня стала подниматься серая дымка, растворяясь в пламени, слой за слоем.

Я увидела мужчину с бледным тонким лицом, глубоко запавшие в глазницы глаза его горели лихорадочным огнём. «Много жертв ты принёс фигурке, – обратилась я к нему, – а ведь это всего лишь камень...» Лицо мужчины исказилось, он плюнул, то ли в меня, то ли в кого-то ещё. Я успела закрыться зеркалом, и тут раздался треск.

– Ой! – вскрикнул кто-то из женщин.

– Графиня! Кольцо...

– Маленькая, камень треснул.

– Вижу, Серёжа.

Неровная полоса трещины прошла в камне по диагонали, перечеркнув треугольник.

– Простите, Ваше Высочество, ваше приобретение я сохранить не смогла.

– Графиня, вы... О, Аллах, что происходит? Сергей, что

за чертовщина?

Очистив кольцо, я проверила энергию гостиной, всего дома, всей усадьбы. Поблагодарила и отпустила Трансформирующее Пламя Прощения и только потом подняла лицо к Серёже – на лбу его блестели капельки пота, тревожные глаза медленно осматривали моё лицо.

Я улыбнулась.

– Что ты видишь? Есть что-то страшное на моём лице? Он плюнул и, кажется, в меня.

Серёжа наклонился и с великой нежностью один за другим поцеловал мои глаза.

– Глазки устали, покраснели.

– Серёжа... благодарю. Если бы не твоя сила... – Отпуская напряжение, я рассмеялась. – Серёжка, мы справились! – Я вновь приклонила голову к его груди и тотчас оттолкнулась от него, спохватившись: «Андрей!»

Граф горбился за столом, опираясь на стол локтями и бесильно упав лбом на сцепленные в замок кисти рук.

– Андрей...

– Детка, – едва слышно отозвался он, – я чувствовал твою борьбу.

– А я чувствовала твою любовь! Спасибо! – Я обвила его рукой, прижалась губами к пульсирующей венке на виске и прошептала: – Без твоей любви я бы не справилась. Андрей... милый...

Он похлопал меня по руке, давая понять, что он в поряд-

ке.

«Мне помогал ещё один человек», – подумала я и оглянулась в поисках Павла. Прищурив глаза, он маячил за спиной принца, раскачиваясь с пятки на носок. Я посмотрела на принца и улыбнулась. Не чувствуя угрозы, исходящей из-за спины, Его Высочество так и стоял, расставив руки – на одной ладони лежит коробочка с фигуркой Кали, на другой – коробочка с обезображенным кольцом.

– Ваше Высочество, мне жаль ваше кольцо...

– Ах, оставьте, графиня, – забыв об учтивости, перебил принц, – к чёрту кольцо, к чёрту статуэтку! Объясните, что происходит?

Я шагнула к нему, протянула руку и вынула фигурку из футляра. Прохладный камень опалесцировал зелёным.

– Какая красота... Смотри, Серёжа! – Я погладила фигурку пальцем. – Ваше Высочество, ваш подарок великолепен. Вы не уверены в древности фигурки, думаю, она древняя, по крайней мере, она уже была в те времена, когда богиню Кали ещё не оболгали. – Я оторвала взгляд от фигурки и посмотрела ему в глаза. – Благодарю, мой принц. Я тронута.

Он несмело улыбнулся, глаза вновь блеснули удовольствием.

– Лидия, разрешите моё недоумение, расскажите, что всё это значит?

– После чая, милый принц. Думаю, нам всем не повредит несколько успокоиться за чашкой чаю.

Маша сорвалась с места, спеша на кухню, следом устремилась Катерина, а за ней Женя.

Его Высочество протянул мне меньшую коробочку.

– А с этим что делать?

– Перстень чистый. – Я вынула перстень из футляра. – Ценная вещь. Смотри, Серёжа, это не камешка, это какая-то другая техника нанесения изображения... треугольник внутри камня. Интересно... вот так... – я повернула кольцо вершиной треугольника вверх, – это Янь, а перевернул кольцо – Инь, древний знак Богини-Матери. – Я вздохнула и положила кольцо в коробочку. – Жаль, что не уберегла. Не хотите оставить его в память о сегодняшнем вечере, Ваше Высочество?

Принц пожал плечом, взглянул на перстень и захлопнул футляр. Поклонился и отправился на своё место. А я подошла к Павлу.

– Паша, спасибо! Ты помог мне.

– Если бы с тобой что-то случилось, я бы его убил, – сказал Паша. Сказал просто, без угрозы, буднично, как о вполне решённом деле.

– Пашенька, он-то при чём? И в убийстве смысла нет. Ты много больше сделал – ты так отчаянно старался защитить меня, что создал барьер вокруг меня. – Я потянула его за руку вниз, требуя, чтобы он наклонился. – Спасибо, братец, – обняв за шею, поцеловала его в щёку.

– Вот никогда с тобой не знаешь, – спрятал он смущение

за ворчанием, – где найдёшь, где потеряешь. Ещё раз поцелуй, – он повернулся ко мне другой щекой, тыча в неё пальцем, – вот сюда.

Как всегда, я безропотно исполнила его просьбу и строго добавила:

– У меня к тебе разговор, Паша.

– Понял. Я же говорю, неожиданно нашёл, а скоро, видать, потеряю.

Я рассмеялась, взъерошила его волосы и, отходя от него, перехватила внимательный взгляд Жени. Я улыбнулась, она торопливо отвела глаза, но тотчас вновь на меня посмотрела и тоже улыбнулась.

Что бы ни происходило – неприятное ли, или непонятное, а торты Маши домочадцы всегда встречают аплодисментами. Только Маша вкатила в гостиную сервировочный столик с тортом, семья сбросила с себя оцепенение и зашумела восторгами. Торт по бокам был украшен затейливой вязью шоколадной глазури, в центре его, на белом поле крема стояла искусно сделанная марципановая корзинка, наполненная марципановыми же фруктами, а вокруг корзинки красовались марципановые букетики ромашек.

– Вот. – Маша остановила столик около меня и указала ладошкой на торт. – Угощайтесь! Я старалась. – И чуть ли не строго предупредила: – Всё, что красное – из горького миндаля. Маленькая любит.

– Маша! – прошипела я, вспыхивая.

Она простодушно пояснила:

– Я правду говорю! Им всё равно, а ты миндаль горький любишь.

Я закатила глаза. Взгляд Серёжки искрился. «Как всегда! Я попадаю в неловкую ситуацию, а ты, милый, насмешничает!» Взгляд его искрился, но усталость до сих пор сохранялась на его лице и словно даже лет прибавила.

Я подала ему нож и толкнула Машу в бок:

– Иди к мужу, самое время!

– Я... неет... – испуганно залепетала она, – что я скажу?..

– «Люблю» скажешь! Иди, Маша, плохо твоему Васе! – вновь подтолкнула я её и... увидела маму.

В наскоро накинутом на ночную рубашку халате, с мокрым от слёз лицом, она шла ко мне, торопливо семеня ногами. Я бросилась навстречу.

– Мама!

– Лида!

– Что ты? – Я обняла её. – Что случилось?

– Да не знаю я! Проснулась... ужас такой охватил... то ли снилось что... Не знаю! – рассердилась она, – ничего не помню... с тобой что-то...

– Чччи, всё хорошо! Не плачь, вот я, жива и здорова. Пойдём. Или чаю с нами попьёшь?

– Да что было-то? – не унималась она. – Ведь было же что-то!

– Чччи, пойдём, я расскажу.

Подчиняясь, она повернулась в направлении своей комнаты.

Мама совсем уже успокоилась, когда в дверь постучалась Катерина. Неся перед собой разнос, она уверенно прошла мимо меня к круглому маленькому столику и распорядилась:

– Лидия, вы идите. Мы с Анной Петровной тут сами, по-стариковски чаю с душицей попьём. – Катерина принялась выставлять на стол чайник, тарелки с тортом, чайные пары. – Без хозяйки ужин не ужин, все, как воды в рот набрали. А нам ваши танцы ни к чему, мы тут о своём поговорим. Правда, Анна Петровна?

– Иди-иди, Лида! – поторопила меня и мама: – Успокоилась я. Так, померещилось что-то, а что и сама не знаю! Иди.

Я вернулась в гостиную.

– Что там? – спросил, усаживая меня за стол, Серёжа.

– Что-то во сне почувствовала, испугалась...

– Лида, а дети?! – шёпотом вскрикнул он и привстал.

Я остановила:

– С детками всё в порядке. Они спят, Серёжа.

Фигурка Кали лежала на столе рядом с моей тарелкой. Пока ела торт, я рассматривала её.

– Прекрасная работа! Ты, в самом деле, думаешь, что она древняя? – спросил Серёжа.

– Не знаю, – пожалала я плечом, – я дошла до правильного поклонения Кали. Людей я не видела, да если бы и увидела,

вряд ли бы сумела определить, в каком времени они живут. Рядом с фигуркой стояли масляные светильники, вот я и решила, что она древняя. А теперь сомневаюсь. В современной Индии до сих пор чествуют Кали, приносят в жертву цветы и фрукты, может, и светильники используют масляные. – Я любовалась на зелёный отблеск камня. – Много удивительных совпадений. Кали с санскрита «чёрная», мастер использовал чёрный опал. В теле человека Кали пребывает в анахате – сердечной чакре, во многих школах йоги считается, что анахата окрашена в зелёный цвет, и для статуэтки выбран опал с зелёной опалесценцией.

– Как богиня смерти может пребывать в сердце человека? – спросил принц.

– В буддизме смерть человека – это отделение вечного Я от тленного тела. Анахата находится на границе – и разделяет, и объединяет животную природу человека и его божественную сущность. Потому и Кали, дарующая освобождение от земной жизни, пребывает на границе двух миров – в анахате. Кали – владычица времени и отвечает за пульсацию. Вот убийца и поливал фигурку кровью пульсирующего сердца.

– Кто он? – спросил Серёжа.

– Не знаю. Фанатик какого-нибудь извращенного культа Кали. Внешне он не индус.

– Фигурка не похожа на классическую Кали. Помнишь, мы видели изображение четырёхрукой Кали с головой демо-

на и кровавым мечом в руках?

– Кали, пляшущая на теле Шивы? Помню, Серёжа. Как там было сказано? «Гнев Кали грозит существованию мира». – Я задумалась. – А что если гнев Кали – это термоядерный распад? Расщепление атома способно уничтожить мир. А? – Оставшись без ответа, я вновь погладила фигурку.

– Страх-то, какой! Зачем тебе, Маленькая, такая фигурка в доме? – Маша, по-видимому, получила прощение Василича, и вопрошала, уютно привалившись плечом к груди мужа.

– Кали символизирует вечность жизни, Маша.

– Как это? Жизнь и смерть – это же противоположности.

– Жизнь и смерть – это сменяющие друг друга состояния в вечности бытия. Видите, на статуэтке вроде как юбочка изображена? – Я подняла фигурку вверх. – Фигурка миниатюрная, если не знаешь, не сразу и поймёшь, что юбочка состоит из человеческих рук. Руки символизируют карму, потому что карма складывается из деяний человека. А на груди у статуэтки ожерелье из черепов, что символизирует череду воплощений. – Я встала из-за стола, чтобы отнести фигурку на её место.

Моя коллекция насчитывает восемь фигурок и выставлена в стеклянной витрине, висевшей над одним из диванов тут же в гостиной.

Древняя Венера с небрежно вырезанными чертами лица, с массивными бёдрами, огромными вислыми грудями и большим животом, попала ко мне первой. Мы не определяли

её возраст. Возможно, это новодел, специально вырезанный так, что материал – молочно-розовый кварц, местами будто подвергся эрозии, а возможно, и, в самом деле, фигурка насчитывает тысячи лет жизни. Три фигурки – современные Лилит. Моя любимая – фигурка негритянки из чёрного агата Ботсвана, с длинными ногами, стройной шеей, небольшими девичьими грудками, идеальной округлости бёдрами и ягодицами. Мы с Серёжей нашли её в одном из антикварных магазинов Кейптауна. Две другие – крутобёдрые и пышногрудые красавицы из Индии, одна сделана из розового агата, другая из слоновой кости. Ещё две фигурки – демонические Лилит – одна из молочно-белого кахолонга с фигурой подростка – узкобёдрая и малогрудая, с крыльями птицы за спиной и грешным взглядом на ангельском личике; другая вырезана из розовой яшмы, с обольстительным телом и круглыми, как у совы, глазами. Ещё есть хрустальная валькирия с устремлённым вверх мечтательным лицом и каскадом падающих на спину буйных волос. А теперь Кали из опалесцирующего зелёным опала – прекрасная, как Лилит.

Я поставила фигурку среди прочих.

Ещё одна фигурка в коллекции – Танцующая, так назвал фигурку мастер. И это я. Он увидел меня на форуме промышленников Сибири и вырезал из кости моржа. Из той же кости он сделал резной футляр, в котором фигурка прячется от любопытных глаз.

Серёжа подошёл неслышно, протянул руку и взял с полки

резной футляр. Вытащил фигурку, задумчиво разглядывая, погладил подушечкой большого пальца по груди. Я прижалась к нему.

– Хочу твой портрет заказать, – произнёс он, – не могу найти художника.

– Зачем тебе мой портрет, если я – вот она во плоти?

Вместо ответа он поцеловал меня и сообщил:

– Резчик ещё одну фигурку сделал, теперь из слоновой кости. Фотографию прислал.

– Покажи.

Серёжа достал телефон, найдя изображение, развернул ко мне экран – контрастируя атласной поверхностью тела с тёмным фоном, на меня смотрела фигурка обнажённой женщины – плечи развёрнуты, грудь устремлена вперёд, руки свободно брошены вдоль тела, одна нога прямая, другая на пальцах ног. Ещё миг – и взмах рук, перенос тяжести тела с одной ноги на другую и... прыжок.

– Статичная динамичность. Мастер талантлив. И обработка поверхности хороша. Купишь?

– Конечно, Девочка, – Серёжа изумлённо, даже обиженно, посмотрел на меня, – неужели, ты думаешь, я откажусь купить твоё изображение?

– Моё?!

Я взяла телефон из его руки и увеличила фотографию. Спокойное лицо, чуточку опущенный подбородок, и глаза, смотревшие прямо. Чашевидные маленькие груди, тонкая

талия, ниже пупка едва выраженная, нежная округлость живота, стройные ноги, высокий подъём маленькой ступни...

Я посмотрела на Серёжу и прошептала:

– Она красива.

Сергей несколько секунд смотрел на меня, не понимая, потом расхохотался и прижал к себе.

– Маленькая, она копия! Это ты красива!

– Я позировала мастеру всего час. Танцующую он сделал в одежде...

– Приедет фигурка, рассмотришь себя, как следует, – пресёк он мои невнятные аргументы. Продолжая посмеиваться, повёл обратно к столу и передумал: – Потанцуй со мной.

Я рассеянно кивнула. Запечатлевшийся в памяти образ не давал покоя. Догадываясь, о чём я размышляю, Серёжа насмешливо улыбался, поглядывая на меня, и бережно кружил в вальсе. Придя к решению: «Встану в ту же позу перед зеркалом и сравню!», я тряхнула головой и показала ему язык.

Он спросил:

– Согласилась?

– Нет. Дашь мне вечером телефон, я перед зеркалом сравню натуру и изображение.

Он демонстративно закатил глаза, вопия о моём упрямстве.

Потом я танцевала с Андрэ, потом с принцем, потом вновь с Серёжей. Кажется, происшествие с подарком Его Высоче-

ства перестало тревожить домочадцев, все вернулись к насущным интересам.

Перед тем, как убежать кормить малышей, я поговорила с Павлом.

– Паша, у меня к тебе два пожелания.

Пашка покаянно склонил голову.

– Руби, Маленькая, руби голову самого преданного своего слуги!

– В следующий раз голову, Паша. А сейчас заруби себе на носу – просьбы Маши о помощи на кухне игнорировать нельзя!

– Таак.

– Посмотри на меня, Паша. – Я сделала паузу, подчёркивая значимость последующего внушения. – Паша, я прошу проявлять уважение к Серёже. Ты меня обижаешь.

У него округлились от удивления глаза.

– Маленькая, я не...

Я выставила перед ним ладошку.

– Подожди! Сергей демократичен и прост в общении, но это не значит, что ты можешь общаться с ним запанибрата. Серёжа – хозяин дома, он благодетель семьи, нравится это определение кому-то или нет, но это так. Он один содержит нас всех и заботится о нас. Я прошу об элементарном уважении и вежливости.

– Я понял, Маленькая.

– Хорошо, Паша.

Поворачиваясь к лестнице, я опять столкнулась с внимательным взглядом Жени, улыбнулась ей и кивнула. Она в ответ не улыбнулась.

Детки не спали, вели беседу с Настей.

– Лидия Ивановна, а мы уже минут тридцать не спим, – оглянулась Настя, – разговоры разговариваем, кулаки грызём!

– Правда? – удивилась я, спешно убегая в ванную. – А грудь ничего, спокойная!

И Макс, и Катя без раздумий сразу стали есть, а я, выбросив заботы дня из головы, погрузилась в вечернюю молитву-благодарность.

Насытившись, детки и не думали засыпать. Серёжа зашёл поцеловать их на ночь и остался.

– Что сынку, не спится? – Он забрал у меня Максима, приладил его к плечу, поддерживая ладонью под спинку. – Ничего, мужичок, сейчас погуляем, поговорим, и заметить не успеем, как уснём.

Потом он взял Катю у Насти. Катя тотчас потянулась к нему и уткнулась лобиком в его щёку, предварительно затолкав в рот кулачок. Серёжа обнял ладонью её головку.

– Девочка моя, соскучилась! Потому и не спим, что по папе соскучились! – заворковал он. – Красавица моя доченька! Катенька моя!

Катя вынула изо рта кулачок, прижалась ртом к его колкой

щек и быстро-быстро повела головкой справа налево и ещё раз – туда-сюда. Сергей испугался и отдёрнулся от неё.

– Лида, она так дёсны повредит!

Я засмеялась и отрицательно покачала головой.

– Зубки беспокоят. Максим спокоен, а Катя и в рот всё подряд тянет, и ротиком тянется.

Оставив Серёжу убаюкивать деток, я отправилась к графу – разговор о случившемся в семье насилии я намеренно оставила на конец вечера. По дороге заглянула к маме. Катерина до сих пор пребывала в её покоях, и своим вторжением я явно помешала им – увидев меня, обе напряжённо смолкли. Задержавшись не более минуты, я вышла.

Граф читал в кабинете какой-то толстый журнал, увидев меня, поднялся и пошёл навстречу.

– Детка, нам надо поговорить. – Он выждал, пока я усядусь, и сел сам. – С твоим мужем я ещё не говорил, но думаю, мы придём к единому решению – семью новеньких надо рассчитать.

Я покачала головой.

– Детка, не упрямясь! Другого выхода нет.

– Рассчитав семью, мы выставим на улицу не только виновников случившегося. Марфа только что обрела дом, пошла в школу...

– Ты знаешь, как они лишились дома? – спросил он, и я покачала головой. – Их вынудили уехать женщины того городка, в котором каждый из них родился и прожил всю

жизнь. Попросту выгнали. И это при том, что женщины эти исповедуют ислам и достаточно лояльны к похождениям своих мужчин. С тех пор они скачут с места на место, нигде не задерживаясь более чем на год. Думаю, нет нужды объяснять почему?

– Именно поэтому я должна найти другое решение!

– Детка, ты берёшь на себя непосильную задачу, ты не перевоспитаешь эту женщину!

– Андрей, я не собираюсь перевоспитывать Светлану. Как ты не понимаешь? Будь у них дом, я бы, наверное, согласилась с твоим решением. Но у них нет дома! Мы не можем выбросить их на улицу!

Граф опустил глаза и, соединив пальцы обеих рук перед собой, надолго погрузился в размышления.

– Нет. – Наконец, произнёс он и покачал головой. – Я не вижу иного выхода. И мне жаль девочку, но они – семья!

– Андрей, кто рассказал тебе об их прошлом? Катерина?

– Разве это важно?

– И всё же, кто?

– Анна Петровна. Потом она привела Катерину. Катерина принесла извинения и, надо отдать ей должное, ни о чём не просила.

– Светлана спекулирует дочерью?

– Не знаю, – удивился он вопросу.

– Хорошо, Андрей! – Я спустила ноги с дивана и начала обуваться. – Пошла!

– Куда?

– К Светлане. Хотела на завтра оставить разговор, но лучше уж сегодня кончить.

Моему решению не суждено было осуществиться. Выйдя из кабинета, я увидела Катерину и Михаила – они собрались домой. «Ну, теперь уже только завтра поговорю! – подумала я. – Жаль, ночка у них ещё та будет!»

– До свидания, Лидия, – простилась, проходя мимо, Катерина.

Сын её лишь воровато взглянул и кивнул, тотчас укрываясь за телом матери.

– До свидания, – ответила я, пошла и села на диван.

«Похоже, мама посвящена во все тайны их семьи. Минувая меня, пришла за помощью к графу... Ну да! я-то разве справлюсь?..» В поисках решения я раскладывала семейный пасьянс и так, и эдак, результат получался один – тот, который меня не устраивал.

Пришёл Серёжа, сел подле меня, и я молча привалилась к его плечу. Он и Его Высочество обсуждали деловую поездку принца.

«Я почему-то уверена, что Светлана Марфой не спекулирует, сама понимает, что хорошо, что плохо для дочери. А вот в Михаиле я не уверена... и если начистоту... не нравится он мне. – Я завозилась в поисках удобного положения, Серёжа взглянул на меня, но ничего не спросил. – Вначале поговорю со Светланой, потом Катерина и её сын... может,

что и...»

– Маленькая! – с диким воплем ворвалась в гостиную Даша и задышливо простонала: – Ооо, Сергей Михалыч! Там... – она указала рукой себе за спину, – там Василич! Он Машу... Марь Васильевну, то есть... кричит она...

Серёжа сорвался с места, я за ним, Даша припустила за нами:

– Стефан к ним... пошёл... ой! Маленькая... подожди!..

Не слушая её, я бежала за Серёжей и догнала только у самого входа в коттедж. Серёжа стоял со Стефаном.

– ...нет, говорит, не тронул... – услышала я, подбегая, слова Стефана.

Стефан умолк, вслед за его взглядом, и Серёжа посмотрел на меня.

– Куда?.. – вскричал он. – Раздетая! – Сбросив пиджак, укутал меня и сгрёб в охапку перед собой.

– Стефан, что? Серёжа, что с Машей? – спрашивала я, крутя головой.

– Я у них не был, – продолжал Стефан, – прибежал, Василич мне навстречу из двери выскакивает, а тут и Павел от ворот прибежал. Павел Василича к себе увёл.

– Серёжа, я пойду к Маше, узнаю.

Я вошла в коттедж и постучала в дверь Машиной квартиры, не ожидая ответа, приоткрыла дверь и позвала:

– Маша!

Из глубины донёсся плач. Я вошла и пошла на звук. Маша

ползала на четвереньках по полу спальни и собирала в ладошку коралловые бусины. Тонкая ночная рубашка, провалившись в ложбинку меж больших ягодич, прикрывала срам, высоко открывая, не знавшие солнца, сдобные бёдра Маши.

– ...ыыы ... – плакала она, елозя по полу. Косы двумя змеями елозили вслед за ней.

– Маша.

– ...ыыы ... ох, Мал...кая... Васяааа... порвал... – находя бусину, не меняя позы, она толкала её в кулачок и начинала искать следующую, – сказал... не надо мне... пусть принц... теперь... ыыыы... дарит...

– Маша...

– ...осерчал... ыыыы... теперь насовсем... ушёл...

– Маша, остановись... – я присела перед ней, взяла за плечо и трянула. – Маша, послушай меня.

Взглянув на меня, она зло выкрикнула:

– Да пропади он... ваш принц... ыыы... – и потянулась за следующей бусиной, – подарки его...

– Посмотри на меня! – Я сильнее трянула её за плечо. – Маша! Хватит ползать!

Она всхлипнула и обиженно уставилась на меня.

– Маша, сейчас мы соберём все бусины пылесосом. Где пылесос? Помнишь?

Некоторое время она соображала, потом кивнула.

– Принеси! – велела я.

Опершись на кровать руками, Маша поднялась на ноги,

так и не одёрнув замятую ягодицами рубашку, вышла из спальни. Я вышла вслед за ней, в гостиной достала из серванта хрустальную вазу и поставила на стол.

– Ааа, чтоб тебя... – выругалась на что-то Маша, чем-то загремела и вынесла из кладовой пылесос.

– Чистый? – спросила я, указывая на пылесос.

Маша повернула пылесос пылесборником ко мне и неуверенно кивнула:

– Вася в последний раз мыл, больше не пользовались.

Я взялась за ручку пылесоса; со страхом глядя на меня, она придержала его и спросила:

– Маленькая, он... не сожрёт?

– Он сожрёт, Маша. Нам это и надо! Положи бусины в вазу, что ты в них вцепилась? И, Маша, надень что-нибудь на себя!

Маша разлепила кулак над вазой, ссыпала бусины, несколькими пришлось помочь упасть, бусины прилипли к ладошке. Я направилась в спальню, осмотрела кровать, перетрясла подушки и одеяло, тщательно пропылесосила пол в спальне, вышла в гостиную и, на всякий случай, прошлась пылесосом по гостиной. Вынула из пылесоса контейнер для мусора и подала, надевшей на себя халат, Маше.

– Если на шкаф не взлетели, то все здесь.

Маша тупо смотрела на краснеющие сквозь хлопья пыли бусины.

– А теперь рассказывай, что случилось.

– Вася ушёл... – и лицо её опять исказилось.

– Что случилось, Маша? – повторила я вопрос.

– Принц платок привёз, – она указала глазами на нечто цветастое и с бахромой, комком валяющееся на кресле, – подарок... я похвасталась... – она опять всхлипнула, – хороший, дорогой... ты забери от греха. Вася осерчал и рукой за бусики... – Маша метнулась ладошкой к шее, пошарила на всякий случай и, вновь исказив лицо, всхлипнула: – Порвал.

Она повернулась и пошла на кухню, там поставила контейнер на стол, села и обречённо подвела итог:

– Теперь всё. Теперь не простит.

– Завтра возьмёшь платок, изрежешь на кусочки или сожжёшь на глазах у Василича. Скажешь, что из жадности не смогла от хорошей вещи отказаться.

Она безнадёжно махнула рукой.

– Без толку. Я Васе всё рассказала, как ты учила. И про любовь, и в дурости повинилась. Теперь и, что говорить, не осталось.

– А ничего нового говорить и не надо, повторишь, что сегодня сказала. Василичу любовь твоя нужна, а не красивые слова. Всё! Ложись спать, Маша!

Она покорно кивнула и проводила меня до двери. Я уже переступила порог, когда она меня остановила:

– Маленькая!

Я оглянулась.

– Вася меня простит?

– Василич уже простил, а ты этим дурацким платком по его живой ране прошлась.

Она жалко скривилась, приготовляясь снова заплакать. Я предостерегающе покачала головой.

– Хочешь завтра вернуть мужа в супружескую спальню, тебе не плакать надо, а выспаться.

Серёжа ждал на скамейке с моей курткой в руках. Кто-то принёс её, пока я бусы собирала.

– Ты, на ночь глядя, решила у Маши уборку сделать?

Я хохотнула и проворчала:

– Не помешало бы!

Он снял с меня свой пиджак и помог надеть куртку.

– Василич прямо на ней бусы порвал, я собирала их пылесосом.

– А завтра собрать нельзя было?

Я покачала головой.

– Для Маши и Василича эти бусы – символ любви.

Несмотря на поздний час, и граф, и Его Высочество дожидались нас в гостиной.

– О, Андрей, Ваше Высочество, зачем же вы не спите?

– Что там, детка! Всё в порядке? – с тревогой спросил граф.

– Всё в порядке, Андрей! Ваше Высочество! – Я посмотрела на Андрэ, на принца – оба были слишком непроницаемы лицом, и подумала, что они обменялись неприятными для обоих объяснениями. – У Маши порвались её любимые

бусы.

– Рад, детка, что всё обошлось! Доброй ночи! – Граф поцеловал меня, кивнул Сергею и Его Высочеству и направился к лестнице.

Минуту спустя принц сделал то же самое – простился со мной и Сергеем и тоже ушёл.

Он ещё не скрылся из виду, когда Серёжа жарко прошептал:

– Дай ротик... – горячо и наскоро поцеловал, развернул от себя и легко хлопнул по попе, – бегом, у тебя пять минут.

Я понеслась в спальню, а он отправился в Аквариум.

День пятый

Мы вернулись в спальню утром, к самому кормлению. И к моменту, когда я вышла из ванной, Серёжа уже принёс деток из детской. Я бросилась на кровать, поправила подушки под поясницей и вспомнила:

– Ой, Серёжа! Окно не закрыла!

Он остановил меня:

– Сиди!

Подал мне Катю, потом Максима. Подошёл к окну и, закрывая форточку, удивлённо спросил:

– Что она делает?

– О ком ты?

– Да Маша вроде! Зачем-то костёр на кострище развела.

– А Василич видит её?

– Василич? Нет. Стефан стоит у конюшни. А вот и Василич вышел! Зачем она костёр разожгла? – спрашивая, Серёжа мельком взглянул на меня и опять обратился к событиям за окном. – Развернула что-то... тряпка большая какая-то...

– Платок. Подарок Его Высочества.

Серёжа умолк, продолжая смотреть в окно.

– Что там? – спросила я.

– Горит! Маша, по-моему, плачет, голову опустила.

Катя бросила сосок и широко улыбнулась, в первый раз сегодня.

– Ах, моя девочка! – Я наклонилась, поцеловала дочку в лобик. – Солнышко ты наше улыбочивое!

– Сейчас и себя вместе с платком спалит! Что за... ногой костёр тушит... подол загорелся!

– Девочка наша славная!

Катя боднула грудь в поисках соска.

– Василич-то, что медлит? – отвлекаясь от ребёнка, спросила я.

– Бежит Василич! Со всех ног бежит! Ты представление придумала? – Серёжа выпустил из руки край шторы и повернулся к нам.

Я покачала головой.

– Нет. Я только посоветовала изрезать или сжечь платок. А Маша молодец! Как поэтично совет исполнила! Костёр в ночи! Уничтожение памяти о грехе на глазах любимого! Ну

а то, что с угрозой поджечь себя, так это не нарочно. Маша на кухню торопится, а костёр тушить не умеет.

Серёжа присел у меня в ногах и поправил:

– Не грех, Девочка, просто слабость.

– Нет, Серёжа. Слабостью может быть один раз, а когда неоднократно, это блуд. Была бы за этим любовь, то и греха бы не было. А так... Маша принца не любит, прельстилась на его статус.

Макс наелся, оглядел глазками вокруг себя.

– Сынка мой! – позвал Серёжа, забирая его от груди; отвлек Катю и принялся уговаривать: – Доедай, малышка, не торопись! Я здесь! Жду, когда ты насытишься!

Катя будто поняла и, скосив на Серёжу глазки, набросилась на грудь.

Переглянувшись, мы рассмеялись.

После выездки, я заглянула на кухню.

– Маша, доброе утро!

Маша подняла на меня измученные бессонницей и слезами глаза.

– Так и не спала ночью? – сочувственно спросила я.

Жалко скривившись, она доложила:

– Не хочет Вася прощать. Подол у меня загорелся, так он потушил, развернул меня и толкнул в спину. «Иди, – говорит, – переоденься! Дымом вся провоняла!»

– Спас он тебя, значит! И переодеваться отправил? – Я

рассмеялась. – Заботится!

Маша смотрела растерянно, не зная, что выбрать, то ли рассердиться, то ли обидеться. Обида пересилила – глаза наполнились слезами, едва слышно, она спросила:

– Смешно тебе?

– Ох, Маша! Потерпи немного! Дома твой Вася сегодня ночевать будет! Обнимет ночью крепко и расскажет, как испугался за тебя!

– Он тебе что, сам сказал?

– Ага. Планами на ночь поделился! – Я опять засмеялась и выбежала из кухни.

Маша всё-таки обиделась – завтраком не потчевала, молчком поставила блюда на стол и ушла на кухню. Мы с Серёжей продолжали разговор, начатый в спальне:

– И что ты надеешься от Светланы услышать?

– Надеюсь, что она сама, без понуканий, решит уйти.

– И бросит дочь?

Неуверенная в подобном развитии дела, я всё же кивнула.

– В любом случае, вначале я с ней поговорю, должна же она понимать, что её образ жизни не годится для её дочери.

– Хорошо, – согласился Сергей, – дождись меня. Я подпишу контракт – процедура скорее протокольная, чем деловая, вернусь скоро.

Я опять кивнула и подняла голову, встречая поцелуй подошедшего Андрэ.

– С добрым утром, Андрей!

– С добрым утром, детка! Прости за опоздание! Чудесно выглядишь, счастьем светишься, любо смотреть на тебя!

Я смутилась и украдкой взглянула на Серёжу – посылая мне поцелуй, он чуть заметно чмокнул губами воздух перед собой. Наша бессонная и жаркая ночь прошла, оставив на лицах счастье, а в телах звенящую радость.

– Детка, мне срочно надо улететь в Париж, – объявил граф.

– Что случилось, Андрей?

– Не тревожься! – Он успокаивающе похлопал меня по руке. – Умер мой давний приятель. Старый человек! Пусть покоится с миром! Назначил меня душеприказчиком.

Маша принесла яйца «Пармантье» и молча поставила перед Андрэ.

– Благодарю, Маша! – Граф проводил её внимательным взглядом. – Так вот у почившего осталась... эээ... не совсем адекватная дочь. Взбалмошная особа, возомнившая себя спасителем Земли. Она уже заявила прессе, что намерена использовать состояние отца на защиту планеты от пожирающего её человечества.

– Звучит устрашающе! Дочка придерживается идей радикального экологизма?

– Похоже на то. Маша неважно выглядит, детка. Что, поправить ничего нельзя?

– Всё в порядке, милый. Конфликт разрешился, осталось дожидаться, когда Василич будет готов обнять жену. Ты на-

долго уедешь?

– Не думаю. – Он промокнул губы салфеткой. – Вскроем завещание, и вернусь. Почивший – человек обстоятельный, уверен, и завещание составил соответствующе. Его Высочество ещё не проснулся?

– Его Высочество раньше позавтракал. А вот и он! Серёжа, принц едет с тобой?

Сергей кивнул, допил кофе и, вставая, извинился перед Андрэ. Граф тоже встал, они подали друг другу руки, прощаясь:

– Доброго пути, Андрей! Павла оставлю, в порт отвезёт. – Серёжа посмотрел на меня. – Проводишь?

– Конечно! – Я обняла его и шепнула на ухо: – Ночь, Серёжка, забыть не могу.

– Зорюшка моя! Подарок мой рассмотри, а то бросила, не глядя.

Я возмутилась:

– Серёжа, ты несправедлив! Я ещё ночью рассматрела. Фиолетово-красные гранаты.

– А ты всё же рассмотри! – усмехнулся он.

Принц перед тем, как сесть в машину, сделал заявление:

– Графиня, я злоупотребил гостеприимством вашего дома. Сегодня же я съеду.

Я поморщилась и покачала головой.

– Вы этого не сделаете, Ваше Высочество! Я не хочу, чтобы реноме Маши пострадало. Если вы уедете, ваши отноше-

ния станут очевидными для всех.

Он помолчал, поклонился и поцеловал мою руку.

– Примите моё искреннее раскаяние, Лидия!

Исполняя просьбу Серёжи, я вернулась в спальню и достала его подарок. Открыла футляр и удивилась – гранаты, бывшие ночью удивительного фиолетово-красного цвета, вдруг стали синими и даже не синими, а сине-зелёными. Я включила свет, чтобы лучше рассмотреть оттенок, и камни вновь изменили цвет – стали фиолетовыми. «Камень-хамелеон!» – догадалась я и бросилась к окну. В тусклом свете пасмурного дня, камни вновь вернули себе сине-зелёный цвет. Камни не были крупными, были полтора- или, скорее, двухкаратными. Три камня в ряд, каждый в окружении мелких бриллиантов. Я надела браслет на руку и, любуясь игрой и переливами камней, унеслась в воспоминания ночи – кожа тотчас вспомнила горячее дыхание и поцелуи Серёжи. От угара ласки он отвлек меня щелчком замочка. Я ощутила прохладную тяжесть на руке и подняла руку к глазам, в свете аквариумов сверкнули бриллианты, не в силах отвлекаться на постороннее, я опустила руку и зарылась пальцами в волосы Серёжи... «Аах... – у меня и при воспоминании перехватило дыхание, – Серёжка... страсть твоя была прежней, а, может, и большей, чем прежде». Вновь наполнившись тихой радостью, я сняла и убрала украшение. Взяла смартфон. Поисковик поведал, что Серёжа подарил мне браслет с алек-

сандритами.

Разобравшись с подарком мужа, я отправилась помогать Маше. Маша помощь приняла, но говорила со мной односложно. Я тоже помалкивала, вновь уплывая в воспомина- ния ночи...

На свидание я надела новый туалет, состоявший из раз- ных по размеру и форме деталей, не сшитых между собой, а сошнурованных. Платье плотно облегалo фигуру, в нём не было ни единого замка, ни одной пуговицы, было много шнуровки, и ни одна не заканчивалась свободными концами шнура. Не найдя способа расстегнуть платье, Серёжа недо- вольно зарычал и схватился пальцами за горловину:

– Чёртов футляр!

Я торопливо нащупала кончик кокетливого бантика на горловине и потянула – легко скользя из отверстия в отвер- стие, шёлковый шнурок распахнул платье сверху донизу. Бе- лья на мне не было, и Серёжино рычание приобрело другую окраску...

– Маленькая, ты не молчи, ты мне скажи! – вдруг вос- кликнула Маша, развернулась ко мне всем телом и оторопе- ла. Потом шёпотом спросила: – А ты чего улыбаешься?.. Ты насмехаешься надо мной? Тебе смешно, что я Васю потеря- ла? – Буравя меня сверкающим взглядом, Маша распалела са- му себя: – Веселишься? Я дура послушалась, дорогой платок сожгла, сама чуть не сгорела, а ты веселишься! Ха...Ха...

Ха. Так вот, знай! Его Высочество мне денег предложил. За несчастья мои откупиться хочет. А я возьму! Я возьму и уйду от... – Маша прикусила язык, увидев, влетевшую на кухню Дашу.

– Доброе утро, Маленькая! Доброе утро, Марь Васильевна!.. – Даша впилась глазами в алевшую неровными пятнами Машу, и спросила: – Марь Васильевна, что с вами?

Не разверзая рта, Маша поприветствовала её кивком головы и вернулась к прерванному делу. Поглядывая на Машу, Даша взяла из вазы яблоко, поиграла им перед собой, поняла, что ответа не будет, плюхнулась на стул и заговорила сама:

– Вот, Маленькая, думаю я, правду говорят про магнитные бури всякие, солнце там активное, дни какие-то неблагоприятные. Вчера такой день и был! А что? Днём Михаил жене глаз подбил. Не знаю, что и было бы, если бы не мой Стефан! Убил бы он Светлану, наверное. Сейчас бегала проведать её, страх смотреть – половина лица затекла! Глаз не открывается и не закрывается – щёлка только от глаза и осталась. – Качая головой, Даша положила яблоко обратно в вазу. – А вечером вы, Марь Васильевна, каак закричите! Мы-то уже спать легли! – Даша с усмешкой покосилась на Машу. – С чего это Василич так взбесился?

Маша отвернулась к раковине, окончательно оставив Дашу за спиной.

– Болтают, шашни у вас, Марь Васильевна, с Его Высоче-

ством, подарки он вам дарит, на кухне вы часто вдвоём.

Машина спина напряглась, забыв включить воду, она так и застыла перед раковиной, вся обратившись в слух.

– Да я не верю! Что ж такого, что Его Высочество подарок Марь Васильевне привёз? Ценит он, как Марь Васильевна готовит вкусно, вот и оказал внимание! Не один он, много кто Марь Васильевне внимание оказывает. Николай, например, всегда гостинец для неё припасёт. А принц, он и Маленькой подарки дарит. Что-то не слыхала я, чтобы Сергей Михалыч на Маленькую кричал. Неет, зря болтают! Где Его Высочество наследный принц, – Даша закатила глаза к потолку, – и где кухарка!

Такого надругательства Маша вынести не могла, она резко развернулась, вскинула подбородок, рот раскрылся объявить правду... но, наткнувшись на мой взгляд, Маша сникла и опустила голову. Даша, с интересом наблюдающая за ней, вновь усмехнулась:

– Учите вы меня, учите, Марь Васильевна, как с мужем в любви жить, а сами... – И Даша пренебрежительно махнула рукой.

Маша и тут смолчала, снова отвернулась к раковине, на этот раз включила воду и принялась что-то мыть. Даша потеряла к ней интерес.

– Маленькая, а ты когда платье новое надевала? Смотрю, в баке лежит. Стирать, что ли?

– Стирать, Даша.

Даша постояла, глядя то в спину Маши, то на меня, и, захватив из вазы яблоко, ушла.

– Так что ты хотела, чтобы я тебе сказала, Маша? – спросила я.

– Видала?! – Она повернулась и передразнила Дашу: – «Где Его Высочество принц и где кухарка? Дрянь! Ещё смеётся! – Она шагнула к столу, выхватила из вазы яблоко и с силой бросила его в мусорное ведро. – Облапала всё и опять в вазу суёт! Дрянь пустоголовая!

– Перестань!

– Что перестань? ... Что перестать, спрашиваю? Она меня...

– А ты бы хотела, чтобы Даша восхищалась, какая жаркая любовь у тебя с принцем?

Хлебнув воздух открытым ртом, Маша заткнулась, отвернулась, загремела кастрюлями и, в сердцах отшвырнув крышку, села на стул, повесив голову. Шёпотом спросила:

– Ты... ты зачем позволяешь измываться надо мной? Нравится, что она меня поносит?

– Хотела выяснить, о чём в доме шепчутся. Разговоры идут о тебе, тебе тоже не помешает знать.

Она сухо всхлипнула и спросила:

– Что мне делать, Маленькая?

– Прежде всего, подними голову! Наберись терпения и жди, когда Василич успокоится. Перестань думать о принце! Всё! Поднимайся, Маша, а то с обедом опоздаем!

Проводив Андрэ к машине, я догнала Настю, гуляющую с детьми, и наклонилась над коляской. Детки спали, повернув головки друг к другу, щёчки их на холоде покраснелись.

– Пока не проснутся, погуляю. Иди в дом, Настя, замёрзла.

Настя убежала, а я надела на голову капюшон и до самого верха застегнула замок куртки.

«Холодно сегодня! Василич ещё вчера объявил: «Побаловала осень теплом, пора и честь знать!», а сегодня бегают с Михаилом, забыв про обиды; торопятся, укрывают на зиму розы».

За спиной зашелестели шины автомобиля, я остановилась и оглянулась. Серёжа подъехал ближе, вышел из автомобиля и пошёл к нам. Полы его пальто разлетались при широком шаге, но звука шагов слышно не было.

– Ты словно по воздуху идёшь, ступаешь абсолютно бесшумно!

– Здравствуй, Маленькая! – Он обнял меня и поцеловал. – Нос холодный. Замёрзла? – Теснее прижал к себе, другой рукой взялся за коляску и покатил.

– Как прошло? – спросила я.

Он безразлично пожал плечом.

– Подписали контракт и разошлись.

– А Его Высочество где?

– Отправился в Третьяковку. Предупредил, что вернётся

к ужину.

– Ясно. Серёжа, а я рассмотрела подарок! – Я рассказала, как удивилась, обнаружив на браслете камни другого цвета, чем они были ночью.

Слушая, Серёжа самодовольно посмеивался.

– Первый камешек я приобрёл лет десять назад. А два других в прошлом году. Как раз перед тем, как узнали о детках.

– Весточка! – рассмеялась я.

– Всё не мог придумать, в каком украшении их использовать. Хотел колье, а потом остановился на браслете. Браслеты, пожалуй, единственное, что ты носишь. Камни, Маленькая, наши, уральские. Сегодня это большая редкость, только в частных коллекциях и можно найти.

– Спасибо, Серёжа! Я браслет вечером надену. У меня и наряд подходящий есть.

Мы шли мимо коттеджа, в котором жила семья Михаила.

– Серёжа, ты погуляй с детками, а я зайду к Светлане. Сейчас она должна быть одна. Катерина на кухне с Машей, Марфа в школе, Михаил с Василичем. – Я чмокнула его в щёку и побежала к коттеджу.

Светлана гладила бельё. Открыв на мой стук дверь, удивилась, молча попятилась, приглашая за собой и в то же время протягивая ко мне руки, чтобы забрать куртку. В гостиной смутилась, засуетилась, пряча трусы мужа, распяленные на гладильной доске, под полотенце. Я сделала вид, что ничего не заметила.

– Здравствуйте, Светлана.

– Здрасьте. – Она переложила ворох белья со стула на стол, обмахнула стул рукой и пригласила: – Садитесь.

Глаз её безобразно заплыл, сквозь узкую щёлочку виднелся зрачок и кровавый белок.

– Вы глазом видите, Светлана?

– Вижу. Этот, ваш врач Стефан, проверил. – Она усмехнулась и сморщилась от боли. – Сами пришли! Зачем? Сказали бы свекровке, я бы в дом пришла, не больная же... Вы беспокоитесь, наверное? Уходим мы! Свекровка уже вещи собрала, это последнее, – она кивнула на стопку выглаженного белья, – вчера выстирала, глажу вот, чтобы с собой чистое... – Опустив голову, Светлана огладила себя по бокам. – Стыдно мне и прощение просить совестно, да теперь всё равно, – вскинула взгляд и тотчас прикрылась веками, – извините, что в вашем доме... Я знаю, вы хотите, чтобы кругом была любовь, – при слове «любовь» она вновь усмехнулась, – ерунда это всё, нету её на белом свете, любви-то, кругом скотство одно...

– Светлана, я пришла поговорить о вашей дочери.

– О Марфе?! – испуганно вскрикнула она, вновь метнулась взглядом ко мне и не дошла, не дотянула до прямого взгляда в глаза, уставилась на мою шею или, может, подбородок.

Я вспомнила её призывный взгляд, обращённый к Сергею, и с раздражением подумала: «Прямым взглядом она смотрит

только на мужчин», а вслух сказала:

– Девочке надо учиться.

– Вы... вы зачем пришли? Чтобы Марфу?!..

Увидев её страх, я поняла всю безнадёжность попытки договориться. Да и как можно разлучать мать и дочь? Само желание преступно.

Светлана всхлипнула и вдруг затараторила:

– Оставьте Марфу в своём доме! Пожалуйста! Вы же добрая! Ей нравится здесь! Она псов ваших полюбила. И свекровку... она молодая ещё, может работать, – Светлана упала на колени и протянула ко мне руки, – а мы с мужем уйдём! Бога буду за вас молить... – Она стала хватать мои ладони, стараясь дотянуться до них губами.

– Перестаньте! – заорала я, вскакивая на ноги и выдирая руки из её цепких пальцев. Я подняла руки над головой и спряталась от неё за спинку стула. – Театральщина какая-то! Я затем и пришла, чтобы уговорить вас оставить девочку в доме!

Она радостно закивала головой, и я поморщилась.

– Светлана, я вас прошу, встаньте с колен! Пожалуйста!

Она поднялась, продолжая кивать мне.

– Сядьте, – попросила я.

Попятившись, она плюхнулась на диван, прямо на стопку глаженого белья. Вытаскивая бельё из-под себя по частям, не переставала кивать. Я вновь села на стул.

– Я не понимаю, если вы готовы расстаться с дочерью, по-

чему вы раньше не ушли из семьи?

Она опять уставилась на мой подбородок.

– Я хотела! Я же знаю, им без меня лучше будет. Муж не отпускает, угрожает и меня, и себя убить. – Она опять усмехнулась. – Любит, говорит! Да я бы всё равно ушла, меня свекровка упрашивает. Она боится, вдруг Миша, и взаправду, наложит на себя руки. А ей я отказать не могу, я ей по гроб жизни обязана. Вы же не знаете... Мне шестнадцать было, Михаилу восемнадцать. Мы с ним... в общем, я с первого разу зале... забеременела. Его в армию забрали, а мне некуда. Родителей у меня нет, у тётки воспитывалась. У ней хоть и детей не было, а и я не нужна была. Моя тётка Галя всё деньги копила. На двух работах работала, торговала зеленушкой с огорода, абрикосами из сада. Сама не ела, всё на продажу... а тут я с пузом. Спасибо свекровке – поверила мне, в дом взяла, работала, кормила меня, потом с ребёнком помогала. Свекровка любит Марфу, и Марфа её. Я ведь любила Мишу... а что у нас сейчас так, так не могу я с ним, постыл стал! Начнёт ночью руками по телу водить, больно так мнёт, шепчет: «Вся моя, моя вся!», слезами поливает и не может... я в петлю готова лезть, только бы не трогал. С ним что-то в армии случилось... попервоначально звала лечиться, не пошёл... а теперь и мне не надо, я думаю, нравится ему, что я с другими... бьёт потом, мстит, что сам взять не может. – Светлана умолкла и покачала головой. – Зря мы разговор этот ведём. Свекровка с Михаилом не расстанется, а

Михаил меня одну не отпустит.

Она встала, подошла к столу, опустила на ворох неглаженного белья руки и задумалась. Вдруг резко повернулась ко мне и впервые посмотрела прямо в глаза.

– Мальчик больной зовёт к себе. Может, сбежать? Не хватит духу у Михаила руки на себя наложить, трус он! Вы только Марфу не оставьте! Обещайте!

– Мальчик? Вы Илью имеете в виду?

Светлана засмеялась и тотчас вскрикнула от боли: «Ой!», дёрнула рукой, прикрывая заплывшую щёку.

– Когда вы с ним?..

– Сговорились? Не с ним! – покачала она головой. – Дружок его, пока вы там за столом сидели да танцевали, в окно ко мне влез.

Я вспомнила наглый взгляд рыбьих глаз Родиона.

– Потом он рассказал мальчику обо мне, тот и позвал. Мальчик-то тоже женщину хочет!

– Они же оба молоды, дети почти!

– При чём тут молоды? Главное, мужчина – не мужчина! А дружок сказал, мальчик – мужчина! – Она фыркнула. – Дети! Вы в каком мире живёте? Где вы детей в двадцать лет видели? Да и вообще, где вы любовь видели? Б***ство, одно только б***ство везде! И в доме вашем б***ство! Повариха-то ваша! Я думала, у её мужа не стоит, потому она путается... да нет! с мужиком её всё в порядке, да ей другого захотелось. А медведь этот косматый... – она хохотнула, –

горяч! Женат на одной, а сам в вас по уши влюблён! Думаете, не видно, что ли? И курносый! Не моргнув глазом, за вас убьёт, а и мной не побрезговал!

– Не смей!

– Да и муж ваш! Хорош! Так хорош, что и кого другого не надо! Ну, если и пошалит...

Кровь стучала у меня в висках, пересохшими губами я отчеканила:

– Не смей обсуждать мужчин моей семьи! – Я встала, схватив куртку, не прощаясь, пошла к двери. «Неужели все? Господи, неужели они все прошли через неё?»

На выходе из коттеджа я налетела на Катерину. Она испуганно отшатнулась от меня. Продолжая чеканить слова, я приказала:

– Найдите Михаила, я жду вас в кабинете! Сейчас!

Серёжа с детьми прогуливался неподалёку, увидев моё лицо, встревожился:

– Что, Девочка? Что случилось?

Прижавшись к его груди, я подняла к нему лицо и долго вглядывалась в родные глаза, пытаюсь прочесть в них опровержение словам Светланы. Задать вопрос я боялась. «Кому верить? Что я хочу найти в его глазах? Если он захочет солгать, он солжёт!» Совсем некстати я вспомнила, как в Алма-Ате, после расспросов мамы об его увлечениях, я спросила:

– Серёжа, ну есть же что-то, что тебя увлекает? Кто-то

играет в шахматы, в Го, кто-то в рулетку.

– Покер.

– Покер?

– Да.

– Покер, значит! – Я провела пальцем по спинке его носа. – А ты какой игрок – хороший, средний или плохой?

– Хороший.

«Можно ли доверять глазам игрока в покер?» Я вздохнула и опустила голову.

– Светлана уйдёт и оставит Марфу на попечение бабушки. Уйдёт навсегда, безвозвратно. По её версии, именно Михаил противится её уходу, угрожая покончить с собой. Боясь за сына, Михаилу вторит Катерина. Мать и сын сейчас придут в кабинет. Серёжа, я не знаю как, но Марфу с матерью надо разлучить!

Серёжа ладонью прижал мою голову к груди и спросил:

– Что она тебе наговорила? На тебе лица нет.

– Нет? И куда же оно, моё лицо, делось?

Больше не задавая вопросов, Серёжа гладил меня по голове, я слушала абсолютно спокойное, размеренное биение его сердца и успокаивалась сама. Когда я подняла голову, то увидела, что выражение лица Серёжи переменилось – брови сошлись к переносице, зелень глаз грозно сгустилась.

– Серёжа, молоко прибывает. Я их вызвала, не подумала, что кормить сейчас...

– Сам поговорю!

Мы пошли к дому. Максим проснулся, а Катя ещё спала. Она улыбалась, и меня затопила волна нежности. «Славная моя девочка, так и надо! Надо улыбаться! Только улыбающийся сам видит улыбки других. Мир исполнен Добра для тех, кто умеет творить Добро! И Любовь можно вдохнуть только тогда, когда Любовь выдыхаешь!»

Серёжа вынул деток из коляски. Я забежала вперёд, открывая перед ним дверь в дом.

– Серёжа, Светлана собирается уйти к Илье. Говорит, что он её пригласил.

Серёжа мельком взглянул на меня и промолчал.

Не знаю, какие аргументы использовал Серёжа, а, возможно, это Светлана неверно проинформировала меня, но Михаил, Катерина и Марфа остались жить в усадьбе, а Светлана в тот же день получила расчёт. Серёжа велел только что вернувшемуся из аэропорта Павлу отвезти Светлану туда, куда она укажет.

На следующий день мальчик Илья связался с Серёжей и, извинившись, отказался от сотрудничества, объяснив своё решение срочным отъездом на острова с последующей сменой гражданства. Вернувшись из офиса, Серёжа подал мне белую розу и простой лист белой бумаги, сложенный вчетверо.

– Маленькая, это тебе. Курьер доставил.

– Илья?

Серёжа кивнул и отошёл. Я развернула листок:

Маленькая!

Позвольте мне и дальше так называть Вас, графиня!

Я сожалею, что наше знакомство оборвалось так скоро.

Вы самая красивая женщина из всех, кого я когда-либо видел.

Вы самая любящая из тех, кого я знал.

Я всегда буду помнить Вас.

Илья.

Светлана бросила Илью через несколько месяцев. Мальчик в Москву не вернулся. Что с ним стало, мы не знаем.

И ещё одна женщина, появившись в моей жизни на крайне малый срок, оставила в ней свой след и исчезла навсегда. Я говорю о Карине. Только через несколько лет я узнала о дальнейшей её судьбе. Узнала и о причине, эту судьбу породившей.

Это был наш последний день в Париже. Мы собирались домой. Граф уже два дня, как улетел в Москву – того требовали его дела. Зато в Париж прилетел Его Высочество.

За завтраком Катя уговаривала отца ещё раз посетить Лувр, лепеча: «Папочка, ещё разочек, один-один всего, а то, когда мы ещё сюда приедем. Я совсем ненадолго, я только на Мону Лизу одним глазиком взгляну, а потом на Дюрера и

всё, хорошо?» И Серёжа сдался.

Макс наотрез отказался выходить из дома, раскопав какое-то сокровище в библиотеке деда, и залёг там же на диване. А я оказалась с Его Высочеством на веранде Cafe de Flore, условившись, что к обеду Серёжа и Катя присоединятся к нам.

Мы пили кофе на открытой веранде, и Его Высочество вспоминал о начале нашей дружбы:

– Я и сейчас помню ваш взгляд. Вы положили ручку на мою ладонь, потом подняли ко мне лицо и долго-долго смотрели прямо в мои глаза... Лидия, – его голос приобрёл бархатистые обертоны, – вы нисколько не изменились... ваш взгляд так же доверчив и глубок... Вы, вероятно, догадываетесь, я приехал в Париж с единственной целью... увидеть вас.

– Ваше Высочество, – опуская глаза, умоляюще прошептала я.

И он одумался.

– Простите, Лидия.

Мы замолчали. На веранду из кафе вышел какой-то человек, вызвав своим появлением некоторый переполох среди посетителей. Лицо его я где-то видела – хорошее мужское лицо, мужественное и умное, но кто он, я так и не смогла вспомнить.

– Лидия, взгляните на меня! – мягко попросил Его Высочество. И как только я встретилась с ним глазами, он пообещал.

щал: – Даю вам слово, я больше никогда не обнаружу вам своих чувств.

– Благодарю, Ваше Высочество.

Он полез в карман пиджака, вынул какой-то предмет и протянул на ладони.

– Помните?

– Конечно, Ваше Высочество!

На его ладони лежал перстень. Я погладила пальцем камень перстня, обезображенный трещиной. Камень был тёплым.

– Не выбросили?

Он покачал головой.

– Он повсюду со мной. Мне кажется, он стал моим талисманом.

– Ваше Высочество, могу я спросить?

– Конечно, Лидия, что угодно!

– Карина. Что с ней стало?

– Она стала женой начальника моей охраны. Предысторию их брака хотите узнать?

Я кивнула. Он откинулся на спинку стула и положил перстень в карман.

– Вначале я узнал о ней вне всякой связи с Сергеем. Некоторое время она была европейской подружкой Аббаса. Между ними произошла какая-то ссора, и Карина обвинила его в сексуальном насилии. Даже по тем временам это было серьёзное обвинение. За дело взялись мои адвокаты и доволь-

но легко уличили Карину в клевете. Ей грозили неприятности встречного иска, и она обратилась за помощью к Сергею. Они к тому времени уже расстались, но он взялся уладить конфликт. – Принц развёл руками. – Мир тесен, как у вас говорят.

В следующий раз я познакомился с Кариной лично. Мы все втроём – я, Сергей и Карина, каждый своим путём оказались на одном из деловых приёмов. Я провёл переговоры и поспешил к столику друга. Но Сергей был занят беседой с какой-то дамой. Я повернулся, чтобы уйти и услышал, что мой друг назвал даму Кариной. Я помедлил, между нами была какая-то этажерка или ширма, не помню. Дама уговаривала Сергея возобновить отношения; посмеиваясь, я вновь решил уйти, но вдруг дама стала угрожать. Я вспылил и вышел из-за перегородки. Карина не обратила на меня внимания и, продолжая угрожать какими-то разоблачениями, удалилась. Несколько позже я подкараулил её и предупредил, что за малейшие поползновения навредить моему другу я отдам её в жёны её давнему дружку Аббасу, и она распрощается с европейским образом жизни. Её смех окончательно вывел меня из себя, и я дал клятву. Клятву я сдержал.

– Но, Ваше Высочество, она свободная женщина...

– Да, и, как свободная женщина, она вышла замуж. Её дурно воспитала её мать, пришлось воспитанием заняться мужу. – Он улыбнулся, лукаво блеснув глазами. – Знаете, чем она увлекается?

Я покачала головой.

– Ну же, Лидия! Чтобы догадаться, особого дара не требуется... свою страсть к интригам...

– Карина стала писать детективы?.. – неуверенно предположила я.

Принц расхохотался.

– Именно! Одинаково дурным слогом, что по-арабски, что по-русски. Сюжеты слабые, но с каким выражением, с каким удовольствием она начитывает аудиозапись! Милая Лидия, не переживайте за неё! Эта женщина не получила тюремный срок, как рано или поздно с ней случилось бы в Европе, она не стала рабыней, чего по справедливости заслуживала, она стала уважаемой женщиной – женой, правда, третьей. Но, как ни странно, её это радует, Карина никогда не знала дружбы, но с жёнами своего мужа она дружит! – Подняв вверх указательный палец, его Высочество вновь засмеялся и добавил: – И она стала писателем!

Глава 2. Дети

День первый

Меня распирала гордость, но одновременно я сомневалась в честности своей победы.

– Серёжка, ну признайся, ты придержал Грома! Красавица не может обойти его!

Шагая рядом, Сергей не отвечал, увлечённо целуя моё ухо. Я хохотнула и поёжилась.

– Щекотно, Серёжа!

– Маленькая, – горячо шепнул он, – я тебя похищаю. Завтракаем, прощаемся с детьми и уезжаем.

– Куда?

– Разве это важно? Главное вдвоём, Девочка! Скучаю я, Лида.

Я остановилась, поднявшись на цыпочки, обняла его, провела кончиком языка по его губам и попросила:

– Поцелуй меня.

Прервал поцелуй Граф. Вначале он обошёл вокруг нас, потом тихонько взвизгнул, потом замер сбоку, тесно прижавшись к нашим ногам. Я упёрлась лбом в грудь мужа и засмеялась:

– Что же это? Даже собаки мешают! Что ты, мальчик? Что

случилось?

Вывалив язык из пасти, Граф смотрел на Серёжу.

– Он тебя зовёт, Серёжа.

– Вижу. Ну пойдём, парень, посмотрим, что там стряслось?

Сергей двинулся к дому, обнимая одной рукой меня, другую опустил псу на загривок.

Пёс помешал не просто так, его послала Маша. В усадьбу приехал Николай с нетерпящим отлагательств разговором. Мужчины ушли в кабинет.

– Детка, что случилось? – спросил Андрэ за завтраком. – Что привело Николая в такую рань?

– Не знаю, Андрей, – ответила я, а сама подумала: «Я и сама хотела бы знать, какой чёрт принёс его в такую рань. Опять, наверное, деньги потерял».

Николай типичный неудачник – не способный извлечь уроков из собственных неудач, он с маниакальной настойчивостью повторяет одни и те же ошибки.

– Мама, Василич сказал, Красавица Грома обогнала. Правда?

– Да, Катюша.

– Мама, а когда мы с Максом на взрослых лошадок переедем? Я тоже хочу с вами по утрам скакать. – Не дождавшись ответа, Катя прибавила два важных аргумента: – Стефан говорит, я хорошая наездница! А у Макса скоро ноги по земле волочиться будут, – Катя громко рассмеялась, взгля-

нужно на брата, – Мустанг для него слишком маленький.

Макс не обратил внимания на насмешку сестры и остался серьёзным, пытливо вглядываясь в моё лицо. Он, и правда, торопился расти, долговязый и большеногий, он был чересчур высоким для своих девяти лет. Встревоженный его ростом Стефан настаивал на консультации эндокринолога, на что Серёжа резонно заметил:

– Макс развивается гармонично, у него и мышечная масса растёт, и скелет укрупняется. Маленькая, меня тревожит другое – Макс слишком по-взрослому смотрит на жизнь, нет в нём детской шаловливости, озорства мальчишки. – Он махнул рукой. – Мамина радость, в общем.

– «Мамина радость»? Ты прав, Серёжа, я восхищаюсь сыном! В нём есть недетская ответственность за свои решения и поступки. В этом смысле Макс взрослее многих взрослых. И мужественнее. А насчёт отсутствия у Макса озорства мальчишки не соглашусь. Макс озорничает, спроси у Василича, он частенько разыскивает Макса с хвостиком в руках.

– Катюша, вопрос не по адресу. Этот вопрос решает папа.

– А папа завтракать с нами не будет? – Катя так же пытливо, как и Максим, уставилась на меня.

Я улыбнулась.

– Ребятки, я не могу ответить на ваши вопросы. Тревожиться заранее не вижу смысла, папа освободится, мы обо

всём узнаем. А посему предлагаю каждому заняться своим делом.

Максим и Катя встали из-за стола и, захватив свою посуду, отправились на кухню благодарить Машу.

Сергей и Николай вышли из кабинета через час. Моё приглашение позавтракать, Николай отклонил и, сославшись на занятость, уехал. Серёжа, усаживаясь за стол, поторопил:

– Маленькая, беги, собирайся! Я и один позавтракаю.

– Мы поедем?

– Конечно! – И позвал: – Маша!

– Иду-иду, Сергей Михалыч! – тотчас отозвалась она. Маша торопилась к столу с любимым завтраком Серёжи – яичницей с ветчиной. В руках она несла скворчащую сковородку, а под мышкой торчала подставка под неё. – Я жарить начала, как только ты из кабинета вышел. Караулила тебя. Вот на-ко, с пылу с жару, кушай, Сергей Михалыч, приятного аппетита! Время-то уж за десять часов перешло, а ты не евши.

– Благодарю, Маша.

– Машенька, мы сегодня уедем на целый день, к обеду не ждите, – сообщила я.

– И к ужину тоже! – добавил Серёжа.

– Так собрать что в дорогу? – Маша уже повернулась бежать на кухню.

Серёжа отрицательно покачал головой:

– Не надо, Маша. – И повторил мне: – Маленькая, беги,

собирайся!

Я чмокнула Машу в щёку и поспешила наверх.

Дверь в комнату Кати была приоткрыта, и я спросила:

– Катюша, ты здесь?

– Мама, заходи! Тебя жду! – Сердитая Катя стояла с тряпкой в руках подле письменного стола. – Мама, я не хочу уборку делать! – Она решительно бросила тряпку на стол, плюхнулась в рабочее кресло и сложила руки на коленях. – Уборка – это пустая трата времени! Ты хочешь, чтобы я убирала книги со стола, а вечером или завтра они опять мне понадобятся, и я их снова достану и положу на стол. А потом опять буду убирать. Так вся жизнь за уборкой пройдёт!

– Хорошо, не убирай, – согласилась я.

Катя помолчала и недоверчиво переспросила:

– Ты, правда, позволишь не убирать со стола?

– Конечно! Вижу, ты всерьёз обдумала своё решение.

– И пыль могу не вытирать?

Я кивнула.

– И не пылесосить? И пол не мыть?

Я опять кивнула.

– А постель можно не заправлять? Вечером же опять расправлять приходится.

Не в силах поверить в столь легко доставшуюся победу, Катя пристально вглядывалась в моё лицо в поисках подвоха. Я пояснила:

– Катюша, это твоя комната. Когда ты переезжала сюда из детской, ты ещё не знала, как управлять своей территорией. Папа, я, другие члены семьи рассказывали тебе о своём опыте взаимодействия с личным пространством, учили, как создавать уют, как поддерживать порядок. Теперь у тебя есть личный опыт, и ты вправе руководствоваться им. Иди ко мне.

Катя встала, потянулась ко мне ручками и крепко-крепко обхватила за спину.

– Я люблю тебя, детка!

– Мамочка, я буду скучать. Папа сказал, мы только завтра утром увидимся.

– Ночью, когда вернусь, я зайду к тебе. Зайду поцеловать мою славную девочку.

В комнату Макса дверь тоже была приоткрыта. Стукнув по ней, я просунула голову внутрь.

– Максим.

Макс сидел на полу и вырезал что-то из дерева; услышав меня, торопливо накрыл ладонью свою работу.

– Сынок, я зашла проститься.

Максим накрыл поделку листком бумаги, поднялся и шагнул навстречу, перекрывая доступ к своей тайне. Если Катя была ниже меня, то сын надо мной возвышался. Я взяла его лицо в ладони и заглянула в искристую зелень отцовских глаз.

– Как быстро ты вырос, – то ли с сожалением, то ли с гордостью произнесла я. А, скорее, и то и другое одновременно присутствовало в моих чувствах к сыну – я и гордилась его взрослостью, но и сожалела, что он так быстро растёт. Я приподнялась на носочки и поцеловала его в краешек рта. – Люблю тебя, сынок!

Он обнял меня, и я на мгновение замерла в его объятиях, ощущая тепло его дыхания у себя на волосах.

– Остаёшься за старшего! Дом и домочадцы под твоим присмотром.

Он отдал мне честь:

– Yes, sir.

– Пока, сынка!

– Мама, когда вернётесь, зайдёшь ко мне?

– Конечно, милый, обязательно!

Сбежав по лестнице, я заглянула в кабинет в поисках Ан-дрэ. Кабинет был пуст, и я заторопилась на террасу. В гостиной меня задержала Эльза:

– Лидия, минутку. У меня есть вопрос.

– С добрым утром, Эльза. Слушаю.

– Доброе утро. – Она подошла и, понизив голос, спросила: – Катя сказала, что ты разрешила ей не делать уборку в комнате?

– Да, – подтвердила я, улыбаясь.

Выйдя замуж, Эльза похорошела. Тело приобрело приятную округлость и лицо тоже. Даша уговорила её сменить

причёску, и теперь Эльза коротко стриглась, открывая взгляду милые маленькие ушки и красивый рисунок затылка. Чёлка скрыла слишком высокий лоб, пропорции лица изменились – вытянутость исчезла, и появились щёчки. И только удивительные сиренево-синие глаза напоминали о прежней Эльзе.

Непонимающе взирая на меня, Эльза ждала разъяснений. Я обняла её за талию и, торопясь выйти из дома, повела её к двери в холл.

– Катя считает, – заговорщицки прошептала я, – уборка – занятие бесполезное и отнимающее слишком много времени.

– Понимаю. Лида, но ты мне запретила убирать в комнатах детей. Кто теперь будет убирать в Катиной спальне?

– Никто.

– Лида, я не понимаю...

– Эльза, милая, не волнуйся. Подождём. Понаблюдаем.

Не вполне уверенно она прошептала:

– Я поняла.

Только я открыла дверь наружу, ко мне бросились мальчишки, поскуливая, выпрашивали ласку. Я запустила руки в их загривки.

– Ах вы, красавцы мои! Умницы! Знаете, что уезжаем!

Лорд извернулся и захватил мою руку в пасть.

– Хороший пёсик, хороший! Доброе утро, Стефан! – крикнула я Стефану, играя с Лордом. – Я думала, тебя нет

дома.

Он и Андрэ расположились в креслах на террасе и наблюдали за мной и собаками. Стефан пребывал в излюбленной позе – полулежал, вытянув перед собой огромные ноги.

– Доброе утро, – ответил он и пояснил: – Я только вернулся.

К террасе подъехал внедорожник, Серёжа вышел из машины и тихонько свистнул. Псы тотчас устремились на зов хозяина.

– Опять сбегаете от нас? – спросил, подходя ко мне, граф. Я виновато кивнула, прижимаясь к нему. Он шепнул:

– Развлекайся, детка, ты всё время с детьми, иногда нужно и о себе вспомнить!

– Благодарю, Андрей!

– Позаботься зятёк, чтобы жена твоя, как следует, отдохнула.

Серёжа усмехнулся, отдал тестю честь, как несколькими минутами раньше, сделал его сын, отдавая честь мне. Я засмеялась, сбежала со ступенек и, садясь в машину, махнула рукой Андрэ и Стефану.

На трассе Серёжа молчал, сузив глаза, смотрел прямо перед собой. Стрелка спидометра застыла на отметке 160. Я отвернулась к окну, там сплошной лентой бежал широколиственный лес. «Всё в порядке! – уговаривала я себя. – Если бы известие Николая несло угрозу, на спидометре было бы

больше 200».

Я откинула назад спинку кресла, разулась и подтянула ноги к себе.

– Поспи, Маленькая, – отреагировал на моё обустройство Сергей, – ехать ещё часа полтора.

Я кивнула и закрыла глаза.

«Да, Макс растёт слишком быстро. У Серёжи бурный рост начался после школы, а я стояла в числе первых на физкультуре лет до десяти, а потом постепенно оказалась в хвосте шеренги. Может, Макс, как и я, главные свои сантиметры набирает задолго до пубертата? – Я вздохнула. – Серёжа прав, Макс не только физически ускоренно растёт, он и взрослеть торопится!»

Я вспомнила, как Макс в четыре года отказался от услуг Насти при купании.

Я была в детской, помогала детям готовиться ко сну. Заплетая косу Кате, услышала шёпот Максима:

– Настя, я сам!

– С чего это ты сам? – громко спросила Настя. – Я что, твой писюн не видела? Да и смотреть не собираюсь!

– Настя, при тебе я купаться не буду!

Возвышаясь над ребёнком, Настя подбоченилась.

– Даже и не думай...

– Подожди, Котёнок, – я отстранила Катю от себя и поднялась с диванчика.

– ...ты будешь купаться, как и раньше, при мне!

– Настя, доплети, пожалуйста, косу Кате, – вмешалась я и опустила перед Максом на колени.

Его глаза блестели, готовыми вот-вот пролиться, слезами.

– Хочешь, я позову папу, чтобы он тебе помог? – шёпотом спросила я.

Макс кивнул, и я обняла его.

– Я и сам могу. Я давно моюсь сам, Настя просто рядом стоит.

– Ты очень быстро растёшь, мальчик. Мы, женщины, не поспеваем за тобой, нам кажется, что ты всё ещё маленький.

Позже, когда дети легли спать, я пригласила Настю выпить чаю. Глядя перед собой, она молча прихлёбывала чай, переживая о случившемся.

– Настя, детки выросли.

– Да, Лида, и я не знаю, как я буду жить без них, – из её глаз быстро-быстро покатались слезинки, – я чувствую свою ненужность и всё равно не могу расстаться с ними.

– Настя, не ты стала не нужна! И Макс, и Катя любят тебя! Деткам стала не нужна опека няни. Стань им другом.

– Другом? – Она смущённо улыбнулась сквозь слёзы. – Как можно дружить с маленьким ребёнком?

Я начала объяснение издалека:

– Няня на первый план ставит заботу о физическом существовании ребёнка, воспитатель приучает ребёнка следовать определённым правилам, учитель заботится о знаниях, а друг видит в ребёнке Личность – Человека, который обла-

дает меньшим жизненным опытом, но от этого является не меньшей Личностью, чем он сам, взрослый. Другом может быть и няня, и воспитатель, и учитель, и родитель.

Я замолчала, внезапно подумав о том, что большинство родителей – хороших родителей, искренне любивших детей и заботившихся об их благе, ни на секунду не задумываются о том, что их чадо – равная им Личность.

– У Максима появился стыд наготы. Его стыдливость имеет право на уважение ничуть не меньше, чем, например, твоя стыдливость или моя.

Настя опустила голову и прошептала:

– Лида, я уже поняла, что обидела Максима.

Я отвела от неё глаза, не в силах её поправить: «Ты его унизила, Настя! Громко, в пренебрежительном тоне рассуждая о его гениталиях!»

– Я помню твои уроки, Лида. Человек обладает правом жить свою жизнь сам. Но ведь ребёнок не может жить сам, он может легко навредить себе.

– Да. На то и нужен рядом с ребёнком взрослый с его знаниями и опытом. Дети, когда их что-либо заинтересовало, вначале задают вопросы и только потом действуют. Взрослым же недосуг разбираться с вопросами ребёнка, взрослые почему-то уверены, что вопросы детей глупые и неважные и потому не стоят их времени. Взрослым проще наложить запрет на действия ребёнка. Но ребёнок всё равно будет действовать, только тайком, ну и, уж простите, так, как у

него получится. И теперь у взрослого появляется право проявить власть – наказать ребёнка за проступок, хотя наказывать нужно бы его самого – именно взрослый проявил безответственность, не найдя в себе мотивации поделиться с чадом своим опытом. Взрослый, Настя, не в силах запретить ребёнку исследовать мир, но зато у него есть силы сделать исследование мира безопасным.

– Мне кажется, взрослые не отвечают на вопросы ребёнка потому, что сами не знают ответов.

– И это тоже имеет место, хотя вопросы детей редко носят узко-специфический характер, чаще их вопросы относятся к категории житейского познания. Но даже от сложного вопроса зрелый человек не отмахнётся, а будет искать ответ вместе с ребёнком.

Мы с Серёжей предполагали, что дети покинут общую детскую и переедут в свои отдельные спальни в пять лет. Не сговариваясь с нами, этот же рубеж определила для себя и Настя – именно в день пятилетия деток она решила снять с себя обязательства няни. Решение Насти абсолютно не устраивало мужа Насти – Андрея. Молчаливо обижающийся вначале, Андрей стал выражать недовольство вслух:

– Лида, я не понимаю, у меня есть жена, или я женился фиктивно?

Он приехал повидаться с женой, кажется, уже в четвёртый раз после их свадьбы, состоявшейся три с половиной месяца

назад. В каждый свой приезд он надеялся вернуться в Чехию вместе с Настей.

– Настя опять отказалась ехать! Я больше не намерен ждать, если она не переедет ко мне в этом году. Лида, я подам на развод! – с упрямой решимостью заявил он и уехал.

На дворе стоял конец ноября.

Чтобы спасти их брак, мы с Серёжей решили ускорить переезд Макса и Кати из общей детской, справедливо полагая, что оставаться одной в опустевшей детской Насте вряд ли захочется.

– Успеем? – спросила я Серёжу. – Я пригласила Андрея праздновать Новый Год у нас.

– Успеем, – пожал плечом Серёжа, – комнаты ждут деток. Мебель готовую купим.

Но вначале я должна была поговорить с детьми. Случай шёл мне навстречу – оба моих ребёнка были один подле другого, оба в гостиной. Макс читал, лёжа на диване, а Катя старательно обучала верховой езде Лорда. Громадный пёс терпеливо позволял забираться к себе на спину, но категорически не желал двигаться с Катей на спине. Катя сползала с него, чтобы ещё раз объяснить псу его задачу, пёс с радостью двигался, но, как только Катя вновь забиралась на него, вновь замирал.

– Катя! Иди сюда, детка, нам нужно серьёзно поговорить.

– Мама, почему Лорд не слушается?

– Он боится навредить тебе.

– Я же крепко держусь за него, смотри. – Она показала на свой кулачок, утонувший в густой шерсти пса. – Он что, не чувствует?

– Катюша, Лорд – собака, нельзя от собаки требовать, чтобы она стала лошадью. Катя, ни от кого, ни от животных, ни от людей, нельзя требовать того, что они не могут сделать.

– Мама, а как узнать могут люди сделать или нет? – спросил Максим.

– Это трудно, сынок. Надо учиться быть чутким к людям. Максим лежал на диване, согнув ноги в коленях. На колени опиралась книга, большая размерами, чем сама подставка.

«Интересно, что на этот раз?» – подумала я.

Три дня назад я имела разговор с Андрэ.

Дед застал внука в библиотеке за чтением одного из томов Атласа анатомии человека и поспешил предупредить меня:

– Детка, Максиму всего четыре года, он может наткнуться на неприличные вещи.

– Андрей, ты знаешь в теле человека неприличные вещи? Андрэ рассердился.

– Не передёргивай, ты прекрасно поняла, о чём я.

– Андрей, я не буду указывать сыну, что читать должно, а что не подходит его возрасту. В его возрасте ещё и читать-то рано. – Я рассмеялась. – И потом, что тебя напугало? Макс и Кате самое время задаться вопросом «Откуда берутся дети?»

– Катя, Максим, вы переедете в свои комнаты к Новому Году. Мы с папой предлагаем вам самостоятельно выбрать интерьер в свою комнату.

– Как, мама? – влезая на кресло, спросила Катя. Хвост её слегка съехал на бок, щёчки горели румянцем.

– Как? Мы вместе будем ездить в магазины, ты и Макс будете смотреть разные вещи и выбирать из них те, что будут окружать вас в ближайшие несколько лет.

Катя понимающе кивнула.

– Но прежде, чем приступить к выбору, нужно знать, какие предметы мебели вам необходимы, чтобы было удобно работать, учиться, отдыхать. За порядком в своей комнате вы будете следить сами, поэтому необходимо продумать, где и как вы будете хранить вещи.

– Для хранения же гардеробная комната есть.

– Верно, Котёнок. И папа очень хорошо продумал гардеробные комнаты. Там есть шкафы для одежды, шкафы для обуви, комоды для белья, есть даже отдельные ящики для аксессуаров.

– Папа это всё сам придумал?

– Нет, маленькая. Гардеробные комнаты люди придумали давно. Папа продумал наши гардеробные комнаты. Он придумал, где и что будет храниться, какой глубины нужны ящики, сколько их нужно и так далее. Но в гардеробной комнате не хранят книги, краски, ручки, ноты. Вам нужно будет

продумать, где вы будете хранить именно эти ваши вещи.

Максим закрыл книгу, сел, свесив с дивана ножки, и объявил:

– Мама, я понял. – Перевернулся на живот и сполз с дивана.

Я взглянула на обложку книги – «Жизнь животных» Альфреда Брема.

– Можно, я загляну в вашу с папой спальню и осмотрю там всё?

Я протянула к нему руку, он с готовностью принял ко мне.

– Конечно! – Прижавшись губами к его макушке, я вдохнула его аромат. – Люблю тебя, милый.

– Я ещё у Стефана мастерскую осмотрю. Потом конюшню.

– Ну про мастерскую понятно. А конюшню зачем?

– Интересно. Я никогда не обращал внимания, где в конюшне вещи хранятся.

Максим высвободился из моих рук, забрал книгу с дивана и отправился исполнять задуманное.

Всё это время Катя сидела в глубокой задумчивости, подперев щечку рукой. Я не стала отвлекать её вопросами и терпеливо ждала. Наконец, она отняла от щеки руку, сползая с кресла тем же манером, что и Максим, и сообщила:

– Я к тебе на коленки. – Забралась и привалилась к груди.

Стараясь не помешать, я тихонько целовала её головку. Детки мои всё время чем-то заняты, и я редко имею возможность наслаждаться физической близостью с ними.

Катя выпрямилась и заглянула мне в лицо.

– Придумала! Mamочка, я нарисую отдельно каждую стенку комнаты. Потом папе покажу. – И тотчас заторопилась с колен.

– погоди, Катя, – придержала я её, – хвост твой поправлю.

Пока я занималась её волосами, она нетерпеливо приплясывала около меня.

– Куда ты так торопишься?

– Я же сказала – рисовать!

Исследования Макса произвели довольно серьёзный переполох среди домочадцев. Первой обратилась Маша:

– Маленькая, зачем ребёнок по шкафам лазает? Заявил, что у меня мелочи неправильно хранятся. Как попало, мол. Сказал, чтобы я пошла к Стефану в мастерскую и поучилась – у Стефана мелочи ещё мельче и их больше, а хранятся они все удобно, аккуратно, и сразу можно найти. Ты же знаешь, хоть ящики и разделены на секции, но для каждой насадки или там каждого ножа отдельную секцию не сделаешь. Иногда складываю второпях, может, и не в ту секцию брошу, так и что?

– Маша, милая, Макс ищет лучший вариант хранения вещей, только и всего. Как у тебя хранятся насадки и ножи твоё дело, лишь бы тебе было удобно!

Следующим был Андрэ.

– Детка, что за задание ты дала Максиму? Он спросил разрешения осмотреть мою комнату. На вопрос «Зачем?», ска-

зал, что ему нужно узнать, как я храню свои мужские вещи. – Андрэ развёл руками. – Детка, для чего ему это? И что такое, эти «мужские вещи»?

Я рассмеялась.

– Видимо, Макс обследовал нашу с Серёжей спальню и увидел, что там великое множество женских вещей и мало мужских. Вот и решил, что осмотр спальни мужчины ему поможет больше. Андрей, дети, каждый своим путём, продумывают интерьер своих комнат. А Максим, мне кажется, попутно изучает мир вещей.

Андрэ несколько секунд размышлял над моими словами.

– Знаешь, детка, Максим заявил, что вещи мальчика разнообразнее по своему назначению, чем вещи взрослого мужчины.

Я усмехнулась.

– Интересно, какой вывод он по этому поводу сделает?

Максим заглянул в прачечную и порылся на полках с мощными средствами, чем удивил Дашу:

– Я у него спрашиваю: «Макс, ты чего ищешь?» А он мне: «Я не ищу, я хочу понять». Чего можно хотеть понять в коробках и бутылках? – с усмешкой пожалала плечами Даша.

Катюша, напротив, исчезла из поля зрения домочадцев. Я её тоже потеряла, заглянув в кабинет и не найдя, вторглась в игровую комнату. Катя расположилась прямо на полу, обложившись листами бумаги со всех сторон.

– Мама, заходи! Убери мне волосы, они размазывают

краски.

Катя сидела, поджав под себя ножки, и когда наклонялась над рисунком, её хвост свешивался набок, и концы волос ложились на рисунок.

Я присела на детский стульчик. Катя выпрямилась, осмотрела свою работу, положила кисть, на коленках подползла ко мне и привалилась спиной к ногам.

– Голову мыть придётся. Как картина твоя выглядит, если концы волос в краске?

– Да это я самую первую испортила, потом следить стала. Папа ещё не пришёл?

– Нет, Котёнок. Соскучилась?

– Да. – Она горестно вздохнула. – Я всегда скучаю.

Я забрала её волосы в большую загогулину и затянула резинкой.

– Не туго?

Она потрясла головой.

– Нет. – Развернувшись, порывисто обняла за шею и мокро чмокнула в щёку. – Благодарю, мамочка! – И вновь устремилась к своему занятию.

Мы с Машей заканчивали с приготовлением ужина, когда из гостиной донёсся радостный визг Кати, уведомляющий о том, что в гостиную вошёл Серёжа. Я тоже заторопилась встретить мужа и, убегая, сообщила:

– Маша, соус готов.

Сидя на руке отца, Катя целовала его – вначале крепко прижималась к щеке губами, потом чмокала и приговаривала:

– Папочка мой... папочка мой пришёл...

– Катенька, – таял в умилении Серёжа, – доченька, соскучилась!

Любуясь их встречами, я ждала своей очереди. Сергей отнял одну руку от Кати и распахнул её, как крыло, приглашая меня в объятия. Я шагнула, уткнулась лицом в его грудь и вдохнула родное тепло. В самое ухо, почти без звука он шептал:

– Соскучился, Маленькая.

Катя заёрзала.

– Что ты, Котёнок? – спросил Серёжа и опустил её на пол.

Сложив ручки на груди, Катя демонстративно повернулась к нам спиной и из-за плеча проговорила:

– Целуйтесь. Я подожду.

Мы быстро поцеловались. Переводя дыхание, Серёжа шепнул:

– Поднимись в спальню. – А сам присел на корточки перед сыном, терпеливо дожидавшимся, пока на милуются девочки. – Здравствуй, сынок.

– Здравствуй, папа.

Они обнялись. Подхватив обоих детей на руки, Сергей опустился на диван, посмотрел на одного, на другого, дети вдохнули полные грудки воздуха, и Сергей задал свои тра-

диционные вопросы:

– Как день прошёл? Что случилось в нашем поместье – королевстве?

Первый вопрос дети хором произнесли вместе с отцом, на второй их не хватило – оба закатились в приступе смеха, закинув головёнки назад.

– Докладывай вначале ты, мой сын.

Чтобы не оставлять Маше лишнюю работу, я вернулась на кухню вымыть и убрать блендер. В мойке нашлось, что ещё помыть, поэтому, когда, запыхавшись, я влетела в спальню, Сергей уже ждал. С порога поймал в нетерпеливые объятия.

– Где ты ходишь? – Не ожидая ответа, зажал мой рот поцелуем, устремляясь рукой под юбку...

С началом конвульсий к нему вернулась нежность:

– Девочка моя... успела... – и губы, ещё не остывшие от желания, покрыли моё лицо поцелуями.

– Серёжа, что-то случилось? – спросила я, когда после душа мы одевались к ужину.

Он поморщился, помолчал и ответил:

– Ничего и всё сразу! Ричард опять сопли распустил. В Испании затыка вторую неделю. В Сибири счета одной из фирм арестовали... надо лететь, на месте разбираться.

– Помоги. – Я повернулась к нему спиной, прося застегнуть молнию на платье.

Выполнив просьбу, он прижался лицом к моему затылку,

втянул в себя воздух и, возвращаясь к своему туалету, отмахнулся:

– Ерунда всё. – Вновь помолчал и нехотя процедил: – С китайцами сегодня встречался. Опять полуулыбки, сверлящие взгляды и вежливые поклоны. Впрямую не отказываются, всё бочком, реверансами, но и договор не подписывают. – Серёжа вновь умолк и, протянув руку в шкаф за пиджаком, замер на несколько секунд, обдумывая какую-то свою мысль. – Нет, не могу понять, что их останавливает, – вновь начав двигаться, произнёс он. – В который раз усилия и время впустую. К чёрту! Устал.

Он надел пиджак и взглянул на себя в зеркало. Я подошла, обвила руками его торс и, глядя на его отражение, мягко спросила:

– Зачем они тебе?

– Предлагаешь отказаться от движения? Маленькая, ставка на ренту – это медленная и неизбежная смерть.

– Ты говорил...

– Я говорил, что мы обеспечены рентой на сотни лет. Говорил, что даже если мир рухнет, нам будет на что жить! Ставка на ренту – это моя смерть! Моя смерть, как бизнесмена!

– Тогда смени парадигму. Ни тебе китайцы нужны, а ты им нужен.

Глаза Серёжи сузились, некоторое время он молчал, потом лицо его разгладилось, он улыбнулся, повернулся ко мне

и потребовал:

– Дай ротик...

За десертом Максим подошёл ко мне.

– Хочешь поговорить? – спросила я и раскрыла объятия. –

Забирайся на колени.

Макс заколебался, потом решительно помотал головой.

– Нет.

Я подвинулась, освобождая ему место на стуле. Максим ухватился на мою руку и запрыгнул на стул.

– Мама, я буду рассказывать, что я узнал. Когда я рассказываю, я лучше думаю.

– Хорошо, милый. Так что ты узнал?

– Мама, вещи могут много рассказать о человеке. И то, как человек хранит вещи, тоже.

– Верно, сынок.

– Например, Маша торопливая, у неё всё в одну кучу навалено, а Стефан, наоборот, медленный и выдумщик. Василич любит вещи, бережёт их, и ещё он к ним относится, как к живым. Он говорит, что твоё седло любит Красавицу, никогда ей спину не натрёт, его вилы знают его руку, папины сапоги уважают папу, потому папа в них ходит совсем неслышно.

– Бесшумно.

– Да, бесшумно. Василич так и раньше говорил про вещи, только я не замечал.

– Стефан не медленный, он основательный, – поправила я. Сын кивнул. – Почему ты назвал его выдумщиком?

– Он выдумывает, как можно использовать старые вещи, те, которые другие выбрасывают, например, разные баночки. В его мастерской очень интересно всё придумано. Я не как следует рассмотрел. Я к Стефану к первому пошёл и ещё не знал, как надо смотреть, потом только понял, когда в других местах посмотрел. К Стефану схожу ещё.

– А про меня с папой ты можешь что-нибудь сказать?

– У вас все вещи на своих местах, но не так, как у Стефана. Например, плед на диван как попало брошен, один конец свисает почти до пола. Везде аккуратно, а плед валяется. Я его сложил и положил на диван. И мне не понравилось. Потом книжка твоя раскрытая на тумбочке криво лежит. Я поправил и закрыл её. – Он спохватился и заглянул мне в лицо. – Мама, ты не беспокойся, я вначале страницу запомнил, потом книжку закрыл. А кто это, Стругацкие? Там про какого-то Малыша написано.

– Писатели, которые задавались вопросом: можно ли вмешиваться в жизнь другого человека или в жизнь цивилизации с целью изменить её к лучшему? Они жили в прошлом веке.

Максим задумался, потом отказался от своих мыслей и изрёк:

– Мама, я вначале почитаю твою книжку, потом спрошу. Когда я книжку на тумбочке поправил, мне опять меньше

понравилось. Получается, когда всё аккуратно и правильно, тогда некрасиво?

– Я бы сказала – безжизненно, а потому неуютно. Уют – это комфортное для жизни пространство, где нужные вещи расположены в удобном порядке. Когда ты видишь брошенный плед, ты понимаешь, что пледом пользовались, он согревал чьи-то плечи. За вещью ты видишь не только действия человека, но и кусочек его жизни.

Максим, вновь ухватившись за мою руку, слез со стула.

– Мама, мне надо одному подумать. Спасибо.

А Катя оккупировала колени отца, как только он перешёл из-за стола на диван. Делилась тем, что придумала, иллюстрируя придуманное рисунками. Анюте тоже стало интересно, покинув мать, она подошла ближе. Серёжа пересадил Катю на одно колено, на другое пригласил Анюту. Пока та собиралась, Катя молча ждала, но, видя нерешительность Анюты, подала ей ручку.

– Чего копаешься? Давай помогу.

Сергей подхватил Анюту под попу, та взлетела, с визгом приземляясь на его колено. Слушая Катю, Серёжа время от времени прикасался губами то к головке дочери, то к головке Анюты. Иногда он обращался взглядом ко мне, едва заметно и беззвучно чмокал воздух перед собой. Я едва заметно кивала, принимая воздушный поцелуй, целовала в ответ.

– Папа, ты меня не слушаешь! – упрекнула Катя.

– Извини, Котёнок, я отвлёкся на маму. Продолжай.

Катя продолжительного-строго посмотрела на меня. Я изобразила гримасу сожаления. Укоризненно покачав головой, она принялась рассказывать дальше.

– Маленькая, ты и впрямь думаешь, что из твоей затеи что-нибудь выйдет? – отвлекла меня Даша, тяжело осев на диван рядом со мной. Даша опять набрала вес и уже третий вечер подряд вместо ужина грызла яблоки.

– Что ты имеешь в виду?

Она хрустнула яблоком и скривилась ярко покрашенным ртом.

– Ну, что дети сами выберут себе мебель.

Я кивнула и, чтобы не затевать бессмысленный разговор, отвернулась.

– Папа, ты опять не слушаешь меня? Я же сказала, стена мне нужна для картин. У меня на ней картины висеть будут.

– Катя, ты хочешь устроить галерею у себя в спальне? Галерею своих работ?

– Папа, у меня же нет своих работ. Я хочу, чтобы у меня в комнате висели картины художников.

– Зачем, детка? У нас же есть галерея.

Катя озадаченно умолкла.

Лет с трёх любимым Катькиным времяпрепровождением стало созерцание полотен живописи. Обнаружился её интерес случайно. Я смотрела фильм «Сокровища Дрезденской галереи», когда детки вернулись с прогулки. И пока я обни-

малась с Максимом, Катя заворожено смотрела на экран.

– Котёнок, дай я обниму тебя, – позвала её я.

Не в силах оторвать глаз от экрана, Катя протянула ко мне ручки.

– Тебе нравится?

Всё так же, глядя на экран, она кивнула. Я усадила её на своё место. Задрав коленки, Катя откинулась на спинку дивана и, не меняя позы и, кажется, даже не мигая, досмотрела весь фильм до конца. Непоседливая, порывистая и стремительная в движениях, Катя превращалась в свой антипод, как только перед её взором возникали полотна великих мастеров. В картинной галерее, сидя на руках у отца и прижавшись виском к его щеке, она шептала: «Папочка, подожди, давай ещё посмотрим», и Серёжа покорно стоял перед тем или иным полотном иногда до часу времени, пока, вздохнув, Катя не говорила: «Пойдём дальше, папочка, я посмотрела».

– Катя, я думаю, мама твою идею в жизнь не пропустит, – предположил Серёжа.

Катя повернулась ко мне.

– Почему?

– Катя, картина несёт в себе энергию, энергию автора. Талантливые полотна несут в себе и энергию природы. Зачем нужна чужая энергия там, где ты спишь?

Катя опять задумалась.

Псы, дремавшие на полу, одновременно приподняли го-

ловы. Лорд взвизгнул, вскочил и устремился к холлу, Граф сделал то же самое, только беззвучно и более сдержанно.

Я взглянула на Дашу. Она не шелохнулась.

– Даша, Стефан пришёл.

Зыркнув на меня глазами, она демонстративно сложила руки под грудью.

– Опять поссорились? – спросила я, но ответа не получила.

– Папа! – закричала Анюта, увидев отца, и, цепляясь за штанину Серёжи, начала сползать с его колена. – Папочка, я бегу!

– Папа, на, поддержи, – Катюша вручила Серёже рисунки, – я тоже поздороваюсь! – Более подвижная, чем Анюта, Катя быстро скользнула на пол.

– Что и кормить мужа не встанешь? – вновь обратилась я к Даше.

Передёрнув плечами, Даша отвернулась.

Я поднялась с дивана и засмотрелась. Стефан держал девочку на руках, прижимаясь счастливым лицом то к одной, то к другой. Девочки хохотали, лоя ручками его голову. А из кабинета на шум бежал припозднившийся Максим. Стефан присел, Максим с разбега ухватился за его шею, Стефан поднялся и закружился волчком, чем вызвал ещё больший восторг у всех троих.

– Стефан, добрый вечер, – проходя мимо, поздоровалась я.

Он бегло, но внимательно взглянул и кивнул. Стефан всегда смотрит внимательно, будто по выражению лица проверяет, всё ли в порядке.

Придя на кухню, я вытащила противень из духовки. Маша сегодня запекла баранину и, заботясь об опаздывающем к ужину Стефане, хранила мясо в тепле.

– Не пересохло? – обеспокоенно спросила она, стремительно заходя на кухню. – Что Дашка-то, опять характер выказывает? – Взяв кухонную вилку, она потыкала ею в мясо. – Нет, вроде, не пересохло. Давай я сама, ещё испачкаешься. Платье-то у тебя уж очень красивое.

– Благодарю, Маша.

– И чего ей неймётся? Мужик хороший, а, вишь, угодить никак не может! Мне-то, положим, этот бирюк никогда особо не нравился, ну так и в Дашке ничего хорошего нет! И замуж она сама за него рвалась, сама на шею вешалась, и в штаны к нему загодя до свадьбы залезла.

– Маша!

– Что Маша! Правду я говорю! – Она подала мне блюдо с нарезанным мясом. – На! Иди корми, раз жена у мужика пустоголовая.

В гостиной всё уже успокоилось – девочки вновь сидели на коленях у Серёжи, Максим исчез, а псы дремотно валялись на полу. Стефан задумчиво оценивал диспозиции сторон в шахматной партии Паши и Андрэ. Я позвала:

– Стефан, садись ужинать.

Он что-то сказал графу и направился к столу. Усаживаясь, улыбнулся и спросил:

– Посидишь со мной?

– Конечно, я чаю выпью.

– На улице снег пошёл.

– Правда?! – обрадовалась я и посмотрела в стеклянную стену. – Неужели зима пришла?! Южная стена нашей гостиной была полностью стеклянной, но кроме отражения в ней самой гостиной, я больше ничего не увидела.

– Хабиба, спасибо! – тихо, так, чтобы слышала только я, произнёс Стефан.

– За что?

Стефан улыбнулся ещё шире и ласковее.

– Я благодарен, что ты так воспитала детей. Такое счастье, когда они встречаются, бросаются на шею... если бы и ты...

– Маленькая, а мне чайку нальёшь? – подал голос Василич.

– Конечно, Василич, тебе прямо туда принести?

Василич и Михаил, как и в любой другой вечер, сидели в креслах против камина, как и в любой другой вечер, обсуждали лошадей, коров, коз, оранжерею и многие другие свои заботы.

– Сюда-сюда, Маленькая, а как же? – отозвался он. – У нас с Михой разговор важный.

Я взяла с комода разнос, поставила на него две вазочки с вареньем. Оба, и Василич, и Михаил, не признавали ни

мёд, ни конфеты, ни какие другие сласти; оба любили варенье к чаю – любили любое, но Василич всё же отдавал предпочтение земляничному, а Михаил больше другого любил черносмородиновое. Сегодня Маша поставила на стол абрикосовое с ядрышками и малиновое. Я налила в чашки чай, положила ложечки и салфетки и под внезапно раздавшийся, раздосадованный вопль Паши:

– Я же знал! ... Ооо! Маленькая, я раздавлен собственной глупостью!

Направилась к камину.

– Паша, ты зачем так кричишь? – строго обратилась к нему Катя. – Я испугалась и вздрогнула.

– Прости, детка, я не хотел тебя испугать, – покаялся Паша, голос его был полон сожаления, – Катенька, прости, я больше не буду.

Возвращаясь к столу, я растрепала волосы Паше. Он поймал мою руку, приложил ладонью ко лбу и попросил:

– Поцелуй мой скудный ум.

– Думаешь, прибавится? – спросила я, наклоняясь к нему с поцелуем.

Сергей расхохотался. А Паша закрыл глаза, всей своей физиономией демонстрируя блаженство. Я вновь растрепала его волосы.

– Детка, я бы тоже чаю выпил. – Поднялся из-за шахматного стола удовлетворенный победой Андрэ.

– Пойдём, Андрей.

Андрэ начал увлечённо обсуждать со Стефаном свою победную партию. Я налила чаю и ему, и Стефану, поставила перед каждым чашку и пошла к Серёже и девочкам.

– Ты к папе? – спросила меня Катя и сообщила: – Я уже закончила. Мы всё с папой обсудили.

Я опустилась перед ними на коленки.

– Тогда пойдём пить чай?

– Я не хочу. Я пойду купаться, мне волосы надо от краски отмыть, а потом спать. Завтра трудный день, папа сказал.

Анюта направила ко мне ручки, я подхватила её и прижала к себе. За спиной раздался ревнивый оклик Даши:

– Анютка, иди к маме!

Девочка торопливо оттолкнулась от меня и убежала.

– Папа, спасибо. Дай мне руку. – Катя оперлась на ладонь отца и прыгнула с его колена на пол. Влажным ротиком зашептала мне в ухо: – Люблю тебя, мамочка. – Отстранилась и требовательно спросила: – Ты придёшь ко мне перед сном?

– Конечно, детка!

Катя кивнула с серьёзным лицом и направилась к Насте.

– Настя, пойдём готовиться ко сну. У меня завтра день трудный. Ах! – вспомнила она про рисунки, оставленные на диване, и вернулась. – Растеряха! Чуть не забыла вас.

Я взглянула на Серёжу, в его глазах плясали искорки.

– Иди ко мне, – позвал он, когда Катя ушла. – Где Макс?

– В кабинете. Думаю, нашёл какой-нибудь фолиант, либо... – я умолкла, устраиваясь под его рукой, – либо шарит

в интернете.

– Зачем ты позволяешь ему открывать компьютер? Мы же решили – знакомство с интернетом не раньше семи лет.

– Ох, Серёжа, боюсь я запрещать! Да и глупости всё то, что мы решили. Наше поколение с интернетом познакомилось в тридцати-сорокалетнем возрасте. И что? И среди нас есть зависимые от сети люди. – Я покачала головой. – Я хочу научить детей здоровому взаимодействию с миром, с цифровым, в том числе. А запретами этой цели не достичь. Чтобы обезопасить деток от цифровой зависимости, надо чтобы их реальная жизнь была интереснее виртуальной. Тогда мир цифры станет инструментом и ничем иным.

Серёжа не спорил, слушал и легонько, едва прикасаясь губами, целовал мою макушку.

– Что Катя? – спустя время, спросила я.

– Катя рисует не так, как дети её возраста. Ты видела? Она рисует перспективу объекта. Может, её рисунки специалистам показать?

– Не знаю, Серёжа. Мозг ребёнка развивается гетерохронно. Через полгода начнёт развиваться другое поле мозга, и Катя потеряет интерес к рисованию. А мы будем принуждать, уверовав в вердикт специалистов. – Я подняла к нему лицо. – Серёжа, основам изображения и Катю, и Макса надо учить, но, пожалуйста, милый, давай, в ближайшие полгода не будем приглашать никаких специалистов. В ближайшие полгода деткам предстоит научиться жить в личном про-

странстве, они будут учиться поддерживать в нём чистоту и порядок. Им придётся научиться рассчитывать время, потому что няни, регламентирующей их день и поторапливающей копушу, рядом не будет.

Мой страх перегрузки имел основания – мои дети одновременно учились очень многим вещам. Например, языкам.

Андрэ, мечтающий, что, повзрослев, Макс и Катя примут его титул, хотел, чтобы французский стал для них родным языком, поэтому прямо с пелёнок разговаривал с ними исключительно по-французски.

– Детка, я родился во французской среде, – убеждал он меня, – но с самого моего рождения мой отец разговаривал со мной только по-русски, поэтому оба языка стали для меня одинаково родными. Ты напрасно волнуешься за малышей, я не припомню, чтобы я испытывал какие-то неудобства от смешения языков.

Макс начал читать, Андрэ обучает его французскому алфавиту и ждёт не дожждётся, когда тот начнёт читать «Маленького принца» в подлиннике. А Серёжа каждые выходные отправляется с детьми в английское литературно-лингвистическое путешествие. Они разговаривают по-английски, бродят в «Стране чудес» Льюис Кэрролл или в джунглях Киплинга. Видя, как легко детки усваивают языки, Серёжа хотел подключить к изучению ещё и немецкий и натолкнулся на моё прямое сопротивление:

– Серёжа, нет! Четыре языка, это уже перебор.

– Почему четыре?

– А родной язык, ты считаешь, деткам изучать не нужно?

Машина повернула, и меня слегка потрянуло на бездорожье. Я открыла глаза – мы ехали по узкой тенистой дороге, с моей стороны которой сквозь стволы деревьев проглядывала водная гладь. Лучик солнца, отразившись от воды, блеснул в глаза и заставил зажмуриться. Я рассмеялась.

– Разбудил?

– Я не спала, Серёжа.

Он вопросительно взглянул, и я опять засмеялась.

– Предавалась воспоминаниям. Ты размышлял, я не хотела тебе мешать.

– Николай просил оплатить хорошего юриста. Хочет судиться с дочерью и зятем. Помнишь, при разводе они с Ириной заключили договор – фактическим хозяином дела остаётся она, но при этом обязуется выплачивать определенную ежемесячную сумму в качестве компенсации за его отказ от бизнеса...

– Помню, и ещё, кажется, она согласилась выплачивать какие-то ежегодные проценты с прибыли.

– Да. Так вот Ирина передала все права на бизнес дочери.

– А Светлана и её муж делиться не желают.

– Зять ещё и иском за вымогательство угрожает.

– Завидные отношения дочки и папы. И?

– У Николая нет денег на юриста, он опять в какой-то афе-

ре пролетел. В обмен на его информацию, адвоката оплачу я.

– Николай продал тебе информацию? О ком? Кто в твоём окружении роет тебе яму и является исчадием ада?

– Андрей.

– Нет! – Моё легкомыслие испарилось.

– В последнее время у меня возникли вопросы по ряду счетов в Венгрии и Польше. Маленькая, я собираюсь всё тщательно проверить, не оскорбляя Андрея подозрением.

– Ты уже оскорбляешь! Андрей открытый и честный человек, вот и задай ему свои вопросы в открытую! Да, у Андрея есть слабость – он легко увлекается, но, может, он инвестировал...

Серёжа покачал головой.

– Не тот случай! Маленькая, Андрей подвержен влиянию. И это не слабость, это порок.

Я вздохнула, сказать мне было нечего, и Тата называла внука «телком».

С Татой мы подружились сразу. Бывает так в жизни – встретишь человека и с первого взгляда, с первого слова понимаешь, что он твой. Не знаю, каким чутьём почувствовал Серёжа, как понял Андрей, но в день знакомства они оставили нас вдвоём.

Тата рассказывала о себе:

– Страшно было, Лида. Маленькая же я была в блокаду, а страх свой помню. И, знаешь, не так тяжёл голод, как хо-

лод. Холод терпеть совсем нельзя. Мама умерла, мы с бабушкой остались. Думаю, из-за меня она выжила – знала, не станет её, так и мне не жить. Сейчас фильмы про блокаду ставят. Дрянь фильмы, Лида. Не так всё было. Выжили те, кто принял условия, как есть. Кто негодовал, тот слабел духом и умирал. Героизм в том, чтобы, не жалуясь, делать каждодневные дела. Не наперекор, не со злости, не с отчаяния, а просто жить. Ну ладно, дело прошлое! Андрей сказал, ты Ленинград любишь?

– Люблю. Как домой приезжаю.

– А как к новостройкам нашим относишься?

– Никак. – Я пожала плечом. – Лишь бы старый город не трогали.

– А я сержусь. Эта новая архитектура, как прыщи на красивом лице. Ну да моё время ушло. Вам с этими прыщами жить.

Потом Тата рассказывала о своих любимых:

– Бывало, смотрю на сынка и думаю, может, подменили мне его в роддоме случайно? Но нет – наш! Внешне-то он один в один Кирилл покойный. Поначалу, как Кирюша оставил меня, со мной казусы происходили. Валентин сядет за стол, как всегда, весь в мыслях своих – умри я, он сразу и не заметит, резко за чем-нибудь повернусь и вижу – живой Кирилл мой сидит. Сердце радостно зайдётся... потом одумаюсь. Теперь Валя всё больше и больше на отца походит, а я уж не путаюсь, привыкла, давно Кирилла нет...

Я ведь не попрощалась с ним, котлеты хотела к обеду пожарить, будь они неладны, за мясом на рынок пошла, а вернулась, Киречка мой сидит в своём кресле, книга на пол упала, а он не дышит. Успокаиваю себя, не мучился без меня, лицо спокойное. Видать, на том свете большая нужда в нём, раз так внезапно ушёл. И ведь не верю я в Бога, Лида, а не хочется, чтобы человек заканчивался кормом для червей. Неразумно и не по-хозяйски это! Не верю в сказки про тот свет, а встретиться с Кирюшей мечтаю. Один он у меня был, первый и последний, другого ни в мыслях, ни телом не знаю. В шестом классе училась, когда влюбилась в него. Он в соседнем дворе жил, старше меня, мотоцикл у него был трофейный. Отец его мотоцикл этот как-то добыл, с фронта на нём вернулся. Так вот, Кирилл въезжает во двор, мотоцикл под ним ревёт, воняет, девчонки прихорашиваться начинают, заглядываются на него, а я малая ещё, в сторонке от восхищения обмираю, какой Кирилл красивый, и запах вонючки его мотоцикла самый желанный. – Прервав саму себя, Тата строго посмотрела на меня. – Ты с норовом. Характер – не перебеёшь! Мужик покорности, да ласки от бабы ждёт. Сергей – твой! Не видела я, чтобы мужчина так женщину любил. Береги любовь его.

– Я тоже его люблю, Тата. И если его потеряю, то и жизни не станет – вместо жизни одна зола останется.

– Ну-ну. Что любишь, вижу, светишься вся! Да и как такого не любить? Знаю, Аська моя тоже, как кошка, в него влюб-

лена была, сама мне покаялась, что грех готова была совершить. А я, знаешь, не виню её, по-бабьи понимаю. Несчастлива она с сынком моим, тот и днём, и ночью всё молекулы соединяет. Да добро бы большой учёный был, а то так, на кандидатскую ума хватило и всё на том. Не отец, не муж, не сын. А со снохой мне повезло! Больше, чем с сыном. Если бы не Аська, не знаю, как бы я смерть Кирюши пережила. Она молодец, всю семью на своих плечах вытягивает! Откуда и силы столько берёт? Внучок-то мой тоже жидковат. Телок. Совсем не в семья Кирилла ни сынок, ни внучек. – Она махнула рукой. – Заболтала я тебя. А по поводу любви, так тебе скажу. Любовь нельзя потерять, она не иголка. Любовь можно убить. Чего головой мотаешь? Не согласна?

– Я думаю, любовь нельзя убить, она не убиваема. Человек может отказаться от любви и сбежать от любимого, когда не вмоготу. Но любить не перестанет никогда, потому что любовь либо есть, либо её никогда не было. Оттого любовь и называют духовным подвигом души.

Я засмеялась, а Тата внезапно легко согласилась:

– А и ладно, и хорошо, что не согласна. Пусть так и будет! «Любовь можно убить» – эти остерегающие слова Таты я запомнила навсегда.

После похорон Таты, мы уговорили Андрея улететь с нами в Москву и пожить в усадьбе. Вначале он предпочитал одиночество – гулял по саду, уходил один в лес. Потом я стала видеть его с Настей. А спустя месяц он и Настя улетели вдво-

ём в Питер – Андрей разбирать вещи Таты, а Настя поддержать любимого. В течение следующего месяца Андрей познакомился с матерью Насти и её мужем, а Настя слетала в Прагу, чтобы познакомиться с родителями Андрея. И ещё один месяц спустя, они поженились. Думаю, так торопясь с женитьбой, Андрей надеялся заполнить пустоту, возникшую в его жизни с уходом Таты...

– Серёжа, на подлог или воровство Андрей не способен. Не верю я Николаю. Когда-то он клеветал Андрею на тебя, теперь тебе на Андрея.

Серёжа припарковал машину на площадке, с трёх сторон окружённую деревянными домиками, каждый с резным крылечком из трёх ступенек. Дверь ближайшего домика была открыта.

Опершись на руку мужа, я вышла из машины, потянувшись, щурясь на солнце.

– Серёжа, купальники надо было взять. Солнце какое, загорать можно!

– Будешь загорать голенькой, покажешь мне себя, я уже и забыл, какая ты.

Я засмеялась и обхватила руками его за шею.

– Не видел с самого утра и уже забыл?

– Давно не видел. В спальне я тебя больше чувствую, чем вижу, да и некогда рассматривать, мы с тобой всё бегом, буд-

то куда опоздать боимся.

Привлечённый звуком двигателя, на крылечко вышел мужчина в засаленной камуфляжной кепке, сдвинутой на затылок, в линялой, бывшей когда-то красной, майке. Майка задралась вверх, открывая объемный волосатый живот. Снизу на мужчине были цветастые пляжные трусы до колен, завязанные на шнурок и тоже сползшие с живота.

Я шёпотом спросила:

– Куда ты меня привёз, Серёжа?

Оставаясь на крылечке, мужчина хмуро и неприветливо рассматривал нас. Вдруг лицо его просияло, губы раздвинулись, обнажив широкую щербину меж передних резцов, причем щербина наличествовала, как на верхней, так и на нижней челюсти.

– Сергей Михалыч?! – заорал он и бросился с крылечка, оступился и едва удержался на ногах, ухватившись за перила, при этом с ноги его слетел сланец. Ругнувшись: «Мать твою!», он закрутился волчком в поисках потери, нашёл и надел сланец на ногу и, протянув вперёд обе руки, вновь кинулся к нам. Я спряталась за спину Серёжи.

– Сергей Михалыч, сколько лет! – Обеими руками мужчина вцепился в протянутую руку Серёжи. – Я уж и не чаял с тобой свидеться, совсем ты нас забыл! Давеча с Курвой вспоминали тебя... – По его круглым, неопрятно заросшим седой щетиной, щекам неожиданно побежали слёзы. – Чуток не дождалась она... померла... два дня, как схоронил, – с

трудом выдавил он; громко шмыгнув носом, отнял одну руку от руки Серёжи, надавил большим и указательным пальцем на глаза, потом провел ладонью по лицу вниз, смахивая слезы. – Может, если б знала, что ты приедешь, Курва-то, может, и не померла бы, дождалась тебя!

– Ну-ну, Олесь Михеевич, стара она была. Я в последний раз был, она тогда уже старой была.

– А вот, вишь, сколько прожила! Сколько годков-то тебя у нас не было, лет десять уже, наверное, или боле?

– Думаю, лет пятнадцать я не был, Олесь Михеевич. Матвея недавно встретил, он всё нахваливал тебя, я и надумал проведать. Матвея помнишь?

– Нет, не припомню. Да и всех-то помнить, памяти не хватит. Даа, годы бегут. А ты, вроде, и не постарел даже, а наоборот, вроде моложе выглядишь. Я и не узнал тебя поначалу, а, Сергей Михалыч?

– Да и ты, Олесь Михеевич, – Серёжа деланно рассмеялся, – не изменился совсем. Вот познакомься жена моя Лидия. – И выудил меня из-за спины.

Олесь Михеевич вприщур, подробно рассмотрел меня, оценивая словами так, будто меня здесь и нет:

– Молоденькую взял? И хорошо, потому сам-то и помолодел! – Когда он говорил, нижняя сторона его языка проваливалась в щербину и выпячивалась голубенькой венкой. – Красивая девка, маленькая, да ладненькая. – Он потянул носом воздух. – Сладкая девка, пахнет-то, как сладко!

Я и рассердилась, и смутилась одновременно, а он добавил:

– Ишь, и стыдливая, покраснела, не в пример, этим ш... лахудрам крашеным. Ну совет да любовь! Пойдём, Сергей Михалыч, чего стоим-то? Ты на несколько дней или так, до вечера приехал?

– До вечера, Олесь Михеевич, до вечера.

– Всё некогда тебе? Домик свой крайний, как всегда, возьмёшь? Постояльцев-то сегодня нет никого, одни вы.

– Плохо бизнес идёт, Олесь Михеевич?

– Почему плохо? К вечеру наедут, не протолкнёшься. Так что, вы сейчас отдыхайте, потом шумно будет. Ты, поди-ка, рыбкай приехал полакомиться?

Сергей засмеялся.

– Хочу Маленькую твоей рыбкай угостить. Сделаешь, Олесь Михеевич? Часам к восьми-деяти вечера?

– Сделаю. Отчего не сделать, сделаю. Накормим рыбкай твою Маленькую. – Он опять искоса посмотрел на меня и вдруг, будто рассердившись, распорядился: – Ты иди, девка, вон в тот домик иди, там сама откроешь, ключ в дверях торчит. Мне пару слов твоему мужу сказать надо. – Слово «муж» Олесь Михеевич словно выплюнул изо рта.

Я растерянно взглянула на Серёжу, глаза его сузились, но он улыбнулся, приподняв к себе моё лицо, поцеловал длинным нежным поцелуем и шепнул:

– Иди, Маленькая, я скоро.

Я посмотрела на мужчину, плюнув себе под ноги, он смотрел хмурым взглядом куда-то мимо нас.

Не оглядываясь по сторонам, я дошла до домика и поднялась на крыльцо. В дверях, и правда, торчал ключ. Отперла, дёрнула дверь на себя, она легко поддалась.

Внутри было славно – уютно и чисто. В гостиной камин, телевизор на стене, диван и кресла в кожаной обивке, ваза со свежими полевыми цветами на столе. Я наклонилась и вдохнула их травянистый аромат. Зашла в спальню и ахнула – кровать застелена крахмальным до хруста белым бельём. В ванной идеальная чистота, полотенца сложены аккуратной стопкой, два халата, каждый свёрнут в рулон. В санузле унитаз сверкает свежестью. «Даа, – удивилась я про себя, – а по внешнему виду хозяина и не скажешь, что он поборник чистоты».

Рядом с туалетом была ещё одна, такая же узкая дверь с торчавшим из замка ключом. Я повернула ключ, толкнула дверь и оказалась в маленьком внутреннем дворике, обнесённом глухим деревянным забором. Посредине дворика росла липа с раскидистой кроной, прикрывающей дворик ещё и сверху. У ствола стояли два деревянных шезлонга, между ними скамья, видимо, призванная исполнять роль стола. Справа, возле самого забора висел гамак. Я села в него, покачалась и легла вдоль. Подумала: «Странный мужик. Что Серёжу может связывать с таким?» – и услышала совсем рядом голос мужика. Я резко поднялась, гамак зака-

чался.

– Ты это, Сергей Михалыч, не сердись. Давно мы знакомы, девок твоих разных видел, не было среди них такой... ну, чистой, что ли. И где ты её только откопал ради забавы своей? – Голос его приобрёл просящие нотки. – Хорошая девка, жалко. Поиграешь, бросишь. Она девочка совсем по возрасту-то, пожалей её, не порти.

Серёжа засмеялся.

– Опоздал ты, Олесь Михеевич, со своей просьбой, на тринадцать лет опоздал! В этом году тринадцать лет, как я взял Маленькую в жёны. У нас и детки есть. Деткам уже по девять лет!

– Как?! ... Что я, старый дурак, уж и девку от бабы отличить не могу?.. Да не врешь ты мне, а, Сергей Михалыч?

Серёжа опять засмеялся и ничего не ответил.

– Ну, коли не врешь, так и будь счастлив! Тринадцать лет срок немалый. Любишь, значит?

– Единственная она для меня! Жизнь без неё не нужна, а ты говоришь, отступись.

– Ну, коли так, то и ладно. Так рыбку тебе к восьми, значит, а на обед чего? Митька-то помер, нет теперь у нас шашлыков кавказских. Но шашлык можно сделать. У меня вместо Митьки узбек из Бухары работает. Тоже ничего шашлык делает, но не Митькин, конечно.

– А лепёшки с сыром печёт ещё жена твоя? Помнишь, такие румяные, с ладонь?

– Да как не помнить? Скажешь тоже, Сергей Михалыч! Тоня моя уже печевом не занимается, сноха на кухне управляет. Но шаньги и Татьяна печь умеет, мы гостям-то их не подаём, для себя только.

– Подожди! Так Глеб женился?

– Даа! Хорошую бабёнку взял. Вот такие! Да ты не смейся, не вру я! Сама небольшая, да и лицом не так, чтобы красавица, а эта бабья красота – вот так, ей-богу! Да что ты смеёшься? Я...

– Закажи ей лепёшки, – смеясь, прервал Серёжа, – Маленькая моя любит печёное. Картошечку с грибами, с лучком зелёным, чай из самовара с дымком, ну мне пару палок шашлыка узбек твой пусть сделает. Сам собери что.

– Ну лады, Сергей Михалыч, иди к своей Маленькой. Я тоже пойду указания раздавать. Да, Сергей Михалыч! Ты прости, если обидел. Рад я, что ты заехал.

Я побежала встречать Серёжу, открыла дверь как раз в тот момент, когда он поднялся на крылечко.

– Серёжа...

Приникла к его губам – горячим, властным. Одной рукой он прижимал меня к себе, направляясь сразу в спальню, другой торопливо расстёгивал пуговички на моём платье.

– Ювелир прислал фотографии серёжек старинных, сапфиры кабошоны в оплетении бриллиантов. Тебе к глазам будет хорошо. – Серёжа умолк, он медленно перебирал пряди

моих волос. – Вещь старинная, переделывать жалко... Может, из серёжек подвески нависочные сделать? Как в старину женщины носили, – он приподнял моё лицо к себе, – а? Будешь обруч вокруг головы носить с подвесками вдоль лица?

Я пожалала плечом. Он вздохнул и отпустил моё лицо.

– Трудно порадовать тебя. Цветочку полевому или фрукту какому больше радуешься, чем сапфирам.

– Неправда! – Я подтянулась к нему и поцеловала в подбородок. – Я рада каждому твоему подарку. – Я ещё раз поцеловала его, уже в губы. – И я люблю, когда ты меня ода- риваешь! – Проникнув языком между его губ, легко прикос- нулась к зубам. Серёжа задержал дыхание. – И тебя люблю. Серёжка, рот твой люблю, губы... – я прижалась к его рту с вдруг нахлынувшей страстью.

Он застонал, целуя и обеими руками прижимая меня к себе. После поцелуя прошептал:

– Сладкая... – перевернул на спину, низко наклонился к лицу, вглядываясь в глаза. – Олесь принял тебя за юную де- вочку.

– Я слышала, Серёжа. Я во внутреннем дворике гамак об- живала, там и услышала ваш разговор.

– Как мне спрятать тебя от людского любопытства, не на- рушая нашей жизни? Рано или поздно у людей возникнут вопросы к твоей вечной юности.

Его рука легла на мою грудь. Отвердевшим соском я чув- ствовала жар его ладони, и вновь потянулась к его рту.

– Серёжа...

Обед принесли прямо во внутренний дворик – в заборе была предусмотрена потайная калитка, которую я в своих исследованиях не заметила. Обед принесли двое – сам Олесь Михеевич, а с ним мальчик – загорелый, белобрысый, с удивительными светло-голубыми, почти прозрачными глазами. Над верхней губой мальчика, легкой золотистой дымкой пробивался пушок.

– Вот знакомься, Сергей Михалыч, внучек мой. Мужик почти.

– Неужели Глеба сынок?

Серёжа сам пошёл к мальчику, тот, не торопясь, освободил руки – поставил на скамью-стол два больших лукошка и вежливо ждал, когда Серёжа первым подаст руку.

– Нет, Сергей Михалыч, это дочери сынок, Нюрки. Игнатом зовём.

– Славное имя! Здравствуй, Игнат. – Сергей протянул мальчику руку, тот двумя руками пожал её. – А я Сергей Михайлович, как ты уже понял.

– Здравствуйте. – Голос мальчика прозвучал басовито. А руки, и впрямь, выглядели мужицкими, чересчур крупными для худеньких предплечий, и оттого угловатыми. Мальчик вежливо добавил: – Рад знакомству.

Может быть от волнения, но на последнем слове голос его сорвался и прозвучал фальцетом. Игнат покраснел и суетли-

во принялся разгружать лукошки. Ласково глядя на мальчика, Олесь Михеевич скрыто похвастался:

– Рыбу-то Игнат у нас ловит! Счастливым ты, Сергей Михалыч, сегодня как раз внучек с хорошим уловом вернулся.

Я подошла к столу.

– Привет, Игнат, позволишь помочь тебе? Я Лидия.

Он кивнул, не поднимая глаз, всё ещё не умея оправиться от смущения. Выгружая из второго лукошка обеденные приборы и посуду, ставил на и без того изрядно заставленный стол.

– Подожди, – остановила я, коснувшись его руки, – тут, кажется, скатерть предусмотрена. Давай мы вначале скатерть расстелем, потом ты остальное из лукошка вынешь.

Он подумал секунду и стал составлять обратно в лукошко то, что вынул ранее. Я рассмеялась. Мальчик посмотрел на меня, широко улыбнулся; между передних резцов у него зияла точно такая же дыра, что и у деда. Я засмеялась громче, и он тоже засмеялся в голос.

В конечном итоге мы освободили стол-скамью, переместив на стоящий рядом шезлонг и посуду, и всё, чем Игнат успел заставить стол. Я постелила льняную вышитую скатерть, заботливо упакованную в отдельный целлофановый мешочек. Спросила:

– Это кто вышивал?

– Мамка моя. Она любит вышивать, зимой мало постояльцев, она и вышивает.

– Красиво. Рукодельница мама твоя, красоту руками творит, спасибо ей.

Он с любопытством, искоса взглянул на меня и промолчал.

Пока я занималась сервировкой, Игнат выставлял из корзины, принесённой дедом, разные по размеру, расписанные под хохлому керамические чаши. Снимал крышку с чаши, показывал содержимое и рассказывал:

– Это грузди солёные с луком и свежим укропом, духовитым, не из магазина! маслом заправлены; это сметанка домашняя; это мочёная капуста с брусникой; это огурчики малосольные; это огурчики свежие; это редиска...

– Сама-по-себе, – подсказала я.

Он непонимающе посмотрел на меня. Я пояснила:

– Редиска сама-по-себе, без маринада и масла духовитого. Вы что и корову держите? – Я показала на сметану.

– Не-а, тут деревня неподалёку. Дед раз в три дня ездит за молочкой.

– Много у тебя ещё? Ты так рассказываешь, что я уже слюной захлебнулась.

Игнат, смеясь, достал ещё одну чашу:

– Это лук маринованный. – И отставил пустую корзину. Переставил с шезлонга плетёную корзинку, накрытую салфеткой, и сказал: – Это – хлеб. Хлеб тоже не из магазина, его Татьяна печёт, тётка моя. Ну я пошёл за горячим. – Взглянул прозрачными глазами; будто ожидая разрешения, остано-

ял, потом спохватился и заторопился – повесил корзину на предплечье, схватил лукошки в руки и бросился к калитке.

Я оглянулась на Серёжу. Чуть-чуть покачиваясь, он сидел в гамаке, а Олесь Михеевич сидел против него на стуле и тихим голосом что-то рассказывал. Я присела на шезлонг и, откинувшись на спинку, закинула руки за голову. Липа чуть слышно зашелестела листвой.

«Зацветёт, аромат будет стоять дурманящий! Как бывает в нашей беседке для тайных разговоров».

Старую раскидистую липу Серёжа сохранил, вопреки первоначальной планировке участка. По замыслу тут должен был располагаться сад, но из-за липы границу сада сдвинули. Вначале под деревом поставили скамью, а позднее Серёжа выстроил деревянную ротонду, полюбившуюся всем членам семьи своей уединённостью.

Я улыбнулась, вспомнив, как маленькая Катя морщила носик, сидя на коленях отца под липой.

– Котёнок, тебе не нравится запах? – спросил у неё Серёжа.

– Нравится, папочка.

– Почему же ты морщишь носик?

– Чтобы нюхать.

Катя сумела найти кровать, в которую влюбилась с первого взгляда и на которой спит до сих пор. Кованая, выкрашенная белой глянцевой краской, с двумя милыми голуб-

ками в верхней части изголовья, державшими в клювах маленькую корону, кровать была слишком велика для четырёхлетней девочки. Серёжа, не обращая внимания на табличку «Руками не трогать», посадил Катю на кровать, присел перед ней на корточки, уговаривая подумать:

– Котёнок, смотри какая она большая и высокая. Как ты будешь на неё забираться? А если упадёшь с такой высоты ночью?

Катя посмотрела вниз, на пол, и подняла на Серёжу умоляющие глаза.

– Папочка, я буду быстро расти.

– Катюша, мы найдём кроватку для девочки твоего возраста, меньшую размерами, но такую же красивую, – присоединилась я к уговорам.

– Мамочка, ты же сама говорила: «Лишних вещей покупать не нужно, Земля и так вся в мусоре». На этой кроватке я буду спать даже тогда, когда стану совсем большая. – Сцепив ручки, она прошептала: – Папочка, мамочка, я не хочу другую.

Тут прибежала женщина-консультант и возмущённо затараторила:

– Мужчина, это очень дорогая вещь! Здесь же написано: «Руками не трогать», а вы ребёнка, прямо в обуви...

Она протянула руку, намереваясь сдёрнуть Катю с кровати. Серёжа перехватил её руку, поднялся на ноги, и она попятилась. Максим, до того ожидающий нас, сидя в отдале-

нии на стуле, тотчас оказался рядом с отцом.

– Иди ко мне. – Я взяла Катю на руки. – Задача, Котёнок, усложняется. Кровать ты выбрала одинокую, ей нужны две подружки – прикроватные тумбочки. – Я улыбнулась. – Будем искать?

Катя радостно засмеялась:

– Будем, мамочка!

– А ещё нам надо найти безопасную лесенку, по которой ты будешь забираться на кровать.

Мы затратили три дня на поиски и покупку мебели и других предметов интерьера в спальни Макса и Кати. Дети терпеливо переезжали из магазина в магазин, так же стойко, ходили по огромным площадям мебельных центров. Катя позволяла себе отдохнуть на руках отца, а Макс соглашался отдохнуть, только если я начинала жаловаться на усталость.

В итоге интерьер комнаты Макса получился спартанским – тахта с ортопедическим матрасом, два открытых шкафа для хранения важных для мальчиков вещей и гордость Макса – комод в винтажном стиле, с множеством ящиков и ящичков. Комод Макс нашел сам.

– Папа, это же дерево? – стоя рядом с находкой, с надеждой заглядывал он в лицо отцу.

Серёжа ещё в первый день поисков предупредил, что мебель, которую дети выбирают, должна быть изготовлена из натуральных материалов.

– Да, сынок. Ты нашёл замечательную вещь.

Ещё Макс выбрал себе кресло-качалку и небольшой круглый ковёр к тахте. А вот его выбор оформления окна пришлось оспорить. Максим выбрал жалюзи офисного варианта.

Мы переглянулись с Серёжей, на мой немой вопрос: «Как быть?», он пожал плечами, и я решила наложить запрет:

– Нет, милый. Даже жалюзи с деревянными ламелями не подойдут. Для уюта в комнату нужен текстиль, хотя бы в минималистском варианте.

«Для уюта» Макс выбрал римскую штору из золотисто-коричневого грубо тканого льна, из той же ткани, но бежевого цвета две подушки на тахту и плед верблюжьей шерсти.

Комната Кати походила на будуар юной барышни в стиле «прованс». Милая маленькая софа с овальной спинкой, прикроватные тумбочки, туалетный столик с овальным же зеркалом, стул к нему, шкаф и комод, всё на изогнутых ножках, всё бело-розовое, изящное, девичье, и только кровать в этом кукольном, чуть пузатом дизайне, диссонировала своими прямыми линиями и явно взрослым предназначением. Но Катя гордилась именно кроватью.

– Серёжа, я не знаю, что приспособить в качестве помоста к кровати. Может, Стефан сделает лесенку?

– Я думал о сундуках разного размера. Сверху на них можно положить подушки.

И мы нашли комплект из трёх сундуков разной высоты, обтянутых белым шёлком изнутри и белой свиной кожей

снаружи, с коваными деталями в качестве украшений и замков. Подушки к ним мы заказали из того же текстиля, что и шторы.

В сундуки с первого взгляда влюбилась я, не Катя. Когда Катька подросла, я хотела забрать их за ненадобностью из её комнаты, но Катя не отдала, убрала подушки, попросила брата установить сундуки один на другой в простенок между входной дверью и дверью в гардеробную комнату. Получилось очень мило.

Письменные столы и рабочие кресла для детей мы заказали у специалистов по эргономике. Их изготовили в том же стиле, что и интерьер комнат...

Олесь Михеевич прошёл мимо меня, не взглянув, а, выходя со двора, хлопнул калиткой.

– Чему ты улыбалась? – спрашивая и тоже улыбаясь, Серёжа наклонился надо мной.

– Вспомнила, как я хотела Катькины сундуки забрать, а она не отдала.

– Любая вещь, которая нравится тебе, автоматически становится ценной для Кати.

Я задумалась.

– Серёжа, я не знаю, как к этому относиться. Это хорошо или плохо?

– Сейчас, скорее, хорошо. Если так будет и дальше, станет плохо. Кате надо воспитать свой вкус и уметь делать выбор

самой.

– Спасибо, Серёжа. Я возьму это на заметку.

Вновь стукнула калитка. Во дворик, опустив в землю глаза, вошёл Игнат. Я обняла за шею Серёжу; выпрямляясь, он поднял меня с шезлонга.

Игнат поставил на стол чугунок.

– Ну всё, садитесь кушать, пока горячее. Это картошечка с белыми грибочками и с зеленушкой. А это шаньги, тётка Таня напекла.

Он поставил на краешек стола завернутое в вышитое полотенце блюдо, приподнял край полотенца, и оттуда поднялся парок. Аромат наполнил ноздри, я сглотнула слюну и вытащила из-под полотенца шаньгу, обжигаясь, откусила и принялась катать кусочек во рту.

Вновь демонстрируя в улыбке щербину, Игнат достал из второго лукошка овальную стеклянную посудину с нарезанной большими кусками красной рыбой и представил:

– Рыбка горячего копчения, дед сам рыбу у нас коптит. – Он повернулся к Серёже. – Юсуф сейчас шашлык принесёт. А самовар я подам через полчаса. – Взглянул на меня, несколько секунд смотрел, как я ем шаньгу, и насмешливо предупредил: – Там тётка Таня ещё пирожки сладкие к чаю печёт, старается.

Я кивнула и торопливо сглотнула, чтобы высказать благодарность:

– Скажи своей тете Тане, что я такие вкусные шаньги ела

только у своей бабушки в раннем детстве. Очень вкусно! Спасибо ей.

Я откусила следующий кусок, он засмеялся и, взмахнув пустыми лукошками, зашагал к калитке.

– Серёжа, садись. – Сняв салфетку с хлеба и полотенце с шанежек, я села и спросила: – Олесь Михеевич, он тебе кто?

– Никто, просто управляющий этим местом отдыха. Я когда в Москве жил часто тут отдыхал, с ним же и на рыбалку ходил, помнишь, рассказывал. Радужный или, как ты говоришь, тёплый человек.

В калитку постучали, приоткрыли, в проём просунулась кудрявая голова молодого мужчины. Он оглядел нас быстрыми черными глазами и, улыбнувшись, произнёс:

– Шашлик пришёл.

Протиснулся в проём, неся перед собой пластиковый лоток с положенными в него шампурами шашлыка. Подошёл, нерешительно осмотрел стол в поисках свободного места. Я убрала блюдо с шаньгами на шезлонг.

– Благодарю. Ставьте, пожалуйста.

Он водрузил лоток на стол, поглядел на меня, на Серёжу, улыбаясь, открытой ладонью указал на лоток.

– Вот. Шашлик барашка. Вкусна. – Указал ладонью на себя. – Я Юсуф.

Серёжа полез в джинсы за деньгами. Юсуф перестал улыбаться, выставил перед собой ладони.

– Нэт. Не нада. – Опять указал на лоток. – Кушай!

– Серёжа, он ждёт, когда ты оценишь вкус.

Серёжа вилкой стащил с шампура куски мяса к себе в тарелку, отправил один кусок в рот и пока жевал, Юсуф пристально следил за выражением его лица. Серёжа одобрительно кивнул.

– Хорошо.

Вновь улыбнувшись, Юсуф чуть склонился в поклоне, приложив правую руку к сердцу. Тотчас повернулся и пошёл к выходу.

– Спасибо, Юсуф, – крикнула я ему в спину.

Он оглянулся, покивал на ходу:

– Кушай! – и аккуратно прикрыл за собой калитку.

Засмеявшись, я посмотрела на Серёжу.

– Такой милый. Встречаешь хорошего человека, и на сердце теплее становится.

– Ты почему не ешь?

– Я от жадности три шаньги уплела, наелась. Теперь вот думаю, как бы мне пирожков сладких ещё поесть.

– Хочешь, я рыбку тебе разберу? Это кижуч.

Я заколебалась... и кивнула.

– Хочу! но только маааленький кусочек.

После обеда мы отправились на озеро. Проходя мимо добротного дома хозяев, увидели мужчину, сидевшего на скамье возле дома. Мужчина плёл корзину. Чуть в стороне от него женщина развешивала мокрое бельё, то самое – белое крахмаленное бельё, что восхитило меня в спальне. Серё-

жа поднял руку в приветственном жесте. Мужчина крикнул:
– Здравствуй, Сергей Михалыч.

Женщина оглянулась и посмотрела на нас из-под ладошки.

– Батя уже порадовал, что ты приехал. Я позже, вечером загляну, пообнимаемся.

Перебивая мужчину, женщина звонко крикнула:

– Здравствуйте!

– Здравствуй, Глеб! – Женщине Серёжа поклонился. –
Здравствуй, Анна Олесьевна!

Они проводили нас глазами.

На берегу Серёжа бросил в лодку покрывало и плед, взятые из домика, разувшись, туда же поставил обувь и закатал до колен джинсы.

– Маленькая, садись.

Он помог мне забраться в лодку, отвязал её от причала – толстой ржавой трубы, вбитой в землю, толкнул, разогнал по отмели и запрыгнул.

– На такой лодочке мы с тобой ещё не катались! – Засмеялся, поглядывая на меня и вставляя весла в уключины.

Ворот его лёгкой, льняной рубашки был расстёгнут до самого пупка, рукава закатаны. Свесив руку за борт, я бороздила воду ладонью и смотрела, как расслабляются и напрягаются мышцы его кистей и предплечий, ворочая весла, как перекачиваются мышцы на груди. Он перехватил мой взгляд и усмехнулся.

– Я люблю тебя, – тихо сказала я. – Я не умею рассказать, как я люблю тебя, Серёжка!

– Иди ко мне. – Он положил весла на борта лодки и протянул руку. – Иди, поцелуй меня.

Я не знаю, плыла или нет наша лодка – пока мы целовались, она легко покачивалась на воде. Серёжа расплёл мою косу, зарывшись пальцами в волосы, осторожно сжал их в кулак, оттянул назад мою голову, ощупывая взглядом лицо, прошептал:

– Я скучаю, Маленькая. Я очень скучаю. Возвращайся ко мне, Девочка.

«Я не знаю, как, Серёжа! Я тоже скучаю. Мой день наполнен детьми или хлопотами по хозяйству. Только ночью, закрывшись в спальне и оказавшись в твоих объятиях, я выбрасываю из головы нужды других. Незаметно вначале, отнимая время по чуть-чуть, а с годами всё больше и больше, наша семья теперь оставляет нам друг для друга только ночь. И я не могу это изменить».

– Ты передумала загорать? – Сняв рубашку и подставив плечи жаркому солнцу, Сергей вновь работал вёслами, а я вновь любовалась игрой его мускулов.

Я с сомнением посмотрела в сторону далёкого берега, он насмешливо улыбнулся. Расстегнув пуговички на спинке платья, я стянула его через голову. Сергей стал рассматривать мои плечи, грудь, прозрачные трусики. Заметив моё смущение, усмехнулся и отвёл глаза.

– Как же редко мы бываем вместе, если ты стесняешься моего взгляда! Ты не стеснялась даже тогда, когда мы только встретились. – Он грустно покачал головой. – Лидка, ты ведь жена моя!

Я почувствовала, что краснею, и опустила глаза. Помолчав, он сменил тему:

– В пятницу лошади приедут.

Забыв о смущении, я засмеялась и всплеснула руками.

– Ты ребятам уже сказал?

Сергей улыбнулся.

– Нет.

– Катька меня только сегодня пытала, когда она и Макс на «взрослых» лошадок переседают. Серёжа, вот радости-то будет!

– Посмотрим, – сурово сказал он, но глаза блеснули лукавством. – В субботу буду принимать экзамен по выездке. – Он оглянулся. – Маленькая, посмотри, что там за спиной? Здесь где-то островок должен быть с берёзкой, маленький совсем.

Я приподнялась, стараясь поверх его головы рассмотреть, искомое пристанище:

– Островов несколько, мой капитан; прямо по курсу берёзы не вижу, вижу иву.

Я села на место и увидела его жадный взгляд, и тут... я подставила ладони под груди, чуть приподняла их и призывно взглянула в его лицо.

Изменившимся, хриплым голосом Серёжа предупредил:
– Сними трусики, Девочка, порву.

Лодку Серёжа загнал на остров одним рывком и почти всю целиком. Выхватил из неё покрывало, одним взмахом рук развернул его и бросил на землю. Я шагнула с борта прямо в его объятия.

– Если бы я умела творить стихи, я бы воспела страсть! Не только любовную, но любую! Страсть – главную привилегию Жизни! Ту, что испепеляет разум – ту, что, отринув барьеры и комплексы, отринув скверну эгоизма, хотя бы на несколько секунд дарует человеку пребывание в бытии. Ту, что пробуждает внутреннюю Шакти! Ту, что, сгорая, опустошает до дна, но возвращается и вновь наполняет желанием! – Я с удовольствием потянулась, приподнялась и прогнулась в спине, открывая грудь лучам заходящего солнца. Шумно выдохнув, вновь упала на спину. – Серёжка, я самая счастливая женщина! Слышишь? Нет женщины счастливее меня! У меня есть любимый, мой Бог!

Серёжа молчал. Я приподняла голову, он лежал с закрытыми глазами.

– Ты согласен?

– С чем? С тем, что страсть очищает?.. Так не у всех, Девочка.

– А у тебя так?

Серёжа долго не отвечал, ощупью коснулся моих волос и

стал перебирать пряди.

– Серёжа...

Вздохнув, он приподнялся и навис надо мной, пытливо всматриваясь в глаза.

– Девочка, я не могу постичь тебя. Ты только что краснеешь под моим взглядом, когда я люблю тебя, и тут же, спустя считанные минуты, бесстыдно манишь к соитию. Лучистые глазки темнеют, утрачивают свет и превращаются в омут соблазна. Я теряю разум, теряю волю. Иногда я боюсь своей страсти, боюсь совсем потерять себя, боюсь, что провалюсь в омут и... и не выплыву.

– Ты устал от страсти ко мне?

– Глупенькая! Я боюсь потерять тебя, с годами моя страсть растёт, а ты... ускользаешь, отдаляешься от меня всё больше, всё дальше...

Я замотала головой:

– Нет, Серёжа! Не ускользаю! Моя любовь не стала меньше, она не стала больше, моя любовь есть и будет всегда. Слышишь, милый, родной мой, я люблю тебя! – Я потянулась и поцеловала его в уголок рта, потом в другой. Я целовала безучастные губы, шёпотом признаваясь в сокровенном: – Люблю тебя, люблю... мой безудержный... люблю ласки... люблю, когда ты во мне. Тяжесть твою люблю. Люблю власть... Тебя люблю, Серёжа!

Мы вернулись в домик, когда солнце уже почти село. Я

отправилась в ванную и встала под горячий душ. Струи воды вызывали озноб.

Замёрзла я ещё на воде, пока мы плыли назад, закуталась в плед и всё равно не могла согреться. Сергей тревожно поглядывал на меня и старался быстрее добраться до берега.

– Серёжа, ты не волнуйся, я поем, напьюсь горячего чая, и всё будет в порядке, – успокаивала я плохо слушающимися губами.

Но для начала Сергей использовал свой, неоднократно проверенный на мне способ. Закрепив лодку вокруг причала, схватил меня за руку и широким шагом направился к домику. Сжимая концы пледа на груди, я вприпрыжку побежала за ним.

Площадка перед домиками была полна автомобилями разных марок. Тут и там стояли пары или группки людей, кто рядом с автомобилем, кто у крылечка домика – люди громко разговаривали, смеялись, а увидев нас, удивлённо умолкали и расступались. Я оглядывалась и бормотала слова приветствия.

Закрыв за собой дверь, Серёжа спросил:

– Согрелась?

Я кивнула, переводя дыхание. Он обнял меня, прикоснулся губами ко лбу.

– Серёжа, всё в порядке. Я пойду в душ.

– Я тебя закрою на ключ, схожу к Олесю, потороплю с ужином.

Наконец, озноб прекратился. Я выбралась из ванны, протёрла запотевшее зеркало, оттуда смотрела женщина, с расчёсанным пучком волос на макушке, выпавшие из пучка пряди намокли и прилипли к красному лицу и, к таким же по цвету, груди и плечам. Я хохотнула: «Красотка!» и поняла, что средств, с помощью которых могла бы привести себя в порядок, я с собой в ванную не взяла. Заматавшись в халат, я выглянула из-за двери и юркнула обратно – из гостиной доносились голоса. «Наверное, «пообнимаемся» пришёл... как его?.. Глеб...» Я соорудила тюрбан на голове и вышла из ванной. В спальне моего рюкзака не было, пришлось выйти в гостиную. Гостем оказался всё тот же Олесь Михеевич, мужчины разговаривали, не видя меня. Я вежливо себя обнаружила:

– Добрый вечер.

Олесь Михеевич умолк на полуслове и кособоко развернулся ко мне. Он преобразился – сменил майку на рубашку, впрочем, и рубашка мало, что изменила – как и майка, она демонстрировала живот своего хозяина, но достаточно скромно – на сей раз живот выпирал в прорехи между пуговицами. Все остальные предметы туалета Олесь Михеевич оставил прежними.

Серёжа подошёл и, вновь проверяя губами мой лоб, закрыл от бесцеремонного взгляда гостя. Шепнул:

– Щёчки розовые, чудо, как хороша!

Я хохотнула, вспомнив отражение в зеркале, и тоже шё-

потом спросила:

– Ты рюкзак мой не видел? В нём расчёска...

– Видел. В прихожей...

Сергей ушёл, и я вновь предстала перед Олесем Михеевичем. Глядя на меня исподлобья, он пошарил рукой у себя за спиной и вытащил шуршащий целлофановый мешок.

– Вот, – протянул он его мне, – бабы мои собрали подарок тебе. Сами вяжут.

Я растерялась.

– Бери, говорю, что застыла-то? На дворе лето, а ты мёрзнешь, мужа пугаешь. Одно слово – Маленькая.

– Спасибо. – Я взяла мешок.

– Маленькая, нас приглашают в гости, – подавая мне мой рюкзачок, сообщил Серёжа, – у сына Олеся Михеевича сегодня день рождения. Собирайся, нас уже ждут.

Волосы убирать в косу я не стала, надёжно заплести, как Даша плетёт, всё равно не получится, поэтому я оставила их распущенными. Надела платье, достала из мешка подарки – мягкий пуховый свитер и такие же пуховые носочки. И то, и другое было велико – объёмный свитер достигал середины бедра, слишком длинные рукава сложились в складки над запястьями. Носки тоже смотрелись очаровательно – пятками торчали выше лодыжек.

Мой вид позабавил Серёжу – всю дорогу до дома Олеся Михеевича он нашёптывал мне на ухо про мою несравненную красоту, ничем которую не испортишь, тайком оглажи-

вал меня, пользуясь размышляющими всё вокруг сумерками.

Меня представили хозяйке дома – жене Олеся Михеевича.

Представлял он сам:

– Тонюшка, это жена Сергей Михалыча и есть.

– Здравствуйте! Я Лидия.

– Здравствуй, детка! Зови меня баба Тоня. Ты не заболела часом? – Её сухая, в коричневых пятнышках рука легко дотронулась до моего лба. – Нет, вроде жара нет, а щёчки горят. Ну ничего, дай бог обойдётся! – Она повернулась к Серёже. – Здравствуй, Сергей Михалыч, – баба Тоня помолчала, присматриваясь, – тебя и, правда, не узнать! Михеич мой сказал, помолодел ты! Я не поверила, а теперь и сама вижу, ты, и впрямь, будто моложе стал. Детки, говорят, у тебя родились.

– Да, Антонина Дмитриевна, деток у нас с Маленькой двое – Максим и Катя.

Она кивнула.

– Ну, дай бог! Лишь бы здоровы были! Пойду девок потороплю, давно уж всё готово, чего-то телятся, стол не накрывают.

– Антонина Дмитриевна... баба Тоня, я помогу вам, – вызвалась я.

Она остановилась и легко согласилась:

– Пойдём.

Кухня располагалась не в доме, а в отдельном строении. Просторное помещение с русской печью и современной ку-

хонной техникой встретило громким говором одной женщины и смехом другой. Как только я вошла, и смех, и речь резко оборвались – забыв о деле, обе женщины дружно устали на меня.

Антонина Дмитриевна усмехнулась.

– Так мы и до утра за стол не сядем. Гости уже пришли, а у нас и стол не накрыт.

Женщины опустили головы и вновь занялись делом.

– Вот помощницу вам привела, знакомьтесь. Может с гостьей дело быстрее пойдёт.

– Здравствуйте! Я Лидия.

– Анна, – бегло взглянув, представилась одна – та, что днём развешивала бельё у дома.

– Татьяна, – сверкнула глазами другая.

Все три женщины были очень разные. Антонина Дмитриевна – высокая, в болтающемся на худом теле платье, со строгим пучком седых волос на затылке, явная доминанта в семье. Её дочь того же роста, что и мать, пышнотелая красавица, в откровенно декольтированном, аляповатой расцветки платье, с вихрастой стрижкой и тёмным пушком над верхней губой. Высветленные волосы её торчали в разные стороны, добавляя прелести круглому, с яблочками щёк лицу. Татьяна – маленькая ростом, узкобёдрая и широкоплечая, как мальчик, в коротких, открывающих тонкую щиколотку, брючках и водолазке с короткими рукавами. Водолазка рельефно обрисовывала её большую грудь, не скрывала и бо-

розд-углублений на обоих плечах, образованных бретельками бюстгальтера под тяжестью груди. Лицо её с острым носиком и чёрными озорными глазками готово было рассмеяться в любой момент.

Я улыбнулась.

– Рада познакомиться. Анна. Татьяна. Чем я могу помочь?

Мне предложили нарезать хлеб. Вымыв руки, я принялась за дело – каравай хрустел и сыпал крошками под ножом. Нарушая неловкое молчание, я заговорила первой:

– Я у вас будто в детство вернулась, на каждом шагу бабушку вспоминаю. Вначале с бельём крахмальным встрети-лась, я на таком маленькой спала. Бабушка признавала только кипенно-белое постельное бельё, никакого цветного, и всегда его крахмалила. В современном мире такое бельё – роскошь! – Я взглянула на Анну, щёки её покрылись лёгким румянцем удовольствия. – Потом Игнат к обеду шаньги принёс, такие же вкусные, как шаньги из моего детства. Бабушка их тоже в русской печи пекла. – Я засмеялась и кивнула в сторону печки. – И печь у неё такая же была – большая и белёная известью. Я просила Игната мою благодарность пекарю передать, теперь вот могу лично спасибо сказать, – я посмотрела на Татьяну. – Спасибо, готовите вы замечательно вкусно!

Татьяна вновь сверкнула глазами, но, как и Анна, отмолчалась. На кухне вновь повисла тишина.

«Им что, запрещено говорить с чужими?» – задалась я во-

просом, перекладывая куски хлеба в поданную бабой Тоней корзинку.

– Детка, а бабушка твоя жива? – спросила она.

– Нет. Она умерла. Она мне всё время повторяла: «Учись, доча, пока я жива». Теперь я и рада бы поучиться, да нет её уже. Я первую свою вязаную вещь связала из точно такого пуха, из какого связан ваш подарок. Бабушка напряла пряжу, она же научила вязать, я и связала. – Я поочерёдно посмотрела на каждую из трёх женщин. – Я не знаю, кого благодарить за подарок.

Молодые обратились взорами к Антонине Дмитриевне.

– Я вязала, детка, я и шерсть пряду. Как твою бабушку звали?

– Баба Люба. Любовь Никаноровна.

– Скучаешь по ней?

– Помню. Просто помню. Благодарю, баба Тоня. За подарок, за добро ваше, за руки умелые.

– Носи на здоровье, детка, хорошая ты, благодарная. Повезло Сергей Михалычу с тобой!

Засмеявшись, я покачала головой.

– Это мне повезло с ним!

Дверь рывком распахнулась, и на пороге возник Игнат с пустыми лукошками в руке.

– Тётъ Тань... – воскликнул он и запнулся, увидев меня. Потом разулыбался и наклонил голову. – Здравсьте.

– Добрый вечер, Игнат.

– Тётъ Тань, положи мочёной капустки и огурцов мало-сольных по две порции. – Мальчик подошёл к столу, зачерпнул ложкой салат из миски и торопливо отправил себе в рот.

– Ты что делаешь? – вскричала Татьяна, подлетая к племяннику и замахиваясь кулаком. – Из общей-то!

Игнат засмеялся, прикрываясь локтем от нападения.

– Оголтелый! Положи себе на тарелку и ешь!

– Игнат, ты с нами за стол-то сядешь? – спросила баба Тоня.

– Не, баб, кто гостей обслуживать будет? Юсуф один не справится. Я так, иногда забегать к вам буду.

– Тогда сядь и поешь.

– Ага. Я вон тот салат буду.

Я взяла тарелку из стопочки, стоявшей тут же на столе, положила в неё салат и подала мальчику. Прислонясь спиной к холодильнику, он начал торопливо есть, поглядывая, как Татьяна наполняет керамические чаши капустой и огурцами и составляет их в лукошко. Взглянув на него, Татьяна с нарочитой строгостью указала:

– Хлеба возьми! Оголтелый.

– Не, тётъ Тань, так вкуснее.

Поставив два, наполненных разносолами, разноса друг на друга, Анна унесла угощение в дом, я встала к раковине вымыть посуду.

– Оставь, детка, найдётся, кому помыть, – остановила меня Антонина Дмитриевна и подала полотенце. – Пойдём за

стол, муж тебя заждался.

Я послушно закрыла кран и взяла полотенце. Она скупой улыбнулась и опять похвалила:

– Хорошую девушку Сергей Михалыч за себя взял. И собой красива, и словами благодарна, и руками умела. Хотя с его-то деньгами, тебе умелой хозяйкой и незачем быть. Поди, кухарка у вас на кухне работает, не ты?

– Не я.

Она понимающе покивала головой.

– Ну да большим домом тоже надо уметь управиться. За моими вон девками постоянный контроль нужен, сами-то изболтаются, да иссмеются, и дела не сделают. – Она тяжело вздохнула, беря в руки корзинку с нарезанным хлебом. – Вишь, как тоненько нарезала, мы так и не сумеем.

Татьяна бросила сердитый взгляд на свекровь, но промолчала.

– Человек-то в доме сколь у вас живёт? – по дороге в дом продолжала расспросы баба Тоня.

– С нами восемнадцать.

– Ох, батюшки, это кто же? У Сергей Михалыча вроде нет родственников, один он. Твои что ли?

– Мои. Все мои.

При виде меня Серёжины глаза залукавились; он причмокнул губами и, прикрыв глаза, качнул головой – дескать, восхищён я. Насмешник! Я показала ему язык и увидела виновника праздничного ужина, исподлобья наблюдающего за

мною.

– Детка, с сыночком моим познакомься.

В голосе Антонины Дмитриевны прозвучала материнская нежность, взгляд обласкал великовозрастного сынка, очень похожего на отца, столь же пузатого, но, к счастью, опрятно одетого и без кепки на голове. Так смотрит болезненно любящая мать – тревожно ощупывая глазами – всё ли в порядке? и одновременно любясь и гордясь чадом.

– Вот он – мой Глебушка! – баба Тоня тотчас поправила саму себя: – Глеб Олесьевич!

Я решила не подавать Глебушке руки, ограничилась кивком головы издалека, вежливо, как подобает, с улыбкой, сказала:

– Здравствуйте. Рада знакомству, Глеб. Меня зовут Лидия.

Глебушка ограничился и того меньшим – по-прежнему, глядя исподлобья, рта не разжал, а только кивнул.

Мне уже надоела игра отца, а теперь и сына, в молчаливые гляделки исподлобья. Сузив глаза, я уставилась наперекрест взгляду Глебушки. Он взгляд отвёл. Следом точно так же я посмотрела на отца. Тот вначале засопел, как бык, но тоже отвёл взгляд.

Пришла Татьяна, и баба Тоня пригласила за стол. Глеб тяжело сполз со своего места, и только теперь я увидела, что ножки у него коротенькие и кривые, идёт он с трудом, переваливаясь с одной ноги на другую, медленно, с перерывами,

делая шаги. Я видела, какой мучительный стыд он испытывает за свою увечность. Мать, Антонина Дмитриевна, с болью в глазах смотрела на сына, а Олесь Михеевич глаза прятал, столь же мучительно, что и сын, стыдясь увечья.

«Так вот почему они смотрели на меня недобро, исподлобья, – поняла я. – Я чужая. Они стесняются меня». И сделала вид, что ничего необычного не вижу.

Во главе стола сел хозяин дома, справа от него его сын, дальше жена, потом дочь. С другой стороны Серёжа и я, подле меня Татьяна.

«Вот так, сын между матерью и отцом, а жена его непонятно где. Хотя, если бы меня и Серёжи не было, то Татьяна сидела бы напротив мужа. Или нет?»

Первым делом мне предложили отведать знаменитую рыбку, приготовленную хозяином дома. Я попробовала и увлеклась – рыба была вкусной, с хрустящей корочкой, с нежным, чуть сладковатым на вкус мясом. Я шёпотом спросила:

– Серёжа, это кто? Я такую рыбку не ела никогда.

– Это окунь, Маленькая. Окуня ты ела, просто этот приготовлен особым способом. Вкусно?

Я кивнула, положила в рот следующий кусочек, и... сообразила, что за столом странно тихо. Я подняла взгляд – и хозяин, и хозяйка, и сынок, и дочка, все смотрели на меня. Олесь Михеевич держал в руке наполненную рюмку. Загораясь лицом, я начала извиняться:

– Простите, я... когда я ем вкусное... я обо всём забы-

ваю. – Я положила приборы и, убирая руки под стол, задела и уронила вилку. – Даа... такое вот несчастье для окружающих!

Татьяна прыснула и захохотала. Смеялась она так заразительно, что, покосившись на неё, я тоже рассмеялась. Давясь смехом, в перерывах между приступами она сипела:

– Игнат рас... рассказал, ты... рот... шаньгой... сожгла...

Я возмутилась:

– И ничего я не сожгла! Приврал твой Игнат! Слюной подавилась, это да!

Теперь засмеялись все. Антонина Дмитриевна сказала:

– Ешь, детка, не обращай на них внимания, зубоскалят и пусть их. Возьми чистую вилку, за твоей спиной, на комод лежат.

– Спасибо, баба Тоня. Олесь Михеевич, рыбка ваша – объедение! Спасибо. – Я взяла в руку бокал с каким-то напитком, ожидая тоста.

Олесь Михеевич кашлянул, вытер рукой рот и обратился к сыну:

– Ну что, сынок, поздравляю тебя с днём рождения! – Он замолчал – кажется, старался удержать подступившие слёзы. – Сорок лет... – голос его всё-таки дрогнул, он сморщился, и слёзы покатались по его щекам. Он хотел ещё что-то сказать, но не смог, сдёрнул кепку с затылка, прижал её к глазам, мотая головой. – Не могу... Тонюшка, ты скажи...

– А я радуюсь, Олесь! – громко окоротила мужа Антонина

Дмитриевна, сердито сверкнув на него глазами. – Я счастлива. Да! Сорок лет сынок мой со мной, жив-здоров, я могу обнять его. Женился вот, дай бог и детки народаются! С днём рождения, Глебушка! – Она обняла сына и смачно поцеловала в губы.

Стесняясь поцелуя, Глеб отстранился от матери, воровато взглянул на меня, на Сергея.

Я выше подняла бокал, потянулась к нему через стол.

– С днём рождения, Глеб Олесьевич!

– С днем рождения, сынок! Будь здоров!

– С днём рождения, братец!

Серёжа не стал тянуться через стол, встал, подошёл к имениннику, тот засуетился, тоже намереваясь встать, Серёжа остановил его, положив руку на плечо, чокнулся с ним и сказал:

– С днём рождения! Долгой счастливой жизни тебе, парень!

Позже, после нескольких здравниц, Олесь Михеевич подсел ко мне и стал рассказывать печальную историю своей семьи:

– Вишь, как бывает, Глебушка наш родился таким. Называется эта болезнь – врождённая аномалия нижних конечностей. Мы с Тоней не сразу и поняли, что у него какая-то аномалия есть. Соседская девчонка-студентка глаза раскрыла. Мы по врачам ходить стали. Вначале добиться ничего не могли, а потом узнали, что Глебушке помочь можно, но нуж-

но делать много операций. Мы подумали-подумали и решили делать. Домик у нас был, от моих родителей остался, мы его продали. Да что там, – он махнул рукой, – домик в деревне недорого тогда стоил, денег этих надолго не хватило, одну операцию только и оплатили. Даа. Тонюшка всё время с Глебом была, я работал. Я в бизнес-центре охранником был. – Он кивнул на разговаривающего с Глебом Сергея. – У Сергей Михалыча там офис тоже помещался. Воот. – Он налил себе водки, отсалютовал мне рюмкой, выпил, сморщился, торопливо выловил из чаши маринованный огурец и откусил. – А ты почему не пьёшь?

Я пожала плечами.

– Не вкусно.

Он засмеялся.

– Глупая ты! Ты думаешь, мне вкусно? Иногда выпить надо! Жить тогда легче. Молодая, не знаешь, жизнь-то, она иногда так больно бьёт, что и жить не хочется. – Он задумчиво пожевал свой огурец. – Ну, не знаешь, и хорошо! И не знай никогда! – И продолжал: – Праздник был. Восьмое марта. Ну как обычно? Ещё до праздника, загодя, все начинают отмечать – стол, выпивка на рабочем месте, вроде и работают, а вроде и гуляют. Да я не против, пускай гуляют! Я одного понять не могу, зачем они операции-то на праздник назначают? – Он помолчал, уставясь на меня. – Не знаешь? Вот и я не знаю. Сделали нашему сыночку какой-то неправильный наркоз, то ли пьяные были, то ли торопились, в общем,

он у них в кому впал. Три дня! – Он растопырил три толстых пальца перед моим лицом. – Три дня в себя Глебушка не приходил! В тот день я дежурил, Тоня одна в больнице была. Врач, знаешь, что ей сказал? Сказал: «Дура, я ж тебе лучше сделал! Зачем тебе калека? Денег его содержать сколько надо, а их ни у тебя, ни у твоего мужа нет!»

Я после дежурства в больницу пришёл, Тонюшка рассказывает, что ей врач сказал, а он как раз домой собрался, из двери выходит. Ну я и не утерпел, врезал ему пару раз, челюсть попортил, глаз подбил. Врач заявление на меня написал за рукоприкладство на его рабочем месте. Вот и вышло, Глебушка в себя пришёл, а я разбой учинил. Тоня ему, врачу-то, в ноги пала. Он «добрый» оказался, смилостивился! Заявление своё забрал, взамен денег с нас потребовал за моральный и физический ущерб, значит. Ну я по офисам бизнес-центра и пошёл с протянутой рукой, подумал, бизнесмены люди богатые, на крутых машинах ездят, если понемногу кто даст, я нужную сумму и насобираю. Веришь-нет, никто не дал. Где-то в кабинет даже не пустили к главному-то, кто-то презрительно отмолчался, кто-то по-дружески так, пожаловался, что с наличностью, мол, напряжёнка. – Он опять налил себе и выпил. – Сергей Михалыч в отъезде был. Партнёр его выслушал меня, потом душевную лекцию прочёл, что, мол, трудиться надо, а не попрошайничать, и детей рожать нужно только тогда, когда можешь их обеспечить. У меня кулаки чесались морду его красивую подправить, чтобы, зна-

чит, соответствовала она его душонке мелкой. – Он строго взглянул на меня. – Знаешь его?

Я кивнула.

– Ну вот! Чтобы дел опять не наделать, я поскорей вышел из кабинета, так зол был, что не заметил корзину для мусора и снёс её. Уборщица её выставила, чтобы высыпать. Я зачем-то принялся собирать мусор обратно в корзину, секретаршу перепугал, она кричать стала. Тут и Сергей Михалыч с дорожной сумкой в руках в приёмную заходит. Спрашивает: «Что случилось?», а я ему: «Ещё один явился! Гады жадные. Суки богатые», – и пошёл прямо на него с кулаками. А у него, знаешь, взгляд такой сделался... я струхнул, понял, что мне же лучше, если мимо пройду. Воот. Ну, он меня через полчаса нашёл. Я в нашей бытовке отсиживался, думал, как мне на глаза Тонюшке показаться без денег. А он нашёл и денег сразу, тут же в бытовке сколько надо дал. Вот какой человек! – Олесь Михеевич опрокинул в себя ещё одну рюмку. Перекосившись лицом и не закусывая, стал рассказывать дальше: – Сергей-то Михалыч потом предложил Тоню с Глебом за границу отправить лечиться, да Тоня не захотела, сказала, что лучше, хоть и калекой, но ребёнка живым при себе иметь. Испугалась она, вбила себе в голову, что операции не угодны Богу. – Он низко наклонился ко мне,дохнул в лицо перегаром. – Тонюшку жалко, она всю жизнь корит себя, и за то, что родила Глебушку таким, и за то, что не пошла до конца. – Он выпрямился и откачнулся от ме-

ня. – Может, и не угодны мы Богу, да Ангел-Хранитель у нас есть! Если бы не Сергей Михалыч, помер бы у нас Глебушка, много раз бы помер. После операции у него тяжёлая пневмония случилась. Когда из больницы выписали, он и на живого не походил. Так Сергей Михалыч отправил нас всех троих в Геленджик, лёгкие Глебушки восстанавливать. А когда мы вернулись, место вот это нам нашёл хозяйничать. – Он пьяно захихикал, понизил голос до свистящего шёпота. – Сам-то с девками сюда часто наезжал. Девки каждый раз разные, а все красивые, как на подбор. Бабы любят его! Даже и Тонюшка моя заглядывалась по молодости-то, а уж Нюрка – дочка, та, как подросла, так глаз с него не сводила, ревновала к девкам, слёзы лила. А он, вишь, тебя нашёл. – Олесь Михеевич опять наклонился ко мне, как и утром, потянул носом воздух. – Сладкую, да пригожую. Говорит, любит тебя. Ты-то любишь? Стар ведь он для тебя.

– Ну-ка, Олесь Михеич, разболтался, гостью утомил. – Антонина Дмитриевна подошла сзади и положила ладони на плечи мужа.

– Тонюшка моя! – умилился он. Крутя головой, старался увидеть её лицо. – Не ругайся, сыночку нашему сорок лет, праздник у нас с тобой!

– Праздник-праздник! Ты-то знатно напраздновался уже. Пойдём. Прощайся с гостями, спать тебе пора.

Он опять захихикал, подмигнул мне, вставая и тяжело опираясь на стол.

– Вишь, строгая она у меня! – Нагнулся и серьёзно заявил: – А со мной так и надо! Правильно. – Пошатнулся, Антонина Дмитриевна, поморщившись, удержала его, а он повторил: – Так и надо! – Положив руку на плечи жены, закричал: – Сергей Михалыч, прощай! Тоня меня на покой отправляет, а вы гуляйте, – он широко повёл рукой в направлении стола, – ешьте, пейте, а я пошёл.

Позже, прощаясь со смешливой Татьяной, я вдруг её пожалела. Нет, не оттого, что её муж калека; я почувствовала её одиночество, потому что Глеб в первую очередь сын и только потом муж. И по-другому не может быть.

Подтянув к груди колени, я сидела на пассажирском кресле и в полутьме машины любовалась профилем Серёжи. Мы ехали домой.

Не глядя на меня, Серёжа сказал:

– Я не хотел про Глеба говорить. Не хотел беречь рану чужой историей. Скоро четверть века, как Настя ушла, а ты ночами плачешь, спасаешь её от кого-то.

– Я не знала, что разговариваю во сне.

– Не разговариваешь. Плачешь. Тяжело дышишь, будто бежишь куда-то или борешься с кем-то, зовёшь её.

– Почему ты мне не говорил?

– Зачем? И сейчас, не знаю, зачем сказал. Что тут можно изменить? Можно только ждать и надеяться, что рана затянется. – Серёжа умолк, выехав на встречную полосу, он об-

гонял сразу три, ехавших друг за другом, грузовика. – Глеб сам на день рождения пригласил, я не смог отказаться.

– Серёжа, всё в порядке! Кто хозяин этого места отдыха? Ты?

Он кивнул.

– Олеся, чтобы не смущать, я не ставил в известность, он знает только управляющего. Я как-то загорелся идеей развивать экотуризм воскресного дня вокруг больших городов. Хотел предоставить горожанам возможность отдыхать недалеко от города на природе, в комфортных бытовых условиях, с качественным обслуживанием и здоровой кухней. Заодно и природу от любителей воскресных шашлыков по берегам рек и озёр защитить. Ничего не вышло, забросил на управляющего. – Сергей грустно улыбнулся. – Так что, Девочка, когда тебе будут говорить, что мне всё удаётся, за что не возьмусь, ты не верь. Только тут и получила развитие моя идея, и заслуга в этом не моя, а Олеся. Это он всё организовал и управляет, я только построил. Тут и рыбаки останавливаются, и парочки влюблённые приезжают, и мамы с детьми. Олеся сегодня хвастался, что писатель какой-то по осени заезжает труды свои ваять, и до самой весны живёт. Говорит, в воскресные дни частенько домиков не хватает, хочет летнюю террасу строить. – Серёжа ненадолго задумался, помолчал и продолжал: – Это место какое-то особенное. Я без усилий, без взяток взял в аренду на 99 лет озеро и купил всю прибрежную зону. Несколько лет назад администрация области

оспорила право частного владения в связи с нецелевым использованием земли, но суд отклонил иск.

– Так и должно, потому что идея замечательная и нужная. А на другом берегу озера что?

– На другом берегу хозяйство Николая. То самое, экологически-чистое. Из этого хозяйства он нам продукты и возит.

– Ты продолжаешь деловые отношения с Николаем?

– Почему нет? Он арендует у меня землю. Земля стояла свободной, дохода не приносила, теперь приносит. Мы у него продукты покупаем.

– Много мест, где с идеей ничего не вышло?

– Вокруг Москвы осталось ещё четыре. Вначале было одиннадцать, что-то я продал, когда собрался уезжать, что-то власти отобрали. Из оставшихся – два в собственности, ещё два оформлены в аренду на сорок девять лет, из которых... лет тридцать, наверное, уже истекли. Надо даты уточнить.

– Отдых за границей для многих семей стал недоступен. Люди будут искать возможность отдыхать полноценно хотя бы в воскресные дни.

Не соглашаясь, он покачал головой.

– Нет, Маленькая. Те, кто проводят субботу-воскресенье на природе, это отдельная группа людей, вне зависимости ездят они за границу или нет. Наши потенциальные клиенты это те, кто проводят конец недели, отдыхая в торговых центрах. Их и надо переманить в зоны отдыха. Скажем, маме с папой необходимо что-то купить, зачем оставлять чадо на

детской площадке торгового центра или таскать его за собой, если есть возможность оставить дитя в детском саду воскресного дня на природе под наблюдением профессиональных аниматоров и воспитателей? – Он вновь сделал большую паузу, уйдя в свои мысли. Хлопнул ладонью по рулю, подводя черту под размышлениями: – Надо ознакомиться с балансом хозяйства Олеся, тогда и выводы будем делать.

– А Курва, это кто?

– Кошка.

– Кошка?

– Кошка. Она приبلудилась, когда Глебу лет пятнадцать было. Оккупировала его комнату, спала с ним, первое время даже в школу сопровождала. Защищала его.

– От кого?

Серёжа засмеялся.

– Один раз самому Олеся досталось. Он взбучку Глебу устроил, голос повысил. Кошка между ним и Глебом встала, спину выгнула, шерсть дыбом подняла, шипит на Олеся. Тот вначале растерялся, потом рассвирепел, хотел ногой её отбросить, а она прыгнула и в руку ему вцепилась. От неожиданности он рукой давай трясти, сбрасывать её, а она только когти глубже всаживает. Антонина рассказывала, крови много было, кошка в крупную вену попала. Вот Олеся её Курвой и назвал.

– А в школу она как попадала?

Сергей пожал плечом.

– В школу Олесь детей на машине отвозил. Они кошку и дома закрывали, и из машины вытаскивали, она всё равно ухитрялась как-то их обмануть. Потом рукой махнули, ездит и ездит, главное, что она в здание школы не заходила. Однажды учительница Глеба заболела, класс раньше времени распустили по домам. Глеб дожидался отца во дворе школы и, от нечего делать, взялся задачку решать. Ребята из параллельного класса на переменке покурить вышли, увидели его и вздумали пошутить – тетрадку отобрали, посмеялись над чем-то. А Глеб взрывной, как отец, бросился отбирать тетрадку. Парни перебрасывали тетрадку один другому, а Глеб бегал между ними на своих ножках, пока не упал. Тут Курва и объявилась. Вначале налетела на того, что тетрадку держал, он как раз махал ею над упавшим Глебом, она нос ему поцарапала, щёку. Второй парнишка рот разинул от удивления, не сразу отреагировал, когда Курва прыгнула, глазом чуть не поплатился, кошка веко нижнее ему порвала. Такая вот Курва-защитница. Раз в год котят приносила, рожала на коленях у Глеба. Они коробочку для котят приготовили, поставили в комнате Глеба, а кошка решила спать на привычном месте, туда же и котят перетаскала. Глеб спать боялся, думал, придавит кого во сне. Обратном в коробку котят отнесёт, только ляжет, кошка их снова в кровать тащит. Поутру Олесь утопил котят. А во второй раз окотилась, так и не подошла ни разу к котяткам. В конце концов, стерилизовали они её.

– А почему Курва дождалась бы тебя, если бы знала, что ты приедешь?

– А она на коленях у меня любила полежать. Каждый раз, когда я приезжал, заглядывала в мой домик поздороваться.

Не удержавшись, я тяжело вздохнула. Серёжа вопросительно взглянул на меня.

– Что ты? Котят пожалела? ... Чего молчишь?

– Боюсь говорить, Серёжа.

В свете фар проезжающих автомобилей, я видела, как изменилось его лицо. Улыбка пропала, брови нахмурились.

– Ваша кошка умерла за несколько месяцев до смерти Насти. Помню, Настя писала, что кошка её защищала, устраивая кровавые бои с чужими в доме. Не думаю, что стоит проводить аналогию, Девочка. Выбрось это из головы.

Я поменяла положение, оперлась спиной на спинку кресла и спустила ноги.

– Стараюсь.

Некоторое время мы ехали молча. Я думала о том, что нам надо поговорить, но не решалась начать разговор. Серёжа словно услышал мои мысли и проворчал:

– Вернёмся поздно. Хотел позвать тебя в Кресло Правды.

Уродливое своей громоздкостью Кресло Правды переехало с нами из старого дома в новый и, по-прежнему, выполняло ту же функцию – служило местом прямых и непростых разговоров.

– Можно представить, что мы сейчас в Кресле Правды, –

предложила я.

Он мельком взглянул на меня и отмолчался – не принял предложения. Я сделала ещё одну попытку:

– Серёжка, мы совсем перестали говорить друг с другом. Я понимаю, ты чувствуешь себя покинутым...

– Скорее, отброшенным за ненадобностью. И не выброшен совсем, и сейчас без надобности. Я тоскую, Маленькая. Тоскую по глазам твоим, которые лучатся только для меня, по смеху, адресованному только мне. У нас, к счастью, есть секс, и в момент близости я чувствую, что ты моя, как и прежде, но наступает утро, и ты ускользаешь в свою жизнь. В твоей жизни много людей и много забот, но нет места мне. – Сергей сосредоточенно смотрел на дорогу, наращивая скорость, умело обгонял машины, обогнав, скорость уже не сбрасывал. – Вернись ко мне, Девочка, мне трудно это говорить, но я уже отчаялся ждать. Иногда я хочу забыться и ничего не помнить, ни счастливого прошлого, ни тоски настоящего. Иногда хочу утащить тебя в какую-нибудь нору, где никто не посягнёт на твоё время, и смотреть, смотреть на тебя, не отрываясь, наслаждаясь возможностью не торопиться. Целовать тебя не спеша, смеяться пустякам, молчать, чувствуя твоё тепло. – Он вновь мельком взглянул на меня и спросил: – Маленькая, у нас всё это было. Как случилось, что мы потеряли наше единство?

«Наше единство мы не теряли, – мысленно ответила я, – у нас его попросту никогда не было, потому что в «мы» ты

так и не научился жить». Подумала и промолчала. Обвинять не хотелось.

Машина летела домой, обгоняя попутные и устроясь водителям встречных автомобилей. Опасаясь столкновения, те давили на клаксоны, глядя искажёнными страхом и злостью лицами на Серёжу. Я вспомнила нашу самую крупную ссору, случившуюся несколько лет назад... поёжилась от озноба, вдруг увидев перед глазами старательно забытый взгляд Серёжи, и медленно, длинно-длинно втянула в себя воздух.

В детстве время тянется медленно, один день можно приравнять к месяцу, а то и к нескольким, из жизни взрослого. А у нас начало обучения деток верховой езде откладывалось уже месяц. Их уже не удовлетворяло катание на лошади вместе со мной или дедом, они хотели сами сидеть в седле. И страшнее всего было то, что ни Макс, ни даже Катя и вопросов уже не задавали, они молчаливо вздыхали, бросая украдкой укоризненные взгляды. Каждый день они приходили на конюшню и подкармливали пони морковью.

В одно из таких посещений я отошла к Красавице, и услышала разговор Кати с Кармен:

– Ты не сердись на меня, я же ещё маленькая, – шептала Катя, – мне пока нельзя самой, а папа занят на работе, у него времени на нас не остаётся. Вот освободится немножко и научит меня ездить на тебе. Ты потерпи, я же терплю.

Катькины сетования полоснули по сердцу, словно ножом.

«Второй месяц отец не может найти время, чтобы посадить детей на лошадок. Сегодня воскресенье, значит, занятия опять откладываются на неделю, опять до следующей субботы, а там неизвестно, найдётся ли у него время».

– Стефан, седлай пони! – отдала я приказ. – Максим, Катя, быстро домой! Будем переодеваться!

– Куда, мамочка?

– Не куда, Котёнок, а для чего. Проведём первый урок выездки.

Детки переглянулись... и с криками радости заторопились из конюшни. Уже на улице я догнала их, подхватила на руки и закружилась. Катя завизжала от восторга, перекрывая визгом и мой смех, и смех Максима.

На шум на террасу вышла Маша, и Катя похвасталась:

– Мы сейчас кататься на лошадках будем! Мама, а папа переодевается?

– Нет, Котёнок. Папа ещё не приехал.

Радость детей мгновенно угасла. Катя осторожно спросила:

– Ты сама нас учить будешь?

Я покачала головой.

– Вас будет обучать *мой* учитель выездки.

– А кто это? – озадаченно спросил Макс.

– А я знаю кто! – выпалила Катя. – Он и сейчас с тобой занимается!

– Мой учитель очень строгий, и требует беспрекословного

подчинения. Ослушаешься, сразу прекращает занятие!

– Стефан? – Катя рассмеялась. – Он не строгий, он добрый!

Макс гнул своё:

– Я думал, тебя папа учил.

– Меня обучал Стефан, Максим. Папа принимал участие в тренировках, когда ему позволяли дела.

Маша с сомнением качала головой, провожая нас глазами, и оказалась права.

Серёжа был взбешён.

Вечером, как только он вошёл в гостиную, дети бросились к нему, на бегу делясь впечатлениями о первом занятии. Услышав новость, Серёжа изменился в лице и поднял на меня взгляд.

– Когда ты прекратишь принимать самостоятельные решения, будто меня нет? – спросил так, что я отшатнулась, а Катя с плачем вывернулась из его объятий, бросилась ко мне и, обхватив меня за ноги, спрятала лицо в подоле. Наклоняясь, чтобы взять её на руки, я увидела в глазах Макса страх и растерянность, сын смотрел на меня, не понимая, что он должен предпринять. Решившись, он встал между мною и Серёжей, лицом к отцу.

Серёжа одумался и покаянно позвал:

– Котёнок, не плачь, иди ко мне! Я напугал тебя? Максим, прости, сынок.

Больше всего меня и поразило, и обидело то, что Сергей

не посчитал нужным скрыть свой гнев от детей.

В ту ночь я не обнаружила в себе желания. Занятый обидой, Сергей вначале не заметил перемены, когда понял – встал с кровати, оделся и уехал.

Вернулся он назавтра вечером, без объяснений, где был. Я не спрашивала.

Жизнь пошла своим чередом, разговаривали мы в формате вопрос – ответ, сексом занимались, как и раньше, как только у Сергея возникало желание. Я отдавалась, но ответить на его желание мне было нечем.

Катя, к счастью, быстро забыла его гнев, каждый вечер она усаживалась к нему на колени, подробно рассказывала, как прошёл день, как вела себя Кармен, что говорил ей Стефан на занятии. Макс был вежлив с отцом, но общения избегал и старался держаться ближе ко мне.

За ту неделю я получила столько физического и духовного контакта с детьми, сколько не было за всё то время, как они, обретая самостоятельность в передвижении, занялись исследованием окружающего мира. Когда Серёжа был на работе, Катя ходила за мной хвостом, Макс время от времени отвлекался от своих занятий, прибежал проведать нас и, удостоверившись, что Катя рядом, наскоро целовал меня и убегал. Вечером, с приходом Серёжи, заступал на вахту вместо Кати.

– Ишь, сынок-то у тебя какой! С таким ничего не страшно. Защитник и опора.

Такой оценкой Максима Маша позволила себе проком-

ментировать нашу с Серёжей ссору. Я отмолчалась.

К вечеру пятого дня Андрэ пригласил меня в кабинет и попросил:

– Детка, расскажи, что происходит?

– Мне нечего сказать, Андрей, я не знаю. Я не хочу думать над тем, что происходит, не то, что обсуждать.

– Ну хорошо, посиди со мной. Я тебе Северянина почи-таю.

Я устроилась под его рукой; склонившись ко мне, он, как всегда, читал стихи по памяти. Вскоре в кабинет заглянул Максим, дождался, когда Андрэ сделает паузу, и уведомил:

– Я потерял тебя. Мама, там папа пришёл.

– Благодарю, сынок. Прости, Андрей, я вернусь, и мы продолжим. – Я чмокнула графа в щёку и, надевая по дороге на лицо улыбку, поспешила встречать мужа.

Серёжа стоял посреди гостиной с Катей на руках. Катя рассматривала его лицо и водила ладошкой по его щеке. Наконец, она произнесла:

– Ты грустный. Ты устал, да? Если я тебя поцелую, ты развеселишься?

– Конечно, Котёнок, целуй скорее.

Катя собрала губки трубочкой и с силой прижалась к щеке отца. Серёжа засмеялся.

– Воот! Видишь? Ты смеёшься.

– Здравствуй, Серёжа.

– Здравствуй, Маленькая.

Он привлёк меня к себе свободной рукой и поцеловал в лоб. Вежливо выждав несколько секунд, я сделала попытку высвободиться, но он не отпустил и прошептал:

– Прости меня, Девочка.

Я физически ощутила напряжённое ожидание, окружившее меня со всех сторон. Серёжа смотрел просительно и грустно; Катя, сидя на его руке, не по-детски серьёзно смотрела сверху; Макс, взяв меня за руку, поднял головку и смотрел на меня снизу. Я улыбнулась, протянув руку, растрепала Серёжины волосы и вывернулась из-под его руки.

– Пойду посмотрю, что у нас с ужином.

Я сбежала от них, ожидающих от меня то, что я не могла дать.

Я не понимала себя и впервые в жизни не стремилась в себе разобраться. Я не нуждалась в покаянии Сергея, я не нуждалась в его взгляде, в его тепле, я не нуждалась в самом его присутствии в своей жизни. За эти пять дней я ни разу не задала себе вопрос: «А люблю ли я его по-прежнему?» Возможно, вопрос не возникал из чувства самосохранения, потому что ответ я на него, и тотчас возникнет необходимость что-то делать, что-то решать...

Проходя мимо кухни дальше, к входной двери, я захватила с вешалки чью-то куртку, толкнула дверь наружу и почти столкнулась со Стефаном.

– Куда ты? – спросил он. – Там дождь.

Не отвечая, я обошла его, двигаясь своим путём. «Надо

найти укромное место, где никто ничего не будет от меня ждать, никто не будет ничего требовать, где не бывает вопросов, и нет ответов. Где не надо улыбаться, когда улыбаться нет сил».

Стефан догнал, накинул мне на голову дождевик и, обхватив за талию, куда-то поволок.

– Пусти меня, – начала отбиваться я. – Пусти, я хочу побыть одна.

Не слушая, он приволок меня к конюшне и втолкнул в её густое тепло. Я услышала тревожное ржание Красавицы, удар её копыта в ясли.

Голос Василича сердито окрикнул:

– Ннооо, ннооо, не буянь! Чего опять не так? Чего разволновалась?

– Василич, уйди, – сказал Стефан.

– Куда это «уйди»?

– Уйди отсюда, говорю.

– Чего это? ... Ааа ... ладно... пошёл.

– Не трезвонь там...

– Ну ты, Стефан... – Василич захлебнулся возмущением и закашлялся.

– Маше скажи, пусть ужин задержит, пусть скажет, что ещё не готово.

– Ага... понял... – последние слова Василич говорил уже за пределами конюшни.

Стефан открыл калитку стойла Красавицы. Кобылка ки-

нулась ко мне и, пофыркивая, коснулась мягкими губами шеи.

– Ну что ты? Что ты, девочка? – Я обняла её за морду и, успокаивая, другой рукой погладила по холке. – Всё хорошо. Всё у нас с тобой хорошо.

Хорошо было так, что я плохо видела из-за слёз. Я привалилась к тёплому боку лошади, изогнув шею, она словно спрятала меня от мира.

Там, на конюшне, в её «объятиях», я и поняла, почему запрещаю себе думать над случившимся. Я вспомнила взгляд Серёжи, в тот момент, когда он произнёс «*ты*», обращаясь ко мне в своём единственном предложении: «Когда *ты* прекратишь...».

«В его глазах был не гнев, в его глазах была ненависть. Он ненавидел меня в ту минуту, потому и дети так испугались, и я отшатнулась будто от удара. Едва осознав это, я вспомнила слова Таты: «Любовь нельзя потерять. Она не иголка. Любовь можно убить». Убить. Любовь можно убить... Нет! Минутный гнев и даже ненависть забудутся, а любовь моя жива и будет жить!» Я похлопала Красавицу по крупу.

– Всё, девочка, мне пора. – Взявшись за гриву, я повела кобылу в стойло, всхрапывая, она послушно зашла внутрь, и я закрыла дверцу. – До завтра, девочка. Стефан, где та штука, которой ты меня накрыл от дождя?

Стефан сидел на огромном троне, который сам же и вырезал из цельного корня какого-то могучего дерева. Я улыб-

нулась, в рогатых объятиях трона Стефан был похож на мифический дух леса.

– Тебе короны не хватает, – сказала я, подошла и поцеловала его в щёку. – Благодарю, Стефан.

Он взял мои руки в свои ладони.

– Ты перестала смеяться. Твоё счастье... убили?

«Любовь можно убить...», – вновь всплыло в моей памяти. Я потрянула головой.

– Нет, Стефан. Я не отвечу. Никому и никогда я не расскажу, что случилось. И сама забуду, по крайней мере, на жизнь свою влиять не позволю.

Придерживая надо мной дождевик, Стефан проводил меня до двери в дом, а сам отправился к себе в коттедж. Маша, увидев меня, громко и фальшиво запричитала:

– Ой, Маленькая, опростоволосилась я сегодня! Никак у меня жаркое не приготовится, ты уж прости меня!

Вместе с благодарностью к ней я почувствовала и вину – я вынудила её сделать выбор между мною и Серёжей и занять чью-то сторону. Я подошла и прижалась головой к её мягкому плечу.

– Спасибо, Маша.

Она сморщила нос.

– Пахнешь ты, Маленькая, будто с конём обнималась.

– Так и есть! – Я тихонько засмеялась. – Только не с конём, а с Красавицей. Она меня в тесные объятия заключила, всю голову губами ощупала. Пойду отмываться.

Маша наклонилась ближе и, забыв про запах, зашептала:

– Сергей Михалыч тебя искал, я соврала, что ты побежала на конюшню Красавицу свою успокаивать. Василич, мол, справиться с ней не может, потому тебя позвал...

– О чём задумалась?

Вопрос Серёжи вывел меня из воспоминаний, и я ответила:

– Вспомнила нашу ссору. Ту, что случилась, когда я деток без тебя на лошадок посадила.

– Почему ты вспомнила?

– Не знаю. Вспомнилось.

– Я так и не понял тогда, почему ты меня простила. Я был так ошеломлён неожиданностью прощения и так рад, что и разбираться не стал.

Примирение стало неожиданным и для меня.

Наступила суббота, и на этот раз Серёжа остался дома и сам занимался с детьми выездкой. Перед занятием он уточнил, учились ли детки падать? Я ответила:

– Нет. Стефан сказал, что учить их падать рано. В этом возрасте дети ещё плохо управляют своим телом.

Серёжа кивнул, и они начали работать.

Я смотрела и всё более и более восхищалась мужем. Сергей радовался успехам детей с такой же детской радостью, что и они, и огорчался так же глубоко, как огорчались дет-

ки, когда что-то не получалось. И при этом он оставался инструктором. Как это у него выходило, я не знаю, он будто раздваивался – одной частью себя он управлял процессом, другой – превращался в Катю, и сам скакал на Кармен. И ещё одна особенность восхитила меня – со Стефаном дети были сосредоточенны и серьёзны, а с отцом раскованы и веселы, они быстрее и легче обучались!

Третья особенность помимо восхищения вызвала у меня вопрос. Катя то и дело падала с пони на маты при занятиях со Стефаном и ни разу не упала, занимаясь с Серёжей.

– Как тебе удаётся каждый раз поймать и удержать Катю в седле? – спросила я.

– Я опережаю время, – спокойно ответил Серёжа.

– Что?! – Я рассмеялась ответу, как шутке.

Серёжа поддержал соскакивающего с Мустанга Максима, объявил:

– Максим, Катя, перерыв. – И повернулся ко мне. – Есть люди, которые все время не успевают и бегут за временем. Есть те, кто шагает со временем вровень. А есть мыслители, что опережают время. А раз так, стало быть, сознание не подчиняется законам течения времени, а точнее, сознание существует вне времени, и только мы в силу нашего миропонимания ограничиваем его.

– Согласна. Но время неотъемлемый атрибут пространства и подчиняется ему. И если сознание вне времени, то, значит, и вне пространства? Выходит, мы ограничиваем со-

знание не только рамками времени, но и рамками пространства?

Серёжа кивнул.

– Маленькая, я...

– Подожди, Серёжа! – Я потрясла головой. – Уму непостижимо. Безбрежность бытия не ограничена пространством, в бытии не существует и времени... и, следовательно, сознание растворено в бытии?! Или... бытие и есть сознание? Получается, правы те, кто утверждает, что каждой своей мыслью, в каждую секунду, каждый из нас участвует в сотворении Вселенной... Господи! – Я вновь потрясла головой. – Нет, это я потом обдумаю... вернёмся к нашей теме – как ты опережаешь время?

– Я предположил, раз человек может опережать время мыслью, значит, возможно и физическое опережение времени, по крайней мере, на малом отрезке, где время линейно. Помнишь, ты говорила, что мышечная активность начинается на мгновение раньше, чем обнаруживается электрохимический импульс в мозге?

– Да. Приказ мозга осуществить движение запаздывает по отношению к началу движения. Это было обнаружено экспериментальным путём и служит доказательством, косвенным, конечно, наличия такого феномена, как сознание.

– А ещё, помнишь, перед конкурсом в Карловых Варах мы пошли в тренажёрный зал отеля, и ты училась падать на случай, если Лукаш тебя уронит? Я тебя ронял, и мне же надо

было успеть подстраховать тебя до того, как ты коснёшься пола. Мне это удавалось. Сознание жёстко фиксировало конечный результат, и время каким-то образом растягивалось.

– Хочешь сказать, ты на практике доказал, что время величина субъективная?! – Я опять рассмеялась. – С ума сойти!

– Возможно. – Он равнодушно пожал плечами. – Если судить по примерам из жизни, то это не я доказал. Скорость течения времени у каждого своя – при равных условиях, один изнашивается быстрее, другой медленнее, один успевает больше, другой меньше.

Я смотрела в его глаза, в них одна за другой загорались искорки. Ласковым шёпотом он позвал:

– Маленькая...

Мой взмах руками совпал с движением его рук, принимающих меня в объятия, наши губы встретились. Мы целовались, целовались, как безумные, помня, что рядом детки...

– А потом ещё и сама попросила прощения, – поддержал мои воспоминания Серёжа.

– Просила. Я поняла, чего лишила тебя своим поспешным решением. Я лишила тебя первого восторга твоих детей. Первый, он потому бесценный, что уже никогда не повторится.

– Маленькая, я был взбешён не по этой причине. Если бы ты сама посадила деток на пони, то и ссоры бы не было. Сте-

фан. Всегда и везде Стефан! – со злостью процедил он. – Он скоро во всём меня заменит!

– Но обвинил ты меня в излишней самостоятельности!

– Дети были рядом. Не мог же я при них тебя Стефаном попрекать! – Он сделал паузу, беря себя в руки, и уже спокойнее продолжал: – Наши дети не капризны и не требовательны. Они умеют терпеливо ждать. Я благодарен, что ты воспитала их такими. Но на тот момент мне было бы, наверное, легче, если бы они требовали и упрекали. Катя каждый вечер встречала со словами: «Папочка, ты устал? Дай я тебя пожалею!», а Макс держал за руку так, будто стремился своими детскими силёнками поддержать меня. Я жил в постоянном чувстве вины перед ними и ничего не мог изменить, всё моё время поглощала стройка. Помнишь? В доме как раз отделка началась, любая мелочь требовала внимания. А тут ещё и дело не двигается... Приеду, работа кипит. В бригаде мастера хорошие. Подрядчик проверенный, чьими услугами я пользовался не раз. А законченного ничего нет.

После нашей ссоры, я поехал в дом, пива взял, решил с мужиками по душам поговорить. Бригада была собрана из приезжих, и ночевали они там же в коттедже. Среди мастеров дед был, они его так и называли – Дед. За пивом он мне рассказал о причине простоев, о воровстве материалов, сам провёл по дому, показал, где они нахалтурили, потому что прораб требовал экономить материалы. Сказал, что время тянут специально, потому что другого заказа пока нет. Если

быстро сделают, без крыши над головой останутся.

Утром я поехал в офис подрядчика. Прораба выгнали, а бригаду по моей просьбе оставили. Оставил я их и не пожалел, Дед оказался человеком слова. – Серёжа взглянул на меня. – Хорошо они нам дом отделали?

Я кивнула.

– И в дом мы въехали с началом осени, как я и хотел. – Он усмехнулся. – С сегодняшнего дня посмотреть, так выходит, ссора помогла дом достроить.

– Почему ты не рассказал мне о трудностях?

– Зачем? Маленькая, я не справился с элементарным выбором между главным и срочным. Главное в моей жизни – ты и дети, именно на главное я не нашёл времени. Ты решила вопрос сама и правильно сделала! А потом я не справился с ревностью. И сначала даже не понял, что натворил. Уладил дела, ехал домой и мечтал окунуться в твой аромат, косы твои распустить и зарыться в них лицом. Получил и аромат, и тело, но без тебя...

– Я знаю, ты сердился, думал, что я тебя наказываю. А со мной что-то случилось – желание не рождалось.

– Да, я был зол. Чувствовал себя насильником и ещё больше злился. Голову сломал, придумывая, как исправить случившееся. Замаливать вину подарками – бессмысленно, знаю, этим ещё больше оттолкну тебя, а другого ничего в голову не приходило. Помнишь, я попросил прощения? Ты улыбнулась и растрепала мне волосы, точно так, как ты треп-

лешь волосы Павлу. Я испугался... испугался до омерзительной липкости ладоней, подумал: «Это навсегда». – Обгоняя очередную машину, Серёжа вдруг рассмеялся. – Знаешь, что давало мне надежду? Ты спала, уткнувшись носом мне подмышку. Даже если засыпала, отвернувшись от меня, во сне неизменно возвращалась под мою руку. И я решил просто ждать. Ты была заботливой и внимательной – с улыбкой встречала, с улыбкой провожала. Только глазки смотрели на мир устало, и смех твой я слышал только тогда, когда ты была одна с детьми. За ту неделю я понял, что, благодаря тебе, в нашем доме жил дух счастья. Ты говорила: «Мужчина строит материальный мир, женщина наполняет конструкцию содержанием», а я не понимал смысла утверждения. Понял, когда затих твой смех. Потому что затих твой смех, и затих весь дом. Из твоих глаз ушла радость, и из дома радость ушла. Я так торопился выстроить нам новый дом, что второпях разрушил счастье.

– Серёжа, я только сейчас поняла – я привыкла, что ты всегда знаешь, что и когда нужно делать, я слишком привыкла полагаться на тебя.

– Так и должно, Маленькая!

– Нет. Надо вместе. Особенно, когда трудно. Я думала, это ты не умеешь жить одной жизнью на двоих, но выходит, этого не умею я. Я и вопросы с домочадцами предпочитаю решать самостоятельно, якобы с тем, чтобы не обременять тебя. И вот результат – успешно решая семейные проблемы,

я столь же успешно разрушаю наши отношения.

Мы только свернули с дороги, а ворота уже поползли вбок, открывая проезд. Фары высветили Пашу, стоявшего у двери в сторожку и псов с обеих сторон от него.

Серёжа приостановил машину и опустил окно с моей стороны.

– Добрый вечер, Паша, – поздоровалась я.

– Привет, Маленькая! Хорошо отдохнула? – Он наклонился к окну и взглянул на Серёжу. – Всё в порядке?

Мы дружно кивнули.

– Дома тоже всё в порядке.

– Благодарю, Паша. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Машина тронулась, псы пристроились по бокам, повизгивая и заглядывая в окна, и, чтобы побереечь их, Серёжа ехал медленно – в нашей новой усадьбе от въезда до дома было далеко.

В гостиной, полулёжа в кресле, читал Стефан.

– Добрый вечер, Стефан. Ждёшь?

– Машу отправил спать, обещал, что дождусь вас.

– Спасибо. Ты нас ждёшь, Даша – тебя.

Он криво усмехнулся, закрыл книгу и поднялся из кресла. Я подошла и, встав на носочки, потянулась к его щеке. Он наклонился.

– Доброй ночи, Стефан. – Я поцеловала его и побежала на второй этаж в спальни детей.

Отношения Стефана и Даши совсем испортились. Стефан до ночи оставался в доме или в своей мастерской. Маша нашептала, что он давно не посещает супружескую спальню, на что Даша, ничуть не стесняясь дочери, вслух грозитя завести любовника.

– Ты бы поговорила с Дашкой, Маленькая. Девчонку-то жалко, любит Анька Стефана, плачет тайком. А мамаше всё нипочём, будто и не замечает зарёванных глаз дочки.

«А я уже не знаю, как с Дашей говорить. Даша и разводиться не хочет, и жить со Стефаном мирно не может».

Ступая на носочках, я склонилась над тахтой Максима, и его руки ласково обвилились вокруг меня.

– Мама.

– Не спишь, милый?

– Я почувствовал тебя, когда ты дверь открыла, и проснулся.

Он подвинулся, давая мне место рядом с собой.

– Как день прошёл, сынок?

– Что случилось в нашем поместье-королевстве? – Я почувствовала, что он улыбнулся. И тотчас вздохнул. – Плохо... я не справился.

Макс умолк, я поцеловала его в горячую щёку, ожидая продолжения. Обняв за плечи, он потянул меня к себе, и на ухо повинился:

– Я не знал, как себя вести. Даша сегодня осмеяла Катю. Катька расхвасталась, что ты разрешила ей не убирать в ком-

нате. Даша вначале осмеяла её ленивицей и неженкой, потому что у папы денег много, а потом рассердилась почему-то, сказала... обозвала Катю... неряхой, она сказала другое слово, грубое... я растерялся, не защитил Катю.

– А дед где был?

– Дед уже в кабинет ушёл. Мы со стола убрали после обеда. Никого не было, мы втроём и ещё Аня была.

– Катя расстроилась?

– Да. Глаза сузила и ничего Даше не сказала. Но я чувствовал, что ей хотелось заплакать. Мама, что я должен был сделать?

– Думаю, ничего, сынок. Спи, милый. Завтра поговорим. – Я поцеловала его в лоб. – Доброй ночи, родной.

– Доброй ночи, мама.

В комнате Кати был включён ночник – соляная лампа. Катя не боялась темноты, ночник она включала для меня.

– Мамочка, ночник, чтобы ты не искала меня в темноте. Ты, когда поцелуешь меня, выключай его, – объяснила она после первой же своей ночи в отдельной спальне.

Катя спала на животе, положив головку набок и разметав руки и ноги по своей большой кровати. Плюшевый медведь громоздился кверху попой на краю, по-видимому, сброшенный во сне хозяйкой с кровати, застрял на полпути к полу.

Я наклонилась, поцеловала румяную щёчку дочки.

– Доброй ночи, Катюша. Прости, маленькая, что не была

рядом, когда тебя обижали.

Катины ресницы дрогнули, она прошептала:

– Мамочка.

– Спи, Котёнок. Сладких снов.

Легко коснувшись губами волос Кати, я выключила ночник и вышла из комнаты.

Серёжа уже был в кровати – опираясь спиной на подушки, просматривал сообщения в смартфоне.

– Серёжа, я в душ.

– Иди ко мне.

Я остановилась в нерешительности, он положил телефон на тумбочку и повторил:

– Иди ко мне, Девочка.

Помедлив, я стянула через голову подаренный свитерок, подняв руки, начала расстёгивать пуговички на спинке платья.

– Иди, я помогу.

Я отрицательно покачала головой, сняла платье так же, как и свитер, через голову, не отрываясь взглядом от его глаз, сняла трусики. Огладила себя ладошками по бокам.

– Ты сказал, что не видишь меня в спальне. Смотри. – Я обеими руками собрала волосы, придержала на макушке, освободив от их завесы плечи, грудь, спину. Покачивая бёдрами, медленно повернулась вокруг своей оси. – Хочешь, я потанцую для тебя?

– Иди сюда! – В третий раз повторил он. В его охрипшем голосе прозвучали повелительные нотки.

Я уронила руки, волосы рассыпались по плечам; под взглядом его, ставших тёмными, глаз, я подошла к кровати. Коснувшись моей шеи, он медленно повёл руку вниз к паху, большим пальцем погладил возвышенность лобка, и у меня перехватило дыхание.

– Забирайся.

После, догоняя друг друга в спиральном вихре огненной лавы, мы смеялись с детской беззаботностью, на краткий миг освободившись от желаний и обязательств и чувствуя только любовь.

– Ты сегодня целенаправленно соблазняешь, – произнёс Сергей, наблюдая за тем, как я расчёсываю волосы после душа.

Бросив расчёску на туалетный стол, я посмотрела на него в зеркало и, ведя пальцем по окружности соска, лениво отозвалась:

– Тебе не нравится?

– Я плохо контролирую себя и боюсь оказаться неосторожным. – Сергей потянулся к прикроватной тумбочке, выдвинул ящик, пошарил в нём рукой и протянул мне на ладони какой-то предмет. – Взгляни.

Я поднялась и подошла к кровати. На его ладони лежала монета, согнутая под прямым углом. Он зажал её между

пальцев и разогнул, на месте изгиба осталась неровная полоса, затем, перпендикулярно этой полосе, Серёжа вновь согнул монету.

– Я случайно обнаружил.

Я села на кровать и тоном строгого педагога произнесла:

– Очень хорошо, что обнаружил. – Сделав многозначительную паузу, продолжала: – Теперь мы без куска хлеба не останемся, в случае чего... – Я рванулась прочь, и не успела. Пойманная за талию, пропищала: – в случае чего... будешь в цирке... выступать.

После недолгой возни он вернул меня на кровать и сковал объятиями. Целуя ухо, горячо прошептал:

– С ума схожу! Маленькая, ты не понимаешь, как ты соблазнительна!

Я уклонилась от поцелуев, заглянула ему в глаза и спросила:

– Было в твоей жизни так, чтобы ты нанёс себе вред, не рассчитав усилие?

Сергей задумался и ослабил руки. Я высвободилась.

– Точно так, как ты не можешь ненароком ударить сам себя или ненароком сломать сам себе кость, точно так, ты не можешь нанести вред моему телу. Какая бы страсть тобой не владела, внутри есть ограничитель усилия. Этот подсознательный механизм работает всегда, когда ты имеешь дело с хрупким предметом или живым существом. Я не умею объяснить, но чем больше сила человека, тем более надёжно ра-

ботаает подсознательный механизм контроля, и дублировать его контролем со стороны сознания не имеет смысла, а, может быть, и вредно. Люди, которые боятся ненароком раздавить в руках хрупкую фарфоровую чашку, как правило, её роняют. – Я поцеловала его в подбородок. – Серёжка, как ты не понимаешь, в моей голове живёт прямая корреляция – я тем более желанна, чем менее ты способен контролировать себя! – Я помолчала, изготавливаясь к прыжку и, взглянув на него из-под ресниц, спросила: – Возьмёшь меня в ассистентки? – Взвизгнула, уклоняясь от захапистых рук и... опять не успела.

День второй

Даша пришла в спальню, как и положено, перед завтраком. Сергей уже ушёл, торопясь до отъезда из дома встретиться с детьми.

– Маленькая, доброе... – Даша запнулась, увидев, что я и одета, и причёсана. – Ты уже сама справилась?

Завязывая поясok платья, и не взглянув на неё, я холодно ответила:

– Сама справилась, Даша.

– Ааа. – Она помолчала, растерянно топчась у двери, не проходя ни вглубь спальни, ни ко мне в гардеробную. – Ну, я тогда пойду?

– Нет, не пойдёшь.

Повернувшись к ней спиной, я достала туфли с полки. Надеда, оглядела себя в зеркало, и только потом подошла к ней. «Неужели всегда за безупречной красотой прячутся злость, жадность, глупость? – вопрошала я про себя, изучая её лицо. – Бывает ли, чтобы столь совершенная внешность совмещалась с умом и ангельским характером?»

Я вздохнула, стрельнув глазом из-под ресниц, Даша затаилась.

– То, что я сейчас скажу, я больше повторять не буду, – начала я, – поэтому будет лучше, если ты усвоишь сказанное с первого раза.

Дашин взгляд метнулся ко мне и испуганно застыл. И я продолжала:

– Если ты ещё раз позволишь себе излить свою зависть и злость на моих детей, я тебя выгоню. Выгоню, как бешеную собаку. Ты поняла, Даша?

Она отступила назад к двери и кивнула.

– Надеюсь, тебе достанет ума извиниться перед Катей?

Она опять кивнула.

– И поблагодари моих детей за сдержанность, ни тот, ни другой ничего не сказали деду.

Дашины глаза округлились, видимо, мысль о том, какой будет реакция Андрэ в ответ на её заявления в адрес Кати, посетила её только сейчас.

– И ещё, Даша, – чувствуя брезгливость, я не стала этого скрывать, – что ты, как гулящая девка, размахиваешь угро-

зой завести себе любовника? Приличные замужние дамы даже мысли такой не допускают, а если и допускают, то молчат об этом.

Лицо Даши стало пунцовым, низко опустив голову, она сдавленно прошептала:

– Стефан не спит со мной.

– Вывесив флаг доступности, ты полагаешь привлечь мужа в спальню?

По её щекам, догоняя одна другую, побежали частые слёзы. Я опять вздохнула. Даша всегда была скорой на слёзы.

– Проходи, Даша, садись.

Будто только и ждала приглашения, Даша устремила к диванчику, села, притиснув друг к дружке округлые коленки, и спрятала лицо в ладонях. «Слёзы бывают разные, – подумала я. – Слёзы от физической боли льются сами по себе и приносят облегчение. Бывают слёзы раскаяния – плач, рвущий душу и больше напоминающий вой. Бывают слёзы обиды, когда поправное самомнение жалеет себя. А ещё слёзы злости, когда не удаётся получить то, что хочется. Но есть слёзы-ложь, манипуляция, излюбленный инструмент женщины, чтобы надавить на чувство вины и вызвать жалость». Я отвернулась от Даши и подошла к окну, выжидая, когда она наплачется. У конюшни резвилась Кармен – взбрыкнув, она подбросила зад в воздух. Стефан что-то сказал ей, ведя в поводу оседланного Мустанга. Кармен подбежала к Мустангу и ещё раз взбрыкнула. Я улыбнулась, оглянулась и пере-

хватила взгляд Даши. Застигнутая врасплох, она тотчас потупилась и, заминая подол платья в кулачок, попросила:

– Маленькая, научи, как вернуть Стефана.

– Я не могу, Даша.

– Почему? – вспухла она тотчас губками – красивый синеглазый ребёнок, сломавший куклу и искренне ожидающий, что по его желанию игрушка станет прежней.

Я безразлично пожала плечами.

– Я не знаю почему, Даша. Вопрос не ко мне. Я много раз говорила тебе об ошибках в отношениях со Стефаном, ты меня не слышала.

– Ты можешь помочь! Поговори со Стефаном, Маленькая. Стефан мой муж!

– Да, Даша, к несчастью для Стефана, Стефан твой муж. И его семейная жизнь – это ежедневная морось высказанного, полувывысказанного или невысказанного, но молча демонстрируемого, недовольства. Ржавчина недовольства давно съела краски с ваших отношений, сделав их слякотно серыми.

– Неправда, я люблю Стефана! – Дашины щёки опять обзавелись ручейками слёз.

Я покачала головой.

– Не лги, Даша, ты никогда не любила, не любишь и сейчас. Ты хочешь управлять. Ты требуешь, чтобы Стефан был таким, каким ты хочешь его видеть. Скажи, какое отношение к любви имеют твои требования и желания?

Даша заплакала в голос, как маленькая девочка, размазы-

вая кулачками слёзы и потёкшую тушь по щекам. «Дитя, не знавшее любви, став взрослым, не сумеет любить. А в Даше и места для любви нет, в Даше обильным цветом цветут жадность и зависть».

Её слёзы иссякли не сразу, на этот раз искренние, они оставили свой след на её лице в виде припухших и покрасневших глаз, напоминали всхлипываниями, уже сухими, но глубокими, сотрясавшими красивые плечи Даши.

– Иди умойся, – велела я.

Скрывшись в ванной, Даша долго плескалась и сморкалась; наконец, перекрывая шум воды, крикнула:

– Маленькая, чем лицо промокнуть?

– В шкафчике махровые салфетки.

Выйдя наружу, она смущённо улыбнулась и спросила:

– Красивая?

– Красивая, Даша! Всё равно красивая! Самая красивая в семье!

Даша вновь жалобно попросила:

– Помоги мне, Маленькая.

– Даша, я не могу. Ты просишь невозможного. Я не могу тебя переделать. Если любишь, сама найдёшь способ вернуть Стефана.

– Не отказывайся, Маленькая! Ты говори, в чём я не права, ругай меня. Когда ругаешь, я лучше понимаю.

Я усмехнулась.

– Хорошую же роль ты мне уготовила! Ты полагаешь, мне

нравится тебя ругать? Ты завтракала?

Она кивнула.

– А я нет. Пошла я, Даша! Дети меня заждались и Серёжа.

Я выбежала из спальни и припустила бегом по коридору, а на лестнице влетела в раскрытые объятия Серёжи.

– Дождался! – обрадовалась я. – Не уехал! О, Серёжа, спасибо!

– За тобой иду, – сердито буркнул он.

– Прости. Я с Дашей задержалась, плачет. Поцелуй меня.

Он покрыл моё лицо сдержанными, летающими поцелуями и спросил:

– Проводишь?

Не открывая глаз, я отрицательно покачала головой.

– Ещё поцелуй. Мало.

Долгий страстный поцелуй вызвал желание. Серёжа хрипло сказал:

– Девочка, хватит. – Прижимая к себе за плечи, целуя то в висок, то в лоб, он увлёк меня вниз по лестнице.

Дети примолкли за столом и, боясь помешать, отвели от нас взгляды. Я помахала им рукой.

– С добрым утром! Я папу провожу и вернусь!

Целуясь на ходу, мы вышли на террасу. Псы навязчиво напоминали о себе, кружили, с каждым кругом сужая радиус, и всё плотнее липли к ногам. Я засмеялась. Серёжа тоже. Лорд, отвечая на его смех, поднялся на задние лапы, норовя передними утвердиться на его плечи. Закрывая меня от пса,

Серёжа оттолкнул его:

– Нельзя, Лорд.

– Удачи, Серёжа! Пусть дела твои свершаются легко. Люблю тебя.

Серёжа ещё раз поцеловал меня быстрым поцелуем и убежал по ступенькам к машине.

Запустив пальцы в загривки псов, я смотрела, как машина тронулась, пёсики взглянули на меня, я убрала руки, но они за машиной не побежали. Старенькие мои пёсики.

Детки и граф уже позавтракали и не расходились, ожидая меня. Ждала и недовольная моим опозданием Маша. Пока я здоровалась с детьми, она, собрав руки под грудь, помалкивала, потом, когда я села и придвинула к себе тарелку, постояла за моей спиной некоторое время и, так и не решившись выразить недовольство, удалилась на кухню.

Андрэ остался составить мне компанию, а дети, захватив свою посуду, понесли её на кухню. Я слушала, как они благодарят Машу за завтрак, а Маша нараспев отвечает:

– На здоровье, Катя, внученька моя золотая! На здоровье, Максим, сыночек!

– Не знаешь, – спросила я у графа, – почему у Маши и Василича Катя – внученька, а Максим – сыночек?

Андрэ рассмеялся.

– А я, детка, признаться, и не замечал разницы, – он покачал головой, прислушиваясь к разговору на кухне. Искоса

посмотрел на меня и предположил: – Может быть, доченька для них ты? Знаешь, детка, тебе, на самом деле, удалось создать нечто вроде семьи в своём доме. Совершенно чужие по крови и разные по интеллекту люди действительно воспринимают себя членами одной семьи.

– Мы с тобой тоже чужие по крови. – Я с удовольствием откусила от оладушка, смазанного клубничным джемом, и замычала: – Ммм... обалдеть, как вкусно... прости, Андрей, другого слова не нашла... ммм...

Андрэ помолчал, с улыбкой наблюдая за мной, и сказал:

– Детка, ты – моя мечта, свою любовь я мог выразить только, как отец.

– Мне не нравится твоё настроение, Андрей. Хандришь?

– Чуть-чуть. Без тебя дом замирает.

Заканчивая завтрак, я спросила:

– Пойдёшь посмотреть на работу деток на манеже? – и, получив согласие, с обречённым видом добавила: – Нуу, тогда встретимся на скамье у манежа, а я пока пойду получать нагоняй от Маши.

Усмехнувшись, Андрэ, напутствуя, похлопал меня по руке.

Маша чистила овощи, стоя у раковины боком к входу.

– Машенька, благодарю, завтрак очень вкусный!

Маша не повернулась ко мне и не ответила. Я обняла её и виновато прижалась лбом к плечу.

– Оладушки неудачные, – проворчала она. – Тесто плохо

подходило. Закваску Катерина не подкормила вовремя, может, потому.

– Не знаю, что там у тебя не подходило, оладушки – объедение! Я три штуки съела. И заметь, это после омлета.

– Правда?! – обрадовалась Маша и развернулась ко мне со счастливым лицом. – Зря я переживаю?

Я кивнула. Маша вспомнила, что она мной недовольна, и счастье на её лице померкло.

– Не умасливай, сержусь я на тебя.

– Вижу.

– Что видишь-то? Детки соскучились по матери, сутки тебя не видели. Сергей Михалычу уже уезжать надо, он ждёт, когда жена его проводить соизволит, а она разговоры с Дашкой ни о чём разговаривает. Тебе кто дороже-то? Чего молчишь?

Я вздохнула.

– А что ответить? Ответить нечего. Права ты.

– Сама знаю, что права! – Она сердито от меня отвернулась.

Я посмотрела через окно кухни на спины, удаляющихся от дома Андрэ и детей – направляясь к манежу, они шли по дорожке, сопровождаемые, уже перебежавшими на другую сторону дома, собаками.

– Иди, не вздыхай, – смилостивилась Маша, – сама со стола уберу, сейчас и Катерина явится. Она сегодня дома стирку затеяла, убежала бельё развешивать. Марфу в гости ждёт.

Я поцеловала Машу и бросилась догонять деток.

Играя с отцом в баскетбол, Макс уже давно научился правильно группироваться при падении. Сегодня правильно падать предстояло учиться Кате.

– С добрым утром, Стефан! – крикнула я, подбегая к манежу.

Катя усаживалась в седло, Стефан помогал ей, придерживая Кармен. Оглянувшись, он, как всегда, ощупал моё лицо внимательным взглядом, и только потом наклонил голову в приветствии. Взяв поводья, Катя по-взрослому кивнула:

– Благодарю, Стефан, – и направила лошадку по кругу манежа.

– Детка, Котик прекрасная наездница, – похвалил Андрэ, – смотри, как спинку держит!

Я попятилась, ориентируясь на его голос и стараясь посмотреть на детей критичным, оценивающим взглядом. И Катя, и Макс вполне уверенно управляли своими лошадками.

«Думаю, экзамен отцу детки сдадут. Макс прекрасно чувствует лошадь. – Наблюдая за сыном, я почувствовала гордость. – Так на лошади держится только один человек – Его Высочество! Растёт мой сын. А на Мустанге он, и в самом деле, выглядит комично».

– Детка, не упади, – остерёг меня Андрэ, – ты уже дошла до скамьи.

Засмеявшись, я оглянулась и села, привалившись к плечу графа.

– Катька хороша, но играет на публику. Видишь? Держит себя несколько картинно.

– В Кате рождается женщина. – Андрэ высвободил руку, к которой я привалилась, и обнял меня. – Наш Котик делает первые попытки в искусстве очаровывать.

– Ей мальчики из класса названивают. Одного зовут Ростислав. Я случайно на экране смартфона подглядела.

– Пстой! Ведь мальчики из класса намного старше её.

– Ну, ненамного. Мальчикам по двенадцать.

– Она с тобой делится?

Я покачала головой. Ни Катя, ни Макс не обсуждали со мной своих отношений со школьными товарищами.

– Молчит.

Успокаивая, Андрэ похлопал меня по руке, и я сменила тему разговора.

– Серёжа сказал, в пятницу лошади приедут.

– Для детей? Не рано?

– Ну, Максиму уж точно не рано, вот-вот ногами по земле чертить будет.

Я провела пальцем по выпуклым жилкам на руке Андрэ, кожа рук была чистой, никаких старческих пятен. Длинные аристократические пальцы, с удлинённой розовой, отполированной Дашей до блеска, ногтевой пластинкой, ласково переплелись с моими пальцами. Неожиданно для себя са-

мой, я сказала то, что давно обдумывала про себя, но не решалась высказать вслух:

– Андрей, мужчина не должен быть одиноким... не должен лишать себя женской ласки.

Я физически ощутила состояние ступора, в которое ввергла графа своим в высшей степени бестактным заявлением. Терзаясь его длительным молчанием, я уже собралась просить прощения, как он спросил:

– Ты хочешь спровадить меня с глаз долой?

Теперь уже я испытала шок. Возмущившись нелепостью его предположения, я резко выпрямилась и развернулась к нему всем телом.

– Что ты такое говоришь, Андрей? Куда спровадить? Почему? Ты грустишь, а я хочу, чтобы ты был счастлив! Женщины заглядываются на тебя, а ты наглухо захлопнул дверь в личные отношения.

Глядя мудрыми добрыми глазами, он улыбнулся мягкой, чуть ироничной улыбкой.

– Я стар, детка.

– Стар тот, кто считает себя старым!

– Оставим это. Иди ко мне. – Он вновь привлек меня к себе. – Восхитительная моя красавица!

Расслабленно опершись затылком на его плечо, я вновь обратила взгляд на манеж.

Катя на полном скаку свалилась с Кармен на расстеленные с обеих сторон беговой дорожки маты.

– Катя, ты поздно начинаешь группироваться, – отчитывал её Стефан, – ты падаешь, как рыхлый кусок пирога, а надо, как мячик, упруго, чтобы от матов отскакивать, понимаешь?

Катя не отвечала, украдкой размазывая по щекам слёзы, вновь забиралась на Кармен, вновь разгоняла её, на полном скаку направляла лошадку на дорожку между матами и вновь падала. Её картинность испарилась, позабыв о зрителях, она сердилась на саму себя, падая с каждым разом всё более неуклюже.

– Так и до увечья недалеко, – проворчала я, решительно направляясь к манежу, и, похлопав в ладоши над головой, объявила: – Перерыв.

Катя раздражённо крикнула:

– Мама, не мешай! – Разгоняя Кармен, она заходила на новый круг.

Ширины юбки мне хватало, и я решила на трюк – дождалась, когда Кармен приблизилась, разбежалась и запрыгнула на пони позади седла; обхватила одной рукой Катю, другой аккуратно натянула поводья поверх её ручки. Кармен пробежала несколько шагов и послушно остановилась.

– Перерыв, Котёнок. Лошадка устала.

Катя всхлипнула, долго сдерживаемые слёзы рекой полились по разгоревшимся щекам. Я спрыгнула с пони и похлопала лошадку по шее.

– Хорошая лошадка, умница! Пойдём обсудим ошибки,

Катя.

Катя вяло сползла с седла и поплелась за мной. Я выбрала для беседы скамейку под яблоней.

Молодая яблонька на радость Василичу отцвела рясно, веточки её, усыпанные завязью, клонились к земле, создавая укромный полог. Поднырнув под ветви, я присела на скамью.

– Иди сюда.

Катя неожиданно забралась ко мне на колени, как делала когда-то маленькой.

– Сегодня не твой день? – спросила я.

Глядя на растопыренные перед собой пальчики, Катя кивнула и смахнула со щеки слезинку.

– Урок номер один: никогда не старайся овладеть трудным делом без куража. Есть кураж – есть обучение, нет куража – делай то, что умеешь.

– А если куража вообще нет?

– Значит, нет мотивации, чтобы овладеть мастерством в данном деле. Поменяй дело. Значит, верховая езда – это не твоё.

– При чём тут верховая езда? – Зелёные, омытые слезами и ставшие пронзительно изумрудными глаза, взглянули на меня с обидой. – Зачем мне уметь падать, если я хорошо держусь на лошади?

Я промолчала, ответ и так был очевиден. Катя вздохнула и вновь опустила глаза.

– Урок номер два: никогда не позёрствуй. Человек при-

влекает внимание всегда, когда увлечён делом. Человек, ставящий целью чужое восхищение, неинтересен никому.

Раздумывая над моими словами, Катя привалилась плечом к моей груди, я обняла её и склонила лицо в аромат её волос. Волосы у Катюшки Серёжины – густые и тяжёлые.

– Дальше что? – спросила она.

– Урок номер три состоит из двух частей: первая – учишься доверяться своему телу, не сомневайся, а знай, что тело знает, как справиться с поставленной задачей. Вторая часть – учишься слышать тело, оно мудрое, если тело говорит «нет» – не настаивай, а займись его подготовкой, и рано или поздно ты получишь «да».

– Я не поняла, мама.

– Представь себя мячиком – ты кругленький, упругий мячик.

Катя закрыла глаза и сосредоточилась.

– Представила?

Она кивнула.

– Теперь попрыгай на матах, коснулась мата – отскочила, коснулась – отскочила. Поверь, твоё тело может скакать, как мячик.

Катя непроизвольно подтянула к себе коленки и через несколько секунд улыбнулась.

– А теперь представь, как Катя-мячик падает с Кармен и отскакивает от мата.

Катя открыла полные слёз глаза.

– Я себя вижу куском Машиного пирога, шмякнувшегося на мат.

«А вот это урок для взрослых – нельзя! Нельзя! И ещё раз, нельзя создавать негативный образ! Потому что мозг цепляется именно за негативные образы!»

– Давай сотрём кусок пирога из памяти или волшебным образом переделаем его в мячик.

– Как?

– Как, как? Как получится! Как на картине закрась фоном, или пересобери на уровне молекул, или с помощью рук скатай из рыхлого пирога тугий шарик. Как-нибудь, Катя! Сама придумай свой способ стирать негативные программы из сознания. А ещё лучше, научись не пропускать их туда, установи мелкое сито или шлагбаум.

Катька, забыв про неудачи, засмеялась и заискрилась глазами.

– А ты как стираешь?

– Не скажу! Мой способ – это мой способ, а у тебя должен быть свой! Скажу только, что у меня есть всемогущий меч любви.

– Любовь не может быть мечом.

– Возможно, но мне кажется, любовь это и есть меч, исцеляющий и дарующий.

– А как ты плохой образ не пропускаешь?

– Прогоняю! «Пошёл вон, болван!», – кричу. Эту фразу я в одной умной книжке вычитала давным-давно. Я негатив-

ный образ воспринимаю, как шута в такой рогатой шапке с колокольчиками, знаешь?

Катя кивнула, немного подумала и задала следующий вопрос:

– А я смогу на ходу на Кармен запрыгивать?

– Конечно, но вначале надо научиться сотрудничать со своим телом. Только потом можно учиться соразмерять свои движения с движениями другого живого существа. Почему, не надо объяснять?

Она качнула головой.

– Нет. Это для безопасности, чтобы не навредить ни себе, ни другому.

– Разумница моя! – Я поцеловала её. – Запомни, детка, человек пребывает в гордыне от наличия у себя сознания. Человек уверен, что это он управляет телом и не желает знать, что большую часть жизни тело управляет им самим. Вместо того чтобы уважительно взаимодействовать с телом, человек предпочитает бездумно использовать его. И проигрывает. Ну что, пойдёшь трудиться или на сегодня удовольствием ограничишься?

Она опять задумалась и, спускаясь с моих колен, объявила:

– Попробую ещё раз. Постой на матах, я на внешнюю сторону буду падать.

– Катя, ты боишься?

– Нет, мама! Просто с тобой всё лучше получается. С па-

пой было бы ещё лучше, но его нет!

Катка решительно, не наклоняясь, прошла сквозь ветви яблоньки, я только ахнула: «Господи, помилуй! Хорошо, что Василич не видит!»

Первое падение вышло неудачным, я помогла Кате подняться. Потирая коленку, она сообщила:

– Мама, я, кажется, поняла, где я запаздываю. Я тянусь грудью к ногам, а надо, наоборот, ноги к груди подтягивать.

– Катя, хватит! – Хмурый Стефан подошёл и взял под уздцы Кармен. – Ты устала, завтра продолжим.

– Я ещё раз! – Катя умоляюще взглянула на него, – ну, пожалуйста, Стефан.

– Катя, ты позволишь, я подстрахую тебя? – вмешалась я.

– Да, мамочка! – Катя вставила ножку в стремя и взлетела в седло.

Стефан укоризненно посмотрел на меня, я улыбнулась самой невинной улыбкой, какая нашлась у меня в арсенале, и он отдал поводья Кате.

На этот раз Катя сгруппировалась в воздухе, легко коснулась мата ступнями, по инерции ушла в кувырок через плечо и встала на ноги. Я тихонько рассмеялась. Ошеломлённая лёгкостью исполнения трудной задачи, Катя несколько мгновений растерянно смотрела на меня. Едва слышно я произнесла:

– Bravo, Котёнок!

Оцепенение её прошло, и она бросилась мне на шею.

– Мама, это так просто!

– Поздравляю, детка, ты услышала своё тело! Запомни это ощущение контакта.

Катя засмеялась, побежала к Стефану, он наклонился и подхватил её на руки. Обняв его за шею, она что-то пошептала ему на ухо, потом заторопилась к деду и, забравшись к тому на колени, затихла.

Максим, предоставленный самому себе на протяжении всего занятия, подъехал ко мне на Мустанге и спросил:

– Мама, ты видела ошибку Кати? – Он перекинул ногу через седло и скользнул на землю.

Я кивнула.

– Я так и думал. Почему ты не указала Кате на ошибку?

– Хотела, чтобы Катя сама обнаружила её. Ты на конюшню? Пойдём, я хочу поблагодарить Стефана.

Максим взял Мустанга в повод и направился вместе со мной к конюшне.

– Ты долго с Катей разговаривала. Какие ещё ошибки ты увидела у Кати?

– У тебя их нет, милый, ты на своём Мустанге – кентавр!

Лицо Макса вспыхнуло удовольствием.

– Правда, ноги, пребывающие заметно ниже брюха коня, несколько нарушают эстетику образа.

Мы оба рассмеялись, потом я остановилась и, заглянув ему в глаза, сказала:

– Сынка, я горжусь! Ты прекрасный наездник!

– Мне приятно, мама. Спасибо.

Я засмотрелась, на радужке Макса вспыхивали одна за другой золотые искорки, точно такие, как у Серёжи. Я прошептала:

– Люблю тебя, сынок!

Катя так ничего и не сказала о вчерашних нападках Даши. Уходя на кухню, спросила:

– Мама, ты придёшь помогать? Мы с Машей решили бисквит печь.

– Нет, детка, меня розы ждут, уже неделю не могут дождаться, сорняком зарастают.

– А на Пепле сегодня будешь заниматься?

Я пожала плечами.

– Надеюсь! Но пока розы в порядок не приведу, никаких плясок!

– И даже «Встреча трёх» отменяется?

– Ты хочешь ещё денёк отдохнуть?

– Неет! – Катя засмеялась. – У меня сегодня и музыка, и живопись.

– Ты с Максом объединилась?

– Нет, мама!

– А как ты совместишь?

– Увидишь! – Довольная интригой, Катя убежала.

А я, прихватив перчатки, отправилась на розовые клумбы. Граф решил поддержать меня в трудах своим присут-

ствием и, развалившись на дорожке рядом с цветником, умильно поглядывал на меня, подложив под морду лапу.

Розы обильно набили бутоны, но цвести пока не начали. Отложив тяпочку, я, где возможно, присаживалась на корточки, пальцами выуживая молоденькие сорняки, нахально тесно растущие рядом со стволиками роз. Перчатки постоянно цеплялись за шипы, мало защищая от укулов и замедляя работу, и я их сняла.

«Как Катька собирается рассказывать о полотнах и их авторе, показывать эти самые полотна и музицировать одновременно?»

Катя огромными объёмами поглощала информацию об изобразительном искусстве, о художниках, о картинах, о времени, в котором жили первые, и обрели жизнь вторые. Каким-то неведомым способом она воспринимала живопись в переплетении с музыкой. В возрасте семи лет Катя заявила: «Мамочка, я, когда играю на скрипке, я вижу картины. Они сами появляются, я не заставляю их вспоминаться. А когда я смотрю на картину в галерее, у меня в голове музыка сама начинает играть».

Художественную литературу Катька не читала, она со вниманием слушала Андрэ, когда тот декламировал стихи, будучи маленькой, любила слушать Серёжу, читавшего ей и Максу вслух, но сама тотчас откладывала книгу в сторону, обнаружив, что та не содержит информации о живописи.

– Зачем читать мысли давно умерших людей, мама? – спо-

рила она. – Надо самой думать.

– Катюша, начинать развитие лучше с высокого старта, чем с нуля. Читая чужие мысли, ты присваиваешь их себе или отвергаешь, тем самым учишься задаваться вопросами, думаешь и анализируешь. Литература так же, как живопись и музыка – культурное наследие цивилизации. Чтобы стать частью цивилизации, необходимо впитать в себя культуру цивилизации. По-другому, никак.

– Мама, где время брать? Я начинаю учить итальянский язык.

– Вот и славно! Учи. И читай итальянскую классику. Читай Петрарку, Джованьоли, современного Умберто Эко, читай в подлиннике и быстрее выучишь язык; выучишь язык – лучше поймёшь итальянскую живопись. Язык – культурный код народа. А где ты найдёшь народный язык, как не в художественных произведениях.

– А у нас эти книги есть?

– В интернет-магазине есть. Закажи, будет и у нас!

Я улыбнулась. Этот разговор произошёл месяц назад. Последнюю неделю Катя трудится над «Божественной комедией» Данте.

Я боялась невообразимого смешения – одновременно с родным языком детки учили французский, английский, немецкий языки, Стефан говорил с ними по-арабски. Языки, занятия музыкой и изобразительным искусством, Каткин взрослый, глубокий интерес к искусству, «всеядность»

Макса, который интересовался историей, астрономией, анатомией и бог знает, чем ещё. Я боялась огромных объёмов поглощаемой детками информации, боялась перегрузки детской психики. Боялась до тех пор, пока Макс в шесть лет не попросил Серёжу разговаривать с ним по-турецки. Свободного владения пятью языками мальчику показалось мало, в дополнение он решил овладеть тюркской группой языков.

Вместе с интеллектуальным развитием, с раннего возраста я привлекаю детей к труду. Для всех домочадцев установлено правило: если ребёнок хочет помочь, отказывать ему нельзя!

Им было по три с половиной года, когда я привела их в оранжерею «на работу». Предварительно мы разговаривали и о таинственной силе жизни, заложенной в семенах, и о чуде пробуждения семени, о маленьких и нежных ростках и превращении их в большие растения. Дети хотели стать участниками чуда. Поскольку они никогда не видели, чтобы Серёжа занимался «сельхозработой», Макс поинтересовался:

– А папа умеет садить растения?

– Сажать.

– Сажать умеет?

– Папа умеет всё, милый, а чего не умеет, тому быстро учится.

И мой ответ, по-видимому, разрешил остаточные сомнения Макса. А у Кати сомнений и вовсе не было, Катя хотела вырастить сад.

С выбором растений помог определиться Василич. С тем же Василичем детки распланировали свои маленькие огороды. Всего несколько недель спустя исполненная счастьем и одновременно озабоченная Катя прибежала в манеж.

– Мамочка, подожди! – Не дожидаясь, пока я спрыгну с Пепла, она кинулась прямо под его копыта. – Мама, смотри!

Катя раскрыла ладошки, демонстрируя своё сокровище. На каждой ладошке лежал молоденький огурчик с ещё не засохшим цветочком на кончике. Любой из них был больше её ладошки.

– Твой первый урожай, Катя, поздравляю! – Я опустилась перед нею на коленки. – Какие чудесные – ровненькие, крепенькие!

– Мамочка, что с ними делать?

Перед Катюшкой встала задача огромной важности – разделить свой первый и небогатый урожай между любимыми людьми.

– Съешь.

– Я одна?

– А ты хочешь с кем-то поделиться?

Она кивнула, с сомнением глядя на своё сокровище.

– Они маленькие, на всех не хватит.

– Катюша, ты можешь угощать постепенно, сегодня одного, завтра другого. Огурчики ведь каждый день будут подрастать. Но первый плод ты должна съесть сама.

– Почему?

– Потому что благодаря тебе спящее семя стало ростком, а затем выросло в крепкое растение. Кустик-огурчик знает именно тебя, и именно тебе его дар.

Катя ещё некоторое время размышляла и, вздохнув, объявила решение:

– Один огурчик я с тобой разделю, а вторым угощу папу и Макса. Завтра я угощу деду и Стефана, потом Василича, потом Машу...

Макс разрешил вопрос урожая рационально – снятые со своего кустика огурчики бросил в общую корзину с огурцами.

Сейчас у детей нет «своих» отдельных кустиков огурцов или томатов, они помогают Василичу в оранжерее или на огороде открытого грунта, Катя ходит в курятник собирать яйца, Макс помогает на «ферме» и на конюшне. Катя помогает Маше на кухне, ей нравится готовить, она уже сейчас умеет испечь пирог или торт, да, пока под бдительным оком Маши, но Катьке только девять. Макс учится плотничать, учится у Стефана резьбе по дереву.

Заканчивала борьбу с сорняками я на круглой клумбе перед домом. Я перемещалась по кругу, следом за мной перемещался и Граф, чем ближе к краю клумбы находилась я, тем ближе подползал ко мне пёс. Засмеявшись, я потрепала его за ухо. Пёс приподнялся и успел лизнуть меня в лицо.

– Ну-ну, мальчик! У нас с тобой ещё дел много, нежничать

после будем. Нам ещё древесную мульчу рассыпать надо.

Я отправилась в сарай, выстроенный в виде теремка, выкатила садовую тачку, вынесла один мешок с мульчей и услышала сердитый окрик сына:

– Мама, подожди!

Я бросила мешок в тачку и, прикрыв рукой глаза от солнца, наблюдала за приближением Максима. Он не бежал, он широко шагал, и двигался в точности так, как двигается его отец, когда спешит. Волосы, подхваченные кожаным шнурком, опрятно обрамляли лицо и только длинные, ниже плеч, концы их взлетали над плечами. Долговязый и пока нескладный Макс принёс с собой волну воздуха.

– Как чувствовал! – проворчал он. – Почему не позвала? – Догрузил ещё несколько мешков, взялся за ручки тачки и спросил: – Куда? – Я показала направление рукой. – Зачем ты сама поднимаешь мешки?

– Макс, они же не тяжёлые.

Он со вздохом закатил глаза, и я засмеялась.

– Твой папа так же закатывает глаза, когда не может добиться понимания.

Максим взглянул на меня сердито, но за сердитым выражением лица не смог скрыть, что сравнение с отцом ему приятно.

Вдвоём, мы быстро справились с работой. Макс рассыпал мульчу, я разравнивала. Граф не покинул нас, но теперь держался подальше, опасаясь попасть под ноги стремительно

двигающегося Максима.

Я собирала в тачку садовые инструменты, когда Маша вышла на террасу и позвала:

– Маленькая, обедать пора!

– Да, Маша, уже закончили! – Я сняла перчатки и тоже бросила их в тачку. – Спасибо, сынка, я и не надеялась кончить до обеда.

– Папа приехал, – глядя мне за спину, сообщил он.

Я повернулась вслед за его взглядом, увидела выходящего из машины Серёжу и бросилась навстречу.

– Серёжка!

Он подхватил меня и крепко прижал к себе.

– Соскучилась, Девочка! Огородница моя чумазая, лоб и тот в земле!

– Где? – Я тыльной стороной руки начала тереть лоб. – Да это, неверное, когда волосы со лба убирала.

Туго стянутые в косу, сверху повязанные косынкой, волосы все равно выбились из-под косынки и лезли в глаза.

– Опять руки поранила? – обхватив запястье, Серёжа осмотрел мою руку со всех сторон.

– Опять, – согласилась я, стараясь высвободить руку. – Даша опять ругаться будет!

Серёжа лизнул засохшую ранку.

– Серёжка! Грязные же! Пусти! В душ побегу! Маша к обеду уже пригласила. – Чмокнув его в подбородок, я припустила к дому.

А из дома встречать отца бежала Катя.

Даша искренне не понимала моего стремления заниматься домашними делами. Надоедливо и без усталости, каждый раз, когда делала мне маникюр, Даша ворчала:

– Зачем ты руки себе портишь? То на кухне вместо кухарки, то в саду возишься! У тебя слуги для грязной работы есть.

– У меня нет слуг, Даша!

– Ну не слуги... какая разница, как назвать? Не умеешь ты богатством мужа пользоваться! Вот я бы...

Мечты Даши слушать было скучно – рестораны, магазины, приёмы... ах, да! ещё драгоценности! Даша хотела блистать.

– Даша, всё, о чём ты мечтаешь – мишура. Ну восхитишь ты людей дизайнерским туалетом, а ещё что?

Даша обиделась:

– Не понимаю, я тебя, Маленькая, почему мишура? Все богатые так живут! Ты же тоже не в стоке одеваешься?

Даша так же искренне не понимала и моего желания научить деток труду, воспринимая его, как продолжение сумасбродства. Не скрывая насмешки, рассуждала:

– Маленькая, а зачем детям богатых родителей уметь мыть посуду или за порядком следить? Мальчику это вообще ни к чему, а Катька твоя не за нищетою же замуж выйдет? Да если и найдёт такого, Сергей Михалыч не оставит дочку в

нищите. Родители должны детям образование хорошее дать – музыкальное там и... научное. Хорошим манерам ребёнка научить.

– Даша, я хочу, чтобы мои дети знали реальную жизнь, хочу, чтобы они знали, откуда берётся яйцо, и как растёт картошка. Я хочу воспитать их умелыми людьми, хочу, чтобы они уважали труд и уважали людей труда.

Даша рассмеялась:

– Зачем знать, как растёт картошка, если картошка всегда в магазине есть? А чтобы людей уважать, так не обязательно самому в навозе копаться.

У красивой и ласковой Анюты с манерами было всё в порядке, а вот с образованием не задалось.

Обучая Катю и Макса языкам, ни Андрэ, ни Серёжа не делали исключения для Анюты, но Даша оградила дочку: «Успеется! В школу пойдёт, выучит!»

В школе английский язык Анюта учила неважно, на троечку. На что у Даши опять нашёлся ответ: «Понадобится, Анюта и сама язык выучит, а не понадобится, так и время не потеряла!»

По поводу музыкального образования Дашин вердикт прозвучал так: «Ой, Маленькая, я посмотрела – эти, которые за нотами сидят, и сутулые, и слепые, я не буду ребёнка калечить!»

А потом и черёд «научного» образования наступил:

«Зачем девочку заставлять, девочку баловать надо!»

Анюта у меня красавица, пусть те, кто некрасивые, учёно-стью хвалятся. Да и мужчины слишком умных не любят!»

Несмотря на то, что Серёжа позаботился о пони для маленькой Анюты, Даша после первого же падения девочки, наложила запрет и на занятия выездкой.

Анюта упала на маты, ушибла коленку и плечо. Девочка испугалась, но даже не заплакала и после падения вновь села на Скромницу, а на следующий день не явилась на манеж. На мои вопросы: «Что случилось?» и «Где Анюта?», Стефан не ответил, а только криво усмехнулся. Позже я обнаружила Анюту за кустом розы, подсматривающей за галопом Кати на Кармен. Увидев меня, Анюта убежала.

Вечером, после ужина я спросила у Даши:

– Почему Анюта не пришла заниматься? Случилось что?

– Не будет она, Маленькая, заниматься, – лениво отозвалась Даша и, прикрыв рот ладошкой, зевнула. – Ох, что-то не выспалась я ночью, надо сегодня пораньше лечь. Стефан мог бы и получше за собственной дочерью следить! А так... не позволю я уродовать ребёнка. Да и не обязательно это, в седле скакать, я Анюту лучше на танцы отдам. И красиво, и фигуру улучшает.

Слышавшая наш разговор, Маша возмутилась – и руку в бок упёрла, и глазами сверкнула, но высказалась потом, когда Даши поблизости не было:

– Пока ты ждала Сергей Михалыча, чтобы деток на лошадок посадить, Дашка Стефана запилила, каждое утро спра-

шивала, когда он с Анютой начнёт заниматься. Он объясняет, как, мол, Макс и Катя себя чувствовать будут, если Аня начнёт заниматься, а они нет? А Дашка, дрянь... – Маша подняла голос, – не останавливай меня! Десять раз тебе повторю: Дашка – дрянь! Неблагодарная дрянь! Так Дашка, как закричит: «Ну и что? Тебе-то что за печаль, что будут Макс и Катя чувствовать? Ты о своей дочери думай!» А щас, вишь, и не надо стало! На танцы она отдаст! Тьфу!

До танцев у Даши с Анютой дело тоже пока не дошло.

Сегодня «Встреча трёх» имела расширенный формат – к большой радости деток на встречу пришёл, вернувшийся домой раньше обычного, Серёжа. Пришёл, довольно часто посещающий встречи, граф. Пришёл Стефан и привёл Анюту, что он в последнее время стал делать довольно регулярно, так регулярно, что я уже подумывала, как бы вовлечь девочку в качестве докладчика.

Проходили встречи в некогда игровой комнате, превращённой теперь в домашний лекторий, оборудованный большой интерактивной панелью, компьютерами, проектором, стереоколонками; несколькими простыми досками; расставленными поперёк комнаты и вдоль стен, диванами и креслами. Двери на встречу были открыты для всех желающих, а название «Встреча трёх» говорило лишь о количестве постоянных участников.

Тематика встреч была самой разной. Иногда мы обсуж-

дали какую-нибудь книгу или смотрели, а потом обсуждали фильм, иногда дискутировали на злободневную тему, типа: «А на самом ли деле углекислый газ угрожает человечеству, И угрожает ли он планете?»»

Сегодня в качестве докладчика выступала Катя.

Взволнованно-сосредоточенная, оттого не улыбочивая, Катя обежала глазами присутствующих, включила панель и вывела на экран портрет величайшего представителя итальянского барокко, гения света и тени, драчуна и убийцу Микеланджело Меризи, прозванного Караваджо.

– Карава... – начала она, и голос её сорвался, Катя покраснела, закашлялась...

Переживая за дочь, Серёжа нашёл мою ладошку и потянул к губам.

Катя начала снова:

– Караваджо основоположник двух жанров – бытового жанра и жанра натюрморта.

На экране, разделив его напополам, возникли две картины.

– С самого начала творческого пути художник заявил о себе, как о разрушителе устоявшихся канонов. Вы видите первые его работы – это тот самый жанр повседневности, основоположником которого, как я уже сказала, Караваджо является – это сценки из уличной жизни – картины «Шулера» и «Гадалка»...

Дверь приоткрылась и в проём, стараясь остаться незаме-

ченной, проскользнула Даша; зачем-то пригибаясь, как в кинотеатре, она на цыпочках прошла к креслу за моей спиной.

– Я не буду описывать картины, вы и сами всё видите, – продолжала Катя, – в полотнах нет нравоучения, они солнечны, лица персонажей приятны, среди них нет злодеев. Мы понимаем, что художник изобразил вполне заурядную жизнь в городке того времени.

Второе изобретение Караваджо – натюрморт. Автор пишет изображаемые объекты без прикрас, с беспощадной натуралистичностью – сочные спелые плоды тронуты тленом, листья подвяли, другие повреждены болезнями...

Катя подтверждала сказанное, касаясь панели рукой и увеличивая изображение; проговаривала сложные слова без запинки и уверенно. Щёчки её, загоревшиеся в начале доклада от смущения, продолжали алеть румянцем, но не смущения, а, скорее, возбуждения; как и глаза, которые лучились, освещая всё лицо.

«Красивая... – любовалась я, – Катька вырастет в очень красивую женщину...»

– Недоброжелатели называли Караваджо певцом гнилых фруктов.

Катя вновь сменила картинку на панели.

– Ооо, эту картину я изучил до мельчайших подробностей, – шутливо проворчал Серёжа. – В первое твоё посещение Эрмитажа, мы простояли перед ней часа два.

Катя рассмеялась.

– Это говорит о том, что у меня с младенчества недурной вкус, папа! Сам автор считал, что это лучшая его работа! – Она вернула себе серьёзность и продолжала: – «Лютнист» – картина-монолог, каждый предмет, изображённый на полотне – это символ. Например, этот сосуд, – Катя указала на узкогорлый кувшин с цветами, – символизирует сосуд истины Бога, ирис символизирует явление Христа, роза – символ страстей и крови Иисуса, а груша – символ мягкости и любви Бога. Язык символов был распространён во времена художника. Караваджо точно передаёт эффект взаимного влияния, освещённых лучом света предметов друг на друга, смотрите, отблеск с белой рубашки юноши падает на его щеку, а на блестящую поверхность лютни отображаются записи со страницы нотной тетради. – Катя увеличила зеркальное изображение нот на лютне. – Ноты легко читаются – это мадригал «Вы знаете, что я люблю вас». Я хотела, но... не могу исполнить мадригал – это четырёхголосная вокальная музыка. Я включу запись лютневой интабуляции мадригала. – Катя нажала на кнопку пульта, и в комнате раздались переборы лютни. – Слушайте, так звучит «Лютнист» Караваджо.

Мелодия исполнялась неровно и, скорее, портила впечатление от картины, чем усиливала его. К счастью, запись была короткой, и как только мелодия кончилась, Катя продолжала:

– Обратимся к монументальному искусству Караваджо. В качестве сюжетов для картин, он, как и все художники того

времени, использует библейские сюжеты. Но и здесь Караваджо нарушает каноны – он совмещает несовместимое, церковную живопись и бытовой реализм. Его апостолы – обычные люди, грешные в своей земной жизни.

«Мученичество святого Матфея»...

Мы видим убийство человека с отображением всей палитры чувств людей, присутствующих при убийстве – гнев, желание убежать из этого пространства, любопытство и ужас, растерянность и оцепенение. На лице жертвы страх смерти. Ещё мы видим печаль. Печаль, наблюдающего за происходящим и обладающего личным опытом убийства, самого Караваджо. Вот здесь, в глубине картины, автор изобразил себя...

И только пальмовая ветвь, подаваемая ангелом с небес, указывает на то, что перед нами библейский сюжет – убийство не обычного человека, а апостола.

Следующее полотно – «Усекновение главы Иоанна Крестителя»...

Выводя полотно на экран, Катя делала продолжительную паузу, позволяя нам охватить картину взглядом; потом рассказывала о сюжете и персонажах, увеличивая на экране отдельные фрагменты; потом вновь умолкала, давая возможность по-новому, в свете её пояснений рассмотреть полотно.

– Эта работа художника не содержит и намёка на небеса. Только свет, свет истины Христа, пронзающий тьму и лёгким касанием освящающий каждого из персонажей, говорит о присутствии Бога и в этой сцене.

«Положение во гроб» – картина-реквием по богочеловеку. Посмотрите, сколь тяжело мёртвое тело Христа, в нём нет истощённой хрупкости, как на полотнах других художников. Посмотрите, сколь невыносимо горе каждой из трёх женщин. А локоть Никодима, устремляясь остриём к зрителю, словно указующий перст прорывает холст.

Катя умолкла, а Серёжа в раздумье произнёс:

– Котёнок, Караваджо прекрасный постановщик – тёмный фон, композиционная расстановка персонажей, застывшие, выхваченные из тьмы световым лучом, и исполненные эмоционального напряжения лица. Всё это вовлекает зрителей в сюжет, заражая настроением происходящего и заставляя сопереживать. Художник предвосхитил зрелищную культуру нашего времени. Театральная постановочность его работ – предвестник кинематографа.

– О, папа! Да! – обрадовалась поддержке и подсказке Катя. И тотчас стала серьёзной, подобралась, даже отгородилась от нас будто... и решительно коснулась экрана.

– А вот моя любимая картина Караваджо. – На экране появилась «Кающаяся Мария Магдалина». – Когда я в первый раз увидела картину, мне захотелось плакать, мне хотелось коснуться девушки... погладить её по склонённой головке, прижать к себе и сказать слова утешения. – Катя остановилась... решимость её пропала. Она вдруг разволновалась, голос её возвысился до опасного срыва, как было в самом начале доклада: – Я раньше встречалась с именем Магдалина,

я видела картины Тициана и Джампетрино. – Катя вывела на экран обе картины. – Картина Караваджо отличается от картин той же тематики. Я стала искать информацию – кто это Мария Магдалина?

В лектории все замерли, переживая вместе с Катей её волнение, одна Даша сопела и беспокойно ёрзала за моей спиной.

– Я нашла, – просто и тихо сказала Катя, сделала короткую паузу и, вновь взлетевшим голосом, продолжала: – Посмотрите, как изображают Магдалину Тициан или Джампетрино – томные обращённые к небу глаза, полуобнажённая прелесть соблазняющих тел, нет и намёка на раскаяние! И совершенно другая Магдалина у Караваджо – глубоко страдающая и целомудренно одетая девушка, бессильно уронившая руки на колени. Атрибуты соблазнения – украшения, брошены на пол, как символ отказа от... – боясь взглянуть на присутствующих, Катя перевела дух и закончила: – как символ отказа от ремесла.

Обстановка в лектории разрядилась – слушатели вслед за докладчиком вздохнули с облегчением.

– Я не буду рассказывать о других картинах художника. Их много. Основные отличительные черты творчества Караваджо, мне кажется, я показала. Караваджо создал новое направление в живописи – непостижимый и скандальный для тех лет реализм. Останки художника захоронили только в 2014 году, и вместо венка на гроб возложили корзину

с фруктами.

Катя взяла в руки скрипку, и в лектории полились удивительно красивые звуки «Адажио» Альбини. Сопровождаемые музыкой, на экране сменяли одна другую картины Караваджо. Кончив играть, Катя скрипку от плеча не отняла, а, размахивая смычком, представила:

– Я исполнила адажио соль-минор – самое известное произведение Томазо Альбини. Ряд исследователей оспаривает авторство Альбини, считая, что произведение является сочинением Ремо Джадзотто – биографа Альбини. Но, независимо от истины, произведение теперь навсегда связано с именем Альбини. Большая часть наследия композитора эпохи барокко Томазо Альбини утрачена во время бомбёжки Дрездена во Вторую мировую войну авиацией США и Англии. Сохранилось очень небольшое собрание инструментальных композиций. Я исполню Концерт для гобоя и скрипки.

А после Катя сделала нам ещё один подарок – она спела Адажио. Я слушала, затаив дыхание. Чарующий тембр голоса Кати передавал и лёгкую торжественность, и нежную печаль композиции.

– Катюша, браво! – тихо сказала я в наступившей звонкой тишине. – Детка, спасибо!

Серёжа несколько раз негромко хлопнул в ладоши.

Катя искоса посмотрела на меня и бросилась к отцу, но в последний момент неожиданно изменила направление и

упала на меня, уткнувшись горевшим лицом в мою шею. Обнимая её, я шепнула:

– Блестящее выступление, Котёнок!

– О, мама! – зашептала Катя, – я так волновалась! Тема про блудниц... я не могла не сказать... и говорить боялась.

– Катюша, тема непростая, но ты выразила своё отношение и убедительно, и вполне корректно.

– Правда? – Она высунула нос из убежища и переспросила: – Ты, правда, правду говоришь?

Я рассмеялась.

– Во время выступления твоя речь была более безупречной.

Катя заливисто засмеялась и перебралась на колени к отцу, вкушая и наслаждаясь и его похвалой.

Встреча продолжалась вопросами детей к Серёже. Макс бурлил интересом к экономике, туда же и Катя – она интересовалась узкоспецифическими закономерностями рынка искусств.

Даша, схватив за руку дочь, ушла. Стефан тоже ушёл и, покидая комнату вслед за женой и дочерью, о чём-то переглянулся с Максом. Я пересела на диван к Андрэ. Склонившись ко мне, он тотчас спросил:

– Детка, в каком возрасте Котик выяснила, кто такая Мария Магдалина?

– О, Андрей, меня больше заботит, что наш Котик знает о личной жизни самого художника.

– Мала она ещё для подобных знаний.

Я вздохнула и согласилась:

– Мала, Андрей. Ты заметил, Катя назвала украшения атрибутами соблазнения?

– Заметил.

– Когда Аняте прокололи уши, Даша поинтересовалась, будет ли Катя уши прокалывать и когда? Катька ответила: «Никогда! И вообще, увешивать себя драгоценностями пошло!»

– Ну, это со временем пройдёт.

– Думаешь? А я вот не уверена.

Серёжа рассказывал о гутенбергской эпохе в истории человечества:

– Массовое производство печатных продуктов позволило увеличить скорость передачи информации, качество образования, стимулировало развитие науки и искусства. Один пример, имеющий косвенное отношение к докладу Кати – массовое напечатание индульгенций повлекло за собой лавинообразное скопление капитала в лоне католической церкви, что в свою очередь стимулировало строительство храмов, а, следовательно, и развитие разных форм искусства – архитектуры, живописи, скульптуры. Вот вам эпоха Возрождения.

– Да, папа, я знаю, постройка одного только Собора святого Петра требовала огромных денег, для этого священники увеличили продажу индульгенций. А сейчас печатный продукт заменили на электронный?

– Сейчас, Котёнок, эпоха Gutenberga завершается, а эпоха цифры начинается, и мы живём в обеих эпохах – используем и печатные продукты, и цифровые.

– Папа, а твоё... твой бизнес может перейти на цифровую платформу?

– Конечно, сынка!

– В России? А безопасность? В России хранилища... облачные технологии отсутствуют...

– В России, – произнёс Серёжа с нажимом, – наше развитие именно в России, Макс. У России прекрасный потенциал в области суперкомпьютерных вычислений, есть разработки, опережающие запад...

Отец и сын продолжительно долго смотрели в глаза друг друга, по-видимому, договаривая несказанное вслух.

– Я понял, папа, я понял. Надо быстрее учиться, скорее кончить школу.

– Макс, ты определился, какое образование хочешь получить? – спросил граф.

– Конечно, деда! Сначала, как папа, экономическое. Я только ещё ВУЗ не выбрал, наша Вышка меня не привлекает. Параллельно хочу получить юридическое. А потом медицинское, как Стефан. Потому и времени нет, потому и надо быстрее школу кончить!

– Если мы и дальше через классы прыгать будем, то школу в двенадцать лет кончим, – заявила Катя.

– В тринадцать, сестрёнка. Последние два класса прыгать

не получится.

– Котик, и ты тоже профессию выбрала?

Катя рассмеялась.

– Нее, деда, профессия выбрала меня! Таланта у меня нет, а писать декорации я не хочу. Буду старателем, деда, буду искать то, чего у меня нет – таланты, новые имена, новые шедевры. Объединю бизнес и служение искусству!

Макс торопливо вытащил из кармана телефон и взглянул на экран.

– Ты ждёшь звонка? – недовольно спросил Андрэ. Он считал, что общение с телефоном допустимо только в одиночестве.

– Да! Стефан должен позвонить. Сегодня Марта рождает.

Андрэ удивлённо переспросил:

– Марта? ... Корова?

– Да. Василич разрешил присутствовать при родах.

– Деда, ты почему испугался? – вновь рассмеялась Катя. – Я тоже пойду! Мы подготовились – ролики просмотрели, как телёнок идёт через родовые пути.

– Не только ролики, я ещё и несколько статей прочёл о возможных патологиях, – сообщил Макс.

Андрэ впал в ступор и долго не мог ничего сказать, наконец, перевёл изумлённый взгляд на меня. Посмеиваясь, я развела руками.

День третий

– Анна, где Антонина Дмитриевна?

– Мама? – Анна оглянулась вокруг себя. – Не знаю, только что здесь была. Может Татьяну повела в спальню?

– Татьяну отвела я.

Воспалённые от недосыпа и слёз глаза Анны смотрели растерянно. Чёрная гипюровая косынка сползла с её непокорных волос на затылок, она хотела её поправить, потянула, та совсем сползла с головы. Анна удивлённо посмотрела на косынку, потом подняла взгляд на меня. И думала, и действовала Анна в замедленном темпе.

– Лида, я не знаю, где мама.

– Где комната Глеба?

– Так Татьяна же...

– Я имею в виду комнату, в которой Глеб жил до того, как женился.

– Ааа... рядом со спальней мамы и папы.

– Где это, Аня?

Анна объяснила мне, как добраться до комнаты Глеба. Я кивнула Серёже, чтобы не терял меня, и спешно, почти бегом, отправилась на поиски Антонины.

С того момента, как мы приехали, Антонина Дмитриевна не проронила ни единой слезинки по сыну и не произнесла ни одного слова.

Муж, стоя у разверстой могилы сына, клонился головой к её плечу, безостановочно причитая:

– Тонюшка, как же, как же теперь жить, Тонюшка? Глеба-то теперь у нас нет. Тонюшка, как же жить?

Антонина Дмитриевна прямая, как палка, с устремлёнными на гроб глазами не реагировала. Чтобы привлечь к себе внимание, Олесь Михеевич дергал её за руку, но так и не добился результата. Потянувшись к Серёже, я прошептала:

– Серёжа, отвлеки Олеся от жены.

Сергей вклинился между Олесем Михеевичем и Татьяной и крепко взял мужчину за плечо.

– Ааа, Сергей Михалыч! Вишь, вот как! Сыночка мы с Тонюшкой хороним. – Он отпустил руку жены и повернул к Серёже мокрое от слёз лицо. – Нету у нас теперь сыночка, ушёл от нас Глебушка.

Голова его упала Серёже на грудь, он тоненько, жалобно заскулил: «Ииии...» Терзая слух окружающих, звук томительно долго лился из его глотки. Наконец, Олесь Михеевич судорожно вздохнул, звук прервался, и беззвучные рыдания всколыхнули его грузное тело.

Антонина Дмитриевна, прощаясь с сыном навсегда, низко склонилась над его телом; подслеповато щурясь, медленно ощупывала взглядом его лицо; касаясь кончиками пальцев холодных черт, ласкала сыночка в последний раз.

Могильщики подошли с крышкой гроба в руках, она взглянула, загородилась ладонью, останавливая их, потом

одумалась, поцеловала сына, выпрямилась и отступила. Сухо блестящими глазами наблюдала, как заколачивают гроб, как опускают Глеба в могилу, как сыпят землю и нагребают холмик. Как только установили крест, она повернулась к могиле спиной и пошла домой.

Единственный, нужный ей человек покинул её, больше она ни в ком не нуждалась.

Добравшись до комнаты, я потянула дверь на себя, дверь легко и бесшумно открылась.

Уронив руки на колени, Антонина Дмитриевна сидела на стуле против кровати сына. Я нарочито хлопнула дверью, привлекая её внимание, баба Тоня осталась безучастной.

Я огляделась. Над письменным столом с плаката смотрел Дмитрий Хворостовский, рядышком в самодельной рамке вдвое меньший, похоже, взятый с разворота журнала «Огонёк» советского периода, висел портрет Муслима Магомаева.

– У Глеба хороший вкус. Я тоже люблю Магомаева, особенно «Синюю вечность» в его исполнении. Когда он поёт: «О, море, море, преданным скалам...», у меня мурашки по коже бегут от широты, полноты его голоса. А Глеб какую песню больше любит?

– Глеб? – Антонина Дмитриевна повернулась ко мне. – Глеб уже никакие песни не любит. Отлюбился Глеб.

Отлюбился. Это же слово произнесла и мама перед самой смертью. Я, как когда-то Настю, уговаривала её поестъ:

– Мама, лапшу Маша сама сделала, сегодня раскатывала и сушила. Василич курочку молоденькую заколол. Всё, как ты любишь – бульон, лапша и укроп, ничего больше. Слышишь, какой аромат?

– Не хочу я, Лида.

– Маленькая, на-ко, возьми, – прошептала Маша от двери, подавая помидоры на тарелке. – Я помыла.

– Мама, помидорку будешь?

Мама не ответила.

– Анна Петровна, это не тепличные. Маленькая на грядку бегала, там уж пожухло всё, да красные-то можно ещё найти, так она и жёлтые для вас разыскала. Любите же вы.

– Ничего я уже не люблю. Отлюбилась.

Умирала она тихо и в полном одиночестве. Ни на кого не смотрела, ни с кем не прощалась. Огладила себя руками, будто оправляясь, голову пощупала, коснулась лица, потом руки упали на кровать по бокам от тела, и пальцы заскребли по пледу. Так я и запомнила её смерть – бледные, узловатые пальцы скребут легчайший верблюжий плед. Мама мёрзла, но ничего тяжёлого на себе не выносила. Моих рук тоже не хотела, сбрасывала.

Я обошла Антонину Дмитриевну, подошла к кровати Глеба, села в изножье, оказавшись напротив женщины.

– Почему же не любит? Как любил, так и любит. Человек – это не тело. Тело – всего лишь одежда для Души человеческой, надетая на одну жизнь.

Она поморщилась, то ли оттого, что я посмела сесть на кровать её сына, то ли мои слова ей не понравились, то ли сам факт моего присутствия её раздражал.

– Умер Глеб. Как ты говоришь, тело – одежда? Так вот, бросил одежду Глеб и ушёл, видать, надоел ему наряд калекки. Меня вот тоже бросил, не подумал, чем мне жить без него.

Я вспомнила слова Таты, которыми она объяснила себе внезапную смерть мужа, и повторила их бабе Тоне:

– Нужда в нём большая на том свете, потому и поторопился уйти твой Глеб. Не стопори его путь, не должна ты ему дорогу преграждать своими обидой и горем. У него там дела, а ты здесь нужна.

– Кому? Зачем?

– Ты нужна мужу, ты для него и земля, и крылья.

– Где они, крылья-то его? По земле ходить не умеет – ползает больше. Не люблю и не любила никогда! Ради Глебушки с ним жизнь прожила.

Я охнула в голос – её неожиданная откровенность всё объяснила, но, рвущийся изо рта, гневный поток: «Муж ползает?! Вот потому и сын твой ходил с трудом, как урок тебе для наглядности! Отрицая мужа, отрицаешь в сыне мужское! Мужнее!», – удержала в себе. Устало подумала: «К чему сей-

час? Теперь уж поздно».

– Нерождённым сыновьям Глеба ты нужна! Глеб ушёл, себя в сыновьях своих тебе оставил. Двух вместо себя одного! Растут они в утробе матери, а отца уже нет рядом. Как сыновья отца узнают, если ты не расскажешь им о нём?

Её лицо исказилось гневом.

– Что ты понимаешь?! Соплячка! Что мне его сыновья?! Его нет!!! *Моего* сына нет!

Она закинула голову назад, страшно раззявив рот в беззвучном вопле, и начала раскачиваться из стороны в сторону. Мышцы шеи, лица судорожно напряглись, не позволяя челюстям сомкнуться. В отсутствии дыхания кожа её приобрела сероватый оттенок. Я подлетела, встряхнула ригидное тело, наконец, она шумно, через рот, втянула в себя воздух. Вместе с воздухом в глотке родился звук, протяжно, на одной ноте, она завывала о своей невыносимой потере. Я обняла её голову обеими руками, прижала к груди, раскачиваясь вместе с ней. Звериный бессловесный вой её постепенно переходил в плач:

– Ушëëëл... ушëл мой мальчик... ни взглянуууть... ни обняять. Как жить... как без нееего...

Это были её первые слёзы по сыну.

С того утра, как Татьяна обнаружила рядом с собой мёртвого Глеба, прошло три дня. Все три дня Антонина Дмитриевна не ела, не пила, ни с кем не разговаривала.

Прибежав на крик снохи, она обхватила за плечи остывающее тело сына и стала упрямо трясти его, умоляя встать и не пугать её; осознав случившееся, начала ругаться, хлеща сына по щекам, надеясь угрозами заставить его вернуться. Её оттащили от тела, вытолкали из комнаты и заперли в спальне одну, и она замолчала. Потом, когда Глеба обрядили в последний путь, к ней вошёл врач, сделал какой-то укол, и её выпустили из заточения.

Плакать Антонина Дмитриевна перестала внезапно – затихла, подняла голову; я разжала руки, и она отодвинулась. Я отошла и села на прежнее место. Не глядя на меня, она сняла траурный платок с головы, принялась заправлять выбившиеся пряди волос в пучок, хриплым, сорванным воем голосом запоздало ответила:

– «Нежность» он любил, – бегло взглянув на меня, поправилась, – любит. В детстве мечтал стать артистом, и чтобы обязательно известным. – На губах её промелькнула улыбка. – Включит песню на магнитофоне или, когда по телевизору концерт какой идёт, встанет, в ручонку какой-нибудь предмет возьмёт, любой, хоть огурец, хоть тюбик крема мого для рук, это навроде микрофон у него, и поёт. А у самого ни слуху, ни голосу нет. – Она перестала улыбаться, умолкла, уставившись в пространство. Словно увидев всё, что нужно в прошлом, вернулась в реальность. – Олесь ему настоящий микрофон купил, а Глебушка и петь перестал. Даже караоке

не пел никогда.

Она вновь повязала на голову платок и усмехнулась.

– Спасибо. Осталась со мной, не испугалась и не обиделась.

– Расскажи, какой он, Глебушка твой.

– Тебе зачем? Не знала же ты его.

– Хочу отдать дань памяти твоему сыну. А память – это, когда живым помнят, не мёртвого поминают, как у нас принято: «Умер, не пожил, оставил», а рассказывают о самом человеке, о том, что он любит и не любит, смешные случаи из его жизни вспоминают, трогательные, грустные, всякие.

– Ишь, ты! Так, значит, надо помнить о человеке?

Незаметно для самой себя, Антонина Дмитриевна увлеклась рассказом, иногда печалась, иногда смеялась детским проделкам сына, потом вдруг перешла к брачному выбору взрослого Глеба.

– Она без роду, без племени, сама своих родителей не знает. А вдруг болезни какие наследственные? Я знаю как с больным ребёнком трудно, никому не пожелаю, не то, что сыну родному. Да и сама она мне не понравилась. Девушка, придя в дом избранника, должна стесняться, скромной быть, я эта глазами посверкивает и беспрестанно хохочет. Сиськи напоказ выставила, вырез у платышка аж вот так, до сосков самых. Грудь-то ты её видела? И так издалека видать, так ещё и голая почти. Олесь мой не знал, чем глаза занять, а они, всё одно, на сиськи невестушки пялятся. – Она укоризнен-

но покачала головой. – А знаешь, что мне Глебушка сказал? «Хочешь, чтобы я дома жил, прими мой выбор». Вот так. – Улыбаясь, она развела руками, а я рассмеялась.

– Чего смеёшься? Вот подрастёт сынок и скажет тебе так же. Что делать будешь?

– Приму. Глеб меня восхищает, молодец.

Она легко согласилась:

– Молодец. Татьяна хозяйкой хорошей сделалась. Не сразу, конечно. Поначалу-то ничего не умела. Сейчас ем её стряпню и думаю про себя: «Вот и училась у меня, а готовит вкуснее моего». А ты откуда знаешь, что близнецы-мальчики у неё? Мне она не говорила.

Я пожала плечами.

– Знаю. Мальчики. Здоровые.

Она недоверчиво уставилась на меня.

– Что, видишь, что ли?

– Иногда вижу.

– А что ещё видишь?

– Отца Игната надо найти. Сын должен знать своего отца.

– Так где же его найдёшь? Нюрка к морю с подружкой поехала, оттуда с Игнатом в брюхе вернулась. Может, у неё под юбкой и не один мужик побывал.

– Зачем ты так, баба Тоня, дочь ведь Анна тебе?! Ребёнок не бывает греховным. Игнат – опора твоя, и дело деда подхватит и вас всех на своих плечах вытянет. Это счастье, такого внука иметь.

– Счастье-то оно счастье, да и позора мы с Олесем полной чашей из-за него хлебнули. Ну да дело прошлое, не к чему ворошить. Пойдём, детка, Олесь, поди, чужие жилетки следами оmyвает, надоел уж всем.

Я покачала головой.

– Пойдёшь, когда силы восстановишь. Ложись, поспи пару часов.

– Да не усну я, только зря проваляюсь.

– А ты вспомни, как укачивала Глеба или Анну, песенку колыбельную спой, глядишь, и уснёшь.

Она не сопротивлялась, легла на кровать сына, я укрыла её покрывалом, поцеловала.

– Спи, баба Тоня, – и пошла к двери.

– Детка, я пока сплю, ты-то уже уедешь?

– Нет, баба Тоня, я буду здесь.

– А ты что, и смерть Глебушкину видела?

– Спи, баба Тоня. Это теперь не важно.

Отец Игната нашёлся сам. Может быть, в жизни его что-то изменилось, может, жизнь холостая надоела, но он приехал в зону отдыха и первым делом поговорил с Игнатом. После отправился на разговор к бабе Тоне и Олесю Михеевичу и только потом обнял Анну.

Олесь Михеевич так и не оправился после смерти сына, потерял интерес к делу, подолгу сидел, уставившись в одну точку, ни с кем не разговаривая и не вникая в чужой

разговор. Антонину Дмитриевну сердила его безучастность, она тормозила мужа, давала какое-нибудь поручение, Олесь Михеевич шёл его исполнять, но добравшись до следующей скамьи, присаживался на неё и вновь застывал в неподвижности. Родившиеся внуки, детки Глеба и Татьяны, крепкие и горластые Матюша и Митюша, остались дедом не замечены.

Антонина Дмитриевна всё так же, крепкой рукой, управляла домом. Приняв в семью зятя, рассчитывала, что тот заменит в делах ставшего бесполезным мужа. Зять надежды оправдал, оказался человеком толковым, трудолюбивым и хватким, довольно скоро возглавил дело, и Антонина Дмитриевна перестала беспокоиться за будущее семьи. Спрятав горе глубоко в себе, она позволяла себе расслабиться только тогда, когда приезжала я. Уединившись в излюбленном месте – спальне Глеба, она погружалась в прошлое и рассказывала о сыне, иногда смеясь, иногда плача скупыми и оттого едкими слезами.

Татьяна переживала и горе раннего вдовства, и радость рождения сыновей молча. Смешливость её пропала, пропал и озорной блеск в глазах. И что бы я ни делала, чтобы разговаривать её, выдернуть из молчания, ничего не выходило – Татьяна отвечала вежливо и односложно и вновь умолкала...

– Мама! Да, мама же!

Я вздрогнула и подняла взгляд от огня. Прижимая к себе охапку веток, к костру шла Катя.

– Зову-зову тебя! Там Макс поранился.

– Как поранился? Чем?

Катя бросила ветки в огонь и сморщилась, отворачиваясь от дыма.

– Катя!

– Секатором резанул себе между пальцев.

– Господи! – Я вскочила и побежала на другую сторону дома, где Василич и Максим подрезали живую изгородь.

– Мама! – Катя бросилась за мной. – Да не волнуйся так! Макс говорит, ничего страшного, говорит, и делать ничего не надо, так заживёт. Крови только много.

Зажав рану двумя пальцами, Максим ногой сгребал ветки в кучу.

– Макс, грязными руками! Как можно? Взрослый же! Покажи!

Как только Макс убрал с раны пальцы, из раны, вытолкнув уже образовавшийся сгусток, хлынула густая кровь. Максим разрезал складку кожи между большим и указательным пальцами.

– Господи!

Я сорвала с головы платок, вывернула его, сложила в несколько раз и прижала к ране. Макс виновато уговаривал:

– Мама, не плачь... ну чего ты... ничего страшного...

– Зажми. Зашивать надо, сосуд перерезал, наверное, и мышцу резанул... лишь бы не связки...

– Мама, ну не плачь... Василич за Стефаном побежал.

Снизу и сверху, поверх зажимающих рану пальцев сына, я положила свои ладони, закрыла глаза и сосредоточилась на красном месиве – любя, целуя, исцеляя...

– Мама...

– Хабиба... – Стефан тронул меня за плечо.

– Стефан... – Я открыла глаза. – Макс мышцу разрезал... там сосуд крупный. Кажется, кровь остановилась...

Стефан кивнул и повёл Максима в «больничку».

Дети называли так двухкомнатное помещение, сплошь белое и холодное, оснащённое мощными лампами, двумя кушетками, шкапами с какими-то медицинскими инструментами и препаратами. Помещение, где Стефан делал инъекции и оказывал другую, не требующую больничных условий, медицинскую помощь домочадцам. Заходить в «больничку» никому не дозволялось, кроме, как по приглашению Стефана и в присутствии Стефана.

Катя обняла меня.

– Мама...

– Всё в порядке, Котёнок. – Я похлопала её по руке.

– Мамочка, не плачь... пойдём в дом, умоемся, у тебя руки в крови.

– Ты это, Маленькая, – только теперь я увидела Василича, обращаясь ко мне, он стоял и скрёб затылок, – чего ты? Плачешь-то чего?

Я провела рукой по щеке, вытирая слёзы. Он покачал головой.

– Нуу, ещё и кровь по себе размазала. – Серdito прикрикнул: – Катя, идите умываться!

Не решаясь войти внутрь, я ждала Макса у двери в «больничку». Он вышел с забинтованной рукой.

– Мама. – Обнял меня, здоровой ладонью прижав мою голову к груди. Спросил, чуть погодя так, как спросил бы его отец: – Испугалась?

Я молча кивнула, и он виновато вздохнул.

– За что ты себя наказываешь, сынок?

– Мама...

– Подожди. – Я подняла к нему лицо. – Подумай, что произошло в последние несколько недель или, может быть, месяцев, что вызвало такое недовольство собой, что ты кромсаешь своё тело.

В его лице промелькнуло понимание, взгляд остановился, обратившись в прошлое.

– Сынка, отпусти вину. Чувство вины – ад, inferнальное дно для души. Что бы ни произошло, воспринимай случившееся, как опыт.

– Мама, я понял. Пойдём. Надо закончить то, что начали.

– Ты иди. Я Стефана поблагодарю.

Стефан наводил порядок, что-то мыл в раковине, на столе стоял мешочек с мусором – использованными расходными материалами.

– Стефан, спасибо!

Он оглянулся и, возвращаясь к своему занятию, сообщил:

– Хабиба, я зашил. На всякий случай вколол антибиотик.

– Спасибо, Стефан!

– Как ты это делаешь?

– Что?

– Макс сказал, ты ладони положила, и боль сразу прошла. – Он закрыл кран, оторвал от рулона бумажное полотенце и, промокая руки, повернулся ко мне. – Кровотечение остановила. Держала бы руки больше времени, то и заживила бы?

Я пожала плечом.

– Не знаю, Стефан. Люблю. Концентрируюсь на месте поражения или боли и люблю. Поток любви через руки направляю.

Слушая, он ласково улыбался. Я смутилась.

– Я пошла, Стефан.

– Подожди, Хабиба. – Он шагнул ко мне и потянул носом воздух. – Дымом костра пахнешь. Платок забери, я выстирал. – Потянулся рукой мне за спину – платок висел на штативе для внутривенных инъекций.

Я взяла из его руки лёгкий шёлк и ещё раз повторила:

– Спасибо, Стефан. Стефан, ты при детях назвал меня Хабиба.

– Прости, Хабиба. Я кое-как удержался, чтобы не обнять тебя.

До сих пор Стефан называл меня так только тогда, когда

мы были вдвоём. Имя, которое в переводе означает «Любимая», он присвоил мне давно, в тот день, когда я по слабости ответила на его поцелуй.

Закончив работу, дети предложили посидеть у костра. Для таких случаев вокруг кострища в живописном беспорядке были расставлены чурбаки.

Это был тот редкий случай, когда и я, и Катя, и Максим никуда не торопились. Костёр уже не коптил, сырые веточки сторели, а в огне потрескивали сухие поленья, принесённые Максом.

Это был тот редкий случай, когда вдруг возникает атмосфера полного доверия, когда становится возможным задать неприятный или интимный вопрос, когда возможны признания в постыдном или сокровенном, когда внезапные паузы не угнетают, а совместное «молчим» только сближает.

Повреждённая рука Макса лежала на моих коленях в окружении моих ладоней. Подбросив полено в костёр и глядя на взлетевшие от удара искры, Максим спросил:

– Мама, человек может быть абсолютно свободным?

– Нет, – ответила я лаконично.

– Почему?

– Потому что абсолютно свободный человек перестанет быть человеком. Человеку свойственны привязанности, человеку свойственно брать на себя обязательства.

– Тогда почему люди говорят о свободе, как о мечте че-

ловечества?

– Потому что люди всю свою историю испытывают внешний диктат – человеком управляют политически, экономически, социально. Люди готовы отдать жизнь за свободу, но вот жить свободными смогут вряд ли...

– Почему?

– Потому что свобода – это право самому отвечать за себя. Полная реализация этого права приведёт к освобождению от обязательств, а, следовательно, к разрушению социальных связей.

– То, с чего мы начали.

– Именно! Сыночка, беда человечества в том, что человек не свободен внутри себя. Будучи подвержен всевозможным страхам и комплексам, человек редко задумывается о свободе внутренней, а между тем, внутреннее рабство неразрывно связано с управлением извне, и связь эта рвётся только в момент смерти человека.

– Значит, человеку суждено быть вечным рабом?

– Человеку суждено быть творцом, Максим, но, чтобы стать творцом, надо избавиться от раба внутри себя, тогда падёт и внешнее рабство.

– А как человеку избавиться от раба внутри себя? – спросила Катя.

– Катюша, я не знаю рецепт. Что я знаю, так это то, что встать на путь освобождения возможно лишь при условии честного разговора с самим собой, знаю, что быть честным с

самим собой невероятно трудно, потому как с самим собой человек либо вовсе не знаком, либо знаком плохо.

– Почему? – спросил Максим.

Одновременно с ним Катя воскликнула:

– Я помню! Ты говорила, что самая страшная ложь – это лгать самому себе.

– Да, детка, это так.

Макс нетерпеливо повторил:

– Почему человек плохо знаком с самим собой?

– Потому что, убегая от страха, такого, например, как страх быть непринятым, человек создаёт маску, которая, как ему кажется, востребована обществом. Незаметно для себя срастается с нею, перестаёт различать, где он, а где маска, и, что уж совсем худо, со временем не признаёт само наличие маски. В итоге – не зная себя самого – человек не знает своих потребностей, играет ненужные ему роли, бежит за навязанными социумом шаблонами, становится управляем и оттого несчастлив. Бесконечное количество масок формирует лживого человека. Человек лжёт самому себе, придумывая оправдания и назначая виновных в своих неудачах.

– Я понял, жить праведно мешает дьявол, быть добрыми не позволяет неблагодарность людей.

– Верно, милый.

– А ты? – спросила Катя. – У тебя тоже есть маски?

– У меня их много, Котёнок.

– Какие?

– Мисс Всезнайка, например. Мне тошно стало, когда я осознала за собой стремление удовлетворять любой вопрос ответом. – Я рассмеялась. – Надеюсь, моё стремление быть самой знающей, вызвало тошноту только у меня. Думаю, есть маски, что я ещё не распознала в себе.

Макс буркнул:

– Я не увидел у тебя никаких масок.

– Спасибо, сынка! Мне приятно! Встретив вашего отца, я, видимо, потеряла потребность в масках.

– Почему? – спросила Катя.

– С папой чувствуешь себя в безопасности. А ещё я обнаружила, что когда любишь, перестаёшь зависеть от оценок людей. Обладая сокровищем, не ценишь мишуру!

– А я хочу нравиться!

– Ничего плохого в желании нравиться нет, Катюша. Плохо подстраиваться под критерии людей, чтобы понравиться.

– Всем не угодить? – засмеялась Катя.

– И это тоже. Но важнее – не потерять себя.

– А у меня есть маски?

– Не знаю, Максим. Твои выдержка и спокойствие – это ты сам, или всего лишь образ, который ты демонстрируешь миру?

Макс не ответил, умолкла и Катя. Уйдя в свои мысли, они глядели на раскалённые угли угасшего костра.

– Совсем без масок современный человек не сможет выжить, – тихо проговорила я, – шокировать «естественно-

стью» небезопасно, социум требует общепринятого поведения. И как это не горестно признавать, первые маски человек формирует в детстве, при общении с родителями.

Макс бегло взглянул на меня и вновь уставился на костёр, а Катя в нежном порыве прижалась ко мне и обняла обеими руками.

– Что ты, детка?

– Люблю тебя, мамочка!

– О, Катюша, благодарю! – преисполненная ответной нежностью, я взяла руку Кати и поцеловала ладошку. – Любимая, ласковая моя, девочка!

– Мама, почему ты благодаришь за любовь?

– Потому что любовь – это духовный подвиг человека, потому что, любя, человек добровольно жертвует своей свободой...

– Жертвует свободой?.. Зачем тогда любить?

– Только любя, человек обретает могущество творца.

Максим помотал головой из стороны в сторону.

– Ты прежде сказала, что, избавившись от раба внутри себя, человек станет творцом, а теперь говоришь, что когда человек любит, то он жертвует свободой и при этом становится творцом.

– Любовь добровольна, сынок... раб подневолен.

– Я понял... – Максим помолчал и вновь отрицательно качнул головой, – нет... подожди, всё равно не понятно...

– Любящий землю добровольно отдаётся служению, воз-

дельвает землю и творит сады; подневольный раб использует землю – работающий на выгоду, он рано или поздно делает из земли пустыню. В этой разнице и смысл, и результат любого деяния человека.

– Мне надо подумать, мама. – Максим вынул из моих ладоней пораненную руку и поднялся на ноги. – Пойду ещё дров принесу.

Он ушёл, а Катя тихонько запела:

Всё отболит, и мудрый говорит:
Каждый костёр когда-то догорит,
Ветер золу развеет без следа...

Катя пела песню из репертуара самой известной рок-группы СССР, песню, как нельзя кстати подходившую к нашему разговору:

Но до тех пор, пока огонь горит,
Каждый его по-своему хранит:
Если беда и если холода,
Раз ночь длинна, жгут едва-едва
И берегут и силы, и дрова.
Зря не шумят и не портят лес.
Но иногда найдётся вдруг чудак,
Этот чудак всё сделает не так,
И его костёр взовьётся до небес!

Во время припева вернулся Максим и подхватил:

Ещё не всё дорешено, ещё не всё разрешено,
Ещё не все погасли краски дня,
Ещё не жаль огня, и Бог хранит меня.

Бросив поленья рядом со своим чурбаком, Максим сел на него и принялся отбивать здоровой ладонью ритм на коленке.

Тот был умней, кто свой огонь сберёг,
Он обогреть других уже не мог,
Но без потерь дожил до тёплых дней.
А ты был не прав, ты всё спалил за час,
И через час большой огонь угас,
Но в этот час стало всем теплей.*

Допев песню до конца, детки вернулись к первому куплету и уже вдвоём исполнили песню более чем полувековой давности во второй раз. Я захлопала в ладоши. Максим положил два полена на угли и вернулся к прерванному разговору:

– Я, кажется, понял, что ты имеешь в виду. Любовь высвобождает из нас раба и открывает творца. Так, мама?
– Да, сынку. А человек-творец становится подобным Богу.

– Мама, кроме создания в себе масок... ты врешь? – спросил Макс, открыто взглянув мне в лицо.

Катя замерла и превратилась в одно сплошное ухо.

– Вру.

– Зачем?

Я пожала плечом.

– По разным причинам. Чтобы кого-то не подвести, чтобы прикрыть чью-то оплошность, чтобы сделать приятное человеку, чтобы успокоить... да всего не перечислишь, сынок.

– А чтобы прикрыть свою оплошность, ты лгала?

Я медленно покачала головой.

– Я стараюсь нести ответственность и за свои решения, и за свои действия. Хотя... да, лгала, точнее, я умолчала... сознательно умолчала.

– Что ты имеешь в виду?

– Однажды под влиянием чувств, я совершила и дурацкий, и дурной поступок. Человек, для которого мой проступок имеет значение, не знает о нём, и я тоже молчу.

– Но так все делают, мама!

– Не знаю, Катя, все так делают или не все. Знаю, что поступая так, я в первую очередь наношу вред себе. Мы говорили о внутреннем рабстве, так вот, одним дурацким проступком я надела на себя оковы и вины, и страха разоблачения.

– Так что получается, надо во всём признаваться, что ли? – Катя нервно хихикнула.

Я отрицательно покачала головой.

– Иногда признанием можно навредить больше, чем умолчанием. Надо не совершать поступков, в которых ты не хочешь быть разоблачённой. Или, по крайней мере, стараться не совершать их. Лгущий человек,неважно, лгущий себе или другим, лгущий поневоле или в удовольствие, лгущий вербально или молчаливо, сам взращивает в себе раба. Мы живём во времена перемен. Вместе с изменениями уклада жизни пересматриваются многие ценности и некоторые выбрасываются на свалку. Я никогда не приму того, что публичная известность – это главная добродетель человека, выгода – альтернатива совести, а ложь и клевета всего лишь маркетинговый ход. Страшно, что форма стала важнее содержания. Страшно, что ложь потеряла свою суть – упакованная в красивые лозунги, стала всего лишь формой.

– А если этот человек станет подозревать о твоём проступке, ты признаешься?

– Не знаю. Я ведь разоблачения боюсь не из-за себя, а из-за него.

Мои детки умолкли. Я увидела Стефана – далеко обходя нас, чтобы не помешать, он шёл на конюшню. Наступило время вечернего кормления лошадей.

– Скоро папа приедет. Накрывай угли, Макс.

– Мама, а мы завтра сразу с утра поедем?

– Да, детка, папа сказал сразу после завтрака.

Игнат зазывал обещанием приготовить рыбу «по-дедов-

ски», и мы ещё в начале недели условились, что в субботу все вместе поедem проведать бабу Тоню и малышей. А Макс и Катя хотели пройти озеро на весельной лодке.

– Братка, только, чур, я тоже гребу!

– Озеро большое, сестрёнка, хватит, где грести и тебе, и мне, и нам вместе. – Макс аккуратно, чтобы не взметнуть золу, опустил металлический купол на угли. – Папа предложил на одном из островков костёр развести и картошку испечь. Хочешь?

– Хочу! Мама, а ты с нами поплывёшь?

– Не уверена, Катюша.

Обнявшись, я и Катя пошли к дому, и я проворчала:

– Волосы дымом пропахли, придётся голову мыть.

– Ты опять с бабой Тоней в доме запрёшься?

Я пожалала плечом. «Мне надо растормошить Татьяну. Надо! Со смерти Глеба минуло три года, пора ей возвращаться в жизнь».

– Мама, а секс приятный?

– Если любишь партнёра – да, если не любишь – не всегда приятный и часто неприятный.

Удовлетворившись ответом, Катя больше ни о чём не спросила, мы молча вошли в дом, поднялись на второй этаж и разошлись по своим комнатам.

После ужина, вместо обычного уединения с отцом, Катя решила продолжить вечер откровений и напросилась на раз-

говор со мной.

– Пойдём в лекторий, – взяв за плечи, сориентировала она меня.

– Хочешь посекретничать?

– Если получится.

Я хохотнула.

– Хорошенькое начало!

Мы сели на диван друг против друга, обе перед тем разулись, и обе подогнули ноги под себя. Катя начала сразу, без предисловий:

– Расскажи про секс.

– Катя, тема обширная...

Катя торопливо прервала:

– Я знаю про гормоны, эрекцию, дефлорацию... что там ещё? Коитус, оргазм. Я читала и фильмы смотрела. В сети этого полно.

– Тогда я затрудняюсь...

– Мама, мне не нужна теория... расскажи про ощущения...

– Про ощущения я не могу.

– Почему?

– Потому что ощущения, это тема двоих – его и её. Ну, может быть, врача, если ощущения не хороши. – Я помолчала. – Катюша, будет проще, если мы обрисуем круг твоего интереса... или если ты задашь вопросы...

Катя долго молчала, разглядывая свои пальчики. Реши-

лась:

– Хорошо! – Вскочила и бросилась к выключателю, потушила свет, вернулась на диван и затихла.

Я ждала. Запинаясь на каждом слове, Катя стала говорить:

– Мы играли на вечеринке... потом на перерыве... он целовал и... рукой...

Моё сердце остановилось... и сорвалось в галоп, нагоняя жар во всё тело. Я покрылась липким потом и запаниковала: «Катка!.. О, Господи!.. Детка!.. Тринадцать лет!..»

– ...грудь и... там... ну, ласкал... Я хотела... вначале, а потом неприятно стало. ... Он меня душой психованной называл.

– А что тебе стало неприятно? – стараясь сохранить спокойствие в голосе, спросила я.

– Да всё, мама! Рот слюнявый... какой-то кислый...

Я легонько и длинно выдохнула.

– ...дышит так, будто пять километров проскакал... и не он на коне, а конь на нём, взмок весь... пахнет...

Я разразилась хохотом. Катя сначала умолкла, а потом присоединилась ко мне, коротко похохатывая и перемежая смех словами:

– Мама... я серьёзно... ну, чего ты смеёшься... правда, плохо пахнет...

Смех снял напряжение и унёс с собой страх. Едва успокоившись, я поинтересовалась:

– А почему дура психованная?

– Он... он сделал вид, что не слышит, ну... я его нокаутировала.

Я вновь зашлась в пароксизме смеха – потеряв возможности вздохнуть, и задыхаясь, я ещё и заливалась слезами.

– Ой, детка, – наконец, простонала я, – давно я так не смеялась. Оох! – Я глубоко вздохнула, возвращая в кровь кислород, отёрла глаза руками и подтвердила: – Катька, человеческие тела довольно неприятны с их запахами и выделениями.

– А как тогда... терпят, что ли?

– Любят, Катя. Тело любимого пахнет приятно. Запах вызывает желание. Вкус языка сводит с ума. Пот самое вкусное, что может быть.

Катя умолкла, размышляя, и согласилась:

– Я люблю, как папа пахнет. И дед. И Стефана запах мне тоже нравится.

– Это родные для тебя запахи, ты в их окружении росла. Это запахи уюта, безопасности. Запах любимого будет означать не только защиту, но и страсть, и нежность. Мальчик – ударник из группы?

– Откуда ты знаешь?

– Он с тебя глаз не сводит. А Макс где был?

– Мама, ну при чём здесь Макс? – Катя нащупала в темноте мои колени и легла на них головой. – Мы пошли отдыхать, а Макс остался на сцене импровизировать.

Мои дети играют в школьной джаз-группе. В этот год они

оба кончают и общеобразовательную школу, и музыкальную. Оба талантливы, и оба категорически отказались продолжать музыкальное образование. Максим хороший пианист, владеет аккордеоном, сам пишет музыку. Катя любит скрипку и гитару. Оба, когда устают или сердятся, отправляются в музыкальный салон, оснащённый надёжной звукоизоляцией, где Максим сгоняет стресс на барабанной установке, а Катя на ритм-гитаре.

«Маленькая моя девочка, – с нежностью думала я, поглаживая Катю по волосам, – мальчик «плохо пахнет»... Что из того, что моя девочка уже зачислена на первый курс университета? Написала девочка статью «Джотто, как основоположник европейской живописи. Взгляд из нашего времени», статью напечатали на серьёзном английском on-line ресурсе, а следом поступили приглашения на собеседование сразу от двух университетов. Умная девочка. Знающая. И пока ещё маленькая».

– Мокрые рты я тоже не люблю, – нарушила я молчание. – А раз не люблю, то и поцелуй невозможен.

Катя будто не услышала моих слов и лениво протянула:

– Макс у нас совершенство. Я и поделиться чем-то с ним боюсь, так ему всё в жизни понятно и ясно.

– Макс, как папа, спокоен и уравновешен.

– Макс, не как папа, Макс, как ты. С папой легко и просто.

Я онемела на миг, потом неуверенно уточнила:

– Тебе со мной трудно, детка?

– ...

– Катя!

– Нет. ... Но чтобы поговорить, я не сразу решаюсь... ты правильно про себя сказала – на каждый вопрос, ты знаешь ответ. Только это не маска.

– Детка, я слишком...

– А как у тебя в первый раз было, тоже неприятно? – с преувеличенным энтузиазмом спросила Катя, прерывая меня и уводя от темы.

Я хотела получить объяснение её словам, хотела спросить: «Я слишком требовательна, несправедлива, или легка на суд?» Нельзя же быть недовольным только за то, что человек имеет ясный взгляд на жизнь!

– Ты же говорила, что никого, кроме папы, не любила, – продолжала Катя.

И я решила не настаивать, не принуждать дочь к разговору о себе и о ней. А, может, тема эта меня пугала, и я просто струсила?

– Тогда я и папу не любила. Я тогда думала, что самой любить не обязательно, главное, чтобы меня любили. А неприятно было. Не так тотально неприятно, как ты рассказываешь, а некоторые... отдельные вещи были неприятны.

– И ты всё равно вышла за него замуж?

– Да.

– А девственность – это важно?

– Для кого-то – да, для кого-то – нет.

– А ты бы хотела, чтобы папа был у тебя первым?

– Не знаю, Катя. И да, и нет. Да, потому что с папой я по-настоящему уд... счастлива, а предыдущий опыт привёл к некоторым искажениям, а нет, потому что не хочу отказываться ни от одной части своей жизни, какой бы она ни была.

– Даже если жизнь была несчастливой?

– Несчастье иногда ходит рука об руку со счастьем.

– Ты Настю имеешь в виду?

– Да.

Катя глубоко вздохнула, погладила меня по коленке, словно принесла извинения за болезненные напоминания, и задавала следующий вопрос:

– Мама, ты собак вспоминаешь?

– Да. Забываюсь иногда... из машины выхожу и ищу глазами, куда пёсики подевались. ... Плохо без собак, Катя. Пусто.

– Мама! – возмутилась Катя и приподняла голову. – Ну как ты можешь? Разве можно заменить Лорда? А Графа? Взять других, значит, предать... я никогда не соглашусь на других собак!

Я не стала спорить, просто продолжала гладить её по голове.

Псы умерли в прошлом году. Серёжа сам, никому не позволяя помогать, копал для них могилы. Вначале одну, через три дня другую.

Первым умер Граф, умер тихо, поздним утром, когда де-

ти уже уехали в школу, лизнул мои пальцы, вздохнул и словно уснул. Лорд отказался от еды и, оплакивая брата, то жалобно скулил, то тихонько выл. Макс хмурился, изо всех сил подавляя слёзы. Катя плакала, капая слезами на морду пса, уверяла его в своей любви, ласково уговаривала не грустить и съесть вкусненькое, но пёс только виновато утыкался носом в её ладошку и вздыхал. Все три дня дети от него не отходили. А, спустя три дня, Серёжа копал вторую могилу. Пёсики сами выбрали место упокоения – отказываясь идти в дом, умирали в беседке под липой. Под липой Серёжа их и похоронил...

– Расскажи про вашу свадьбу, – неожиданно попросила Катя.

– Катька, я же рассказывала!

– Расскажи то, что не рассказывала.

– Я всё рассказывала.

– Тогда просто расскажи.

Я рассмеялась.

– Твой папа прав! История семьи начинается со свадьбы папы и мамы. С самого начала?

Катя кивнула.

Из Алма-Аты мы прилетели накануне свадьбы. Серёжа, я, Паша и мама. В аэропорту мы разделились – мама и Паша уехали в усадьбу, а меня Серёжа привёз в квартиру.

– Маленькая, мы встретимся завтра на бракосочетании, –

сообщил он в лифте.

– Что? – не поняла я.

– В ЗАГС тебя будет сопровождать граф, он утром за тобой заедет.

Я потрясла головой.

– Подожди, Серёжа! О чём ты? Почему я должна ночевать здесь одна?

– Я хочу завтра перенести тебя – свою законную жену, через порог нашего дома.

– А досрочно нельзя? Перенеси меня через порог сегодня, ты же уже взял меня в жёны! Или останься здесь со мной...

Он пресёк мои возражения поцелуем. До самой двери в квартиру мы целовались, и я смирилась.

Ночевать одной мне не пришлось. В квартире нас встретила Даша.

– Ой, Лида, какая ты чёрная! – вместо «Здрасьте!» воскликнула она, как только я переступила порог.

– Здравствуй, Даша! Рада тебя видеть!

– Здравствуй, Лида, – механически поздоровалась она, продолжая рассматривать меня. – И похудела... платье такое красивое, а ты...

– Какое платье?

– Как какое? – И Даша непонимающе посмотрела на Серёжу. – Свадебное.

– Свадебное? – Я тоже посмотрела на Серёжу. – А у меня есть свадебное платье? Откуда?

Лукаво поблёскивая глазами, Серёжа молчал.

– Таак. Значит, свадебное! Что и фату на меня нацепишь?

Нахмутив брови, он энергично помотал головой.

– Уже легче! Серёжка, так у нас бракосочетание или самая что ни на есть традиционная свадьба?

– Свадьба, Маленькая.

– Боже! Мы что, ещё и свадебным кортежем по памятным местам города попрёмся? Ооо, а потом под крики «Горько!» целоваться будем?

На каждое моё предположение он, как болванчик, радостно кивал.

– Неет! – простонала я, возводя глаза к потолку. – Хочу обратно на свою дачу! Даша, я надеюсь, платье без кринолина?

– Лида, платье очень красивое. Атласное, с кружевом, на подложке из тафты.

Я вновь взглянула на Серёжу и спросила:

– Мишель?

Серёжа опять кивнул и заключил меня в объятия. Я прошептала:

– Я думала, мы просто распишемся...

– Завтра мы начинаем историю нашей семьи. История семьи должна начинаться со свадьбы.

– А что было до сих пор, забудем? Расставаться с тобой не хочу.

– Маленькая, только на сутки... теперь мы вместе. Навсе-

гда, Девочка.

И Серёжа ушёл.

– Про платье тоже рассказывать?

– Да.

– «Даша, показывай платье!» – повелела я горничной.

– Мама! – укоризненно остановила меня Катя.

– Уж, и помечтать не дашь! Ну...

Пока мы шептались с Серёжей, Даша тактично ушла на кухню, я позвала её, и мы поднялись в спальню. Даша подошла к безголовому манекену и стащила с него чехол.

Я ахнула – белый шёлковый атлас платья был словно подсвечен изнутри. Этот едва уловимый намёк на розовое свечение создавала подложка из красной тафты. Кринолина, к счастью, не было – жёсткий корсаж переходил в мягкую драпировку юбки. Книзу юбка расширялась. Глубокое декольте было прикрыто кружевом ручной работы. Длинные, с петлёй-захватом на средний палец, рукава были выполнены из того же кружева.

– Видишь, какое! – шёпотом похвалила Даша. – А ты...

– А я, хочешь сказать, не соответствую этой красоте? – пробурчала я, приподняла подол платья и отпустила, прислушиваясь к шороху тафты.

Даша открыла обувную коробку, стоявшую на прикроватной тумбе, и я ахнула во второй раз. Туфли были выполнены

из того же белого атласа, что и платье. Задника у туфель не было. Вокруг пятки пересекались две узкие ленты и уходили на щиколотку, ещё раз пересекались, а потом завязывались на маленький бантик.

– Смотри, – отвлекая меня от туфель, благоговейно прошептала Даша, протягивая открытый футляр. – Это брильянт?

В футляре лежало кольцо – цепочка из завитушек шириной около семи-восьми миллиметров, завитушки шли от краёв цепочки к центру, где охватывали с двух сторон камень розового цвета. Камень размерами выступал за края цепочки. И да, это был бриллиант – овальной формы, слабо розового цвета, каратов в десять.

– Лида, и вот! – Даша подала мне маленькую корону. – Смотри, сколько брильянтов!

Украшение было не венцом вокруг головы, а скорее обрамлением для высокой причёски. Состоящая из тех же завитушек, что и кольцо, корона сверкала мелкими бриллиантами в точках пересечения завитушек.

Ошеломлённая всем этим великолепием, я почувствовала себя дурнушкой и бессильно опустилась на кровать. А тут ещё Даша принялась распекать:

– Не знаю, как и в порядок тебя приводить. Руки чёрные, как у колхозницы. Ты бы ещё цыпки развела! Кожу высушила, того и гляди шелушиться начнёт. И волосы... рыжие какие-то... от солнца сгорели, что ли? Зачем ты так загораешь?

От солнца кожа стареет...

– Расскажи, что нового произошло, – прервала я её, только чтобы не слышать её причитаний.

– Да что произошло? Много чего. Дом Сергей Михалыч закончил. Этот дизайнер – Вадим... так он, мне кажется, жил у нас.

– Вадим?

– Ага! Марь Васильевна его кривоносим зовёт. Ну, он и придумывал интерьер. Скромно всё как-то... Знаешь, – оживилась Даша, – он к Эльзе клинья подбивал... ну, Вадим этот. Да не сладилось у них. – Она засмеялась. – Марь Васильевна говорит: «Вадим кости немки пощупал и передумал». А мне кажется, это Эльза ему от ворот поворот дала. Что ещё? Шатёр новый поставили, тот, который для лошадей ставили, его давно убрали, когда лошадок на конюшню переселили, а этот красивый такой, как из сказки...

– А зачем новый шатёр?

– Ну как? – Даша растерянно умолкла. – Вас же в нём поздравлять будут, там столы для праздничного обеда...

– Ясно. Что ещё нового?

– Да ничего больше, все хлопочут. Стефан на тебя сильно сердится.

– Почему?

– Из-за лошадок. Скучают лошади, застаиваются, а он нянькается. Стефан же большой, на них скакать не может, так он на Грома садится, а двух других гоняет за собой. А

ты почему уехала?

– Уехала. – Я сделала паузу и спросила: – У тебя как со Стефаном?

Даша не покраснела, Даша вспыхнула – лицо, шея, грудь в вырезе платья, Даша вся разгорелась румянцем. Я поняла – у Даши со Стефаном хорошо, у них отношения...

– А тебе понравилось? ... Мама! – окликнула Катя.

Конечно, про Дашу и Стефана, да и про кости немки, я Кате не рассказывала; погрузившись в воспоминания, я вспоминала всё это про себя.

– Что? – переспросила я.

– Понравилось, как Вадим этот дом сделал?

– Конечно, Катя! Ты не помнишь старый дом?

Лёжа щекой на моей согнутой в коленке ноге, Катя качнула головой.

– С домом я знакомилась, когда мы из путешествия вернулись. В день свадьбы я не видела ничего – на папу смотрела. Он меня на руки взял от ворот самых. Нёс по дорожке, усыпанной лепестками роз.

– Маша рассказывала, лепестки высохли потом и по всей усадьбе разлетелись.

– Гостиная тоже вся была уставлена цветами. Знаешь, какой вальс папа выбрал для нашего первого вальса?

– Да. Он долго думал, хотел «Вальс цветов», а потом выбрал «Граммфон» Доги.

– Да. «Розовый вальс любви». Оркестр начал играть, как только папа со мной на руках переступил порог дома. В старом доме у нас не было холла.

Весь день меня не покидало ощущение сказки.

Глаза Серёжи – искристые, ласковые, захватили в сладостный плен ровно в тот миг, как Андрэ подвёл меня к нему во Дворце Бракосочетания, и больше не отпускали. Я, и правда, плохо помню события того дня – мы много целовались, много танцевали.

Помню, как Серёжа показывал мне усадьбу. Я сидела верхом на Красавице в дамском седле, приобретённом специально для этого случая, а Серёжа вёл Красавицу под уздцы. Я больше смотрела на него, чем вокруг.

Помню, как мы сбежали из-за стола в дом, и Серёжа привёл меня в конец коридора второго этажа, подхватил на руки и, перенося через порог, воскликнул:

– Лидка, ты жена моя!

Я засмеялась, и у него изменился взгляд... он был особенно нежен, будто это был наш первый секс.

А потом он показал мне...

– Мама, ты почему опять замолчала?

– Вспоминаю, как папа показал мне детскую. Понимаешь, Катька, переделывая дом, папа предусмотрел детскую комнату! Комнату для тебя и Макса!

Приводя себя в порядок, я отчего-то начала волноваться. Одеваясь, Серёжа искоса поглядывал на меня и молчал. Мы вышли из спальни, он достал из кармана ключ и открыл дверь в комнату напротив. Ярко освещённая солнцем комната была пуста, и только оформление стен вполне однозначно говорило об её назначении.

– Мебель пока не стал покупать, – тихо вымолвил он за моей спиной.

– Серёжа... я... – пролепетала я, резко повернувшись к нему, – милый, – и заплакала, – Серёжка, как же я люблю тебя... детская... ты веришь...

– Маленькая, я знаю...

– Катюша, большего подарка в своей жизни я не получила...

– Ты плачешь?

– Угу.

– Мамочка! – Катя порывисто приподнялась и обняла меня.

– Нет у меня слов, детка, чтобы рассказать, что я чувствовала в тот момент... Счастье вы наше! Наши детки. Самое большое счастье, какое только может быть. Девочка моя! – Я покрыла поцелуями её головку и лицо и прижала к себе. – Моя девочка. Моя свершившаяся мечта. Ты и Макс. Потом папа закрыл комнату, и она всегда была закрыта на ключ. Домочадцы узнали о детской тогда, когда пришла пора за-

ставлять её мебелью.

– Деда говорит, что ты самая красивая невеста из всех, кого он видел.

– Нуу, с этим можно поспорить, – рассмеявшись, не согласилась я. – Даша так не считала! Ты же видела видеофильм, и сама можешь судить.

– Красивая.

– А дед, видела, какой красивый? А папа? Бог!

– Я смотрю фильм, чтобы ещё на бабушку посмотреть. – Катя вздохнула. – Я её совсем не помню. Ты на неё не похожа.

– Помнишь на плёнке наш совместный вальс – я в паре с дедом, а бабушка в паре с папой? Маша сказала, мы очень трогательно смотрелись.

– Маша говорила: так красиво было, что она плакала, – поправила Катя.

«Плакала? Может быть! Я не видела её слёз, но после свадьбы Маша стала звать меня Маленькой и перешла на «ты».

– А потом с бабушкой танцевал деда.

– Да. И они тоже хорошо смотрелись.

Андрэ был учтив и столь терпелив и предупредителен с мамой, что к концу свадебного дня она забыла, что «этот новоявленный родственник, ей никакой не родственник», как упрямо твердила она в самолёте, когда мы летели в Москву. Мама стала называть Андрэ Андрей Андреевич, а не граф Андрэ, как звали его все, и не кривилась, когда он, говоря с

ней обо мне, называл меня Её Сиятельство *наша* дочь. И в этом тоже была сказка.

– Пойдём? – качнула я Катю. – Нас с тобой, наверное, уже потеряли.

– Ты не похожа на бабушку, а я не похожа на тебя. И Настя на тебя тоже не похожа.

– Катюша, я так рада, что ты похожа на папу!

Катя высвободилась из моих объятий, помолчала и согласилась:

– Я тоже рада. Пойдём. – Она поднялась и пошла к двери. Впустив в тёмную комнату луч света из гостиной, остановилась и, не оглядываясь, сказала: – В тот день я знала... чувствовала... и не хотела уезжать из дома, но ты отправила нас в школу, и мы с Максом не простились с Графом. Катя вышла и, закрыв за собой дверь, оставила меня в темноте.

В тот день...

В тот день Серёжа был дома, назавтра он должен был улететь в Китай по делам, и, как это повелось, день перед отлётом он проводил с семьёй. Катя тоже хотела остаться дома с отцом, но Макс напомнил о важной контрольной работе, и они уехали в школу. Мы с Серёжей были в гостиной, когда пришёл Лорд и, захватив в пасть мою руку, поскуливая, потянул за собой.

– Что случилось, мальчик? – спросила я.

Пёс не вилял хвостом, глядя печальными глазами, настой-

чиво тянул меня к двери.

– Серёжа, пойдём, – почувствовав тревогу, позвала я. – Где Граф, мальчик?

Лорд передвигался медленно, и, когда мы поняли, куда он нас ведёт, мы бросились в беседку. Мне показалось, что Граф обрадовался, увидев нас...

После этого вечера мои отношения с Катей стали стремительно портиться.

Послесловие

– Она порченная! – Ведунья указала на Катю.

– Что ты говоришь? Что значит «порченная»? Она ребёнок! Кто её испортил?

Глядя мне в глаза, она указала грязным пальцем на Серёжу.

– Он.

– Маленькая, что она говорит?

Я не успела ответить, ведунья сама повернулась к Серёже. Некоторое время он внимательно смотрел в её лицо, потом виновато опустил голову.

– Что она сказала, Серёжа? – в свою очередь спросила я.

Старуха ответила сама:

– Он развратил её похотью. Ревность её тоже от него.

– Что?! – взревела я. Катя, Серёжа и похоть никак не могли сосуществовать, и я отмахнулась от невозможного. – Серёжа, не слушай её! Ревность передать нельзя, это личностное несовершенство. Ревность только там, где человек не уверен в своём праве на любовь! – Я вновь повернулась к ведунье. – Что ты имела в виду? Говори! Ты слышишь меня?

– Придёт время, сама всё узнаешь, тебе с его отродья порчу снимать.

– Не смей так говорить о моём ребёнке! – Я выставила ладонь перед ней. – Не смей обвинять моего мужчину!

Она долго смотрела на мою ладошку, потом так же надолго упёрлась взглядом в мои глаза.

– Ты сильная, – наконец, услышала я в голове, – ничего не умеешь, а сильная. Ты можешь вызвать сильный страх в человеке и знаешь об этом.

– Знаю, потому и запретила себе этим пользоваться.

Она засмеялась.

– Глупая ты. Мало знаешь, каша в голове. Оставайся со мной, научись, станешь сильнее меня, много-много сильнее.

– Я избрала путь любви. Мой мужчина рядом со мной, я сумела родить ему детей. В этом моя судьба.

– Все вы сейчас только и говорите, что о любви. Но ты далеко ушла этим путём и его за собой ведёшь. – И поворачиваясь ко мне спиной, прокаркала: – Иди своей дорогой, моей всё равно не минуешь!

**Примечание. Песня из репертуара рок-группы «Машина времени».*

Автор Андрей Макаревич.